# New Review НовыйЖурнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин — 1942 С 1946 по 1959 редактор М. Карпович С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор) Г. Андреев, Л. Ржевский 1976 — 1981 редактор Роман Гуль 1981 — 1983 редакция: Р. Гуль (главный редактор), Е. Магеровский 1984 — 1986 редакция: Р. Гуль (главный редактор), Ю. Кашкаров, Е. Магеровский 1986 — 1990 Редакционная коллегия 1990 — 1994 редактор Юрий Кашкаров 1994 — 2005 редактор Вадим Крейд

Семьдесят шестой год издания

Кн. 289 НЬЮ-ЙОРК 2017

#### Главный редактор Марина Адамович

#### Редакционная коллегия:

Сергей Голлербах, Марина Гарбер, Генрих Иоффе, Елена Краснощекова, Мария Рубинс, Валентина Синкевич, Владимир фон Цуриков

Ответственный секретарь – Рудольф Фурман Редакция – Владимир Гандельсман, Наталья Гастева, Марина Гарбер.

#### The New Review, Inc.:

T.Bobrinskoy; T.Chebotareva; S.Hollerbach; V.Galitzine; G.Glinka; M.Jordan; P.Khlebnikov; V.Kreyd; N.Lobanov-Rostovsky; G.Mesniaeff; A.Nebolsine; A.Neratoff; O.Radish; I.Sikorsky; V.Sinkevich; P.Tcherepnine; V. von Tsurikov; M.Adamovitch.

Обложка художника М. Добужинского

THE NEW REVIEW
№ 289, Декабрь 2017
© 2017 by THE NEW REVIEW

#### Рукописи не возвращаются

Перепечатка материалов «Нового Журнала» без письменного разрешения редакции запрещается. Размещение материалов «Нового Журнала» он–лайн без письменного разрешения редакции запрещается.

Редакция не несет ответственность за содержание публикуемых материалов. Авторы несут ответственность за достоверность приводимых ими фактов и цитат.

THE NEW REVIEW (ISSN 0029–5337) is published quarterly by The New Review, Inc., 611 Broadway, # 902, New York, N.Y. 10012. Periodical postage paid at New York, N.Y. Publication No. 596680. POSTMASTER: send address changes to The New Review, 611 Broadway, # 902, New York, N.Y. 10012

# СОДЕРЖАНИЕ

#### ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

Анатолии Николин – Ночь музея. Повесть	3
ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	
Сергей Захаров – Весна, весна	32
Марина Гарбер – Стихи	
Григорий Стариковский – Стихи	55
Нина Божидарова – О любви. Три рассказа	56
Ираида Легкая – Стихи	64
Хельга Ольшванг – Стихи	65
Вадим Ярмолинец – Страницы семейной истории Смирновских	67
Бахыт Кенжеев – Стихи	72
Алексей Цветков – Стихи	75
Евгений Терновский – Стихи	80
Леопольд Эпштейн – Стихи	82
Виталий Амурский – Стихи	
Александр Радашкевич – На улицы судьбы. Стихи	
Александр Самарцев – Стихи	
Катя Капович – Приглашение на острова. Стихи	97
воспоминания. документы	
Встреча двух эмиграций. Переписка В. Маркова и М. Карповича (Публ. – Ж. Шерон)	100
Марк Уральский – Устами Алдановых	144
Джордж Ф. Кеннан – Америка и русское будущее	
(НЖ, № 26, 1951)	191
М. Карпович – Комментарии (НЖ, № 26, 1951)	211
НОВЫЙ ЖУРНАЛ КАК ЗЕРКАЛО ЭМИГРАЦИИ по материалам конференции	
Стэнли Рабиновиц – Вклад ТП. Витни в культуру эмиграции	
100 ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ – 100 ЛЕТ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	
Уроки Истории. Круглый стол	235

#### КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА

Т. В. Гордиенко – Педагогический опыт Л. Д. Ржевского	286
Валентина Синкевич – Николай Моршен. 1917–2001	297
Ольга Матич – Необарочная «Палисандрия» Саши Соколова:	
время, альтернативная история, память	306
Адриан Ваннер – Поэзия перемещения	
пориан Ваннер позыя перемещеныя	510
КНИГА И СУДЬБА	
Елизавета П. Глинка – Doctor-liza.livejournal.com	334
Геннадий Кацов – «Но двух песчинок не хватало».	JJ-1
Поэт Д. Бобышев	372
11031 Д. Боовішев	312
СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ	
Майя Сёмина – Неизвестный портрет Марии Цетлин	387
<b>ВИФАРТОИЦАНА</b>	
Марина Тёмкина — Ираида Легкая. Невидимые нити; Валент Синкевич — 100 лет русской зарубежной поэзии. Антоло	гия;
<b>Владимир Гандельсман</b> – Татьяна Вольтская. В легком огне; <b>П</b>	
<b>Базанов</b> – Шмелев А. В. Внешняя политика правительства адмир	
Колчака (1918–1919 гг.); <i>Виктор Леонидов</i> – Н. М. Бубнов. Ск.	
череду потерь. Воспоминания	395
ОБ АВТОРАХ	414
UD ADIUPAA	414

# ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ИМЕНИ МАРКА АЛДАНОВА

#### Анатолий Николин

## Ночь музея

В сумерках он приезжает на железнодорожный вокзал. Машинально, как и все, что он проделывает по приезде в Симферополь, пьет кофе, обсуждает проблемы с деловыми партнерами, посещает туалет, курит. Вот уже многие годы. Рефлекторно и бессознательно. Между завершением дел и дорогой на вокзал наведывается в храм Трех Святителей, чтобы отметиться перед отъездом в небесной канцелярии. Подтвердить окончание командировки и выписать обязательную, как утренняя чистка зубов, путевку домой. На всякий случай. Чтобы в дороге не случилось что-нибудь непредвиденное — он терпеть не может неожиданностей.

А на русских железных дорогах случается всякое — поломки, аварии, опоздания, катастрофы. Все, что не укладывается в представление о деловых поездках, — размеренных, с заранее спланированным результатом. Изменений и перемен он боится больше всего. Они его раздражают, заставляют напрягать воображение. Игру памяти и воображения он ненавидит, как евреи палестинцев и наоборот. Собственно говоря, как все ненавидят всех из любви к осмысленности и порядку.

Ежедневные планы у него просты, проще не бывает. И безобидны: выполнить дневную работу, пообедать, заказать такси на вокзал и устроиться на нижней полке купейного вагона. Неприхотливость желаний его радует. И похожи его желания и надежды, как две капли воды, на день вчерашний и позавчерашний. Завтрашний и, вероятно, послезавтрашний. Кажется, с самого рождения он занимается одним и тем же: привозит для крупных магазинов и торговых центров Крыма, с которыми у фирмы договор на поставку, образцы новой продукции. Фирма — шведская, не подверженная кризисным спадам, и новые поступления регулярны, как и его привычки. То ли он — клон шведской фирмы, то ли фирма, проникшись безмерным уважением к скромному, аккуратному коммивояжеру, следует его правилам.

Чаще всего ему приходится бывать в Симферополе – с первого дня работы в «Group amalgam» он курирует южное направление. Приезжает он утром, в шесть тридцать. Завтракает в привокзальном патио. Хмуро восседает за столиком круглосуточно открытого кафе и,

толком еще не пробудившись, хмуро созерцает низкорослые туи – они густы и зелены в любое время года. Поодаль журчит фонтан – летом от фонтана приятно тянет прохладой.

Сокрушенно вздохнув – ему не чужды лирические сожаления, – он запивает на скорую руку приготовленным кофе вчерашние булочки – свежие в кафе еще не завезли. Но даже эта, не самая приятная подробность утренних завтраков, его радует. Как свидетельство неизменности, а значит, и бесконечности жизни...

С последним глотком кофе приходит долгожданное удовлетворение. Его не в силах поколебать даже возможно непростые переговоры с местными менеджерами. Эти люди не доверяют никому и ничему. Из-за их подозрительности и осторожности он уже заработал за ноябрь два минуса, в Севастополе и Ялте. Шеф ведет картотеку на каждого сотрудника. За два минуса — два незаключенных договора на поставку — лишает бонусов. А за три неудачливый коммивояжер получает уведомление об увольнении... Но он старается, как может, и чаще всего у него получается. Если не считать этот месяц — тут пахнет провалом. Но он полагает, что с его опытом и связями еще не все потеряно... Репутацию «Amalgam» в Крыму спасает исключительно его примелькавшаяся, ставшаяся символом стабильности физиономия. Привычка возникать в проеме двери с неизменной улыбкой, сопровождаемой приложением к виску двух пальцев, указательного и среднего, — знак приветствия, присущий только ему.

На вокзале, перед тем, как устроиться в полупустом патио за сыроватым от торопливой тряпицы столиком кафе, он тщательно приводит себя в порядок.

– Доброе утро, – приветливо с ним здоровается в туалетной комнате восседавшая за кассовым аппаратом моложавая старушка с седыми буклями, делавшими ее похожей на молодую овечку. – Как доехали? Все ли у вас благополучно?

Они познакомились, а потом и подружились, пять лет назад. У нее – дело было тоже ранним утром – не нашлось сдачи с его полусотни.

- Что вы!? полувопросительно-полурастроганно проговорила она, беспомощно разводя руками. Где я найду сдачу в такую рань? Только час, как приняла смену! А предшественница ночную выручку уже сдала. Попробуйте разменять, сама не веря в действенность предлагаемой меры, предложила старушка.
- Что вы!? шутливо повторил он ее ламентацию. Где я разменяю на полупустом вокзале? Оставьте. В следующий раз вернете... Приеду как обычно, недели через три.
  - Что вы, вспыхнула от оказанного доверия милая старушка –

в наше время редко встретишь доброго человека. – Вдруг вы передумаете. И не приедете...

- Не беспокойтесь. Я здесь частый гость. Просто раньше вы меня не замечали.
- Так бывает. Видишь человека каждый день, а вспомнить не можешь. Но бывает и наоборот: минуту с ним поговоришь и будешь помнить человека всю жизнь...

Так они и подружились — наш неустанный коммивояжер и старушка-кассир из туалетной комнаты. Вечный странник и престарелая Лорелея. Всякий раз, как его длинная, тощая фигура вырастала в проеме двери, она встречала его радостной улыбкой и слабым кивком головы, свидетельствующим, что в ее и его жизни ничего не изменилось.

От этой простой мысли ему становится легко: новый день, как говаривали в старину, сулил удачу и благоволение богов...

\* \* \*

Умывается он по-утреннему неторопливо. Сначала бреется, бережно обходя безопасной бритвой черные пушистые усики («поцелуй безусого — что еда без соли», — вспоминает он с улыбкой французскую поговорку). В туалетной комнате пусто. Зашел немолодой толстяк с матерчатым чемоданом и, шумно дыша, постоял перед журчащим писсуаром. Заглянул низенький бородатый бомж в обтрепанном пальто и в подвязанных веревочками некогда белых, а теперь черных и грязных кроссовках.

Кудрявая кассирша решительно и быстро вытолкала бомжа вон:

- Нечего совать нос, куда не следует!

И на этом – все. Меланхолично журчит вода в сливных бачках, да изредка до слуха, пока он тщательно и неторопливо скоблит непокорный подбородок, доносится монотонный голос женщины-диктора:

- Граждане пассажиры, на второй путь прибывает скорый поезд «Москва-Севастополь». Нумерация вагонов с головы поезда. Будьте осторожны!

Ополаскивая лицо теплой водой, он с удовлетворением отмечает: в сухом, бездушном объявлении дикторши после короткой и хорошо знакомой музыкальной фразы, как и в самом прибытии поезда, за десять лет тоже ничего не изменилось.

«Да, все так же, как и тогда, в первый раз. – Интересно, вспомнит шеф или нет? – размышлял он, мысленно празднуя маленький юбилей. – Должен вспомнить! Зайцеву в день рождения поздравил от имени фирмы. Никто и не ожидал. Даже вручил ей подарок – путевку в Анталию. А тут десять лет, событие...»

Он, разумеется, постарается отличиться в этой поездке. Чтобы

шеф забыл его минусы и вспомнил про юбилей. Постоянство требует вознаграждения, иначе жизнь не имеет смысла.

И в предвкушении будущего торжества он вышел из здания вокзала. Теперь у него по расписанию кофе...

\* \* \*

По дороге в патио он окинул быстрым, ласковым взглядом гулкое, полукруглое фойе. Тысячу раз виденное за годы прибытий и отбытий, оно знакомо ему до мелочей. Вот газетный киоск — он еще закрыт, но через полчаса появится белокурая девушка-продавец в потертых джинсах и просторной рубахе с надписью «Наталья Орреро». С шумом поднимет пластиковое жалюзи, щелкнет выключателем, и маленькое закрытое помещение озарится теплом и светом. Он непременно купит — часть его всегдашнего ритуала — позавчерашнюю газету «Крымское время» и, не читая, бросит в дорожную сумку. Прочтет газету после, в вагоне обратного поезда, отдельной частью сознания припоминая приятный, результативный день.

Вот длинный, уставленный желтыми лоснящимися лавками и пустой еще — дремлет лишь, положив голову в ладони, вездесущий бомж да толстая тетка с ворохом корзин и корзиночек жует черствый бублик — зал ожидания. В углу крохотная закусочная с несвежими пирожками, водкой и коньяком в розлив. И с чаем, конечно, и с кофе, подаваемыми в пластмассовых стаканчиках.

Но кофе здесь он не пьет — его нужно употреблять за одним из двух высоких и круглых мраморных столов на гнутых металлических ножках, а он любит завтракать сидя. Чтобы журчал восточный фонтан и зеленели туи — вечнозеленые и неподвижные, как памятники на татарском кладбище...

...И то же было раннее осеннее время на вокзальных часах – начало восьмого, – что и год, и два, и три года назад; тот же объявили по радио знакомый второй путь, на который неторопливо втягивался московский экспресс, – он слышит его тяжелое дыхание, лязг и грохот буферов. То же тысячу раз слышанное бульканье позывного перед каждым объявлением дежурного по вокзалу... Под мягкие, ностальгические переливы он раздевается до пояса, пристально разглядывает себя в зеркале: нет, за прошедшую ночь (как и за истекшие годы) в его облике ничего не изменилось: тот же моложавый, саркастично улыбающийся мужчина, – кроме, разве, легкой припухлости под глазами. А в остальном – все, как обычно, стабильно и предсказуемо.

А потом под те же звуки, виды и ощущения – нет, в самом деле, прекрасная вещь постоянство! – он покидает постепенно наполняющееся угрюмым, полусонным людом фойе, выходит в патио, усажи-

вается за влажный, по-осеннему холодный столик открытого кафе... Если закрыть глаза, как будто переносишься на пять или десять лет назад. Или на такое же количество невидимого, неосязаемого времени вперед, и от мысли, что он так легко и привычно управляет потоком времени, на губах брезжит усмешка — признак добытого в неустанных трудах личного бессмертия...

«Еще вчера, – с самодовольной улыбкой подумал он, – субъект, который попивает сейчас скверный вокзальный кофе, повязывал вечером, в прихожей квартиры, шелковый галстук и причесывал закудрявившиеся («пора в парикмахерскую!», – машинально отметил он) волосы возле розово-прозрачных ушей. А теперь...» Что такое это «теперь», когда его внешний вид и привычные симферопольские аксессуары подтверждают таинственное пребывание во всем сущем животворящей, непреходящей статики? «Она не может исчезнуть», – снисходительно думает он. Он ведь чувствует себя как рыба в воде среди сонма вещей, предметов, людей, сооружений, самых разных видов транспорта – от тележки носильщика до троллейбусов на запруженной автомобилями привокзальной площади и тяжелых, выкрашенных в зеленую краску локомотивов, с изяществом мастодонтов подкатывающих на предназначенный путь...

С привычным утренним благодушием и ощущением рождающейся на глазах вечности он сосредоточенно бреется. Потом долго и тщательно, с домашним пофыркиваньем, смывает с лица мыльную пену и остатки мелких, сероватых волос. И в завершение бритья и омовения обдает себя пахучим спреем «Summer». Так что все утро нового дня от него приятно пахнет комбинацией спрея и черного кофе — давнего и любимого его обонятельного открытия.

Орошение лица спреем – уже в шумном появлении нового посетителя, маленького, шустрого мужичка в жокейской кепочке, с грязными женскими локонами и с огромной дорожной сумкой «Nike». Тот торопливо – только что с первой электрички – пристроился у вертикального, стерильно чистого писсуара и шумно изверг, сладострастно покрякивая, мощную ниагарскую струю. Его полуголая, благоухающая ароматом спрея персона мужичонку совершенно не заинтересовала. Словно не было его в тесной туалетной комнате, и не был он ее первооткрывателем – поздний осенний рассвет только-только вступал в свои права...

Мужичонка сумку брезгливо оставил висеть на плече, не доверяя чистоте и стерильности помещения, и он почувствовал уколы самолюбия: там, где обитает его персона, не может быть ничего дурного или нечистого. Но, с другой стороны, явное равнодушие к нему бесцеремонного посетителя свидетельствовало о его незаметности,

что, безусловно, хороший признак: никто и никогда не созерцал вечность воочию и не удостоился прикоснуться к ней физически, собственными руками.

\* \* \*

На безразличие «жокея» он ответил олимпийским спокойствием и равнодушием. Хотя и сожалел, что торопливый посетитель не оценил запаха его парфюма. Спрей «Summer» – парфюмерное изделие его фирмы.

Пользоваться продукцией фирмы «Amalgam» каждого сотрудника обязывает поощряемый руководством корпоративный патриотизм. Такое лицемерие (со стороны коллег и управленческого персонала) и насильственное вторжение в его привычки и вкусы ничуть его не обескуражило. Любое проявление обязательности он воспринимает с глубочайшей благодарностью, это у него воспитанное. Опыт жизни в тоталитарной системе на многое заставляет смотреть сквозь пальцы, особенно, если нынешние предрассудки с радостной готовностью копируют давно забытые.

К вышеупомянутому дисциплинирующему фактору примешалась изрядная доля случайности. И давней, полузабытой привычки.

\* \* \*

Спрей «Summer» он облюбовал давно, без всякого участия родной фирмы. В то смутное время, когда он подвизался в техническом лицее преподавателем английского и немецкого языков. По мнению директора, крепкого, энергичного и всегда недовольного положением дел субъекта, каждый преподаватель должен, помимо безупречного знания предмета, «хорошо пахнуть».

Честь изобретения этой идиомы принадлежала, впрочем, не директору, а преподавателю физкультуры Николаю Петровичу Стрепетову. Это был высокий, мощный тридцатилетний атлет с выпяченной обезьяньей челюстью, из которой торчали неровные желтые зубы. Широкая наглая улыбка не сходила с мятого, безбородого лица Стрепетова, а бегающие глазки придавали ему загадочное и плутовское выражение.

Физрук разгуливал по лицею в спортивном костюме и с пятнистым мячом под мышкой. До лицея он профессионально играл в футбол, получил во время матча тяжелую травму, и врачи запретили ему играть. Нерастраченные силы Стрепетов бросил на покорение девушек и женщин — особей разного возраста, степени красоты и нравственных устоев. Любовницы у него были из числа молоденьких преподавательниц. Со временем круг возлюбленных стал расширяться.

Стрепетов плавно переключился с женщин-преподавательниц на девушек-учащихся. Последние его пассии — высокая, белокурая Алиса Станишевская и полненькая брюнетка Катя Сергеева. Стрепетов ему о них рассказал. После одного случая.

– Коллега, – фамильярно приобнял его Стрепетов, когда он внимательно изучал в учительской объявление о профсоюзном собрании.

Стрепетов с мячом направлялся на очередной урок.

- Ты это... Не мучь Катьку английским. Девка она что надо, пожалей, – оскалил он крепкие лошадиные зубы.
- Это для тебя она «что надо», когда нужно проявить характер, его охватывало чувство стыда, и он сдавался не сразу, а для меня лодырь и неуч.
- Ты это... не груби, сбавил тон Стрепетов. Я же так... почеловечески. Тебе что жалко? Может, договоримся? подмигнул он, и его маленькие хитроватые глазки заиграли веселым коррупционным блеском.
  - Расшифруй.
  - Даешь! засмеялся Стрепетов. С меня полагается...
- Ладно. Не нужны мне твои благодарности. Считай спонсорской помощью.
  - Вот это друг!

Стрепетов восторженно хлопнул его по плечу и помчался на свои ристалища.

Удивительно, но сексуальные похождения Стрепетова были окутаны глухим, непроницаемым молчанием. В лицее делали вид, что ничего особенного не происходит. Со Стрепетовым уважительно общались как женщины-преподавательницы, так и мужчины, рядовые и руководящий состав. У всех этот легкий, веселый человек вызывал желание шутить, помогать ему и весело и непринужденно болтать. В Ковалева же коллеги впились, как тарантулы. Взвалили на него не подлежащие прощению грехи. Прошел слух, что он – закодированный алкоголик. На вечеринках, организуемых профгруппой по разным поводам – от Международного женского дня до местных юбилейных дат – он упорно отказывался от спиртного, он его вообще не употреблял, к алкоголю у него стойкое врожденное отвращение. Что резко понижало в преподавательском сообществе его и без того невысокий авторитет.

Потом кто-то пустил сплетню, что он — тайный педофил. В его присутствии молоденькие девушки краснели и обволакивали таким нежным, затуманившимся взглядом, что его брала оторопь. Невозможно вести занятия в таких условиях! — негодовал он. Но внешне продолжал оставаться спокойным, даже равнодушным. Чем

строже и официальнее держишься, тем сильнее девочек распирает от вожделения. Все эти юные соблазнительные самочки в глубине души желали только одного. Трудно было совместить их желания с его обязательством их образовывать и воспитывать. Даже незначительное отклонение от нормы казалось ему деянием не только непозволительным, но и невозможным.

По лицею поползли слухи о его необузданном сексуальном темпераменте. Недоброжелатели – престарелый коллега-«немец», невзлюбивший его за саркастические выпады по поводу слишком коротких брюк, и маленький, лысоватый преподаватель культурологии – поглядывали с нескрываемым отвращением. Как на отпетого извращенца. И делились соображениями о его аморальности.

- Это возмутительно, держать в лицее ущербного человека!
- Да-да, поддакивал культуролог. Его место в психушке!

Он же продолжал делать вид, что ничего не слышит и не видит. Глубокая любовь к постоянству нашептывала ему, что житейские проблемы мимолетны и преходящи. «Поговорят и успокоятся, – утешал он себя. – Подтверждений у них нет. А без фактов человека осудить невозможно.»

Полтора года тянулся за ним шлейф холодивших душу слухов и предположений. А потом... Потом его просто выставили вон.

«Наконец-то, – с облегчением подумал он. – Наконец у них лопнуло терпение.»

— Ты, конечно, не виноват, — поделился своими соображениями председатель профгруппы «химбил» — то есть преподаватель химии и биологии Геннадий Петрович Зелюткин. Это был длинный, вертлявый и нескладный человек, закидывавший лихим движением головы назад русую непокорную челку и заходившийся громким, веселым ржанием. — Ты не виноват. Но лучше тебе уйти. Добровольно. Зачем тебе лишние разговоры? — И заговорщицки подмигнул: — Ты — монополист. Дай другим поживиться.

И, запрокинув голову, залился громким, безудержным смехом.

Самолюбие его было уязвлено. Но исключительно в рамках нелюбви к переменам. Профессиональная же гордость осталась непоколебленной. Ему вообще было неведомо чувство унижения. Факт, который члены его семьи — жена Луиза, полная энергичная женщина, говорившая густым баритоном и пудрившая усики в уголках рта, и двадцатилетний сын Игорь — воспринимали как вызов традиционной иерархии. Он не обижался не только на работе, но и в кругу семьи. Хотя с его стороны имело место и обычное равнодушие — бессмертным на смертных обижаться не положено. Не по статусу...

Родители произвели его на свет отнюдь не красавцем, чем лиши-

ли права на традиционную мораль. Вместо того, чтобы царить, он укрывался в чьей-нибудь тени. Стыдливо уступал место под солнцем первому встречному. Девушек его пассивность раззадоривала, а потом приводила в негодование. Они липли, как мухи на мед, а когда убеждались в его твердокаменности, забывали о нем раз и навсегда. Он удивлялся их жадности, искренней, бесстыдной телесной тяге и испытывал к ним непреодолимое отвращение. Так же, как и к жаждавшим преференций коллегам.

Его положение в лицее было таким противоестественным и постыдным, что он обрадовался, когда его вызвал директор и объявил о желании уволить.

Директор, сорокапятилетний мужчина, отставной полковник артиллерии, держался с большим достоинством.

– Как педагог, вы должны понимать, Юрий Васильевич, – строго и тщательно выговаривая каждый слог, словно инструктировал боевой расчет, заговорил Владимир Александрович. – Распущен-ность преподавателя не красит учебное заведение. Из-за одного... – он поколебался с нужным определением и решительно закончил: – ...из-за одного отщепенца не должен страдать весь коллектив. – А ему послышалось: «наш орденоносный артиллерийский полк». – Будет лучше, если вы покинете лицей, – добавил бывший полковник, не по-офицерски пряча глаза. – По собственному желанию. Зачем вам лишний шум, – зыркнул он.

Полковника ему жаль. Бог знает, какими судьбами этот прямой, как строевой шаг, человек оказался во главе учебного заведения, готовившего будущих инженеров, математиков, биологов, et cetera. Скорее всего, по протекции. Хороший знакомый или подвизавшийся на ниве народного образования родственник предложил ему после выхода в отставку неплохое место. Сеять разумное и вечное с артиллерийским уклоном. Без скидок на невоенный статус учебного заведения...

Слова «разумное» и «вечное», разумеется, он употреблял без кавычек. Потому что порядки в лицее полковник завел настоящие военные. Согласующиеся с требованиями разума и целесообразности и опирающиеся на традиционную, то есть вечную, мораль. Мальчики должны приходить на занятия в костюмах и при галстуках. Девочки — в юбках и платьях, длиной и покроем подпадающих под устаревшую категорию «миди». Дежурные обязаны носить красные повязки — символы власти и общественной справедливости. Они расхаживали по лицею с устрашающим видом, как древнеримские ликторы с топориками и пучками прутьев для порки провинившихся. Или полпотовские красные кхмеры, что на порядок актуальнее.

У входа в лицей особое усердие «кхмеры» демонстрировали в

отношении первокурсников: это были пришельцы из порочного мира общеобразовательной школы; детей проверяли на наличие сигарет и запаха алкоголя. А на выходе трясли на предмет хищения казенного имущества. Перемещения позволялись исключительно строем. Даже в туалет. И тоже под присмотром старших. Игры и беготня категорически воспрещались как занятия, не соотносящиеся с требованиями нравственности.

 Для здоровья детей, – не соглашался полковник с робкими попытками педагогов старой школы отстоять право детей на шалости и забавы, – достаточно уроков физкультуры. Кроме того, – с гордостью напомнил он, – в лицее имеются все условия для всестороннего развития. В том числе и физического: кружки, спортивные секции и занятия по основам военной подготовки...

Неустанными трудами полковника Круглова лицей превратился в нечто среднее между казармой и монастырем. Такое положение было ему по душе, в этом было что-то надежное и успокаивающее. Рождающее тихий оптимизм и чувство личной необходимости, что гораздо важнее чувства свободы; впервые за много лет он почувствовал себя нужным.

Наслаждение устойчивостью и предсказуемостью лицейских порядков продолжалось, впрочем, недолго. Пока безжалостная лицейская машина одной из беспощадных своих шестеренок не коснулась его лично. В связи с так называемым «делом первокурсниц», когда его фактически обвинили в растлении несовершеннолетних. Хоть и бездоказательно. На основе одной лишь «педагогической интуиции», как выразилась невзлюбившая его с первого дня правая рука «Пол Пота», завуч по воспитательной работе Нелли Гарриевна, соломенная вдова.

 Имейте в виду, – с презрительной гримасой закончил осудивший его за безнравственное поведение полковник. – Мы не передаем ваше дело в судебные инстанции, потому что не можем поставить под сомнение репутацию и само существование нашего учебного заведения.

Проще говоря, сообразил он, чтобы избежать выговора и удержаться в директорском кресле. Его же поставили перед дилеммой: добровольно покинуть лицей или подвергнуться унизительному изгнанию.

Уходить из лицея ему совсем не хотелось – ни добровольно, ни принудительно. Он привык к его жестоким, но разумным порядкам, культу пуританской морали, и любое изменение могло повлечь большие несчастья.

Впоследствии он много размышлял на эту тему. Ему казалось, что он неправ и нужно было бороться за торжество справедливости. Но любая форма противодействия вызывала у него отвращение. А

чувство совершенной несправедливости наполняло гордостью и радостью. С его непростым характером ему суждено обретаться на обочине стремительно несущейся жизни. И он ничего не мог с собой поделать, ничего изменить...

Поначалу ему нравилось свалившееся на него безделье. Он подумывал вообще отказаться от участия в социальной жизни. Но неожиданно позвонили из службы занятости и предложили работу коммивояжера.

Сотрудница страшно обрадовалась, узнав, что он владеет иностранными языками. «Это то, что нужно! – И, помявшись, добавила: — но имеются два неудобства. Вечная, если хотите, дорога. Коммивояжер на то и «voyager», чтобы не сидеть на месте. И второе — нестабильная зарплата. Ваш гонорар зависит от вашей предприимчивости. Я понимаю, это тяжело для человека, воспитанного при социализме...

- Не волнуйтесь, прервал он ее. Человеку, рожденному при социализме, зарплата вообще не требуется.
- Серьезно? после глубокой паузы переспросила она. Вас действительно не интересуют деньги?
- Интересуют, конечно, признался он. Но не настолько, чтобы от них зависеть.
- Но тогда вы не сможете приносить пользу! с тихим ужасом произнесла девушка. Расширились ее голубые, изумленно засиявшие глаза, вздернулся в недоумении маленький носик, и он засмеялся от удовольствия: ему нравилось выводить чиновников из равновесия. Он с ними одного поля ягода, его знаний о сокровенных побуждениях достаточно для уничтожающей иронии.
- Но вы не сможете... постанывала от крушения иллюзий прекрасная чиновница. Чем-то неуловимым (наверное, алым бантиком рта, предположил он), напоминавшая его громкоголосую жену; это была единственная привлекательная часть ее до тоски знакомого некрасивого лица. И единственная часть, добавим мы, всемирного постоянства, внушавшая не любовь и признательность, а холодный ужас.
- Вы ничего не заработаете. Только принесете фирме убытки, твердо заключила девушка.
- Мною будет руководить спортивный интерес, пообещал он. А не корысть и желание обмануть. Целомудренное желание добра. Надеюсь, вы меня понимаете...
- О да, согласилась сотрудница отдела занятости, женским чутьем уловив тонкий мужской комплимент. Но все-таки, все-таки....
  - Не сомневайтесь. Все будет в лучшем виде.

Ему и самому было неясно, почему он согласился, – в душе он предложение чиновницы не одобрял. Как и все, что свидетельствовало

о... или вытекало из... необходимости перемен. К тому же, его не интересовали душевные порывы чиновников, их слишком ясные устремления. Они ему чужды, как и его собственные. С другой стороны, приятно сознавать, что с уходом из лицея его жизнь не заканчивается. «В конце концов, – рассудил он, – если возникнет необходимость, я смогу вернуться к преподавательской деятельности. Со временем, конечно. Когда уляжется весь этот шум», – рассуждал он, так и сяк прикидывая открывающиеся перед ним возможности.

\* \* \*

На первых порах самым сложным были ранние, слишком ранние пробуждения. Неприятно, когда рассвет застает тебя на пустынном вокзале. Он сонно вываливается из завизжавшего, жалобно заскрипевшего тормозами вагона и устремляется с такими же молчаливыми, невыспавшимися пассажирами по темному перрону к выходу в город. Серая предрассветная мгла редела, прорезываемая яркими огнями станционных прожекторов. Черные и серые фигурки с чемоданами и сумками сливались в угрюмую человеческую реку. С глухим шарканьем она стекала к мертвенно освещенному лампами дневного света туннелю подземного перехода.

Таща тяжелую сумку с образцами и обгоняя пыхтевших от натуги соратников по ночному путешествию, он поднимался наверх, в гулкую пустоту вокзала. Сводами и арками тот напоминал огромную мечеть, заполняемую молчаливыми паломниками.

И на вокзале принимался за работу. Час-другой нужно потратить на пустяки – бритье, умывание, вялый, неохотный завтрак. За чашкой холодного, невкусного кофе – скорее бы девять часов! – постепенно приходил в себя. После бессонной ночи в грязном и тряском купе, с тоскливым ожиданием рассвета. И такого же тяжелого, насыщенного мертвыми парами одиночества раннего пробуждения...

Попивая черный тягучий напиток в оставшееся до открытия магазинов и офисов время, он выстраивал немудреную стратегию наступившего дня...

\* \* \*

Серое осеннее утро. В жидком тумане тяжело хлюпают набитые полусонными пассажирами обшарпанные, неказистые троллейбусы. По грязным, плохо мощеным улицам снует угрюмый, равнодушный люд, чуждый содержанию его портфолио. Безысходность написана на унылых некрасивых лицах, несвежее дыхание царит в тяжелом — не холодном и не теплом — воздухе. Неприятное чувство дороги вновь напомнило о себе.

Ночью, когда он просыпался в кромешной тьме и по стуку колес пытался определить, далеко ли еще до Симферополя, потряхивание и покачивание вагона напоминало о неумолимом ходе времени. Времени, ночью становившемся зримым и вещественным. Оно опровергало его предчувствия и неосознанные стремления.

В холодном поту он переворачивался на впалый живот и натягивал на голову колючее одеяло — от него пахло хлоркой и жирной дорожной пылью, запахами вокзального ресторана, где он ужинал перед отправлением, свежего сала из платочка закусывавшей напротив бабушки-соседки, и горячего тепловоза, подкатившего, чтобы намертво сцепиться с зеленым составом.

Он ненавидел эти запахи и виды, спокойную, равнодушную бабушку — она не жевала, а словно облизывала беззубыми деснами ломтик розового сала, и движения ее челюстей напоминали неутомимую коровью жвачку. Ненавидел окружавшие его, исподволь наползавшие звуки — вагонные поскрипывания и скрежет, свистки тепловоза и рев налетевшего товарняка; крики проводницы, ругающейся из-за сваленного в проходе багажа. И, главным образом, постоянное, непреходящее движение поезда к потерявшей смысл и цель невидимой точке — угрожающей и величественной.

Утренняя остановка в Симферополе и срочные, неотложные дела сулили долгожданную передышку. Затяжную паузу перед новым вхождением в движение. Оно поджидало его в конце недолгого, суматошного дня, на обратном пути домой.

Выйдя на привокзальную площадь и окидывая прищуренным взглядом ее широту и наполненность. Прикидывая расстояние до ближайшей троллейбусной остановки и время нахождения в пути, он старался не думать, что через десять-двенадцать часов снова очнется в пустом купе, наедине с серым, колючим одеялом и легким неторопливым покачиванием, сулящим бессонную, полную скрытого ужаса ночь...

\* \* \*

– Ба, старый знакомый! – приветствует его первый клиент.

Калгат Умеров, красивый, благообразный пятидесятилетний татарин с седым бобриком на круглой, как шар, голове и золотым перстнем на безымянном пальце левой руки, приветливо улыбаясь, пожимает ему руку. – Рад тебя видеть, ты не меняешься...

После первых по-восточному витиеватых приветствий улыбка покидает его плоское, серо-желтое лицо.

– С какими новостями, друг? – осведомляется Калгат, усаживаясь за длинный стол из черного дерева.

С хорошими, Калгат. Только с хорошими, – уклончиво отвечает он.

Неприятные ночные мысли забыты, он весь внимание и предупредительность.

Собственно говоря, он не уверен, что терзавшие его ночью предчувствия и страхи были мыслями. Так тупо и беспощадно они держали его в своих лапах, не давая перевести дух. С мыслями так не бывает. Мысли неторопливы и внятны, они привносят в его кочевую жизнь спокойствие и желанную ясность. Мыслям он рад, как хорошей погоде или спокойному, безмятежному дню.

Вот и теперь. Вежливо слушая Калгата, его сетования на падение покупательского спроса — «инфляция, друг, очень серьезная инфляция!», — он прикидывал, когда лучше начать разговор о новых предложениях фирмы «Group Amalgam». День он решил начать с Калгата, это гарантия успеха. А значит, и возможность избежать третьего минуса. И почти гарантированно получить солидный бонус к десятилетию службы.

- Кофе старым друзьям ты уже не предлагаешь? поинтересовался он. Тоже инфляция?
- Что ты, друг, засмеялся старый волк Умеров, сделав широкий жест рукой. Прошу...

Они расположились в угловой части кабинета — мягкие кресла, журнальный столик, бокал для коньяка и хрустальная пепельница, — здесь Умеров ведет деловые переговоры.

Утонув в широченном кожаном кресле, широким жестом он распахнул кейс со свеженькими проспектами и образцами продукции.

В кабинете тесновато, но приятно. Над оставшимся в стороне столом, заваленным накладными, договорами и початыми пачками сигарет «Marlboro», большой портрет ёлбашчы, главы меджлиса. Вождь крымскотатарского народа запечатлен в полосатом халате, делавшем его похожим на смертника-зэка, и в круглой татарской шапочке. С недоверчивым видом он взирал на деловых партнеров Умерова на фоне бледно-голубого национального флага с желтой тамгой.

Калгат достал из бара серебряную турку, непременный атрибут деловых переговоров и одиноких размышлений, и принялся заваривать кофе.

— Пока заварится, выпьем по капле, — предложил он с хищной улыбкой. Аллах, национальное знамя и строгий взгляд ёлбашчы не могли поколебать его европейского свободомыслия. — Тебе, как всегда, коньяк в кофе?

Калгат – большой специалист по золоту и украшениям. Этими качествами он прославился еще в советские времена. В 1979 году

десять лет он отсидел в тюрьме за наделавшую много шума историю со сбытом поддельных драгоценностей. Но в собственных магазинах завел строжайшее правило: никакого обмана покупателей. Вся получаемая и продаваемая продукция должна быть только высокого качества.

Несколько дней назад в нарушение договора с фирмой «Amalgam» Калгат заключил выгодную сделку с новым производителем. Ему нравилось многообещающее и окрыляющее название старой фирмы-партнера, но ювелирная продукция, поставляемая много лет с регулярностью утренней молитвы, слишком стандартна, слишком однообразна. Давно не соответствовала выраженным в названии фирмы притязаниям. А ему хотелось удивлять и удивляться. Восхищать постоянных клиентов, обеспеченных и влиятельных персон, и восхищаться самому, потому что ювелирное искусство, как и искусство торговли, не выносит застывших, окаменелых форм. Ничего статического, никаких постоянных партнеров, это грозит неизбежным банкротством!

И теперь, наливая кофе прибывшему ни свет ни заря гостю, Калгат втайне волновался. Он прикидывал, как плавно выйти из создавшегося положения. Уж слишком выгодным было новое предложение! Природная осторожность требовала не нарушать дружеских отношений с давним партнером. Неизвестно, каким образом в наше сложное время, — прикидывал предусмотрительный татарин, — сложатся деловые обстоятельства. Сегодня конъюнктура благоприятствует, а завтра вести дела с новым партнером станет делом убыточным. Чтобы верить человеку, с ним нужно съесть, как говорят русские, пуд соли. Точно так же и с деловыми партнерами. Каждый новый друг требует тщательной и многолетней проверки. Если не хочешь опять оказаться в тюрьме или без копейки в кармане, когда он начинал свой золотой бизнес.

«Это и вправду нечто уникальное», – мысленно с удовольствием вернулся Умеров к деталям вчерашней сделки.

Молодая обворожительная женщина с низким голосом и убедительными интонациями заинтриговала его сразу. В ее темных византийских глазах и в уголках широкого, густо накрашенного рта было что-то соблазнительно-чарующее; нараспев, с неместным аканьем и проглатыванием гласных, она обстоятельно поведала недоверчиво слушавшему Калгату о коллекции «Скифская этника». По мере ее рассказа, он понял, сообразил: это как раз то, что нужно! Чего ждали от него утомленные безликой подделкой под Европу, истосковавшиеся по необычным, языческим формам ювелирного искусства ценители драгоценных украшений.

«Язычество, – исподволь, чтобы никто не догадался о его сокровенных мыслях, рассуждал хитрый татарин, – сегодня в большой

моде. На него огромный спрос, и я должен этот спрос удовлетворить!»

В течение получаса он замирал с широко открытым ртом, пока Ольга Якушина неторопливо рассказывала и показывала.

Ювелирный дом «Скифская этника» специализировался на изготовлении драгоценностей на основе символики и мифологии трипольского, половецкого и скифского направлений.

Имеется и балтийская коллекция, если пожелает заказчик, – скромно добавила она.

Для производства украшений мастерами «Скифской этники» использовалась техника кокильного литья, ее применяли скифы в десятом веке до новой эры. Основой украшений является сплав ZAM, — легкий, гипоаллергенный и не содержащий никеля. Изделия после изготовления — «мы используем орнаментику и форму древних украшений, — значительно улыбнулась Ольга, — это не какой-нибудь современный ширпотреб...» — покрываются серебром методом гальваники.

– Вы прекрасно понимаете, – с улыбкой одобрения по поводу догадливости господина Умерова кивнула Ольга, – что такие изделия гораздо долговечнее обычных...

И в заключение она высыпала из кожаного мешочка привезенные для показа образцы: небольшие колье, кольца, браслеты, серьги, броши, заколки, пряжки и пояса с историческим сюжетом.

Все это богатство и красота слепили глаза и ослепляли воображение. Калгат как завороженный разглядывал груду драгоценностей, позабыв о старых партнерах и взятых на себя обязательствах.

«В договоре с 'Amalgam', – лихорадочно соображал он, делая вид, что рассматривает и неторопливо, со знанием дела оценивает представленные образцы, – имелась небольшая оговорка, зацепка, позволявшая уклониться от предложения. Пункт 10-а признавал за приобретающей стороной возможность отказа от товара. При наличии серьезных аргументов.»

«Аргументы – не проблема, – так и сяк поворачивал сложную тему старый Калгат. – Аргументы юрист найдет и сформулирует. Главное – сохранить хорошие отношения с 'Amalgam' и не дать повода аннулировать договор. Мало ли как сложатся взаимоотношения с 'Этникой'... Конечно, было бы неплохо выступить тандемом: у них монополия на производство, а у меня – на реализацию...»

И Калгат мечтательно прищурил и без того узкие, монгольские глазки. Мысленно он уже пожинал плоды нового проекта. Сначала пойдет серебро, потом можно будет переключиться на изделия из золота. Десятки, сотни «черных археологов» – он не сомневался, что именно эти безвестные, не отягощенные моральными обязательствами

люди являются поставщиками оригиналов, а талантливые художники «Этники» производят живописные копии будут работать на него, Калгата Умерова. Ну и, конечно, на анонимного пока что хозяина «Этники»

«Посмотрим, кто крепче, он или я, – хищно улыбнулся Калгат. – Бизнес не любит двоевластия. А я не так стар, чтобы уступать молодым», – мысленно засмеялся он.

\* \* \*

Его старый приятель – большой любитель кофе и пространных речей.

Выслушав многословные (и неправдивые) сетования Умерова, он прикинул, сколько предстоит им выпить крепкого арабского напитка, чтобы расстаться не только по-дружески, но и с пользой. Калгат осторожен, и к новым образцам относится недоверчиво.

Калгат Умеров держал в центре Симферополя несколько небольших, поражавших воображение восточной красотой и пышностью парфюмерно-ювелирных бутиков. Магазины Калгата процветали, несмотря на жалобы хозяина и непредсказуемость крымского рынка. Да и сам он производил впечатление спокойного, честного и уверенного в себе человека. На него определенно можно положиться.

Ему нравилось иметь дело с Калгатом. Он не врал, не лебезил, не прикидывался нищим и не старался выглядеть лучше, чем есть. О проблемах говорит откровенно, заказывает товара немного, но самого высокого качества.

— Мы — люди восточные, — усмехается Калгат (в его лисьей улыбке окончательно исчезают, расплываются узкие, не известно какого цвета глазки), наливая гостю и себе новую мензурку кофе. — И в парфюмерии знаем толк. Не хуже французов, — горделиво поглядывает он. — Поэтому вот это, — кивнул он на батарею выставленных флаконов и тюбиков, — я возьму. А вот этого, — бросил быстрый, испытующий взгляд на образцы золотых изделий, — извини, брать не буду. Хороший товар. Но — кризис, — деланно-прискорбно развел он руками. — Нет клиентуры. Затишье. Богатые осторожничают, предпочитают не тратиться. А средний класс... Ну, ты знаешь, — тонко усмехается он, — какой у нас средний класс. Как у вас говорят — ни богу свечка, ни черту кочерга...

Он поражался удивительной осведомленности Калгата. О ценах на сырье и энергоносители. О политической конъюнктуре и перспективах катастрофически холодной зимы, когда даже кошку на улице не встретишь, не то что любителей драгоценностей. Калгат сутками не покидает офис и, кажется, обосновался здесь, как фатих в медресе, на постоянное жительство.

С восхищением к чутью и интуиции татарина у него росло уважение к этому богатому и жадному, однако деликатному и цивилизованному человеку. Настоящий восточный мудрец — скрытный и благовоспитанный. Калгат — давний партнер, и по этой причине он испытывает к нему чувство приязни. С Калгатом он совершил свою первую удачную сделку, и его рабочий день в Симферополе, как правило, начинается с двухэтажного, в светлом южном стиле, офиса в центре города. Это хорошая примета: начнешь с Калгата — и день принесет удачу. Если не считать краткого посещения неприметной церковки на узкой окраинной улице...

\* \* \*

Приезжает он в Симферополь обычно по понедельникам в начале каждого месяца.

Церковь Трех Святителей в этот день не работает. То есть в храме в понедельник не бывает службы. А так – пожалуйста, заходи, двери всегда открыты. Тлеют одна-две свечки у иконы Спасителя. Свет притушен, и в свечной лавке бубнят, переговариваясь, старушки-продавщицы. Обе в платочках, моложавые и ясноликие. И, как все церковные бабушки, говорят о чем-то простом и ясном.

В храме пусто, как перед этим – на железнодорожном вокзале.

Всюду, где он появляется, – с привычным равнодушием отмечает он, – образуются пустота и одиночество...

Он покупает свечу, торопливо, что-то бормоча, крестится и с чувством исполненного долга покидает храм. Зачем он сюда приходил — он и сам не знает. В Бога он не верит, церковных книг не читает — настоящий советский человек. Как выражается его лохматый сын-студент — «советская машина». Механизм, предназначенный для существования в настоящем времени. Ни прошлое, ни будущее для него не существуют. Да и в настоящем — криво усмехается он, — проживает лишь несколько мимолетных мгновений. Миг, который хочется продлить до бесконечности.

Но что-то ему мешает. Постоянная настороженность не покидает его с тех пор, как он стал сотрудником фирмы «Amalgam». Неприятное, холодящее чувство страха перед поездкой в «южном направлении».

Маршруты коммивояжеров так и расписаны: северное направление – Россия, Белоруссия. И южное – Крым, Кубань... И хроническое, как непреходящий насморк от вагонных сквозняков, тупое бессилие от невозможности что-либо изменить. Добиться, чтобы перестали стучать колеса на стыках железнодорожных путей, мелькать с бешеной скоростью одни и те же унылые виды за мутным, словно запле-

ванным окном. И воцарилась бы после долгих мучений немыслимая, невиданная ночная тишина, а с нею — долгожданная свобода и вечность...

Но он уже не верит ни в пришествие, ни даже в возможность таких перемен.

\* \* \*

- Повременим, успокаивающе улыбнулся старый лис. Ненадолго, ты не подумай. Посуди сам, доверительно нагнулся он к нему всем телом. Только что закончился летний сезон, Крым опустел. Для кого я буду приобретать драгоценности? Нет, ты скажи, мягко и настойчиво убеждал Калгат Умеров.
- Но ты же приобретал! Год назад. Два, три... Не припомню, чтобы ты отказывался, стараясь выглядеть спокойным, возражает он. Независимо от времени года и экономического положения. Потому что Калгат Умеров уважаемый человек. Одно его имя способствует купле и продаже.
- Красиво говоришь. Лестно говоришь. Никогда так не говорил, язвительно усмехнулся Калгат. Но извини, развел он руками. Сейчас не могу. Надо подождать. Я не отказываюсь, пойми меня правильно, мягко взял он его за локоть. Всего лишь прошу повременить.

Он не против, он понимает, – с неприятным холодком в душе кивает он; Калгат ничего не должен увидеть на его припухшем после тяжелой ночи, спокойном и бесстрастном лице с бледными, как у рыбы, глазами.

Это лицо и рыбьи глаза – великолепная ширма, за нею можно спрятать все – отчаяние и страх, горечь и безнадежность. И никто ничего не поймет, не сумеет прочесть. Он ведет вежливую беседу, как старый, давно не видевший друга молодости человек. И ничего более...

Они выпивают по чашке свежего кофе, делая вид, что не торопятся: так требует ритуал. Хотя у него куча клиентов, которых нужно обойти до вечера, а у Калгата неотложные дела.

- Ты радовался, когда мы завершали сделку, с мстительной усмешкой говорит Калгат, перебирая черные, блестящие четки; от них исходит приятное благоухание не то ценного дерева, не то хорошего лака, от которого чувствуещь себя, как на философском диспуте в Альгамбре. Ты всегда радуешься, когда хорошо поработаешь? спросил он, одобрительно глядя узкими, как сизые сливы, глазками.
  - Дело не в работе. Если, конечно, смотреть по существу.
  - В чем же, друг? с одобрением кивает Калгат. Каждодневная

работа с хорошей парфюмерией и любовь к драгоценностям приучили его к глубоким мыслям. – В чем твоя сущность? – улыбаясь, спрашивает он.

- Я радуюсь, когда получаю завершение, пытается объяснить он последствия сегодняшнего краха. – Разве не в этом смысл работы?
- Что ты называешь «завершением», друг? мягко допытывается Калгат. Лихим жестом он набрасывает четки на пухлое женственное запястье и делает почти пустой глоток, кофе в чашке осталось совсем мало, и Калгат экономит, чтобы продлить беседу. То ли, что «на сегодня все» и, как всякий хорошо потрудившийся человек, ты можешь отдохнуть, или иное?
- Иное, Калгат, ты понимаешь, улыбается он. Даже не собираясь уточнять и делать выводы. Пророчество не выносит ясности, об этом свидетельствует каждая сура Корана. Мы говорим о вечном, а вечное единственная вещь, заслуживающая внимания.
- Хорошо сказал, друг, с тонкой улыбкой кивает Калгат. Я тоже дорожу постоянством, поэтому охотно с тобой работаю. И не пускаю чужих на порог. Постоянство единственная драгоценность, лишенная фальшивого блеска.
- Я рад, что мы понимаем друг друга, склоняет он голову, не веря ни единому его слову. И по-русски переворачивает опустевшую чашку; кофе беседы выпит, взаимные признания сделаны, и можно приступить к тяжелым обязанностям, налагаемым понедельником.

\* \* \*

«После беседы с Калгатом нужно обойти оставшуюся симферопольскую клиентуру. Образцы новой коллекции пользуются хорошим спросом, их ждут. Приезжаю я редко, и у покупателя пробуждается чувство голода. Сначала легкое беспокойство, потом страх оказаться лузером, и, наконец, все более острая потребность увидеть и приобрести. В сущности, это голод по постоянству, он и мне не дает покоя.

Директора торговых центров, больших и малых парфюмерных магазинов и магазинчиков — старые знакомцы и доброжелатели. Ради устойчивости отношений нет смысла приезжать, — иной раз рассуждаю я. Постоянство положения и устойчивость симпатии радуют. Нам приятно встречаться, и обычно мы понимаем друг друга. То есть, — по-восточному завершаю я вдохновляющую тему, — в Симферополе насыщаюсь кислородом избытка и дуновением вечного. Как говорит моя недоверчивая жена, жизнь — прекрасная вещь, если правильно подобрать антидепрессанты.

...После столь обнадеживающих признаний с легким сердцем я

отправляюсь в знакомый ресторанчик, чтобы пообедать после трудов праведных.

День близится к вечеру».

\* \* \*

«Я взглянул на часы: «Успею. Поезд в двадцать один час двенадцать минут».

Пухленькая официантка с приятной улыбкой и в красной униформе поздоровалась как со старым знакомым.

- Вам, как всегда, с грибами и маслинами?
- Да. И рюмку водки. Холодной.
- «Немиров» черный или белый? подразумевая цвет ярлычка, поинтересовалась она.
  - Я пью только черный. Это вытекает из моего характера.
  - Извините, засмеялась девушка.

Мой юмор, черный, как ярлычок на бутылке предпочитаемой водки, вызывает у женщин желание сблизиться. В любви присутствует нечто от чувства безнадежности – вероятно, в силу трагичности факта сближения.

Я не прочь завести роман на стороне – одну из многих, ни к чему не обязывающих привязанностей. Смущает скудная частота приездов – факт, свидетельствующий об относительности постоянства. Каким бы подобием мы с красной блондинкой ни блистали, редкость встреч заставляет думать о скорбных вещах.

Тщательно прожевывая пиццу, я поглядываю в окно.

Напротив пиццерии — массивный памятник святому Луке. Заходящее солнце бросает косые алые лучи, и памятник кажется обагренным кровью. Как хирург после тяжелой операции...

Лука — местный святой, превратившийся в такового из врачахирурга, а потом священника. Священник воплотился в епископа, потом в богослова, и венцом долгой, подвижнической жизни Луки стал сомнительный статус местного святого.

Архитектор искренне благоговел перед памятью святого Луки. Соорудил в его честь воистину грандиозный монумент в знак его великих достижений на поприще морали. Высотой он превосходит два человеческих роста, что символизирует нечеловеческую духовную мощь святого...

Вытирая салфеткой губы, я бросаю два прощальных взгляда — один, с сожалением, на миловидную официантку — она грустно улыбнулась, а второй — на гранитного Луку, — и направляюсь к храму Трех Святителей. Так я и живу: железнодорожный вокзал-храм-Калгат-клиенты-пиццерия-храм-вокзал... Замкнутый круг. Вот уже столько

лет легко и привычно трусит по нему трудолюбивая лошадка моей жизни. И, право, представляется она не странствием, а самым настоящим воплощением неподвижности. В совершеннейшей форме легкого и непринужденного кружения.

Я хотел бы ничего не менять в моей жизни. При одной мысли о переменах меня охватывает беспокойство. Как будто речь идет о третьей мировой войне или глобальной катастрофе. Нечто вроде маленького личного апокалипсиса. При полном благополучии всех остальных – но мне нет до них никакого дела, живы они или мертвы.

\* \* \*

Замечательная во всех отношениях, забронзовевшая от времени и славы фирма «Group Amalgam», как живой человек, имеет склонность впадать в глубокую депрессию. Паникует она, как опростоволосившийся сотрудник. А это значит, что ее (и мои) финансовые перспективы бледнеют, теряют привычные очертания и вот-вот исчезнут. При мысли потерять работу меня охватывает жуткий, панический страх. Не потому, что так уж сильно я боюсь оказаться на обочине жизни. Для мужчины сорока двух лет, здорового и полного сил, со знанием иностранных языков и опытом коммерческой деятельности найти хорошо оплачиваемое занятие не так уж сложно. Коммивояжером я тоже стал легко, можно сказать — играючи. При первом визите к шефу — низкий поклон государственной службе занятости — я ему жутко понравился.

Филиал преуспевающей фирмы с таинственным и сладким названием только что отметил свое двадцатилетие. Просторный кабинет управляющего (округлый, вишневого дерева стол с ноутбуком последней модели, по стенам – копии картин итальянских мастеров) украсил свежий сертификат Международной ассоциации производителей парфюмерии.

Ваше образование придаст нашему филиалу необходимый блеск, – после долгого изучения моей трудовой книжки и диплома, намекнул возвышавшийся над столом управляющий – тучный сорокалетний человек с широким, обрюзгшим лицом, в оранжевой жилетке и с пестрым шейным платком; платок и жилетка придавали ему вид разбогатевшего сутенера.

Из слов управляющего вытекало, что интеллектуалы в штате большая редкость. Актив состоял из рыхлых дамочек средних лет, не нашедших себя в более привлекательной сфере. Они скудны умом и познаниями, но в способах продвижении товара настойчивы и убедительны, а ласковые домашние интонации придают их словам нужную неотразимость.

Время, безусловно, движется вперед (банальные фразы только

подчеркивают бесспорную очевидность этой мысли), и настоятельная необходимость разнообразить рекламу и способы подачи товара делает мою персону незаменимой. Волей сжалившейся надо мной судьбы мне представилась блестящая возможность возвысить профессию коммивояжера до невиданных творческих высот. До, я бы сказал, подлинного аристократизма.

— Фирма с такими традициями, как у нас, — элегически устремив прищуренный глаз в смысловые выси и несколько путаясь в понятиях, вещал «сутенер», — требует нового э-э-э... эстетического наполнения, — он скосил на меня маленький свиной глазик — насладиться реакцией на лощеную фразу, — и продолжал гундеть. — Мы не можем выглядеть, как десять или двадцать лет назад, с нашей стороны это означало бы потерю профессионального роста и рыночного имиджа, — гладко, как итоговый доклад, лил шеф живую воду.

Почтительно склонив голову, я умно кивал в наиболее изощренных местах: «перспективы фьючерсных сделок», «имиджевая рефлексия», «дистрибьюция накопленного опыта»... Этот болван почуял во мне родственную душу. Мой потертый диплом знатока европейских языков заставил его почувствовать себя личностью. Иначе откуда взялись фразы, которых он никогда не употреблял? Или в лучшем случае пользовался ими на заре туманной юности. Когда он даже не догадывался, чем ему предстоит заниматься в жизни, и строил самые нелепые планы.

Я согласен слушать его излияния бесконечно. Только бы он избавил меня от поисков работы. Самое противное в жизни – искать. На четвертом десятке лет это занятие мне порядком надоело. Хочется покоя и стабильности. Пусть даже с небольшой зарплатой. Меня не пугают ни низменная работа, ни пустота вместо грандиозных перспектив, — мне это не нужно. Ненужно и неважно. Главное — божественное ощущение с таким трудом установившейся жизни. Когда ты наслаждаешься покоем и одиночеством. Одобрительно взглянешь на себя утром в зеркало: ты такой же, как вчера, ничего за прошедшие сутки не произошло. Ты не изменился — не постарел, не похудел, не осунулся от печали и забот. Остался таким же, каким был всегда. Ты всегда был таким, сколько себя помнишь и любишь.

— Ты — музей, — заявил однажды за обеденным столом сын, когда я пытался выяснить, почему его раздражает моя обломовская лень; каждый божий день он вместе с матерью сообщает об очередных семейных начинаниях и новациях; всякий раз они начинают с утра «новую жизнь», и я не понимаю, чем их не устраивает старая?

Луиза вообще наотрез отказалась от объяснений. Коротко бросила: «Ты – не мужчина». И на этом – все. Такие, как я, ее не интере-

суют. Ей со мной неинтересно. И в конечном счете, она меня возненавидела. За то, что я так и не нашел свое место в жизни.

Сын, студент-историк, нахватался на университетских лекциях умных мыслей и более красноречив. Насчет музея он поверг меня в шок, – я даже не подозревал, что Костя способен на решительные формулировки.

— И не просто музей. — Добавил он, с ненавистью глядя, как нанятые женой рабочие из агентства перевозок перетаскивают из грузового фургона очередные покупки: новый плазменный телевизор с подставкой на полированных ножках, необычный платяной шкаф или холодильник LG... что-то еще — я на эти вещи не обращаю внимания. Меня вообще не интересует мебель, я не знаю, когда и зачем куплен диван-кровать и сколько он стоит. И куда Луиза с сыном разъезжаются летом на отдых — она на две недели, потому что у них в строительной фирме больше отдыхать не принято, а Костя — на студенческий месяц; их я об этом не спрашиваю, их судьба и вкусы мне безразличны. Они ничем житейским со мной не делятся, считая мою особу недостойной их внимания. Подозреваю, что они не прощают мне равнодушия к вещам. И к жизни.

Под эту категорию – категорию вещей, – и тут они полностью правы, – я подвожу все, что попадается мне на глаза. Люди, предметы повседневного обихода и даже, кажется, земля, вода и воздух.

— Ты не просто музей, — с ненавистью глядя на меня бесцветными материнскими глазками, отчего его ненависть наливается серой пустотой, — ты — музей окаменелостей. Ты весь — большая окаменелость. В тебе нет ничего живого, — выдохнул он. — Одно название — «живой человек...»

Я смотрел на его светлые, как у матери, лохмы, на застиранную джинсовую рубашку – правый кармашек расстегнут, и из него торчит нераспечатанная пачка сигарет. Смотрел и думал: почему мой собственный сын стал таким чужим? Почему мы ненавидим друг друга? Наверно, я действительно не человек, а тень, потому что лишен элементарных человеческих чувств – привязанности к жене, родному сыну... Желания жить семьей – меня семья отягощает, и я нахожу институт брака себя исчерпавшим. Стремления достичь успеха. Успеха любой ценой, потому что успех – это деньги, положение в обществе и возможность ни в чем себе не отказывать. «А я и не отказываю, – усмехнулся я. – У меня есть все, что мне требуется. То есть – ничего. Мне не нужно ничего, – раздельно повторил я. – Кроме одного. Чтобы тяжелая, мертвящая, изматывающая гонка жизни поскорее закончилась. И пришли долгожданные тишина и безмолвие.»

...Ноги сами несли меня к церкви.

\* \* \*

Присутствие Божие в полутемном храме даже не подразумевалось. То есть вошедшему внутрь некому было задавать вопросы. В полутемном помещении пахло свежей краской — во дворе молодой послушник с желтым лицом и рыжей бороденкой красил в зеленую краску балюстраду летней беседки. Аляповатые, неприлично яркие фрески вызывали скуку. Апостолы, святые, Богоматерь с младенцем на руках взирали испуганно и умильно, как церковный нищий в ожидании подаяния.

Хотелось уйти, но что-то меня удерживало. Добросовестность коммивояжера не позволяла расстаться с клиентом, не завершив сделку. Хотя сегодня все было наоборот: ни один клиент не клюнул на образцы, как будто все сговорились с Калгатом.

А сейчас в роли клиента выступал я. Меня не покидало ощущение, что я себя навязываю. И позволял некоторые капризы. Например, делал вид, что наша виртуальная сделка меня не интересует. Или требуется нечто большее, чем покупатель может предложить. Но уйти или находиться в пустом помещении с одной-единственной, едва тлевшей свечой одинаково бессмысленно. Свечой был я сам с моими надеждами. Из-за них я не видел ничего другого. Но их исполнение так же неважно, как и сами надежды.

...Чем путанее я изъясняюсь, тем сильнее жжет у меня в глазах. Я промыл их проточной водой на дворе, как Магдалина омывала раны Иисусу.

\* \* \*

Старушка с буклями сменилась пруссачком, испуганно пробежавшим по заросшей подгубной выемке, совершив скоростной спуск от левого уха к подбородку. В купе никого не было, и можно было расслабиться. Он терпеть не мог попутчиков, предпочитая переплатить, лишь бы обойтись без соседей, их назойливого любопытства.

Настороженно полежал с закрытыми глазами – вспомнил полупустую церковь, краткое путешествие из церкви на железнодорожный вокзал, разбудившего его пруссачка – не вернется ли вновь на трассу шаловливое насекомое?

Но нет, все благополучно. Поезд мягко и плавно покачивается на разболтанных, неровно уложенных рельсах, – должно быть, подъезжаем к Джанкою. Внутренние часы с безошибочной точностью указывают не только время дня и ночи, но и населенный пункт.

И он опять почувствовал приступ знакомого беспокойства, легкого, как начинающий заболевать зуб. Нахальный пруссак, обижен-

ный его грубостью, не возвращался, беспокойство стало усиливаться, а сон, привычный, полубессознательный, не хотел приходить.

Он спал в одежде, чтобы избежать массового нападения насекомых. Под теплым одеялом было жарко, он отбросил край колкой, тяжелой ворсы. Ослабил, натужно поводя шеей, узел галстука и откинулся от стенки — очередным резким колебанием вагона его к ней грубо прибило. А там, вероятно, царят веселое оживление и вагонная прусачья суета.

Он поморщился и ругнул себя за легкомыслие при покупке обратного билета: вагон был последний. То есть – тряский.

«После Джанкоя станет трясти еще пуще, – с досадой подумал он. – И раскачивать, как будто электропоезд собирается избавиться от вагона...»

Глухая безлунная ночь — обычное явление осенью в Крыму, — бесконечное вагонное покачивание и настороженное ожидание насекомых. Душевная тяжесть и усталость. Все в этой поездке сложилось плохо: несостоявшаяся сделка... другая, третья... Сиротливая пустота храма, сожаление о мелькнувшей и исчезнувшей, подобно видению, красной официантке из пиццерии; вагонная духота и вонь, непрекращающаяся возня маленьких, беспощадных насекомых...

Сон пропал окончательно.

Стараясь отвлечься, он вглядывался в овальный потолок — на нем подрагивала синяя ночная лампочка.

Ничего взамен дорожного сна не приходило – ни воспоминания о прошлом, ни мысли о будущем. Его попросту не было. И он нисколько об этом не жалеет. Прошлое раздражало его, о будущем он думал с недоумением, совсем его не представляя. И только настоящее имело для него подлинную цену. Но его, настоящее, без конца портили. Люди, обстоятельства... сама жизнь...

Он вздохнул и похлопал себя по карманам. Пачка сигарет оказалась смятой долгим лежанием на боку. Сигарет оставалось три штуки — «дотянуть бы до утра», — подумал он. А утром... Утром все повторится сначала: вокзал, толпа хмурых, озабоченных пассажиров, сквозняк и вонь из распахнутой уборной, — там по утрам делают влажную уборку, всякий раз в одно и то же время, когда он приезжает, — и непослушную подпружиненную дверь уборщица подпирает полным ведром воды.

Серый перрон, раннее сырое утро, распахнутая уборная, — все однообразно и безнадежно, он бредет с кейсом по влажной от утреннего тумана платформе, прикрыв тяжелые, как у слепого, веки. Только бы ничего не видеть и не слышать. Ни осязать, ни вдыхать, ни чувствовать — все ненужно и несвоевременно.

От безрадостной перспективы он замер, вытянулся на полке, — она покачивалась, как заведенная и, казалось, бормотала не то колыбельную, не то похоронную песнь. С незажженной сигаретой, зажатой меж средним и указательным пальцами, он колеблется меж двух противоречивых побуждений — остаться лежать или выйти в грязный, холодный тамбур и втянуть горький, удушливый дым.

– Джанкой, пассажиры, Джанкой! – запела проводница, проходя по коридору и хлопая дверьми. – Кому Джанкой – на выход...

Он дождался, пока утихнет шум, приглушенное ночное столпотворение. И, прислушиваясь, решил, что дождется отправления поезда.

Потом он долго стоял в мотающемся, продуваемом холодным ветром тамбуре, морщась от крепкой, невкусной сигареты.

Поезд набирал и набирал скорость. Казалось, он торжествовал победу, насылая ветер, ночь и безрадостную, молчаливую степь. Она окружала его и летящий поезд со всех сторон. Казалось, вагон и он сам — нечто единое, намертво спаянное, — одно целое. Он ужаснулся злорадству, с каким новое явление неслось, не разбирая дороги, к несуществующей цели. Со всей ясностью сообразил, что стремительность, ничем не сдерживаемый напор не могут быть случайностью, совпадением. Несомненно, имеются и цель, и смысл в нескончаемом полете, и это самое страшное. Оно требовало вмешательства и исправления.

Он выбросил недокуренную сигарету и рванул входную дверь.

Потоком ледяного воздуха его отбросило назад. Он вцепился в распахнувшуюся дверь — ее мотало из стороны в сторону — и с трудом удерживал ее в более или менее равновесном положении. Потом отпустил руку и с радостным воплем бросился в ночной поток. Силой встречного движения его отбросило назад, так что перехватило дыхание. А потом пришла легкость во всем теле. Он застыл, замер, как замирает вышедший из употребления космический корабль, оказавшийся без управления.

Он жив и в то же время мертв. Движется и сохраняет глубокую неподвижность. Не чувствует боли и приближающегося конца жизни – ничего, что вызывало бы сожаление и скорбь.

Когда он упал, провалился в холодную степь, некоторое время он еще с интересом прислушивался к себе. Но и тогда ничего не сумел обнаружить. Только легкий туман, вроде того, что окутывает на рассвете платформу железнодорожного вокзала в родном городе, затягивал его сознание. Но потом исчез и он.

### проза. поэзия

#### Сергей Захаров

## Весна, весна

Так пришла она, и, подобно всякой и всяческой твари: зверю, птице, букашке и самому неприметному микробу Божьему, – возрадовался и отец Вениамин. Когда и жить-то, когда и радоваться – как не весной?

Доллар упал. Золото подскочило. Май расцветал. Жизнь, спохватившись, набухала, возрастала и крепла, как детородный орган. На панель посыпали изобильно новые шлюхи: все молоденькие, глупые девчата, возжелавшие много и сразу.

Ночные коты, активированные еще в марте, безумствовали и голосили так, что никакой возможности не стало почивать. И Дарья, свежая попадья, ворочалась под боком, сосками терлась, дышала жарко в самое лицо батюшке, хватала во сне за стыдные места, как будто мало ей было регулярных ласк... Весна, одно слово!

В четверг, сразу после полудня – отец Вениамин только собрался отобедать – позвонила одна из прихожанок и просила придти к умирающему.

Батюшка, наскоро собравшись, шагал весенней улицей, дерзким теплом – и улыбался, и радовался правильному строению подлунного мира. У нужного ему подъезда священник обнаружил «скорую» – и поспешил к домофонным кнопкам: можно ведь и не успеть.

\* \* \*

Дымчатая кошка, утренние пять. Анна и Ирина просыпаются разом — животина и ее хозяйка. Хозяйка — от страха, волнами безостановочными и тяжкими заливавшими сон ее, чтобы, достигнув предела силы, прорваться-выдавиться в явь; кошка же — Бог ее, хвостатую, разберет... Век кошачий на исходе: раз или два всего доведется ей наблюдать, как листья сорвут, подморозят и выкрасят землю белым, и слушать бесстрастно орущий чужими самцами март; хозяйке, грудастой и молодой — жить еще долго.

Хозяйка проводит рукой по левой груди и ниже — там, где не исчез еще холод от присутствия руки чужой. Ни крови, ни раны, ни следа малейшего не удается найти ей — как, впрочем, и раньше. А между тем, сердце ее только что извлекали из грудной клетки, чтобы, позабавившись жестоко, поместить назад.

Хозяйка слушает. О чем стучит напуганная мышца? Что-то-будет, будет-что-то, что-то-будет — или ничего? Что-то непременно произойдет, и совсем скоро, думает она. Тот, с холодом жесткой руки, всегда не к добру является, — ох, не к добру! Хозяйка слушает квартирную тишину. Тишина. Тсс! Тишина. Тихо. Тихо. Ага, вот — одиночный отрывистый взлай, приглушенный расстоянием и дверьми. Тишина. И еще один — звук не человека, но зверя. И, минуту погодя, снова — так и должно быть.

Хозяйка откидывает простынь с нарциссами и встает: надо зайти к нему.

\* \* \*

Еще накануне не было никакой Красной Точки — иначе он непременно бы рассказал. Нет, Точка еще не явилась, а была белая пена, и нежная зелень, и множество за зиму сократившихся «мини», и возросших волнующе шелково-юных ног, и двадцать девять апрельских градусов, и сгоревшая в пасхальную ночь «Греция» на дебаркадере — «их» ресторанчик, где отмечались когда-то все мало-мальски важные семейные события и даты; и дочкины почти-розовые десять в многоцветье воздушных шаров, и очередные краткие надежды, отправленные, как водится, в мусорную корзину, и свобода, и пустота, и близкое, но чужое море... — была, одним словом, весна. Первая, последняя, очередная, прекрасная, томительная, обвальная, черная... У всех разная, и у каждого — своя.

А потом, так случилось, двенадцатым майским утром пришла и она – Большая Красная Точка.

\* \* \*

Да глупости — ничего я не постарела! Какое, к черту, «постарела» в неполные двадцать восемь! Но если не удается как следует выспаться уже третью неделю — вряд ли будешь выглядеть, как топ-модель. Вот и сегодня тоже: как будто большая, напуганная донельзя собака взлаивала раз за разом через равные промежутки времени — взлаивала тревожно-отрывисто ночь напролет и продолжает лаять сейчас.

Когда же его перестанет, наконец, ломать? Ведь ничего человечьего – от боли, безысходности, ставшего давно привычным ужаса, – ни крупицы малой от человека не оставалось уже в его голосе, да и лице тоже: она заглядывала только что в кабинет.

Его по-прежнему рвало, он стоял на коленях, уткнувшись лицом в синее ведро и, коротко взглянув куда-то поверх, продолжал. Тихонько прикрыв дверь, она вышла и спустилась крутой лестницей в кухню – молодая, непричесанная и полноватая, в малинового шелка пижаме.

Когда дела рыбно-торговые помаленьку наладились — невеликий поначалу магазинчик «В Греции есть всё» на базаре-«пятаке» у вокзала, базар-вокзал, вокзал-базар, а деньги стали прибывать, и, по начальным полуголодным временам, деньги немаленькие, — они выкупили квартиру у соседа снизу, и теперь у них было два уровня. И хорошо, что два: иначе с этими его ломками, с неизбежной, по трое суток, рвотой, звуком, в точности напоминающим собачий лай, — ни ей, ни Ленке вообще не удалось бы уснуть.

«Вот так мы теперь и живем, — сказала себе она. — Теперь мы живем вот так.» Месяц безлимитной вакханалии, до полного истощения организма, до состояния сотрясаемого яростной дрожью безумного полутрупа — две недели жесточайших мук, именуемых ломкой и, в качестве недолгой передышки, — дни считанные кое-какой жизни. Те самые дни, какие нужны ему, чтобы восстановиться для следующего раза. \*\*\*\*ь! Вот \*\*\*\*ь!! Так мы теперь и живем. Так, и даже хуже. Гораздо, если вдуматься, хуже — но лучше о том не думать.

В кухне она налила себе кофе и, приоткрыв окно, закурила.

\* \* \*

Деньги, деньги, деньги... Деньги здесь не при чем. Да и не такие уж, если разобраться деньги, чтобы сходить тотально с ума. Не в деньгах дело. В нас. Все находится в нас. Ты сам решаешь, что тебе делать и кем быть. Бросить институт, уйти в армию и служить там, где люди убивают людей, — как раз тогда, во время недолгого его отпуска, у них все и началось, вспыхнуло, зажглось, запылало, как бывает это в первый, а может, и единственный раз.

Ты сам решаешь, куда идти, что делать и кем быть. Студентомзаочником и водителем такси на гражданке. Удачливым контрабандистом на голодной постперестроечной гражданке. Молодым мужем и
счастливым отцом на гражданке, где, имея ясную голову на плечах, не
задавленное злобой дня чувство человека в себе и нулевой пиетет
перед продажным законом, — всегда можно выжить и жить. Частным
предпринимателем и хозяином магазина, торгующего рыбой и морепродуктами. Любителем время от времени пыхнуть шмали — так,
чтобы слегка расслабиться. Регулярным потребителем круглого, за
каким в предсказуемой неизбежности придут и они: джеф, винт, кислота, гера, кокс — да и вообще едва ли не все, что можно достать в
этом городе. Распадающимся по всем статьям, издерганным и больным не человеком даже, а смутнознакомой тенью — тенью того, кто
был когда-то солью и смыслом. Ты сам решаешь, чем тебе заниматься, куда идти и кем быть. И деньги здесь ничего не решают.

У зеркала она еще раз задержалась.

Ерунда все это. Полная чушь! Ничего я не постарела — какое еще «постарела» в двадцать восемь неполных лет! Нужно просто поменьше курить. Пить меньше кофе. Посещать регулярно тренажерный зал, бассейн, сауну — и все вернется. Да и то сказать: последние четыре года она тащит все на себе. Бизнес — на ней. Дом — на ней. Ленка — тоже, разумеется, на ней, как и муж со всеми его срывами, ломками, непременным, из раза в раз, безумием и бесчисленными, лихорадочно-агоническими и окончательно, судя по всему, безнадежными попытками излечения.

При таких обстоятельствах трудно выглядеть, как топ-модель. Много кофе. Много сигарет. Много нервов, сгорающих безвозвратно. Вот и сегодня: с самого утра давит-болит в левой стороне груди — как будто тот садист из прежних кошмаров снова здесь и сжимает сердце леденящей, мозолисто-жесткой рукой. Так мы теперь и живем. Теперь мы живем вот так. \*\*\*\*ь! Жуткого этого лая, кстати, уже не слыхать. Надо зайти и посмотреть, как у него дела.

\* \* \*

Кошка Анна, дымчатая стерва, возлегала чинно у окна. В большом и плоском окне телевизора крутился-маячил клип афроамериканца, сменившего кожу, но звук был выключен.

На полу – всегда, сколько она помнила, он только и мог в таком состоянии, что лежать на полу, с собой рядом устроив синее ведро. Привычно-неизбежное и ненавидимое до скрежета зубовного ведро – индикатор плохих состояний. С закрытыми глазами, вытянувшись и совершенно неподвижно, сложив взятые в замок руки на груди – он в точности походил на покойника, но, услыхав шум, тут же кое-как поднялся и сел, глядя на нее с видом человека, только что узнавшего интереснейшую новость и желающего непременно ею поделиться.

– Кровью! В последний раз меня вырвало кровью. Одной кровью! – говоря, он крайне был возбужден и, могло показаться, чуть ли не радостен даже. – Одной кровью – вот дела! Вот, сама посмотри!

Он сплюнул в руку и, ладонь раскрыв, показал: в бесцветногустой слизи она действительно видела частые прожилки и целые сгустки крови, и сердце нехорошо сжалось.

- Саша, ну что ты, как ребенок, она разговаривала с ним тем тоном, каким действительно говорят с неразумными детьми. Почему ты не хочешь, чтобы я отвезла тебя в больницу?
- Нет! теперь он сильно был разозлен, разозлен и напуган. Нет, нет и нет! Я не хочу в больницу! Я не хочу, чтобы меня привязывали к койке! Ты не знаешь, что это такое когда тебя привязывают к койке! Когда ты лежишь так двое суток кряду и не можешь даже

приподнять руку. Не можешь поссать даже самостоятельно. Нет! Нет! Ну, пожалуйста, я прошу – не надо больницы! Я прошу! Там страшно – в больнице. Пожалуйста – не увози меня никуда. Обещай мне, что не увезешь! Не увезешь? Ты меня не увезешь? Ты не отдашь меня им?

Теперь он просил, умолял ее, даже влага выбежала из полуслепых, цвета сырого мяса, глаз, – как никогда, походил он на потерянного, жалкого и больного ребенка, и она поспешила успокоить:

- Ну, что ты, Саш! Никуда я тебя не повезу. И никому не отдам. Я—с тобой. Ты выпей-ка пару таблеток реладорма— тебе бы поспать хорошенько сейчас. Или...— она колебалась.— Слушай, если совсем плохо, я могу съездить к Игорю и привезти: снимешься, станет легче.
- Ты что!? Ты думаешь, что говоришь!? Или все здесь сумасшедшие? Нет! Нельзя! Я боюсь я бо-юсь! Я не хочу! Не хо-чу! Нельзя! Мне больше никак нельзя. Ты меня что убить хочешь?! Вот послушай, как они стучат, снова он был крайне напуган, и, приподняв палец, настороженно-опасливо слушал. Вот, опять. Стучат и стучат! Слышишь?
- Что стучит, Саша? Кто стучит? (когда же его, наконец, отпустит!?)
- Как это что! Неужели ты не слышишь? теперь он морщился от досады. Часы. Стучат, стучат и стучат. Долбят в самый мозг. Долбят, долбят и долбят! Я устал, есть же предел всему. Я схожу с ума, Ира. Натурально схожу с ума! Ну почему они так стучат?

Часы в кабинете имелись, но электронные – и тикать-стучать никак не могли. Хотя спорить с ним сейчас бесполезно.

— А хуже всего — это. Видишь? Вот — здесь и здесь, уже два часа, как она появилась. Вон, смотри — бежит по стене! А теперь — на столе. Уже два часа они зачем-то мучают меня этой Точкой — а я никак не могу ее поймать! Ну как же ты не видишь?

Он поднялся на ноги, приблизил к ней изможденное и серое, заросшее жесткой щетиной лицо свое и, подрагивая неверным голосом, продолжал:

— Красная Точка. Большая Красная Точка. Всюду, куда ни посмотришь — она. Неспроста же они меня тиранят, верно? Понимаешь ты, что это за Точка? Неужели так трудно понять?! Это же кнопка, выключатель — они будут подсовывать ее мне до тех пор, пока я не нажму. Мне страшно. Страшно! Но они же не перестанут! Я боюсь, Ир, но я должен это сделать, — иначе они сведут меня с ума. Понимаешь — просто сведут меня с ума! Я рехнусь, если она не исчезнет! Но я не могу настичь ее — она все время ускользает, убегает, увертывается — они же еще и издеваются! Если закрыть глаза, она исчезает,

но не могу же я все время с закрытыми глазами! Я должен ее нажать – иначе я просто свихнусь. Они сделают все, чтобы я свихнулся – они умеют это делать. Все, иди – не мешай! Я должен ее поймать – а ты путаешься здесь под ногами! Какого черта тебе здесь вообще нужно?! Уйди, я сказал – не мешай!

Переходы настроения совершались в нем молниеносно: теперь он раздражен был и зол, и, конечно же, лучшее и единственное, что она могла сделать, — это действительно уйти.

— Выздоравливай, Саша, — сказала мягко она. — Выбирайся. Все будет хорошо. Через две недели мы поедем к морю, ты не забыл? Целый месяц — ты, я, Ленка и море. Разве не здорово? — он только мотнул досадливо головой, сосредоточенно вглядываясь в *свое*, и продолжать она не стала — вышла и прикрыла за собой аккуратно дверь.

\* \* \*

...Поднявшись наверх, она заглянула к дочери. Ленка, раскрытая, спала в обнимку с плюшевым вислоухим тигром и улыбалась чемуто во сне. И лишь теперь, при виде безмятежной дочкиной улыбки, понялось в полной мере, насколько ей сегодня нехорошо. «Я действительно устала», — сказала она себе. Устала и совсем расклеилась. Поплакать бы, что ли... Но где она — верящая слезам Москва? Какие еще, к черту, слезы? Когда на тебе бизнес, дом, дочь и муж, планомерно убивающий себя тяжелой наркотой, — о всех, всяких и всяческих слезах нужно забыть напрочь. Распрощаться нужно с этой привычкой — да она, кажется, и распрощалась, и не помнила уже, когда занималась этим в последний раз. А теперь вот — расклеилась. Куда это годится?

Укрыв Ленку, она снова сошла в кухню, приготовила кофе и закурила.

...и ничего не могу с собой поделать. Может быть, иногда нужно это – поплакать? Да какое там... Завыть во весь голос, раненной зареветь белугой – когда невозможно больше терпеть, а изменить ничего нельзя. Я не могу больше терпеть. Нельзя терпеть, когда любимого человека остается все меньше и меньше. Как будто зверь безжалостный приходит и каждый раз ворует по куску. И бороться с ним бесполезно.

С полгода назад – он не кричал тогда, не матерился, а самым настоящим образом выл, съежившись, сжавшись в придавленный ужасом и болью ком на полу кабинета, – после особенно нехорошей ночи она обнаружила у него несколько белых прядей: да и как не заметишь снежное это пятно среди густых, иссиня-черных волос? Вот, черт, – так мы теперь и живем. Что-то он пережил в ту ночь

такое, от чего за несколько часов, минут или даже мгновений, поседел. Только ей он рассказывать не спешил.

Да и вообще: когда приходил в недолгую норму, малейшее упоминание о зависимости и болезни воспринимал как худшее из оскорблений. Все и всякие разговоры о том становились табу – и особенно в последние месяцы, когда он уже не верил, что есть кто-то, способный помочь. Кто-то, что-то и что угодно, способное повернуть ядовитую реку вспять. Да и кто или что поможет – когда утеряна вера? А она видела, чувствовала и знала наверняка, – так бывает между близкими в свое время людьми, а они ведь были, были близки, – что веры в нем больше нет. И это, пожалуй, худшим представлялось ей из всего.

\* \* \*

— Да, — сказала себе она, — вот так мы теперь и живем. Сами доводим себя до состояния, в котором седеешь без срока, — от ужаса, сотворенного собой же. Интересно, что там, на юге — на далеком враждебном юге, где он служил и повидал всякое, в том числе и такое, чего человеку с нормальной психикой видеть нельзя категорически, — ничего подобного с ним не случилось. И вернулся он без малейшего надлома — она-то уж точно заметила бы.

Нет, тогда по-другому было – поседеть боялась она. Поседеть или сойти с ума. Он был далеко, на этом гребаном юге, где люди убивали людей, с болезненным и азартным упорством люди забирали жизнь у себе подобных – а она ждала здесь, семнадцатилетняя, тощая, без задницы и груди, залетевшая и влюбленная насмерть соплячка.

Тогда она, а не кто-то другой, действительно боялась поседеть. Безразлично-мертвые, казалось бы, вещи обрели вдруг все признаки жизни, непонятным образом очеловечились и самим существованием своим доводили ее до исступления. Телефон, Почтовый Ящик, Дверной Звонок. Она боялась их так, как не боялась никого из людей, — никого и никогда. Боялась и ненавидела. Мертвые, казалось бы, вещи, ставшие вдруг ненавистно-живыми и несущие в себе ежесекундную угрозу. Можно взять телефонную трубку, открыть входную дверь, почту извлечь из зеленого ящика — и услышать, увидеть, прочесть то самое, после чего некого будет ждать, не на что надеяться и незачем продолжать жить.

Слова – вода, ничто, пустая влага, но тогда все было именно так. И она ненавидела их как худших недругов – эти мистическим образом ожившие, смертельно враждебные предметы-существа: Почтовый Ящик, Дверной Звонок, Телефон. Ненавидела и не могла без них жить. Ибо опять же через них, и никак иначе, получала ин-

формацию не убивающую, но дающую право надеяться: жив, здоров, все нормально, скучает, любит и непременно вернется целым и невредимым, и вернется не к кому-нибудь, а именно к ней, и нервничать вовсе ни к чему, да и курить тоже, теперь, когда она не одна и не сама по себе, и что там показывает УЗИ, и как мы его назовем, и – ты уж потерпи как-нибудь эти четыре месяца, три месяца, два месяца, один, две недели, неделю, три дня – а потом все, во что ты боялась верить и, конечно же, верила, сбывается, и теперь вас трое, а счастья – на три тысячи человек, или ровно столько, сколько нужно, ибо разве измеришь его, счастье – точно так же, как нельзя измерить усталость, ненависть, жалость, с какими приходилось ей жить в последние месяцы...

\* \* \*

- А Он уже здесь, Ира! Он уже пришел! Представляешь? и снова она поразилась радостно-возбужденному выражению пепельного, искаженного долгим страхом и болью его лица. Войдя, он сел с другой стороны стола и принялся водить беспорядочно глазами, будто следуя за быстро перемещавшимся, не видимым ей предметом. Наткнувшись же на взгляд ее пристально стал рассматривать что-то у нее на груди и ниже.
- Вот и на тебе тоже, сказал он. Эта проклятая Точка даже на тебе. Но стоит мне только приблизиться тут же она убегает. Ускользает! Увертывается!! Сука!!! Но я должен я должен ее поймать. Поймаю и нажму и тогда они перестанут меня мучить. Потому что Он уже пришел. Пришел и ждет. Молчит, улыбается и ждет. А как только мне удастся настичь ее, эту чертову Точку Он сразу меня заберет. Он ведь здесь уже, Ира, для этого и пришел. В этот раз Он точно меня заберет я знаю.

Теперь он говорил рассудительно, неторопливо и убежденно – чуть ли не как нормальный человек.

- Кто «он», Саша? Кто пришел? снова ему что-то привиделось. Каждый раз одна и та же история. Опостылевшая давно история. До ненависти знакомая ей история. И ничего нельзя изменить.
- Как это «кто»? *Он*, Ира. Он. Он один. Вот говорят, что смерть это «она». Старуха страшная, беззубая, с косой. Дурачье! Говорят, потому что не знают. И не видели никогда. Глупости все это, Ир. Смерть мужик. Спокойный, серьезный такой мужик. Тот, что пришел и ждет. Меня ждет, Ира. Да и не страшный он вовсе не страшный и не старый. Нормальный, в общем, мужик только вот молчит всю дорогу. Молчит, улыбается, ждет. Ждет, пока я догоню ее, эту \*\*\*\*ь. Догоню, настигну, нажму чтобы не было больше этих

часов, и она перестала маячить и бить по глазам, чтобы прекратила она превращать меня в полного психопата — эта сучья Красная Точка! Ты потерпи еще немного, совсем чуть-чуть. Я знаю, как ты устала. Ты устала. Все устали. И я устал. Потерпи — сегодня. Он обязательно меня заберет. И всем будет легче. Я устал, Ира, устал и ничего уже... не... хо... чу...

Он стал внезапно давиться, быстро-быстро сплюнул несколько раз красным на светлый ламинат, — и тугая струйка того же нехорошего колера выбрызнула из горла и легла длинной линией на пол. Теперь она, взъярившись мгновенно-безудержно, заорала:

— Все, хватит! Меня достал твой кретинизм! \*\*\*\*ь! Сколько можно издеваться? Быстро одевайся — я отвезу тебя в больницу! Идиот! Ты же сдохнуть можешь в любой момент — ты это хоть понимаешь!?

Его, однако, так же внезапно отпустило и (она видела по лицу) ощутимо и мгновенно сделалось ему много лучше.

— Ладно, — теперь он говорил куда уверенней и ровнее прежнего. — Кричать только не надо, хорошо? Не надо на меня кричать. Сдохну — тебе же в первую очередь станет легче. Тебе-то чего горевать? Ну ладно, ладно. Если через час-другой не прекратится — обещаю: обязательно в больницу. Обязательно. А ты пока в банк съезди — вчера, вроде, собиралась.

На пороге уже он обернулся.

— Знаешь, Ир... Я вот часто думал в последнее время... В последние месяцы... Пусть бы меня лучше убили — там и тогда. И погиб бы я, глядишь, героем. Выполняя свой воинский долг и так далее. А сейчас, Ир, не погибну. И не умру. Сейчас я — сдохну. Как дряхлый, больной, никому не нужный пес. Сдохну, загнусь, Ира, — в собственной блевотине и крови. Лучше бы меня там застрелили, когда я хотя бы кому-то, хотя бы как-то был дорог и нужен. Когда я верил в себя и себе. А сейчас и сам я ничего уже не хочу. Только бы догнать эту сволочь, эту гребаную Красную Точку... И пусть забирает! Тот, что пришел и ждет. Сука! Сука!! Не могу больше ее выносить! Правда, Ир, лучше бы меня застрелили там!

И снова он шарил напряженно-нервно глазами, следя за только ему заметной Красной Точкой, а она, пытаясь успокоить, сказала:

— Глупости! Глупости говоришь и сам это знаешь! А как же я? Что бы со мной тогда было, с Ленкой — если бы тебя убили тогда? Ты всегда только о себе думаешь! И почему это — «никому не нужен»? А старикам? А Ленке? А мне? Мне, по-твоему, ты не нужен?!

При этих ее словах он улыбнулся – чего не делал уже давно. Улыбнулся так, как умел улыбаться раньше, в другой, мифической и счастливой, жизни, – и голосом не собачьим, рыкающим или хрипящим, а своим, натуральным, тоже из прошлого, голосом негромко и легко, чуть ли не беспечно даже, произнес:

— Да ладно тебе, Ир! Ну, что ты, в самом деле... «Тебе»... Мы с Андрюхой завернули как-то по осени в «Грецию» — в нашу с тобой «Грецию» на дебаркадере. Он перебрал слегка — ну, и проболтался. Рассказал там кое-чего. Про ваши с ним... «родственные отношения». Бывает, чего там... Но все нормально, я не в претензии и не в обиде! — он поднял упреждающе руки. — И не вздумай оправдываться! Какие могут быть оправдания? Здесь всюду и кругом — только моя вина. Давит, давит и давит — скорей бы уже все закончилось! Все нормально — пусть лучше Андрюха, чем кто-то со стороны. Он — пацан, в общем, правильный, вот только любит по пьяни сболтнуть лишнее. Ты потерпи, совсем недолго осталось, — я поймаю, догоню эту чертову Точку — и Он сразу меня заберет. Он уже здесь, Ира, ты потерпи. Мне самому все это так надоело — просто край! Скорей бы догнать ее — эту сволочь!

И быстро, не дав ей молвить и слова, он повернулся и, плечом зацепив косяк, ушел.

\* \* \*

Теперь, оказывается, даже так, — сказала себе она. Даже об этом, оказывается, мы знаем. Мужички-то — куда поболтливей нас будут! Вот и Андрюха, его двоюродный брат, — не исключение... Что ж, пусть так. Мне не в чем каяться и незачем искать оправдания. Человека, перед каким я могла бы склонить виновато голову, — больше нет.

Он, человек этот, разгромил и уничтожил все, что только можно, — а теперь его нет. Он умер. Нельзя изменить тому, кто, перед тем, как умереть, — изменял тебе четыре года безостановочно. Изменял не с женщиной даже — со Зверем. Так что мне незачем каяться и посыпать голову пеплом. Я и не думала ничего скрывать: я сделала то, что считала нужным, — и знала, почему и зачем это делаю. Но сейчас, только что... Что было сейчас, минуту назад? \*\*\*\*ь. \*\*\*\*ь! \*\*\*\*ь!! Я не люблю материться, но по-другому и лучше здесь не скажешь! И не потому, что она и слова-то вставить не успела: слишком быстро он ушел, улизнул, бежал от нее, захваченный, видимо, возобновившейся охотой на Красную Точку (дурдом, честное слово!) — нет, совсем по другой причине.

Только потому, что в улыбке его и голосе, даже в особенности этой – мимоходом и не акцентируя, выдавать вдруг новость, способную огорошить кого угодно, – проглянул вдруг прежний, давно уже не существующий человек, которого она так когда-то любила.

Человек, от которого с каждым разом оставалось все меньше и меньше, пока не осталось ничего. И она, пройдя через боль, ненависть и затяжную, до полного отупения, усталость, смирилась с мыслью о том, что человек этот растворился и сгинул в ядовитых кристаллах — его попросту нет. А теперь он, пусть и на малые секунды, явился во плоти, словно мертвец, восставший из гроба, — и оттого сделалось ей страшно и больно, как будто сжал кто-то сердце холодной, железно-жесткой рукой.

Как десять лет назад, в далекие семнадцать, когда я была беременна: Ленкой, любовью, ожиданием, страхом и всем этим сразу. Помнишь, как это было? Веришь ты, что это – было?

Тогда она разучилась нормально спать: разве можно назвать нормальным сном состояние, когда какая-то часть сознания остается бодрствовать, наблюдая спящую тебя со стороны, — и получает еженощно-неизменную порцию пронзительных в реальности своей кошмаров. И чаще всего повторялся один: откуда-то из-за платяного шкафа выходил он — именно Он, потому что силуэт на фоне подсвеченного с улицы фонарями окна был мужским, — присаживался бесшумно на край кровати и привычное совершал действо.

Непостижимым образом он проникал вглубь ее грудной клетки и тут же извлекал наружу подрагивающий и скользкий от теплой крови комок, связанный теперь с телом лишь тоненькой и длинной, святящейся беловато-фосфорно нитью, – и забава начиналась.

Улыбаясь (она не могла видеть, но нерушимо уверена была, что он улыбается), он перекидывал сердце из руки в руку; после же, сложив ладони ковшиком, принимался подбрасывать его вверх: выше, сильнее и выше, чуть ли не к самому потолку, так, что нить, натягиваясь, вибрировала, звенела, дрожала, рискуя в каждый миг оборваться... Она же, находившаяся здесь и там, спящая и не спящая, лежала, полностью парализованная ужасом, и не верила, что жуткая эта игра когда-нибудь завершится. Но завершалась — как рано или поздно завершается все. Даже садисты устают от собственной жестокости и берут, случается, тайм-аут — обращаясь ненадолго в почти нормальных людей.

Когда-нибудь завершается все: так канули, как верилось тогда, в вечность все страхи и ожидания, – когда он пришел. Они поженились, два с половиной месяца спустя родилась Ленка (три триста, пятьдесят четыре сантиметра) и все, что тогда было у них, — это молодость, любовь, ненасытное желание жить, купленная за пятьсот долларов США салатовая шестерка в не лучшем из состояний да двенадцать метров на троих в общаге на Седова... Другими словами, им принадлежал весь мир — или, во всяком случае, большая и лучшая его часть.

Он пытался зарабатывать частным извозом, или, говоря проще,

«бомбил» чуть ли не круглосуточно, с краткими перерывами на сон и секс, — и, скорее, секс, чем сон, — но денег все равно не хватало. Случались дни, когда и на еду-то наскрести удавалось с трудом, но разве сомневался кто-то из них в светлом, пусть и не коммунистическом, завтра?

Потом было время сахара, ввозимого контрабандой из когда-то братской сопредельной Украины, – но куда лучше дела пошли со спиртом, за каким он через день, а точнее, через ночь, ездил в Чернигов.

Сперва это было пятьдесят литров, после — сто, двести, триста — а в последние из алковояжей он затаривал под завязку зельем огромный, как танк, джип, умудряясь разместить в нем до полутора с лишним тонн. ВАЗовский, дефицитный в свое время ширпотреб похоронен был на задворках семейной истории, как и полунищая, а то и откровенно нишая жизнь.

На спирте они сделали достаточно, чтобы начать легальную рыботорговлю. И самую первую точку назвали, разумеется, «Греция». Потому ли, что так именовался излюбленный их ресторанчик на дебаркадере, или очень уж по душе пришелся летний отдых в Греции натуральной, – кто знает...

Но ведь было, черт побери, было – когда мы решительно, безоговорочно и однозначно взошли и стояли на вершине горы. Жили на вершине горы. Любили на вершине горы. И верили, что так будет вечно. Но судьба – расчетливая баба, и «за так» не кинет и рубля. А за каждый сделанный подарок вытребует больше во сто крат.

Не-е-ет, судьба — неласковая баба, ты подарков от нее не жди. Что можешь, бери сама, а что не по зубам тебе — обходи стороной и двигайся дальше. А если все же случаются они, сомнительные эти подношения, — принимай, не разжимая зубов, и палец — на спусковом держи крючке. Будь настороже. Не расслабляйся. Не верь! Не спи! Не спи — иначе проспать можно предельно важное.

Я ведь тоже прозевала момент, когда появился он, — Зверь. Да и не Зверь поначалу, а так — мелочь, зверек, безобидное травоядное, не стоящее внимания. На дворе трава, на траве — дрова. Трава. «Трава». Ну, до «дров» тогда было еще далеко.

Да и когда начала я видеть и замечать? Когда у него впервые случился серьезный передоз: промедол, метадон, сейчас и не вспомнишь, что это было, да и важно ли? И если он не загнулся тогда от паралича дыхательных путей, то лишь благодаря обостренному до крайней степени ее чутью, когда, на расстоянии угадав неладное, она бросила все дела и помчалась домой, ведомая безошибочным инстинктом любящего человека, — и успела в последний момент.

И сколько еще в душу плюющих раз повторится это, как угрозы-

предупреждения религиозных маньяков о конце неизбежном света; беспокойство, апатия, страх и тревога, когда слышишь одно: «Уйди, оставь меня, ради Бога!»; эйфория, агрессия, абстиненция и полный спад безупречной когда-то потенции: аногнозия и диссимуляция, и новый уход в глухую наркопрострацию; угнетенность, истерики и рыдания, стабильное депрессивно-дисфорическое состояние; клиники, наркологи, центры реабилетации; тактильные, зрительные и слуховые галлюцинации; попытки сбить зависимость алкоголем и упорное нежелание признать: «Да, я болен – серьезно болен»; истощение, апатия, слабая память и потребность растущая уйти, все оставить; разговоры ночами сумбурными, новые клятвы, обещания и надежды, взлет недолгий, а там – все, как было тысячекратно прежде; а звереныш возрос и обратился в Зверя, и ты мечешься, не зная, куда бежать и чему верить; Зверь возвысился и взял власть, ему теперь нужно много, и не скажешь ему: «Сгинь, оставь в покое нас, ради Бога!»; именно «нас» и никак иначе – ведь четыре, три, два, даже год назад он все для нее, прямо по Шекспиру, значил; опьянение, вспышки гнева, тяжелейшая астения и признаки явные параноидной шизофрении; и даже дочь, бывшая для него средоточием и перекрестком всех смыслов, самым яблоком его глаза – даже дочь бессильна что-либо исправить, изменить и хоть как-то помочь: Зверь, уверены будьте, заберет себе все, пусть и не сразу; уходы, побеги, попытки скрыть жалящую в зрачки истину, а душа – не рубашка, ее не снять да не выстирать; его измены, по случаю, с кем попало и где угодно, а ты, устав, наконец, смирившись и похоронив, - однажды проснешься свободной...

\* \* \*

Веря и не веря, что такое возможно. Но потребовалось четыре мучительных года, прежде чем это случилось. И четыре года Зверь, выедавший его изнутри и кромсавший снаружи, наведывался и к ней. Что там было вначале — непонимание, боль, страх и — краткими, пугающими атаками — ярость и ненависть. Ненависть и ярость, на смену каким в том же больном режиме возвращалась низвергнутая в яму выгребную любовь. Ненависть и жалость при виде того, как от человека, которого ты любишь, остается все меньше и меньше.

Жалость и ненависть — шлаки-яды, которые невозможно вывести из организма. Не стоит даже и пытаться — а количество их раз за разом растет, пока не превышает, наконец, смертельную дозу. Невозможно находиться долго на пике эмоций, совершая головокружительные эти скачки вверх-вниз, — достигнут сумрачный предел, и соломинке, за какую ты хваталась в пароксизмах отчаяния, уготовлена, как выясняется, совсем другая роль: переломить спину и без того

едва живого верблюда. Ты выдыхаешься, устаешь, ты смиряешься с тем, что человека, которого ты любила, больше нет — есть отравленная и больная, лишь отдаленно схожая с ним оболочка. Однажды ты просыпаешься деревянной, пустой и свободной — и впервые за четыре года тебе почти хорошо.

Почти хорошо. Потому как превышена смертельная доза, и все, что методично-неуклонно загибалось на протяжении четырех лет, вспыхнуло финально, празднично и небольно, – и сгорело в одну ночь, как случилось это с «Грецией» на дебаркадере, «их» ресторанчиком на темной воде, где десять лет назад без особой помпы они отметили вступление в брак – и продолжали бывать там по всем мало-мальски значительным поводам, – речь, разумеется, о времени, когда Зверь не взял еще полную власть...

О, мама, вытащи меня из-под поезда, этот состав вряд ли когдато закончится, а мне здесь, на рельсах, лежать — больно, одиноко да боязно, забери и похорони в сосновой, у края города, рощице...

«Мама, мама...» – в периоды ломок и утраты реальности он часто называл ее мамой, да она с определенных пор и ощущала себя таковой: матерью-одиночкой с двумя детьми, один из которых тяжело и неизлечимо болен и, по всему судя, вот-вот умрет. А потом он действительно умирает, а ты просыпаешься пустой и почти свободной.

Свободной и пустой. Но свобода и пустота – характерные признаки трупа. Живой материи не свойственно это состояние – незанятости и свободы. Каждый сам решает, что ему делать и кем быть. Каждый выбирает сам – жить ему или умереть. Я выбираю жизнь – она того стоит. И можно как угодно назвать отношения с двоюродным его братом, Андреем: жестом отчаяния, запоздалой местью, попыткой избежать душевно-телесного одиночества, подготовкой плацдарма для дальнейшего продвижения в нужную сторону... Назвать можно как угодно – только не изменой! Мне незачем врать и не в чем оправдываться. Нельзя изменить человеку, которого нет. Человеку, который четыре года планомерно изменял тебе с самыми разными суками, в обличье каких проникал в него Зверь, – трудно и сосчитать, сколько их было... Афганка, Ганджа, Люся, Мара, Фена - и далее, до бесконечности, - в поиске ненасытном утешительно-ласковых, по первости, рук. Тех самых обманчиво-нежных рук, которые совсем скоро возьмут его смертельным хватом за горло, и снова нужно будет куда-то бежать, хорониться, скрываться... Но превышена смертельная доза, и у тебя теперь – почти не болит. Тебе – почти хорошо.

Она прислушалась – все было тихо, – и, загасив окурок в тяжелой, зеленого стекла, пепельнице, принялась стряпать Ленке завтрак.

Почти хорошо. Почти. Потому что, пусть и крайне редко, но все

же случается, что из мертвеющей неотвратимо, чужой и чуждой этой его оболочки вдруг проглянет на краткий миг человек прежний – тот, которого она так когда-то любила. Которого больше нет – нет! Его – нет. Ничего нет. А лить крокодильи слезы над сгоревшим позавчера – не по мне. Все и всяческие слезы остались в прошлом – теперь мне попросту некогда, да и незачем этим заниматься. Теперь мне попросту нельзя заниматься этим.

У меня — дочь, бизнес, да и своя личная жизнь, которой в двадцать восемь лет далеко еще до завершения. Я боролась за него, как могла. Как умела и сколько могла — а теперь я устала. Я выдохлась и устала, и смирилась с существующим порядком вещей. Мне действительно почти хорошо — если бы не эти, противоестественные, иначе не назовешь, его возвращения, — как будто умерший, давно оплаканный и погребенный человек является вдруг во плоти и крови.

Крови... Снова у него кровь — а в больницу затащить никак невозможно! Да и нужна ли она, по большому счету, — больница? Ему-то уж точно — не нужна. Зачем больница человеку, лишенному веры... А веры в нем не осталось — мне ли не знать? И тебе — тебе нужна эта его больница? Ведь не раз и не два приходила она — мысль трезвая и устало-спокойная: так или иначе, все закончится единственно возможным образом... Так пусть бы уж поскорее!

Ядовитую реку не повернуть вспять, и я не хочу видеть своих мертвецов. Я боюсь видеть своих мертвецов. Мне больно, когда они, вопреки науке и логике, оживают на обманчиво-краткий миг. Оживают, переворачивают в секунды все нутро и возвращаются к себе, в привычное небытие, а мне после этих визитов – хоть в петлю лезь. Как это было сегодня – совсем недавно. Как это продолжается сейчас: ведь тот, фашист из далеких семнадцати, — снова здесь. Снова она чувствует, как рука жесткая проникает за грудину в поисках чужой и трепещущей боли — ее боли.

Пусть бы что-то произошло, думает она. Что-то и что угодно — но произошло, изменилось, закончилось: так будет лучше всем. Мертвецам ни к чему покидать домовины — им не место среди живых. Им, покойникам, надлежит пребывать в своих могилах, а не являться из небытия, чтобы, кожицу содрав с едва затянувшейся раны, скальпелем резать по страдающему-живому, — без смысла, перспектив и наркоза. Пусть бы что-то произошло. Скорей бы что-то случилось! Я выдохлась, устала, перегорела и смирилась — сколько еще мне терпеть?..

\* \* \*

А часовой механизм самоуничтожения, пущенный четыре года назад, отстукивал, меж тем, терминальные секунды, и когда Ленка,

волоча по полу оранжево-черного хищника, показалась в проеме, темнея от испуга глазенками, пальчиком пухлым указывая в сторону кабинета, а тот, палач из тощих, страшных и счастливых семнадцати, славил так, что невозможно слелалось лышать. - она, бросив недокуренную сигарету, не пошла, а метнулась к кабинету, зная наверняка, что там действительно ЧТО-ТО произошло – и что-то совсем нехорошее, - и, войдя, заскользила и едва не упала, потому как весь паркет залит был кровью, - никогда до того не приходилось ей видеть столько крови, а сам он лежал на полу лицом вниз и подтекал, вытекал, растекался неумолимо красным, а когда она, опустившись на колени, перевернула его на спину, то видела, что и нижняя часть лица в крови, как будто Зверь, когда-то проросший в него и давно уже слившийся с ним воедино, дорвался-таки до совокупной их плоти в последний, решительный раз и пожирал теперь, урча и постанывая от крайнего наслаждения, самое себя. Дышал он редко и тяжело, каждый раз из угла рта выбегала малая теперь струйка, а взгляд – далек был, туманен и, что совсем уж странно, – едва ли не счастлив даже.

Он, несомненно, узнал ее и пытался что-то сказать, но неудачно: вместо слов только клекотало-хрипело в горле и груди; он давился алым, изливая себя на паркет, и тогда, приподняв указательный палец левой руки, он сделал движение, как будто нажимая невидимую кнопку, и повторил еще раз, и даже попытался улыбнуться, все с тем же новообретенным миром на лице – и она, конечно же, догадалась, что он пытался донести, как поняла с мгновенной ясностью и другое: он умирает и скоро умрет от непонятного на тот момент кровотечения – и, потащив из кармана радиотрубку, не попадая чужими пальцами в кнопки, набрала номер «скорой», зная, что это уже не поможет, но совершая автоматически необходимые в такой ситуации действия, и позвонила, и, предвидя неизбежное, вызвонила и отца Вениамина, знакомого священника из Свято-Троицкого, и вернулась к умирающему, и, устроив ему под голову две диванные подушки, видела, что густоватая, кардинального колера, жидкость по-прежнему бежит изо рта, а значит – убегает и жизнь, и так, стоя на коленях и держа его за руку, она ощутила в один пронзительно-болезненный миг лед и холод близкой, никогда не испытанной ранее, ИСТИННОЙ свободы и пустоты, и тут же, без всякого перехода, была в узком и темном коридоре и спешила, дышащая загнанно-жарко, к мутно-стеклянной двери в самом его конце, чтобы открыть, войти и увидеть залитую белым светом и голую совершенно комнату, в которой ничего и никого не было – лишь в дальнем углу, спиной к ней, стоял высокий, в нездешнего покроя одеянии Он, – и, еще не видя лица, она узнала мучителя из сновидений и того, кто пришел утром, чтобы забрать ее мужа, – узнала, но без прежних ненависти и страха, ибо понимала теперь, что Ему, в сущности, все равно, и делает Он лишь то, что предписано ему делать, и что абсолютно сообразуется с установленным порядком вещей, и сейчас, выждав оставшиеся минуты и закончив работу свою, уйдет — совсем, может быть, скоро...

Совсем скоро: человек, чью руку сжимала она в своей, перестал внезапно дышать, и она уж было подумала – кончено, однако минуту спустя он глубоко, что было сил, принялся втягивать в себя воздух и быстро, резко выдыхать – каждый раз всхрипывало в груди, а на губах вздувались алые пузыри – пульс под касанием пальцев ее слабел и вытягивался в нить, он особенно глубоко вдохнул, выдохнул – и так, с раскрытым окровавленным ртом, и застыл. Шевельнулосьдернулось мертвое тело – и часы, оглушительно стучавшие в голове ее все это время, прекратили разрушительный ход, а внешние звуки сделались снова слышны.

В дверь звонили.

\* \* \*

Открыла отцу Вениамину женщина в малиновой пижаме.

Священник тотчас признал Ирину, года три-четыре назад бывавшую в храме, где молодой батюшка только начинал тогда служение и карьеру и не был еще широко известен. (Это позже, годы спустя, укрепившись и заматерев, он достигнет такой степени убедительного и безусловного, верой напитанного красноречия, что рьяные прихожанки будут регулярно впадать не только в религиозный, но и сексуальный экстаз, испытывая во время его проповедей многочисленные оргазмы). Но все это будет позже.

Тогда же отец Вениамин, волшебноглазый рыжий великан с лицом восторженного ребенка, был в самом начале церковной лестницы, обзавелся недавно попадьей, и, что совсем уж ни в какие ворота, – кропал на досуге стишата светского содержания.

Подобно всякому писаке, он постоянно пребывал в раздвоенном состоянии. Не один, а два отца Вениамина сожительствовали скандально в нем: непосредственный участник тех или иных событий и другой — бесстрастный, взирающий откуда-то сверху, с цепким глазом и холодными нервами наблюдатель. Раздвоенности этой о. Вениамин не хотел и стыдился — но поделать с ней ничего не мог.

И сейчас хладнокровный и отстраненный зритель отмечал механически каждую мелочь: Ирина не то что бы постарела с момента последней их встречи — но выглядела как-то неряшливо: то ли из-за растрепанных волос, то ли от прожженной в нескольких местах сигаретами пижамы. И задница ее, против прежней, чересчур показалась

велика, а грудь — не топорщилась, как ранее, призывно-упруго, да и лицо нездоровый имело оттенок...

Кроме того, от Ирины отчетливо пахло кровью, пятна которой батюшка углядел на схожего цвета шелке, – и остро-тревожный запах этот тоже не добавлял привлекательности.

Так подумалось отцу Вениамину (неуместно, конечно же, глупо, грешно, и повинен был в этом сидящий в нем наблюдатель) — и тут же, вскипев, он мысленно изругал себя в четыре злых и точных слова и поспешил за хозяйкой.

Навстречу скользнула пожилая и тощая, словно битая молью, кошка

В комнате-кабинете, помимо тела на душистом от крови паркете, оказались двое работников «скорой», говорившие тихо между собой, и девочка с плюшевым тигром. Темнея глазенками, она так и застыла на стуле с высокой резной спинкой, позабыв во рту палец.

Ничего нельзя было изменить. Человек, похоже, умер совсем недавно — на окровавленном лице сохранялся еще след живого. Медицина, как и отец Вениамин, опоздала. Обилие подсохшей, остро пахнущей крови наводило на мысли о бойне.

Батюшка постоял над телом покойного, собираясь с мыслями и настраиваясь на должный лад.

Он помнил этого человека — однако с трудом узнал бы его в истонченном, обесцвеченном отравой теле. Характерные следы на руках и у щиколоток (восковые ноги покойника выглядывали из-под задравшихся штанин) рассказали ему обо всем. Да, да, — он помнил их: человека, жену его и дочь — счастьем светлую молодую семью, регулярно посещавшую в свое время храм. Человек был тогда весел, здоров и уверен в себе. Человек имел бизнес, черную, блестящую, как дорогой катафалк, джип-машину и большие планы на будущее — пару раз они как-то беседовали.

Женщина догадалась, наконец, выключить немо вопящий Джеггером телевизор. Пройдя рядом с батюшкой, она отворила окно и высунулась из него едва ли не наполовину — священник, усмотрев в том внезапную опасность, насторожился и даже сделал движение в ее сторону — однако тут же она обернулась.

- Воздух, сказала она. Свежий воздух. Здесь просто нечем дышать. Совсем невозможно было дышать здесь. Спасибо, что зашли, отец Вениамин. Жаль только – не успели.
- Утрата тяжела, невосполнима и тяжела, но вы не отчаивайтесь... начал, было, отец Вениамин, но, глянув в глаза ей, осекся. Красноречие непонятным образом ему изменило.
  - Я давно ждала этого, сказала женщина ровно. Все равно это

была не жизнь. Агония, мучение, пытка, да что угодно — только не жизнь. С тех пор, как он перестал верить. А он перестал, я знаю. Я видела, когда это случилось. Жить он уже не хотел — а ОНА все не приходила. Он. Он не приходил. Смерть, знаете, — это Он. Все медлил и медлил, а теперь вот — явился. Может, это и к лучшему. Конечно, к лучшему. Теперь он хотя бы не мучается. Мне кажется, он должен быть счастлив даже теперь. Теперь — когда Зверь оставил его, наконец, в покое. Все правильно, все, как и должно быть, отец Вениамин. Я справлюсь. Я уже справилась. Я давно уже справилась. Все, как и должно быть. Спасибо, что откликнулись, батюшка.

Девочка, спрыгнув со стула, подошла и стала рядом, по-прежнему не вынимая палец изо рта. Лицо ее было сосредоточенно и серьезно.

 Да, это так, – молвил отец Вениамин раздумчиво. Он пребывал в неясном смятении. – Смерть дарует свободу. Свободу и покой. Но ведь душа, освобожденная от бренных оков тела, – бессмертна. Разве нельзя утешиться этим? Вы все же держитесь – и да пребудет с вами Бог!

Священник попрощался и, ощущая внутри себя смутное недовольство, пошел к двери.

\* \* \*

На улице он вспомнил взгляд женщины снова – и еще раз внутренне поежился. Что-то увидал он в глазах ее, нехорошо в нем отозвавшееся, и теперь пытался определить – что именно. Эй, скотина, что увидел там ты? – поинтересовался едко он у внутреннего своего наблюдателя, – батюшка не был доволен недавним его поведением. Что удалось рассмотреть тебе, моей цинично-вредной половине?

Да ничего. В том-то и дело, что ничего.

Мне проще рассказать, чего я там не обнаружил. Не увидел, не услышал, не ощутил.

Там не было заведомо обреченной птицы, угодившей в турбину взлетающего самолета и послужившей причиной авиакрушения и ста сорока трех смертей. И вдовьих воплей на краю могилы с внушительным заламываньем рук — я не нашел там тоже. Я не видел в режиме замедленной съемки Ленд Крузер Прадо, срывающийся с утреннего серпантина и парящий недолго перед тем, как низвергнуться в вечность. Я не узрел там дешевой патетики, слезливой мелодрамы и вселенской скорби — всего, к чему ты так в душе привержен и что вставляешь в богомерзкие стихи.

Единственное, что удалось мне увидеть и ощутить, — свободу. Свободу и пустоту. Безграничный холод и лед пустоты и свободы. Вот это, пожалуй, мне и не понравилось. Им не место там — в глазах живого человека. Ты же знаешь: всю жизнь мы стремимся постичь

ее, забывая напрочь о том, что истинную и абсолютную свободу дарует только смерть.

Это так, я не берусь даже спорить. Свобода, как и пустота, – чуждое живой материи состояние. Человек жил. Человек умер. Человек продолжает жить. И еще бесчисленное множество раз все начнется, продолжится и завершится – чтобы начаться вновь.

Так было, есть и будет. Ты же знаешь, что я прав. И потому я нисколько не сомневаюсь: все пройдет. Все минует и найдет свой конец, чтобы начаться вновь.

Человек умирает. Человек живет. Человек сам решает: жить ему или умереть. Человек забывает — то, что лучше забыть. Ты согласен? Почему ты молчишь? Какого хрена ты молчишь!? Вот скажи мне: какого хрена ты вечно треплешь языком, когда тебя не просят, — и глупо молчишь невпопад? Ты можешь не согласиться со мной — здесь и сейчас? Можешь ты не согласиться, когда мне действительно это нужно?!

Но бесстрастный циник-соглядатай хранил на этот раз сугубую тишину: из вредности, по другой ли какой причине, – кто возьмется сказать...

– Ну, и хрен с тобой! Молчи, если тебе так нравится! Ублюдок! – ругнулся отец Вениамин вслух, но, выхватив оторопелый взгляд прохожего, собрался, принял подобающий сану вид и зашагал споро к себе, где ждала его матушка Дарья.

\* \* \*

По дороге не раз и не два еще он вставал, натолкнувшись будто на невидную стену, дергал хищно-коротко шеей и отпускал крепкое словцо — но природа брала-таки свое: мало-помалу батюшка отошел лицом, зримо размяк и подобрел.

Шлюхи скучали у чугунных ворот. На углу, как бывало это всегда, обдало густым шоколадным запахом, и, мгновенно вослед, жуткой вонью канализации. Батюшка, сторонясь школьной ватаги, давя спину в древний камень стены, мимо воли улыбнулся. Да и как тут не улыбаться-то – весна, весна...

Каталония

# Марина Гарбер

\* \* \*

Я вилела такие липа и видели моё они в стерильном запахе больницы. в крахмальной раме простыни, полупрозрачные, пустые, уже глядящие туда, где тянет папоротник выю, звезду качают провода, за кольцевой оградой странно плетутся ивы наугад, и каменеют телеграммы бессмысленных имен и дат. Я видела, как здесь, в приемной, ждут медсестру, точней, уже не ждут, и гаснет мир огромный на самом нижнем этаже.

Я помню, что казался старше подросток матери своей. В обед сменялись секретарши, бежала лента новостей, настырно била – или билась? – под дых, нарочно, ни за что, жизнь - как последняя немилость, бравада или хвастовство. Смотри, я повторяла, целься: напротив – неофит курсант, правее - бывший полицейский, левее - мертвый музыкант. Запомни выбритый затылок, запомни рыжину хвоста не меньше десяти нас было, но комната была пуста.

Вверху вращался вентилятор, девятерик в углу жужжал, дотошный серафим-фиксатор исходные вводил в журнал.

ПОЭЗИЯ 53

Я видела в кафе, на рынке, в библиотеках, на катках и эту девушку в косынке, и эту женщину в очках, и ёрзающего на стуле пенсионера-старичка под ливень по клавиатуре: смерть тчк смерть тчк Я представляла, как влюблялись, писали письма от руки... Я – тоже писарь. Это – запись, а не какие-то стихи.

Так дикий зверь не хочет ласки, так я - среди чужих - одна, как этот парень из Небраски, стоящий молча у окна. Но в нашей сходке неслучайной, мелькала заговора нить, как будто каверзную тайну мы обещали сохранить: о том, что с биркой на запястье не разобрать, латынь? санскрит? -Господь, как мальчик на причастье, впотьмах взволнованный стоит. В глазах чернее, чем маслины, избушка с выступом крыльца, и стружка свежей древесины в ладонях плотника-отца.

\* \* \*

Я жила в деревне, молчком и тишком, как все, как живет трава во дворе, и опавший клен на такой срединной, заезженной полосе, где скрестились восток и запад, борей и фён. Ошалев — от звезд ли, от вымышленных светил, — через яр, где дрейфуют вербы, поджав хвосты, мне ударник Скоробогатов цветы носил, полевые, как тот писатель, огонь-цветы.

Я влезала в холод, с чужого плеча пальто, шла, бычок качаясь, по досточке вдоль реки, первомайский тезис герани в стенах сельпо подбирали с пола и множили мотыльки. Отдавала клеем почтовых услуг слюна, в раздвижном окошке пестрела спина писца, главпочтамт — что кремль высок, а вокруг стена — расписная марка в «не подходи!» зубцах.

Зря меня голубкой прозвал птицелов-завхоз, уверял, что носила письма, но всё не так, я листву носила, безадресный листонос, каждый божий ящик — пустырь, буерак, овраг. Спотыкаясь в спешке, поди, не чужих кровей, шла к былым рыбачкам, спускалась к сырой воде, почерневшим бабам читала про сыновей, светлоглазых мытарей, сгинувших знамо где.

Мелюзга кричала: «Чучело! Краснотал руки-ноги твои, башка твоя котелок!» — им внимая, Скоробогатов цветы топтал: оказалось, его божок от меня далёк. И когда говорили, «сожги, потеряй, порви», — с вестью спутавшим вестницу, выжившим из ума я несла, потому как нет без письма любви, без любви письма.

Лас-Вегас

# Григорий Стариковский

\* \* \*

лист, светящийся подарок на поверхности воды, прогорает, как огарок пошатнувшейся звезды,

золотистая горелка в память летних лепестков, над раздавленною белкой кружит птица-смердяков,

ищет снеди – влажных перьев глянцевитая зола, и чадит его веселье в небе, стертом добела.

\* \* \*

огонь напоминающий — была одна такая, не давалась в руки, а я за ней до яузы бежал; дома кривели, обливаясь потом фонарным; возле яузы кружил, снежок, снежок, он тоже под углом носился над асфальтом и дрожал.

она, что утка в полынье, взлетев, давилась воздухом и билась оземь, и, если прикоснувшись, обожгла, то лишь чуть-чуть, как разве что зола одновременно хладом и теплом дышать способна, истончая образ соснового полена, жизнь — светла, пока воспоминание мгновенно сгорает, сумасшедшее, дотла.

# Нина Божидарова

# Олюбви

## ПОПЕЛУЙ МЕНЯ!

Он был обвешен женщинами, молодыми и не очень, красивыми или только чем-то симпатичными, блестящими или скромными, искренними, добрыми, истеричными, извращенными, – любыми. Действительно любыми, но всегда фатальными, губительными, испепеляюще неотразимыми, околдовывающими его взглядом, нервной затяжкой сигареты из серебряного портсигара, прокручиванием кольца на пальце, рассеянным от стягивания жартьером, резкой сменой передачи в машине с четвертой на вторую...

Господи! Да, все это было, было у него в голове, у него в сердце и в душе. И в плавном его ежедневии, в сероватом тумане, наполнившем его пыльную комнату, и в мечтательной дремоте в кресле рядом с камином. В бокале вина, который следовал обычно за бутылкой виски; и во сне, коротком и болезненом, разорванном, как съеденный молью плед прошлого столетия.

А правда... о! правда... но кто на самом деле интересуется правдой... на самом деле, о чем вообще идет речь?.. Реальность для него была только отправной точкой, рыхлым дном, куда с трудом цеплялся якорь его сумасшедствия.

Иногда он выходил из своей прокуренной квартиры, плутал одиноко по улицам, – когда голова начинала гудеть от прочитанных книг, переполненных силуэтами красивых фатальных женщин, одиноких мужчин – всех до одного непонятых и несправедливо отброшенных. В конце концов все они – и мужчины, и женщины – становились жертвами... Но жертвами кого, жертвами чего? Вероятно, каких-то бурных страстей, каких-то случайностей, разрушающей любви, сильнейшей ненависти, либо просто Города, такого чужого и грязного.

Город действительно был слишком суров: под поношенными башмаками плескалась жидкая грязь, отвратительно одетые женщины бежали за вонючими автобусами, хохотали вульгарно на остановках и говорили страшные слова... И они тоже, конечно, были жертвами, но жертвами чего-то другого, того, о чем он не хотел думать.

Его интересовало иное. Где?.. Где они – те, красивые, с сигаретами и жартьерами, с кольцами, с жестами, с диалогами (о да, не надо

забывать про диалоги...), как в кино, снятое сэром Орсоном Уэлсом, например... где все эти женщины?.. И он возвращался домой – как животное, голодное, одинокое, в ранах. На улицах города ранил каждый взгляд – о словах даже и говорить не стоит, «куда прешь, придурок» – слышно было иногда за его спиной, и гадкий хохот сопровождал тогда его воспаленный взгляд...

И он бежал, бежал спрятаться подальше от них, в туман прокуренной комнаты, среди алкогольных испарений, среди книг, в свой постоянный транс — более живой, чем омерзительная реальность за окном, покрытая непрозрачной грязью... ведь никто же не будет окна ради этого мыть...

Пришла один раз Елена, которая убиралась у его кузена, – прямая, как струна, энергичная, с быстрыми уверенными движениями, черными волосами по пояс и золотыми браслетами, звенящими на тонких кистях. Елена так и не дошла до мытья окон, потому что отвесила ему звонкую пощечину, не взяла денег и ушла, хлопнув громко дверью. Она даже забыла в ванной чересчур эротические резиновые перчатки греховного лилового цвета. Кузен позвонил и возмущался, потому что Елена перестала приходить и к нему, и где теперь он найдет такую домработницу, так к ней все привыкли, и как он мог так себя повести... они с Еленой семь лет знакомы, у нее трое детей... неужели настолько нет вокруг него других женщин, – возмущался кузен...

Да, действительно, задумался он, других женщин... Он ее только за талию схватил, эту Елену, хотел, чтобы браслеты звенели рядом с его ухом, хотел пережить заново «Кармен», как когда-то в детстве, когда читал в первый раз, но вместо этого зазвенела твердая ладонь Елены о его щеку. Он только спросил, не хочет ли она заняться с ним любовью, сейчас, здесь, тут же, из-за нее он готов был поменять простыни... Хм...

Ночные клубы были переполнены. Женщины хихикали вульгарно, на их бесстыжих губах была ужасная помада... женщины с огромными декольте, в которых переливала желтоватая плоть... Когда он приглядывался к ним, казалось, что под макияжем, под их прическами, под одеждой, взятой на прокат с улицы «Сэн Дэни» на короткое время для жутковатого карнавала, — под всем этим он найдет бесформенных прыщавых подростков, переевших жирного картофеля из Макдональдса... «Боже», — говорил он сам себе, крестился, быстро выпивал виски у стойки и бежал дальше.

Однажды он оказался перед какой-то очередной случайной дверью. Он вошел внутрь – было красиво, воздух прозрачен, музыка – ненавязчива; элегантные люди разговаривали почти беззвучно, и никто не смотрел на него. Он созерцал этот мир, и ему становилось все уютнее.

Постепенно всё оживилось, черный мужчина заиграл на саксофоне, русая красавица запела, люди зааплодировали... Вечер проходил незаметно, тонкие силуэты плыли вокруг него, вероятно танцевали... Он заговорил по-французски с музыкантом, по-русски — с певицей, по-английски — с барменом. Как в книгах, жизнь с открывающимися возможностями... Этим же вечером, позднее, он заметил красивую женщину у стойки. О, как красива, как совершенна была она, словно только что вышла из романа... «Если хочешь затянуться...», — сказала женщина и сунула ему свой мундштук, вероятно, из слоновой кости. Его укачивало от слащавого запаха сена, он посмотрел на женщину с удивлением, «...я его скрутила крепким... но ничего», — смех ее был, как падающий жемчуг...

Он начал видеть время отчетливо, минута тянулась долго, сотканная из медленных жестов, а он успевал их всех рассмотреть, пожить даже в них немного, нырнуть и снова выйти на поверхность. Все происходило красиво и плавно. Он ощущал, как тонкие холодные пальцы женщины скользят по его лицу, она ему говорила что-то, а его укачивало все сильнее от слащавого запаха сена, и постепенно до его сознания дошли ее слова: «у нас или у вас»... После нескольких музыкальных перепадов засыпающего саксофона он осознал, наконец, смысл ее слов и сказал «пошли»... И они стали подниматься, подниматься, подниматься — и шли вместе по бесконечной лестнице... Ее талия была тонкой-тонкой, а ритм ее шагов слился с его ритмом...

Наконец они вышли на улицу, она уронила ключи, он долго их подбирал, ему даже показалось, что наступит рассвет, прежде чем он поднимет эти ключи с грязной мостовой. Но нет, рассвет так и не наступил. Третья машина, которую он попробовал открыть, подошла к ключам, и они сели на удобные кожаные сидения и потом медленно тронулись, она вела уверенно и плавно, а он неуверенно показывал дорогу.

Она озарила своей красотой его пыльную комнату. Она сбрасывала с себя всё... и вещи, подобно лучам, разрезали дымный занавес мрака; тут — портсигар из слоновой кости, там — кольцо с жемчугом, еще колье, диадема, потом шелковое платье, туфли с ярко-красными подошвами... сначала одна, потом вторая... Даже застежки на жартьере проблескивали своей собственной жизнью... Он закрыл глаза, потому что не мог больше выносить это изящество, это молчание, этот транс со вкусом соломы. Женщина прижалась к нему, и запах ее был болезненно прекрасен; он проникал в его легкие вместе со сладким вкусом ее сигареты, перехватывал дыхание, аж до боли в диафрагме, доходил до самой сути его существа и цеплялся там иголкой. Он ощущал вибрации вселенной через этот запах и через эту женщину...

Женщина хотела заняться любовью. Он не знал как. Он просто рождался в этом мгновении, в этой нежности, в этом запахе соломы, мыла, пудры. Рождался в первый раз на этой земле, где, он был уверен, его не ждет больше ничего хорошего. И вдруг весь ужас будущего его бытия рухнул на него сверху и раздавил, и он грубо оттолкнул женщину. Она все еще улыбалась. Он замахнулся, она засмеялась, и тогда... о, тогда ураган из слов поднялся в его душе, ураган обид, поддавленных слез и полузабытых ран... женщина молчала, и постепенно страх овладевал ее широко раскрытыми зрачками. Она продолжала молчать, но слушала его, он знал, что она слушает. Она должна была расслышать каждый стон его парализованной души! Но вместо этого она быстро собрала вещи, посмотрела на него коротко и только пожала плечами, перед тем как дверь захлопнулась глухим щелчком за ее худой спиной с позвонками, напоминающими жемчужное ожерелье.

## ПРЕДПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Жизнь распадалась у нее на глазах. Вроде медленно, а на самом деле... Все стало серым. И лицо, и душа, и зубы, и глаза, и слова.

Николя был здесь, и одновременно его не было. В большей степени его не было. Не было, когда был нужен по-настоящему, когда болело сердце, когда душа сжималась, как скомканная бумажная кукла. Эта кукла была когда-то красивой и женственной, а потом превратилась в пустой лист скомканной бумаги, никчемный шарик, который никто не утруждается даже развернуть, распрямить, посмотреть — нет ли там чего-то ценного, телефонного номера или магической формулы, начерченной химическим карандашом. А может, и сокровища, завернутого в фантик, чтобы спрятать его от завистливых глаз...

Все, что оставалось – это водка, она хотя бы находилась всегда на своем месте... Если ей еще было интересно о чем-то заботиться, так это именно о водке, – и то только потому, что эта водка тоже о ней заботилась. Разгоняла страхи, заливала сердце теплым спокойствием, заполняла время, отделяла ее от всего вокруг... И она забывала, что телефон уже давно не звонит, что уже давно никто никуда не зовет, ни на съемки, ни на дубляжи, – никуда... А раньше... ах, раньше.... раньше она была красавицей, за ней ухаживали, она была свободной, могла иметь все – и имела *его*, иногда лишь на минутку, а иногда подольше... как она сама решит. Куда-то все делось – и блеск, и лоск, и красота... Куда пропала та жизнь... так и не поняла, но и не старалась особенно понимать...

Случалось, что денег не было совсем. Даже на такси. Случалось открыть глаза и с каким-то тупым равнодушием понимать, что лежит на булыжнике, на незнакомой улице, в незнакомой ночи. Все бывало. Такие вещи случались со многими — случились и с ней, с бывшей кра-

савицей, бывшей везуньей, бывшей звездой.... Таков ее путь, короткий и болезненный. Только время от времени – незнакомый булыжник. И какие-то незнакомые люди, незнакомо грубые и незнакомо сильные...

Жизнь, очевидно, как-то ее обманула. Она и сама обманывала когда-то, обманывала влюбленных в нее мужчин, не задумываясь, как обманывала в карты. Однажды партнер по картам оказался шустрее, тогда, в Транссибирском экспрессе. Она сошла в Пекине, завернутая в одеяло, потому что проиграла все, даже белье. Из этого чуть не вышел дипломатический скандал, но нет... китайцы оказались очень тактичными, а посол — ловеласом и отчаянным игроком. Она, естественно, с ним переспала тогда... или не спала... или это был консул... нет, тот консул был в Вене... Все это было давно и не имело значения, и уже не существовало. Конфузные моменты жизни актрисы Петриновой... но и такой актрисы уже не было. Увы.

Она начала собирать деньги. Чтобы выполнить давнее желание, для которого до сих пор не хватало времени. Сейчас, когда жизнь рушилась перед глазами и, может быть, потихоньку исчезала совсем, вероятно и наступил как раз тот момент, когда пора купить себе последнее желание. Словно перед виселицей, которая мерещилась ей иногда по утрам... Такая одинокая, ярко-черная на белом фоне виселица, как у какого-то декабриста... или как тот фонарь в центре Парижа, на котором повесился, якобы вылечившись от сумасшествия, писатель Нерваль.

Деньги были собраны. Телефон найден.

- Что-то дополнительно будете заказывать? делово спросил голос из трубки ....
  - «Дополнительно» это как? удивилась она.
  - Ну, цветы или бутылку, или что-то особенное...
  - Да. Твердо ответила она: Бутылку водки. Подешевле.

Точно в урочный час в дверь позвонили. Мужчина с цветами и с бутылкой дешевой водки. Как заказывала. Улыбнулся широко, скользко и слегка виновато. Какой-то помятый мужичонка, не молодой, но и не старый, смутно откуда-то знакомый. Сели по-деловому друг против друга за засаленным кухонным столом. Она открыла бутылку, щедро разлила по стаканам.

- Вы давно вот так работаете? - спросила она, как спрашивали обычно в кино.

Мужчина кивнул. После нескольких дежурных вопросов она все же, хоть и не сразу, узнала его. Он был ее одноклассником в начальной школе, банальным мальчиком с банальным именем. Сидели за одной партой, с первого по третий класс, и он с обожанием смотрел ей в глаза три года.

Они говорили много, всю ночь напролет – о жизни, о друзьях, о школе, о первой любви – только о банальных вещах.

Она опустила голову на кухонный стол, что случалось с ней много раз, и за мгновение перед тем, как нырнуть в привычный, яркий, пьяный сон, подумала, что ее последнее желание так и не сбылось... Вместо мужчины на заказ, мужчины-мечты, появился грустный, помятый одноклассник, который когда-то так и не осмелился признаться ей в любви. Не случилось последнее желание... Может быть потому, что было слишком много предпоследних?.. Означает ли все это, что черная виселица на белом фоне отменяется, или все это вообще только шутка?

### ЧУЖАЯ СОБАКА

Алекс Серб появился внезапно. Однажды утром он вдруг оказался в центре нашего маленького провинциального городка. Пришел неизвестно откуда, но, если судить по имени, вероятно из Сербии. Как бы это ни казалось невероятным... Из нашего городка люди, в основном, уезжали. Никто никогда не приезжал. Уезжали в дальние края. В западные страны. Иногда даже в Австралию. Иногда на юг. И даже на восток. Уезжали в большие города. В столицу. Но никто никогда не приезжал. Иногда, редко, кто-то возвращался. Очень редко.

В первый же вечер Алекс Серб устроился на работу охранником в единственный городской ночной клуб, что был недавно покрашен под зебру. Все отправились в этот вечер в клуб посмотреть на человека, который приехал в наш город. Он надел снежно-белую рубашку, подчеркивающую его силуэт великана. И не обращал на нас внимания. Стоял у двери. Работал.

Жил я тогда в чужой просторной квартире. Надо было ее отремонтировать, а заодно можно было и пожить. Большие комнаты, светлые окна, высокие потолки, камин. Хозяин — друг мой — ожидал инструкции от своей мамы из Калифорнии о покраске, обоях и плитке, поэтому ремонт все не начинался. Так вот, друг этот подошел ко мне и сказал: «Давай там в кабинете поживет Алекс Серб, пока устроится».

Я кивнул. Мне было все равно. Места много.

Поздно в тот же вечер пришел и Алекс Серб:

- Знаешь, у меня собака. Она уже там, в кабинете, надо вас познакомить, иначе она тебя в дом не пустит, так обучена. Настоящая собака, сказал Алекс, не скрывая гордости.
  - Без проблем, ответил я.

Алекс пошел работать.

Только потом случилось так, что ночь, звездная, теплая, летняя ночь закрутила меня и увезла куда-то, изменив мои планы вернуться домой к новому соседу и знакомиться с собакой. Много всего про-

исходило тогда в моей жизни, и я старался быстрее забывать все старое.

Не помню когда, после скольких дней и ночей, я снова очутился перед своей дверью. В дверях стояла огромная собака и смотрела на меня внимательно. Очень большая собака. Великанская, как и ее хозяин.

 Алекс! – позвал я, но его не было. Собака смотрела на меня оценивающе.

Я не спал несколько ночей, две или три, а может и больше, я покачивался, стоя на пороге, а передо мной валялись расбросанные по квартире мои вещи... между нами стояла собака, серьезно оценивая меня взглядом.

- Не смотри на меня так, простонал я, я же не должен перед тобой отчитываться...
- Привет, звонко поздоровалась со мной соседка и бодро пробежала вниз. Ее шаги прозвучали у меня за спиной. Мы с собакой не ответили.

Перед тем, как рухнуть у порога, я подумал, что лучше бы дойти до уборной:

— Слушай, меня сейчас вырвет, — сказал я собаке и сделал несколько шагов внутрь квартиры. Она не сводила с меня свой укоризненный грустный взгляд. Она никак не отреагировала. Не прорычала даже, а только толкнула дверь, чтобы сквозняк мог ее захлопнуть.

Потом я чувствовал присутствие собаки где-то рядом, пока меня рвало в унитаз. Собака стояла у меня за спиной и смотрела. Словно говорила: «Выпей 'Алка-Зелтцер'». «Ну, ты тоже, врач мне нашелся», — подумал я, но послушно отправился на кухню, где на столе поджидала меня коробка «Алка-Зелтцер». Наверное, Алекса.

Когда он вернулся с урока скрипки — да, оказалось, что Алекс любит музыку, — он сильно удивился, найдя нас с собакой, лежащими в обнимку на полу. Он удивился, я видел это, но его великанское лицо ничем не выдало удивление, словно так и принято у них там, в Сербии. Дни пошли, как обычно, монотонные, но приятные.

Мы жили втроем, словно никогда и не расставались. Однажды я проснулся, весь облитый липким потом, мне было страшно и холодно... Мне снилось, что убили Алекса. И что хотят забрать собаку, которую я прижимаю к своей груди, как ребенка. Я встал, побежал в кабинет проверить Алекса. Он читал в бледном свете ночника.

- Что, кошмары замучали? спросил с пониманием. Его интонация намекала, что он сведущ во всем, что касалось страха.
  - Нет, ответил я.
- Пойдем чай пить, собака только подняла голову узнать, куда мы направляемся.

С тех пор, как в доме появился Алекс, я стал пить чай. Мы вместе в ним шли в бар перед открытием, садились, наливали себе чай и говорили обо всем на свете. Потом Алекс приступал к работе.

В то время я пил много, виски там, и всякое другое, иногда оставался поспать ненадолго прямо в удобных креслах бара. Алекс закрывал опустевший зал, выпивал стакан чая, и мы вместе шли домой, где нас жлала собака.

— Откуда ты пришел? — спросил я однажды. Наверняка я был пьянее обычного, потому что весь вид Алекса свидетельствовал, что он пришел ниоткуда и никуда не идет. Но все-таки. Все-таки.

Он не ответил. Только желваки заиграли на лице – как в кино, хотя... какое там кино, наверное, мне показалось... Естественно, я больше не спрашивал, откуда и куда.

А он и вправду, кажется, никуда не шел. Однажды я увидел его, читающим объявления в газете.

- Работу ищешь? пошутил я.
- Нет, квартиру.
- A, ну да.... действительно, рано или поздно надо было съезжать отсюда...
- Это... ты... если вдруг что-то... случайно... то ты возьмешь собаку, правда?

Я замер посреди кухни с нелепым алюминиевым чайником в руках...

– Нет проблем, – ответил я чужим голосом, хриплым и тихим.

Алекс нашел себе квартиру и переехал. Я их проводил – великанского мужчину с его великанской собакой. До их новой квартиры, с балконом и видом на горы.

Виделись реже, но всегда с удовольствием пили чай, молча. Както было не о чем говорить. Но все-таки, все-таки.

Я часто разъезжал по работе, возвращался ночевать в пустую, давно отремонтированную квартиру. Уже не пил, не шлялся по ночам, да и бар изменился, другие люди собирались там. О том, что клуб когда-то был раскрашен под зебру, напоминал теперь только циферблат настенных часов. Когда я работал в этом баре, задолго до того, как Алекс приехал в наш город, я думал, что эти часы указывают на вечность, так медленно шло на них время.

Однажды утром, когда я проходил с кофейником по коридору, послышалось, словно кто-то дышит за дверью. Я открыл. Там стояла собака. Великанская собака с рюкзаком, специальным собачьим рюкзаком. В нем было упаковано спальное одеяло и нелепый алюминиевый чайник Алекса. И коробка «Алка-Зелтцер».

# Ираида Легкая

\* \* \*

Роятся в голове слова Они стремятся К листу бумаги на столе Добраться. Не удается это им, Не удается, А кто-то в стороне стоит Смеется.

\* \* \*

И. Михалевичу-Каплану

Погибают летучие мыши и пчелы И становится мертвой Живая вода. Погибает мой мир Ветреный и веселый Разрывается на куски Падает в никуда.

\* \* \*

2017

Юрию Сандулову

Спят мои читатели В сырой земле Даже к могилам их Потерялся след. Сжечь бы все стихи В огне лесного костра Сбрасывая кожу В последний раз. Нам осталось хоронить Нам осталось отпевать И по кладбищу ходить И могилы искать На пороге смерти и сна Воцаряется тишина.

2016

## Хельга Ольшванг

\* \* \*

Встает река в прозрачных латах, заносит острый мост и падаем — тень к тени, в наших ртах пожухло пение, повис наш свист. Листок в листок вникает осенью большой, глаз всматривается в чужой глаз, там круги, и мысленно держась за берега, расходятся вчерашние враги, сегодняшние мертвецы, каких полно в земле и навесу. Пора и нам, как говорится. И не так уж страшно все.

### ИЗ КНИГИ «ФРАГМЕНТЫ ОПЕРЫ»

Xop:

Конченые люди, померанцы, скучиваемся и дышим рот в рот, ротой маршируем в пыльном солнце, в городках, вонючих от герани, спим, когда велят, выпускаем дым и слюни, прижимаем к животу колени.

Родом из поселков наши предки, городского типа наши прядки, стриженные под одну гребенку, выдернутую из хлорки в банке выдернутые и мы из пачки, отсыревшие, как спички, ни огнем не занимаемся, ни делом, размножаемся под одеялом, тлеем, пропадаем даром.

Но зато когда о стену спинами опираемся и курим, или на скамейке длинными днями вяжем, прозябаем в мутных окнах, много всякого мы провожаем взглядами, много всякого мы знаем разного о героях Еврипида и Софокла.

Нью-Йорк

## Вадим Ярмолинец

# Страницы семейной истории Смирновских

### ЗЯБОЧКА

Перед завтраком бабушка берет миску и идет на огород за клубникой. Минут через пять она возвращается, но не с клубникой, а с каким-то взъерошенным, отчаянно дрожащим существом.

- Зябочка моя, говорит она ласково и прижимает существо к себе, а то, продолжая дрожать, доверчиво льнет к ней.
  - Это еще что такое? недовольно говорит дед.
- Если бы не шерсть, я бы сказал, что это поросенок, говорит мой брат Антон.
- Это Зябочка, повторяет бабушка и сует существу кусочек печенья, которое то с удовольствием уплетает. Зубы у него при этом стучат, как швейная машинка.
  - Зябочка?! удивляется дед.
- A ты посмотри, как она дрожит, отвечает бабушка, как будто зябнет.
  - Так это собака или поросенок? пытается выяснить брат.

Бабушка так увлечена скармливанием печенья своему новому питомцу, что не слышит вопроса. Тот же, пугливо кося на нас глаз, бодро хрустит угощеньем, не забывая время от времени благодарно облизывать руки кормилицы.

- Если это поросенок, то его можно откормить и к Новому году - того... - брат проводит указательным пальцем по горлу.

Но когда бабушка ставит Зябочку на пол и та начинает знакомиться с комнатой, все сходятся во мнении, что это не поросенок: слишком хвост пушистый и, к тому же, полосатый. Как у енота, только больше. Хотя нос точно — пятачком.

- По-моему, это какой-то мутант, говорит Антон. Или гибрид.
   У нас возле мусорника кто только не водится! Там тебе и собаки, и еноты, и даже опоссумы.
  - Чудны дела твои, Гос-споди, крестится бабушка.

На ночь Зябочка остается в доме, но на следующее утро все только и говорят, что Зябочка – зверек, конечно, ласковый и умный,

но дышать в доме совершенно невозможно. Видимо, в создании этого гибрида не обошлось без участия хорька.

Поэтому Зябочку селят в сарайчике с садовым инвентарем, куда бабушка три раза в день носит ему объедки со стола. Пока Зябочка ест, бабушка разговаривает с ним. Дедушке это подходит, потому что если бы не Зябочка, бабушка разговаривала бы с ним, а все разговоры у нее только о том, какие мы все бездельники и как ей приходится одной за всеми нами ходить.

К зиме оказывается, что Зябочка так выросла, что садовый инвентарь из сарайчика надо убрать. Вместо него бабушка приносит туда матрасик. Пока Зябочка закусывает, бабушка жалуется на нас или еще на что-то, поводов у нее всегда – хоть отбавляй. Иногда она просиживает в сарайчике часами, а когда возвращается, дедушка не без иронии интересуется, не хочет ли она туда переселиться.

Когда приходит весна, выясняется, что за зиму Зябочка так выросла, что не проходит в дверь. По этой же причине она уже давно не лежит на матрасике, а все время стоит, как лошадь.

- А оправляется-то она как? интересуется дед.
- А она не оправляется, отвечает бабушка. Все в себя вбирает, потому и растет.
  - Как бы ее не разорвало, качает головой дед.

Но разрывает не Зябочку, а сарайчик. Где-то так в середине мая, когда мы все сидим на веранде за затраком, одна стена сарайчика со скрипом отваливается, крыша съезжает на землю, после чего валятся и другие стены.

От нового вида Зябочки у меня перехватывает дыхание. Антон давится сырником, дедушка багровеет и покрывается испариной.

Описать произошедшие изменения в облике Зябочки так сходу — трудно. Ну, во-первых — рога. Потом то, что мне сначало показалось горбом, оказалось сложенными крыльями. К этому добавлю, что Зябочка, очевидно, так и не отогрелась, потому что дрожь у нее не прошла. Ну и запашок стал более интенсивным.

Завидев бабушку, Зябочка поскакала ей навстречу, а мы, как вы понимаете, поопрокидывав стулья, бросились от этого чудовища наутек.

Уже за домом, отдышавшись и придя в себя от потрясения, мы осознали, что бросили бабушку на растерзание этой нечистой силе. Что же делать? Антон взял вилы, дедушка – грабли, я – совок, и мы, стараясь не шуметь, пошли спасать бабушку.

Это оказалось лишним.

Зябочка сидела за столом, а бабушка угощала ее чаем.

– А я знаю, почему вы убежали, – сказала Зябочка нам негромко,

но очень внятно и безо всякого там поросячьего или собачьего акцента, а только сильно постукивая зубами.

- Па-а... па-а-чему? спросил дедушка, зубы которого стучали теперь не хуже, чем у Зябочки.
  - Вам стало стыдно. Бабушка мне про вас все рассказала.
  - И, отпив чаю, Зябочка добавила:
  - Садитесь, будем разбираться.

#### ГОЛЯБКИ

Бабушка сидит на раскладном полотняном стуле у стола, где разложены ее сокровища: кукольный домик с сиреневой крышей и голубыми оконными ставнями, куклы в розовых, голубых и желтых платьях, пестрая посуда. Цвета ее детства тихо выгорают на июньском солнце. Облака замерли в ярко-синем небе, словно кроны дотянувшихся до него платанов приостановили их бесконечное движение.

На голове у бабушки треугольная шляпа из газеты. Тень от козырька скрывает ее лицо, поэтому непонятно – дремлет она или бодрствует. Когда кто-то из прохожих подходит к столу, она не меняет позы, кажется ее не интересует, приобретут ли что-то у нее. Если покупатель бросает в банку от голландского печенья доллар-два за какую-то безделушку, то, наверное, из жалости.

Полуденная тишина нарушается криками в доме на другой стороне улицы. Скульптор Твердовски выясняет отношения с очередной подругой. Он называет их «кобетами». Они бранятся на родном языке, и суть их претензий друг к другу нам непонятна.

Кобеты проявляют поразительное единодушие в нежелании жить с ним. Редкая задерживается больше, чем на месяц. Одни уходят со скандалом, другие беззвучно — как рыбы в глубину. Об уходе очередной мы узнаем по появлению возле дома скульптора вызванного по телефону такси.

Крики прерываются звуком разбитого стекла. Какой-то предмет вылетает из окна и падает на середину мостовой. Это — бумажник. Твердовски — в одних шортах, белый живот перевалился через пояс, — выбегает на улицу. Асфальт так горяч, что он старается бежать на пятках. Подняв бумажник, он замечает бабушку.

- Доброго здоровья, говорит он.
- Что теперь? спрашивает бабушка.
- Не хочет делать голябки, негромко докладывает скульптор. Говорит, что у нее другая специальность.
  - Кто хочет делать голябки в такую жару? вздыхает бабушка.
- Конечно! говорит скульптор. Все хотят сидеть на голове и болтать ногами.

Женщина хочет любви, – замечает бабушка. – А мужчина хочет голябки.

Бабушка берет одну из кукол – в желтом вязаном платьице – и протягивает Твердовски.

– Дай ей.

Возвращаясь к себе, Твердовски ступает по мостовой, как по готовой расколоться под ним льдине.

Тишина снова заполняет улицу. Задремавшее солнце начинает терять высоту.

Бабушка собирает свое хозяйство. Появляется Твердовски. На этот раз он в майке и сандалиях.

Я хочу купить все, – говорит он и раскрывает бумажник. – Сколько?

Сложив кукол и посуду в розовый домик, он уносит их к себе. Бабушка стоит перед опустевшим столом. Потом она берет банку от печенья и подбрасывает ее содержимое в воздух. Порыв вечернего ветерка подхватывает зеленые купюры, как листья, они взлетают неожиданно высоко и бросаются врассыпную вниз по улице. Глядя им вслед, бабушка беззвучно смеется и в этот момент становится похожей на маленькую девочку.

#### 4 ИЮЛЯ

В китайском магазине мы покупаем ящик петард для праздничного фейерверка. По лицу брата я вижу, что нас ждет потеха, которая надолго запомнится нашим соседям. Скорей бы стемнело!

В девять вечера, когда мы выносим наш арсенал на улицу, начинается проливной дождь. Это не останавливает нас. Антон велит мне раскрыть зонт и держать его над ящиком с петардами. Рядом с ним он устанавливает картонную трубу-ракетницу и вкладывает в нее первый заряд. Затем он поджигает шнур и говорит, чтобы я убрал зонт, как только искрящий огонек на нем доберется до отверстия в трубе.

 Отходи-и! – кричит он, становясь вдруг совсем маленьким далеко-далеко у меня под ногами.

Пока я несусь сквозь плотный слой облаков, шутиха искрится и шипит возле моего уха, но звук этот постепенно стихает. Меня окружает бархатное безмолвие, в котором мерцают огромные звезды. Если бы я догадался захватить бинокль, я бы мог проверить – есть ли на них жизнь.

На всякий случай я теперь держусь за зонт двумя руками. Судя по всему, это хорошой зонт. Он, кстати, был куплен в той же китайской лавке, что и петарды. В этой лавке все по 99 центов, но за зонт

продавец взял с нас два доллара. По его словам, он сделан из нейлона, который заказывает для своих нужд министерство обороны Китая. Наверное петарды были сделаны по заказу того же ведомства.

Недалеко от меня пролетает международная космическая станция. Из иллюминатора на меня смотрят ее обитатели. На их разноцветных лицах лежит печать неподдельного изумления. Кто-то неуверенно машет мне. Я улыбаюсь в ответ – руки у меня заняты.

На заре я начинаю спуск. Свежий утренний ветерок овевает лицо. Когда я подлетаю к дому, бабушка накрывает на стол. До меня доносится аромат яичницы и свежего хлеба. Я ощущаю, как проголодался за время полета. Я едва успеваю опуститься на балкон, когда она зовет:

- Мальчики, завтракать!
- Иду! кричу я в ответ.

Нью-Йорк

## Бахыт Кенжеев

\* \* \*

куда спешишь моя рогнеда зачем рыдаешь улюлю я от забора до обеда тебя по-прежнему люблю и даже может быть кохаю и страсть моя светла быстра когда танцую и вздыхаю как ящерица у костра хотя немало пролетело как мы простились навсегда твое возвышенное тело я часто помню иногла не зря мы нежно целовались не зря мы жарко обнимались любовь не полностью херня а рана в сердце у меня вернись вернись моя услада пускай невинна и стройна была ты горше шоколада но слаше мела и вина клянуся пушкиным беспечным клянуся свёклой из борща тебя любить я буду вечным до крышки гроба обеща

ГРАЖДАНСКИЕ СТИХИ Нахмурив лоб, колени сдвинув, грущу об участи вещей — высокомерных апельсинов и простодушных овощей. Как облака из влажной ваты, плывущие в иную высь, они совсем не виноваты, что не такими родились Мы дети господа, а все же, откушав чаю поутру, сдираем с цитрусовых кожу и спаржу варим на пару.

ПОЭЗИЯ 73

Увы! Когда же мы усвоим, что смерть страшнее, чем любовь, что вновь исходит вдовьим воем многострадальная морковь? Вегетарьянцы! Лицемеры! Понятно мне, как трижды два, что в темноте все кошки серы, что есть врожденные права и у зверей, и у растений (и даже, блин, у ГМО!), а кто их жрет, отнюдь не гений, а омерзительное чмо.

\* \* \*

Опять весна, о primavera, вновь язык свободен, словно в юности. И снова стою на площади, где грузный Паваротти оплакивал Карузо, напрягая серебряное горло, и в толпе матрона из простых, вдова, должно быть, платком бумажным утирала слезы, вся в черном – нет, скорее, в темно-синем.

И я там был, аз, обладатель тройки по пению, почти лишенный слуха и голоса, не зритель, а свидетель, запоминавший, как светло и зыбко рулады скорбные по улочкам блуждали и затихали, не достигнув неба, как улетала музыка, вернее, жизнь таяла, сияя вместе с нею.

Ну что, певец, ты тоже вышел в минус? Хотел распивочно, а выпало — на вынос, Скамейка, дворик, дождик молодой летает над летейскою водой. Промозглый воздух густ, стакан граненый звонок, сочится тьма огням наперерез. И есть еще — дрожать и кутаться спросонок в изношенные простыни небес. \* \* \*

Служил на свете рыцарь бледный, простой советский богатырь, на вид обиженный и бедный, но сердцем – сущий нетопырь.

Когда для укрепленья духа он осмыслял земной удел, ступней почесывая ухо, на звезлы хлалные глялел —

всю тяжесть гипсового слепка в конце он понял наконец. Любил он часто, но некрепко, млекопитающий мудрец.

Теперь, блаженствуя в покое, страстей не зная и оков, он ест мышиное жаркое и пьет компот из червячков.

И песнь поет: пусть был я гадок и глуп, как некий крокодил, но знал решенье всех загадок, а значит, все же победил!

Нью-Йорк

## Алексей Цветков

### ШЕНБЕРГ В БРЕНТВУДЕ

давай долой умляут из фамилий как древле гендель новой честью горд среди парадных пальм и бугенвилий здесь путнику вергилий верный форд вот на одной из мутных фотографий тропические признаки везде садовый шланг свой силуэт жирафий в пейзаже жадно изогнул к листве не нас ли скопом подстрекал споем предтеча в purgatorio своем

тогда и тот живущий в полумиле глупей соседства в баснях не найдешь кого сперва народы полюбили а после освистала молодежь уже душе по жабры ожиренье а сердце плотно к прежней славе льнет на берегу где небо в ожерелье двенадцати зодиакальных нот кто жаловался зря что жизнь страшна ей год едва и вся она прошла

тринадцать бьет в одном отдельно взятом раю под сводный хор небесных орд там цру там царь зверей над златом а утром умер от инфаркта форд беда в ком скоро шестерни шершавы и шустрых пассажиров ни души там у ворот свидетель из варшавы он говорит что все уже ушли спуститься в сад где быстрый вывод прост вдруг вспомнишь что не помнишь этих звезд

никто не вождь а сухожильный шорох в синайском пекле брошены одни двенадцать нот какой там в жопу шенберг ты в зеркало и в паспорт загляни не в старину на диспуты в сорбонну лечить мозги всю голову долой есть родина где труд сулит свободу есть моисей но нет пути домой и рожки микельанджело увы умляутом торчат из головы

### TO HE BETEP

мы маленькие мы каждый лежим в постели стрижены под ноль на висках синие жилки мне дали книжку и я читаю про степи и леса которых в глаза не видел в жизни люся спящая слева помнит что ходила в ясли но смысл воспоминания неясен как ни описывает всё темна картина не могу себе представить никаких ясель мы больны но ничего не знаем об этом потому что болели всегда сколько были многие взрослые добры кормят обедом взрослые для того чтобы детей кормили

после тихого часа делают уколы приходит важный завотделения в маске справа дурно пахнет оказалось у коли открылись пролежни и он на перевязке коля когда ходячий важничал и дулся видел жука и лошадь говорит большая как слон но после операции вернулся в гипсе и как мы с люсей молчит не мешая в книжке пишут про партизана уверяют что сражен фашистской пулей книжка похожа на правду одно хорошо что умирают взрослые а дети знай себе живут лежа

в день когда умер сталин нас носили мыться плачут а все же моют банный день в палате люся на топчане как на тарелке птица ни косы никогда не носила ни платья пока мы так лежим с ней рядом в голом виде нас намыливают а санитарка верка поет про то не ветер ветку поднимите

ПОЭЗИЯ 77

руку кто не забыл на языке вкус ветра помню играли резиновыми ежами почему именно ежами этот день я запомнил поскольку сталин и мы лежали в мыле дети эдема в день грехопаденья

### ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ

почти в младенчестве три ночи кряду с фонариком листаешь илиаду родительскую бдительность дразня там близок зевс там полыхает грозно копейная гекзаметрами бронза и из-за баб ревнивая возня

или еще была другая книжка от школьного евклида передышка о несусветных подвигах войны о мертвом камне выбранном посланцем ступай мол друг и передай спартанцам что вымерли не персы а они

так сладко в юности читать неправду что дескать топал александр к евфрату все ерунда герои и вожди а старость слизь любая память тленна и поделом когда бы не елена не куковал бы в чердыни поди

а впрочем черт минует боль и лихо все станет одинаково и тихо жизнь к старости на случаи скупа давно бы скис и уступил погоне когда бы не елена в илионе не яблоко не ксеркс и не судьба

## ЗА ЧЕРТОЙ

расскажу вам ребята сбивайтесь в кружок как отсюда к востоку лет двести у меня закадычный завелся дружок в заколдованном времениместе

чуть накатит в разлуке плесни и присядь ведь ни в сказке сказать ни пером описать мы зеницы не чаяли в том чудаке поздравляли его с новосельем где он вил себе гнездышко на чердаке в том большом переулке кисельном

а кругом бушевала такая страна о какой вы не слышали даже боевой стеклотары по жабры полна человеческой воблы на пляже огнеперые в чащах рябин колтуны незабвенные в мае с трибун колдуны там девчата червям обрекали парней а в артериях опрометь кисла мы спирали с дружком нарезали по ней расколдовывать не было смысла

но потом я подался в чужие края поражаться причудам природы словно яблоко сморщилась память моя из которой он выпал на годы за черту отступил заколдованный мир где маршруты метро истирались до дыр чередой этих призраков тщетно любим в пузыре отчужденья упругом я впоследствии сделался кем-то другим а не тем кто бывал его другом

лишь небесная нынче упомнит москва тот кисельный большой переулок и молочные в нем иногда острова наших общих нетрезвых прогулок там глядят колдуны с транспарантов хитро сквозь стеклянные линзы развалин и хранят нерушимо руины метро заклинания прежних названий там он бережно жив отделенный стеной от страны обитаемой вами и мной

ПОЭЗИЯ 79

### CVTPA C VTPA

в ту конкретную пору морозной московской ранью я сидел в иностранке листая милиндапаньху с разнобоем в зрачках но как ушлый эразм с пером я похмельным синдромом в то утро страдал жестоко а ничто согласитесь вернее святынь востока не врачует в безденежном сердце этот синдром

лабиринт стеллажей над столами голов негусто разве девушка в синем упорно грызшая пруста и неведомый мне одногорбый бокштейн илья нам космическим зондом была в те дни иностранка мы там были одетым в броню экипажем танка бороздящим пейзажи светящегося гнилья

семинар по марксизму в топку похмельным утром было странно читать о древнем царе многомудром а ответам архата мешала внимать мигрень потому что жизнь дребезжала против природы протоколы рвотные приступы и приводы регулярный шквал в деканате и прочая хрень

этот блудный подросток скелет из кого я вырос не по мерке мозги организм в саркофаг на вынос вдоль буфета надсадно не думая про еду в санитарной каюте стекала с фаянса хлорка я смотрел на него невидимо из нью-йорка и молчал не имея что рассказать ему

аполлон с постсоветской сотни бодрил квадригу и бокштейн словно сфинкс свои лапы слагал на книгу а которая с прустом развеивалась в мечтах с антресолей памяти в выцветшем прошлом веке вся планета мчалась навстречу библиотеке на своем броненосце потемкин на трех ментах

и уже никому ничего не сказать отсюда не к сегодняшней водке их давешняя посуда под налипшим снегом в черных пластинах лет даже если полсотни со счетчика щедро скинем ни во что я теперь не верю ни в девушку в синем ни в царей ни в махапариниббану нет

# Евгений Терновский

### НА СМЕРТЬ М Л

Прощай, мой верный друг, мы свидимся нескоро, лишь за чертой судьбы — где солнечный осколок сквозь чащу туч сверкнет и позовет во тьму... Хотел бы я вернуть тот час, тот день, ту встречу, когда обоим нам сиял бретонский вечер, — но не бывать тому,

поскольку только смерть не знает повторенья. И оттого, что жизнь – летучее творенье, где повторимо все, что совершится днесь, я поиском себя отныне не терзаю, не возношу мольбы, не жду и не дерзаю твою услышать весть.

Тропою или вплавь, — скрывайся, удаляйся, плыви Бог весть куда по всем законам галса. Повсюду и везде равновелик потоп. В итоге, всем дано — безверию и вере, — кому к Коциту плыть, кому пристать к Цитере, — для всех один поток.

Ставь паруса́ смелей. Пусть бесится на рее Зюйд-ост или зюйд-вест, по прихоти Нерея, прочь от морских тревог и от земных тенёт! От жизни далеко, но близко до причала, где воздыханий нет, ни скорби, ни печали, где вечной жизни нет.

Ни гида-толмача, ни грубого Харона, чтобы ввести тебя в загробные хоромы, — известен и без них тебе последний рейс. Подвижен тримаран, еще быстрей — забвенье, как месть небытия — за счастие, за пенье, за дар или за крест.

RNECOΠ

Что ж, удаляйся, друг. Приму и не нарушу отплытие твое, и не взгляну снаружи на век, что без тебя пустынен, как пустырь. Пусть стынет, далеко от дамбы и от дома, от арморийских туч, от пики волнолома, опустошенный мир.

\* \* \*

Теперь и походка, старея, уже обгоняет меня. Промчалось полвека (скорее – вся вечность!) с вчерашнего дня.

И те, кому памятен был я, и те, кто меня позабыл – покрыты серебряной пылью и времени, и могил.

Париж

## Леопольл Эпштейн

\* \* \*

«Грешно ли молиться о смерти тирана?» – Спросил у аббата монах: Старик низкорослый в неновой сутане, Два посоха в дряхлых руках.

Непрямо аббат отвечал и неспешно, В обычной манере своей: «Ты лучше молись о душе своей грешной, А Господу Богу видней».

Монах не смутился. Нахмурясь немного, Продолжил: «Душа-то болит. Отец мой, ведь уши у Господа Бога Отверсты для наших молитв?»

Аббат пригляделся, ища пониманья, К морщинам на темном лице: «Ты помнишь ли, брат мой, слова из Писанья О кесаре и об Отце?»

В глазах, защищенных морщинистой сеткой, Застыл непокорный свинец. Зачем-то тряхнув бороденкою редкой, Он вымолвил: «Помню, отец».

«А ежели помнишь, то пестовать неча Гордыней взращенную мысль...» Аббат вдруг осекся, вжал голову в плечи, Отрывисто бросил: «Молись».

2017

\* \* \*

Высокомерие ахматовского толка Мне неприятно. Даже над стихами Ахматовой, мне кажется, витают, Как мелкие назойливые мушки, Эпитеты, которыми так щедро

RNEGOLI

Всегда она увенчана была.
Средь них – осанка гордая, улыбка
Презрительная, царственная краткость
Характеристик, взгляд проникновенный,
Надменная насмешливость, неспешный
Величественный стиль повествованья,
Глубокий голос, благородный профиль.
Лишь челка знаменитая, пожалуй,
Немного выбивается, но тоже
Высокий этот образ не снижает.
Я б не хотел иметь таких друзей.

А с мандельштамовским высокомерьем, Нелепым, жалким и придурковатым, С его беспомощной, бессильной спесью, С обидчивостью, гневом, интриганством, С гордыней, выражаемой фальцетом — Смиряюсь я без всякого насилья Над чувствами. И более того, Шутом охотно был бы и лакеем При короле-паяце...

2015

### ИОВ

Иов был Божий раб. Иов был верный раб. В Господней правоте не усомнясь ни разу (Нет, Сатана неправ – не всякий смертный слаб!), Он принял смерть детей, и бедность, и проказу. Бог всё ему вернул. Он был вознагражден За то, что так любил, за то, что так старался. Годами напоен, без боли умер он.

Я не люблю его: я не сторонник рабства.

2016

### АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ

Пары птиц не хотят возвращаться в свое гнездо, Несмотря на сильные грозы, жухнут травы, Мелодия выдыхается, опустившись до ноты «до» Самой нижней октавы. Потерявший дыхание, загнанный в ковыли, Не уйдет дурачок-олененок от волчьей стаи. «...и дана ему власть над четвертою частью земли...» (Глава шестая).

Климатологи отмечают много мелких примет Катастрофы (социологи, пожалуй, тоже), И хотя единого мнения, как обычно, нет, Но весьма похоже,

Что в седьмом поколении некого будет карать За наши грехи, совершенные по примеру Дедов и прадедов. Близость гибели во сто крат Поднимает веру.

Еще бы! – как не молиться, когда дело – швах? На то и высшая воля, чтоб ей не сопротивляться. «Вот, красный большой дракон о семи головах» (Глава двенадцать).

Надежды, конечно, имеются. Но не у всех. Социальная база, еще не исчезнув, существенно поредела. За столом собравшись, как и прежде, пьем за успех Безнадежного дела.

Только круг наш узок. В оккупированном Крыму Отдыхают те, с кем чокались мы когда-то... «Как из дыма сошла саранча на землю, придя в дыму...» (в Главе девятой).

«И увидел я новое небо и новую землю...» Ау, Земля! Погодите, звезды, куда это вы, куда вы? Мелодия задыхается, захлебнувшись на ноте «ля» Самой верхней октавы.

Без сомнения, щуки сожрут зазевавшихся карасей. Безопасно пророчить худшее, давно — никакого риска. «И сказал мне: не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко.»

85 RNEEOП

### ПРОГУЛКА В ГОРАХ

Что я хотел сказать? Помнил – и вот те на! Может, как жизнь длинна, А может, как время круто? Нет, это все – не то, Это – игра в лото, Там был настоящий смысл, скрывшийся почему-то.

Что я хотел сказать? Что по ночам не сплю? Что не радость коплю, А страх перед злом двуглавым? Что знанье мое – из тех, Которые не для всех, Что, чувствуя правоту, я не хочу быть правым?

Что я хотел сказать, а может быть даже спеть: Уж если кровавая смерть, То – в окопе, а не в бараке. Но пафос смещает суть, Как муха, влетая в суп. Я морщился сам не раз, читая такие враки.

Что я хотел сказать? Что если без болтовни, Знаем лишь мы одни Собственным страхам цену. Честь говорит: «Рискни», Разум: «Сиди в тени: Глупо ведь, извини, биться башкой о стену».

Что я хотел сказать – не суть, все равно не смог. Устал я и, видит Бог, – Еще далеко до дома. Устал от скользких камней, А сам от себя – сильней. Спуск с горы не трудней, он просто страшней подъема.

2017 Бостон

# Виталий Амурский

\* \* \*

Играли кое-как. Закончили ничьей. Как комментатор подчеркнул: без блеска. Но вот — болельщики, дуэли их речей О том, в чем прав, а в чем ошибся Бесков!...

Какой накал страстей!.. Хотя, в конце концов, Как и тогда, теперь не подытожить, Где Яшин лучше был, а где Стрельцов, Где был несправедлив судья, быть может.

О, жизнь тех лет – непостижимый матч, С ничьими и победами без счета, Когда луны лишь незабитый мяч Напоминал, что есть и выше что-то.

Большое скрыто в разных пустяках, — Сказать бы мог мудрец про время оно. Я убеждался в том, что это так, Не только уходя со стадиона.

\* \* \*

Страна лохматая, Где хохмы с матом; Страна Ахматовой! Вы обе – рядом.

Страна «Кирпичиков» И Мандельштама — Средь дел опричников В кровавых штампах.

Сарай Европы ли, Чердак ли Азии, Где двери хлопают, Как пушки Разина!

Страна юродивых И атеистов – Две разных родины В одной, неистовой. ПОЭЗИЯ 87

Всегда студёная Ее водица. Какой черт дернул Мне там родиться

Средь зимних росписей На стеклах окон, Но жил и рос ведь Как все, – не охал.

Да и не охаю О прошлых зимах, Что нынче оком Достать не в силах.

А потому-то И спорить не о чем, Где лучше утро, Где краше вечер.

## РАЗДВОЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Идут белые снеги... И я тоже уйду.  $E.\ Eвтушенко$ 

Поэта похоронили в Переделкино рядом с Пастернаком, как он сам пожелал перед смертью

Был он бунтарь или фигляр, Был скромен или сноб?.. Важнее всё же – «Бабий Яр», Что вызывал озноб!

Судить сегодня мы вольны, Хромал ли его слог, Но как о свадьбах в дни войны Взять высоко он смог!

Был честен он, писавший про Живучий сталинизм... Но есть душа, и есть нутро, Как, скажем, верх и низ. Тот верх храня, о многом он Имел слова, что жгут, — Властям же делая поклон, Знал то, что они ждут.

И вот: «борьба за мир», Фидель, И Братской ГЭС огни... Ну, а о Бродском, что в беде, И о других – ни-ни...

Но ни тогда, и ни потом Не мог понять я, впрямь, Где был поэт, а где фантом, – Где между ними грань?

Сейчас не время для бесед, Что значил он для нас? Он Пастернаку стал сосед, Но разве ж там Парнас?

Апрель, 2017

\* \* \*

Я побывал на родине в гостях, Средь интуристов скромно проживая, Там, как в метро, отеческий сквозняк Летел за мною, память обжигая.

Но торопясь в места, где пацаном, Казалось, знал любую подворотню, На входе обнаружил лишь замок, Ключом закрытый на два оборота.

\* \* \*

Важно ль, с кем здороваться при встрече, Улыбаться, что-то обсуждать — Не всегда нас греет умной речью, Значит, не всегда в ней есть нужда.

Что же, пусть темна душа чужая, И твоя не столь светла – седа: Было б с кем проститься, уезжая На день, на год или навсегда.

\* \* \*

Будь холст там – я б сказал: Сулаж<sup>1</sup>. Вечерний пляж, прибоя лента, В пространстве темном – сплин и блажь, Как в вечера, где тонет лето.

О, ночи августа, чей шелк В падении не знает складок; Я с морем пил на посошок, Печали дав уйти в осадок.

В любом прощании есть толк, Не позволяющий ироний, Как, скажем, возле глаз платок У незнакомки на перроне.

Мы провожаем или нас С печалью кто-то провожает; Всё так обычно, но в тот раз Лишь звезды надо мной дрожали.

1. Пьер Сулаж (род. в 1919 г.) – французских художник-абстракционист, мастер работ, выполненных в черном цвете.

\* \* \*

Ноябрь был мрачен, и декабрь Остался верен хмари местной, Что подтверждал привычный кадр Окна с туманною завесой.

А всё же верилось, что вот Придет январь и всё исправит, Но наступивший Новый год Не изменил пейзажа в раме.

И день такой же, как вчера, В нее пробился жидким светом, И между стеклами пчела Лежала, как лежала с лета.

# Александр Радашкевич

# На улицы судьбы

### ФОРТОЧКА

Нет форточки, в которую юность смотрела в полночь на мигающие башни грядущего и куда улетали коты на свой шабаш, куда влетал весенний синий снег, и мы глядим в пластмассовые рамы, как немые рыбы из аквариума.

Нет той плиты, в которой бабушка пекла мне пышки и жаворо́нков с изюмными глазами и спичкой в горле, пекла душистые земные пироги на все соседские поминки, и мы жуем запаянную автоматом вату, исписанную врущими словами.

Ни заключенные в машинах, ни дети с проводками в голове не замечают, что мы живы, что нехотя рассматриваем их обратным взглядом и думаем: какое счастье в оный день отринуть мир мертвеющих живых и неумирающих мертвых.

Но тополя весны обетованной, качая редких птиц обвислыми ветвями, всё шепчут поутру: живи, мимо и даром, только живи, и бабушка всё в том же черпачке, вздыхая, помешивает мне нетленную мерцающую кашу и улыбается старинными глазами.

### НА СМЕРТЬ А. СОБЧАКА

На смерть, на жизнь — внезапны строчки и непоправимы, как жизнь и смерть для океана неизменно мертвых и острова негаданно живых. Глава «А.А.» сегодня дописалась и в оглавление легла: фуршеты, оперы

91

и ладан панихидный, да на парижской площади Согласья спор об останках бедного царя...

От эха преисподней так гулки коридоры власти, и ненависть столичного жлобья в них шаркает, скользя казенным лаком...
Великий князь,

владыка Иоанн, Л.Б. в печали отвлеченной и Город в толстых стеклах лимузина под вой положенных сирен: слова и лица, тосты и деянья, поступки и слова, и запах душ за тенью взглядов, — и реки бурной полулжи впадают в море чистой полуправды.

А в полной книжке записной, напротив мэрских факсов, еще помечено: «У Путина включен всегда».

# ВОГЕЗСКАЯ ПЛОЩАДЬ Сесть на площади Вогезов и подумать: это всё,

как в фонтане пьющий вяхирь, аккуратно и неспешно, всё решительно по мне, как безветренная вечность или та пивная пена сдул, и нету ни фига. Всё фланирует, щебечет, упивается собой: тут младенцы, как болонки, вплавь пустились по траве, там скамейки, что качели на лианах грешных снов, и в опале предвечернем, в бликах плотских и святых, даже смерч развоплощений огибает эту сень. Сесть на площади Вогезов в дым лепечущих веков, видеть стриженые кроны, слушать души, трогать тени, пить немую благодать, и тринадцатый Людовик, улыбаясь в ус барочный мушкетерам, мне и небу, с луноокими белками спит на каменном коне.

### НА ШЫПОЧКАХ

На цыпочках проходит мимо жизнь, и в зимних утрах заваривая черный чай, почти не вспоминаю проигранные прорве годы, предутренние вечера, дрожащий, как ресницы, синий голос и то, всё то, чему причастны лишь ты да я, вечерних шелковистых птиц в необозримом взоре, где плоское обратное кино аллей, ласкаемых стеклянными ветрами в тех зеркалах, замедленных и пьяных. и на ладони - мутные осколки целующих в висок финальных слов великого немого. Неловким скальпелем чужбин нас расчленили по живому, и каменели окна-розы, как те, с оказией, стихи, и жизнь, как тать, как смерть, на цыпочках, не видя нас, прокралась рядом, мимо, чтоб в зимних и незрячих утрах, заваривая черный чай насущный - по-твоему, как прежде, учуял я, что вновь на вздрогнувшие плечи ложится имя влажное твое - неслышным новогодним снегом.

### я хотел бы

Я хотел бы быть тем, кого нет. Мертвый ветер гуляет по миру. Так хотел бы не знать, что не вижу, и не видеть, что так и не знал, и зайти за высокий экран в черно-белом кино одиночеств, где опять

93

прошлогодний аншлаг, и розовым шампанским скоротать антракт необратимой «Травиаты», этой осени рыжие сны, этих дней небывалые были.

Горит последнее окно за тем обветренным углом, за веткой той, непоправимой. Театр времени на улице судьбы, где голуби клюют вчерашнюю блевотину у входа. Я хотел бы быть тем, кого нет, кто не явится и не отбудет, и не видеть уже, и не знать, всё, что знать не хотел и провидел, как все те, кого носит по миру мёртвый ветер пустых перемен.

Горит последнее окно, и небеса непоправимы. Под утро снова снится брат, под вечер — нет ни досад, ни боли бережной, ни ветреной тревоги. Я хотел бы уже не хотеть и не знать всё, что так и не видел. А долы те, преголубые, пускай лоснятся для других, и ласточки ныряют за окном в подводном мире яви, и счастье улыбается с подушки и думает о ком-то о другом.

Париж

# Александр Самарцев

\* \* \*

Что мне взять от Батая от Фуко с Дерридой? Лучше воля блатная над кисельной водой а не там где обидно перемешивать бред бледных ауробиндо кочергой кастанед

Лучше щукой – в созвучьях на плацу – кабаном посреди невезучих тайны тайн отхлебнем Ну а вы ницше духом пятигорцы спиноз полетели бы пухом или рифмой до слез?

\* \* \*

Сугробов наплела и тишиной достала нет больше ничего но есть трамвай с вокзала

на донце кассы мой пятак или трояк – забуду что бренчит куда спешу впросак

зачем из тьмы крыльцо внутри Петра Лаврова (Фурштатской родилась — поименуют снова)

зачем как монумент расстегнутый тулуп зачем перед звонком решителен и туп

Чуть шепот терпковат – еще не вся проснулась – троянской ли войной блокадна эта хмурость

а там глоток-другой протяжен из горла скатерочкой взмахнешь – разлука отлегла

Чему бывать не быть иди ко мне иди же нетронутое «вдруг» любых любовей ближе

той самой что нет-нет – как в жмурки достает через морозных солнц пустыню с чудесами

в ней «Аве, Пушкин!» хор – надежный самый брод под снегириный звон прыг-скок давай за нами

за больше ничего за легче ничего жалея и дразня простить возвращено

\* \* \*

Лесину, который не смеется

Повезло России всё-то ей невпрок дураки борзые насыпью дорог мультиплекс в законе звонницы в дыму долго ли на троне Емельян Муму? На переучете Биотуалет если пьете-врете разве горя нет? По Мазоху Захер с прорубью зиндан бахтины во прахе карлосов сантан мы не арендуем златосередин Валентинов Пурим -Патрик нам един Рукопись устала родиною тлеть Где (вопрос из зала) машенькин Мелвель?

\* \* \*

Голубоватой шерстью отлегло полупальто по типу кардигана в нем прилетать и прятаться тепло там Nokia трясясь на дне кармана чувствителен ко множеству рулёжек пока рецепшен ключ не обнаружь от лоджии от (как и мы) бескожих и сумеречно средиземных луж Закат слоится Спешка поправима Ты кутаешься я не многорук Мелодию звонка съел шум прилива

### АЛЕКСАНДР САМАРЦЕВ

На месте мелководный полукруг утраченное к нынешнему вяжет от этого по столику сейчас вибрирует крутясь твой бедный гаджет подзаряжаясь к нам и в нас в нас

### ГОРОД

Он воспален (опознан) издали по мечети входом к условно Гробу на пятачке внушаем у благодатной стражи смена опять же дети «Иеру» от «салима» током ударь в «шалаим»

Я ли родства тетеря срезанный чей-то угол этот – дарю ступенью? (если б владений личных!) Сам коронарно пришлый нас лишь с тобой не спутал «вечно» – синоним «нынче» (истина вне кавычек)

Скорбно вокруг рассвета спать на ходу сидячем пусть заливают воском «было» (фитиль о Боге) ломкие — аккуратней! — надвое множа спрячем образ под униформой свечи во мгле подобий

Киев

### Катя Капович

# Приглашение на острова

\* \* \*

На старой ферме ведра молока, мычит корова, всё зовет теленка, и журавлей протяжная строка, а напрокат казенная лодчонка. На глинистом размытом берегу склонилась ива прямо над волнами, и целый век я в сердце берегу, вожу вас за собой в оконной раме. Припоминаю скошенный навес и молдаванок очередь у кассы, и весь земной надрыв в глазах небес, какой ты был, такой ты и остался.

### ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОСТРОВА

Постучим тайком по дереву, чтобы было всё вот так, это утро, это небо с тучкой наперекосяк.

Где гостиничная пуговица отпечаталась на лбу, что-то сбудется, не сбудется, окольцует голову.

Пустяками окольцована с белым перышком у лба, бестолковая судьба до чего ж смешна по-новому!

Надевай же с мехом чоботы во двор, как спешит лихач на желтый светофор.

Замечательно летится по хрустальной мостовой, свет проносится со скоростью иной.

\* \* \*

Как люди светятся в домах, ты только посмотри в окошко, как застывают впопыхах и улыбаются немножко.

Благословенные года, благословенная природа, и Вифлеемская звезда вот-вот всплывет у поворота.

В реке зимуют пескари, они уснули в перепуге, стеклом сияют пустыри с мечтою о пере и пухе.

Садишься тут на табурет и задираешь подбородок, когда уже дыханья нет, дверь открывается на воздух.

И в вечный вечер вечерок выходишь и – такие лица. ...Простимся не через порог, когда придет пора проститься.

\* \* \*

Видишь, одной строкой белые облака, медленно и легко, прочно и на века.

Медленно, высоко, будто в одну строку набело всё легло облаком к облаку.

\* \* \*

По хрупкому краю блестящей слюды на сонном рассвете иду наугал, четыре квартала среди пустоты смотрю в совершенно текучий асфальт.

Какие-то маленькие облака бегут и в зеленое падают лбом, видна журавлей неземная строка, строка неземная в асфальте простом.

99

Попроще, поплоще, но рядом со мной стремит небосвод свой небесный маршрут, я больше уже не верчу головой, и стала прилежной на пару минут.

Как чудно, что низ поменялся и верх, как близко, что брошено там, в вышину, идущий в задумчивости человек, очнись, ты идешь по зеркальному дну.

\* \* \*

Мы в лодочке синей скрипучих дворовых качелей на жестких дощечках с тобою уносимся вверх и солнце летит сквозь густую пятнистую зелень, а там уже снег, двадцать первый какой-нибудь век.

Качели лишь повод качнуть злополучную тему про синее-синее над черепицею крыш, куда провода утекают сквозь твердые клеммы, про белое-белое там, где на небо летишь.

Семнадцатилетний эстет, обожатель Востока, и хмурая девочка в беличьей шубе смешной, но есть еще главная тема – поэт и эпоха за всей переходного возраста снежной лапшой.

В ней много культурных походов за хлебом насущным и много совсем одиноких окольных свобод, но как ни оглянешься, это окажется лучшим, где мальчик читает и девочка варежки мнет.

Бостон

# ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

# Встреча двух эмиграций

Переписка В. Ф. Маркова и М. М. Карповича

Судьба поэта и критика Владимира Федоровича Маркова (1920-2013) типична и не типична для русского эмигранта. Марков родился в Петрограде в семье видного партийного деятеля 1. В 1937 году, лишившись родителей<sup>2</sup>, он поступил в Ленинградский университет на филологический факультет, который окончил как раз накануне войны<sup>3</sup>. 7 августа 1941 года Марков был мобилизован в Красную армию и ушел на фронт. Через несколько недель, в конце сентября, под Ораниенбаумом он получил тяжелое ранение в бою с немцами и попал в плен4. В 1945 году, когда война закончилась, Владимир Федорович устроился работать в Германии в Организации Объединенных Наций в отделе, который занимался помощью беженцам. В это время выходит первая книга его стихов. Получив признание как начинающий поэт<sup>5</sup>, Марков стал сотрудничать в русской эмигрантской прессе6. В 1949 году Владимир Федорович уезжает в Америку. Там ему пришлось заниматься физическим трудом, работать на цитрусовых плантациях Калифорнии<sup>7</sup>. В это тяжелое время он пишет письмо известному русскому профессору Михаилу Михайловичу Карповичу (1888-1959), который был крупной фигурой в американской академической и общественной среде.

Михаил Карпович приехал в Америку в мае 1917 года в качестве секретаря Б. А. Бахметева, нового русского посла от Временного Правительства. В 1922 году его дипломатические полномочия закончились; он начал выступать с докладами о России в разных американских университетах. В 1927 году Михаила Михайловича пригласили в Гарвардский университет читать курс лекций по русской истории; со временем он получил звание профессора (в дореволюционной России Карпович окончил исторический факультет Московского университета и работал в Историческом музее Москвы). За свои 30 лет преподавания в Гарварде он воспитал целую плеяду американских руссистов, которые преподавали в ведущих университетах США. Помимо своей академической работы, Михаил Михайлович также многие годы являлся главным редактором «Нового Журнала». На страницах этого журнала Марков проявил себя как поэт, мемуарист, критик и литературовед.

Михаил Михайлович отличался большим даром понимать людей и помогать им<sup>8</sup>. Современник отметил: «М. М. был одарен и отзывчивым сердцем, и уменьем быстро и верно понять другого, и мудрым умом, умеющим проникнуть в самую суть вещей и из этого целостного охвата сделать быстрые и верные выводы. И всё это на фоне кристальной честности, озаренной подлинной христианской этикой» Карпович принял самое активное участие в судьбе Маркова. Благодаря ему удачно сложилась целая цепочка событий в жизни Владимира Федоровича, что позволило ему получить работу в Военной школе иностранных языков в Монтерее, затем поступить в аспирантуру Калифорнийского университета, защитить докторскую диссертацию, а потом добиться профессорского места. Уже после смерти М. М. Карповича В. Ф. Марков стал одним из ведущих специалистов по русскому футуризму и большим знатоком русской поэзии двалиатого века<sup>10</sup>.

Письма печатаются по оригиналам, которые хранятся в Российском Государственном архиве литературы и искусства в Москве (письма Карповича – Ф.1348: Собрание писем писателей, ученых, общественных деятелей) и в Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (письма Маркова – М. Кагроvich Collection. Вох 2). В коротких комментариях общеизвестные реалии из русской культуры не оговариваются. Хочу поблагодарить Российский Государственный архив литературы и искусства и Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture за предоставленные материалы, а также М. Адамович и А. Тюрина за техническую помощь.

<sup>1.</sup> Марков Федор Алексеевич (1895—1937) — член ВКП(б) с апреля 1917 года. Последняя должность до ареста — директор Гидрологического института; см.: Ленинградский мартиролог, 1937—38. Т. 4: 1937 год. — Санкт-Петербург, 1999. С. 292. Автор книги — «Исторический очерк развития гидрологии» (Ленинград, 1935).

<sup>2.</sup> Отца Маркова расстреляли по «Делу академика В. Г. Глушкова», а матери дали восемь лет лишения свободы как «члену семьи изменника Родины». Впоследствии оба были реабилитированы.

<sup>3.</sup> Марков сдал последний экзамен 21 июня 1941 года. В связи с началом войны ему не выдали университетский диплом. См.: Ленинградский государственный университет. Зачетная книжка No. 370100 (В. Ф. Марков): Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом), ф. 920 (В. Ф. Марков).

<sup>4.</sup> В последнее время были сделаны две необоснованные попытки уличить Маркова в коллаборационизме, см.: *Ковалев Б*. Коллаборационизм в России в

- 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2007. Сс. 34-35; *Ковалев Б.* Жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. Сс. 414-415. Борис Равдин в своей статье «В. Ф. Марков?» опроверг Ковалева, см.: «Рижский альманах». 2014. No. 5 (10). Сс. 146-172.
- 5. См.: *Менский Р.* Поэт Владимир Марков // «Эхо» (Регенсбург). 1948. № 13, 2 апреля. С. 6. Выражаю благодарность А. Шмелеву за предоставление библиографических данных этой статьи.
- 6. Марков становится членом Объединения российских писателей и журналистов-эмигрантов в американской зоне Германии.
- 7. Парижская газета «Русская мысль» (4 января 1950 г.) отметила это событие: «Талантливый молодой поэт Владимир Марков вырвался из колючего лагеря ди-пи и теперь в благословенной Калифорнии занят сбором апельсинов».
- 8. Американский биограф Владимира Набокова утверждает, что Карпович помог Набокову больше, чем любой другой русский в Америке; см.: *Boyd B.* Vladimir Nabokov: the American Years. Princeton, 1991. P. 15.
- 9. *Тимашев Н*. М. М. Карпович // «Новый Журнал». 1960. Кн. 59. С. 192. 10. *Шерон Ж*. «В. Ф. Марков». Энциклопедия русского авангарда. – М., 2013. Т. 2. Сс. 108-109.

Ж. Шерон

### М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

New Review 112, 72<sup>nd</sup> Street New York, 23, N.Y.

6 июня 1948, Нью-Йорк

Многоуважаемый г-н Марков,

Большое Вам спасибо за присылку Вашей книжки стихов<sup>1</sup>. К сожалению, у нас правило не перепечатывать из других изданий. Может быть, Вы могли бы прислать нам что-нибудь из Ваших ненапечатанных вещей? Тогда мы могли бы напечатать их, если бы они оказались для нас подходящими.

Искренно уважающий Вас М. Карпович

<sup>1.</sup> Марков Владимир. Стихи // «Эхо» (Регенсбург). 1947.

### М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

898 Memorial Drive [Harvard University Department of History] Cambridge, Mass.

11 IX 49

Многоуважаемый г-н Марков,

Т[ак] к[ак] М. С. Цетлин¹ находится в Европе и вернется оттуда только в конце сентября, то Ваше письмо было переслано мне как редактору² «Нового Журнала», причем получил я его с большим опозданием. Насчет посылки Вам номеров «Н[ового] Ж[урнала]» я передам Марье Самойловне Цетлин, когда та вернется. Впрочем, если Вы сооб-щите мне, получили ли Вы в свое время 21-ый номер «Нов[ого] Журнала» или нет, то я смогу Вам его выслать (в том случае, если Вы его не получили). 22-ой номер, к сожалению, едва ли выйдет раньше ноября.

Будьте добры также сказать мне, тот ли Вы В. Марков, книга стихов к[ото]рого не так давно вышла в Германии и статья к[ото]рого о современных русских поэтах была напечатана в одном из номеров «Посева» за этот год $^3$ ?

Я был бы очень рад, если бы Вы прислали мне Вашу книгу и статью. Переводы<sup>4</sup>, как правило, интересуют меня меньше, но и здесь мы иногда делаем исключения. T[ak] k[ak] Вы пишете о Ваших финансовых трудностях, то расходы по пересылке материала мы Вам сейчас же возместим.

В связи с тем, что Вы пишете о Вашем теперешнем положении, хо-чу спросить Вас, обязаны ли Вы пробыть на плантации<sup>5</sup> определенный срок или же Вы свободны переменить род работы в любое время. Дело в том, что у меня в Калифорнии есть знакомые, к к[ото]рым я мог бы обратиться с просьбой помочь Вам получить менее тяжелую и лучше оплачиваемую работу. Ручаться за успех, конечно, не могу, но рад буду попробовать. Сообщите мне, пожалуйста, некоторые о себе данные: возраст, семейное положение, степень знания английского языка, а так-же какого рода работу Вы могли бы делать (или были бы готовы делать).

Сообщите мне Ваше отчество.

Пишите мне по адресу:

M. Karpovich 898 Memorial Drive Cambridge, Mass. Уважающий Вас М. Карпович (Михаил Михайлович)

- 1. Цетлина Мария Самойловна (1882—1976) вдова одного из основателей «Нового Журнала» М. О. Цетлина (1882—1945).
- 2. М. Карпович редактировал «Новый Журнал» с 1943 года по 1959 год. См.: *Бирман М*. М. М. Карпович и «Новый Журнал» // «Отечественная история». 1999. No. 5. Cc. 124-134; № 6. Cc. 112-116.
- 3. *Марков В*. Разговор с поэтами // «Посев». 1949. № 22, 29 мая. Сс. 11-12.
- 4. В свое время Марков перевел классиков американской литературы (Эрнест Хемингуэй, Джеймс Тербер, Джесс Стюарт, Джон Стейнбек и Эмили Дикинсон). Будучи в Германии, Марков выступил с докладом об американской литературе в Литературном клубе в Шлейсгейме; см.: *Р*. Американская литература (от нашего корреспондента) // «Русская мысль» (Париж). 1949. 20 апреля.
- 5. При переезде В. Ф. Маркова в Америку, Лютеранская церковь, марковский спонсор, устроила его собирать лимоны на ферме в Калифорнии, в местности Вентуры.

### В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

[На конверте:] Air Letter Via Air Mail Par Avion

Vladimir Markow Rt 2, Box 176 Ranch del Mar, Ventura, Calif.

Mr. M. Karpovich 898 Memorial Drive Cambridge, Mass.

14.IX.1949

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Ваше письмо явилось такой приятной неожиданностью, что у меня сразу как рукой сняло большую усталость от девятичасового лазанья по лимонным деревьям, и я сразу же сажусь за ответ.

Да, я тот Марков, о сборнике стихов и статьях в «Посеве» $^1$  которого Вы пишете. После войны мои статьи (главным образом о совре-

менной литературе, музыке и искусстве Запада) появлялись в русских газетах «Посев», «Эхо» $^2$ , «За Свободу» $^3$  и др[угих], а кроме книги стихов, удалось издать книгу переводов соврем[енных] американск[их] прозаиков $^4$ .

Теперь о самом главном – о моем теперешнем положении, которому Вы так любезно соглашаетесь помочь. Я не связан здесь никаким сроком или контрактом и могу покинуть плантацию в любой день. До сих пор я не сделал этого только потому, что свободен лишь по воскресеньям, когда некуда обратиться, а также потому, что почти не имею знакомых здесь, да и поездка в Los Angeles – большая денежная проблема. Таким образом, если где-то найдется для меня место, я тотчас же и с радостью покину место моего теперешнего пребывания.

Мне 29 лет. По образованию я — филолог-германист<sup>5</sup>, но во время моих Wanderjahre<sup>6</sup> пришлось работать кем угодно. Больше всего опыта имею в следующих областях:

- 1. *переводчик* англо-немецко-русский. Имею также знания французского (пассивные) и испанского языков. По-английски я пишу, говорю и читаю; последние два года много занимался американской (особенно современной литературой[)];
  - 2. журналист;
- 3. работа в бюро: 4 года службы в  $IRO^7$  от клерка и секретаря до office manager' $a^8$ , пишу на машинке и имею практику в деловой корреспонденции на англ[ийском] языке (имею много рекомендательных писем);
- 4. библиотекарь книги я люблю, пожалуй, больше всего на свете (если исключить симф[оническую] музыку), и есть все данные, что к старости стану чудаком-библиоманом. С большими трудами мне удалось даже сюда в лагерь доставить с собой из Германии библиотеку в 400 томов. Мне сейчас даже кажется, что буду счастлив, если мне дадут работу подметать пол где-нибудь в большой библиотеке.

Но все перечисленное, конечно, никого ни к чему не обязывает. Я готов выполнять любую работу, я совершенно здоров и желал бы только, чтоб я мог на заработок содержать свою семью и не так уставать, как здесь на плантации, где рискуешь через несколько месяцев духовно отупеть окончательно. В семью мою, кроме меня, входят — жена, драматическая актриса и режиссер, известная русской публике в послевоенной Германии, где она играла под фамилией Яковлева<sup>9</sup>; а также мать жены, 60 лет.

Вот, кажется, и все ответы на Ваши вопросы.

Буду очень рад, если мне удастся отсюда вырваться, и еще раз

благодарю Bac: письмо Baшe пришло как deus ex machina, как раз в момент, когда я сильно приуныл.

21-ый № «Н[ового] Ж[урнала]» я получил еще в Германии и, конечно, буду рад получать его здесь.

Поэму и стихи вышлю на днях после окончательной обработки.

Скажите, пожалуйста, можно ли где-нибудь пустить в продажу оставшиеся у меня 50 экз[емпляров] моей книги стихов? Обращаюсь к Вам за советом, как к старшему. Я не думаю, что это стоит пробовать здесь в Калифорнии: 9/10 литературной жизни американских русских, кажется, проходит у Вас на востоке.

Спешу отправить письмо и поэтому пока опускаю многое, о чем еще успею написать Вам, если только мои письма не будут отнимать у Вас времени. Мне о многом хотелось бы поговорить,  $\tau[ak]$   $\kappa[ak]$  я сейчас в абсолютной пустыне после сравнительно оживленной литературной жизни в Германии<sup>10</sup>.

Зовут меня Владимир Федорович.

Уважающий Вас

В. Марков

- 2. «Эхо» «дипийская» газета, выходившая в Регенсбурге в 1946–1949 гг.
- 3. «За свободу» орган Российского народного движения. Газета выходила в Мюнхене.
- 4. См. «Американские новеллы». Сборник: Э. Хемингуэй, Д. Тербер, Д. Стюарт. Перевод В. Маркова // Изд. «Эхо»: Регенсбург, 1948.
- 5. Марков выпускник филологического факультета Ленинградского университета, специальность немецкая литература.
- 6. Годы скитания (нем.)
- 7. IRO International Refugee Organization (Международная организация по делам беженцев). Организация была учреждена ООН для оказания помощи перемещенным лицам в Европе после Второй мировой войны.
- 8. Заведующий бюро (англ.).
- 9. Яковлева Лидия Ивановна (1912–2001) до войны актриса Александринского театра в Ленинграде.
- 10. Историк Борис Николаевский отметил кипучую деятельность русских культурных сил в лагерях ди-пи в Германии; он особенно выделил Маркова, см.: *Б[орис] Н[иколаевский]*. Культурная жизнь в западных зонах Германии // «Часовой». 1948. № 270 (февраль). С. 21.

<sup>1.</sup> Имеется в виду еженедельник «Посев», который издавался в Германии для беженцев из России.

### В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

26 IX 1949

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Я получил Ваше письмо 13 сентября и в тот же день отослал ответ воздушной почтой, где сообщал Вам, что я именно тот Марков, какой Вы и думали, а также сообщал о себе те сведения, которые Вы просили. С тех пор прошло 2 недели и, не имея никакого ответа от Вас, я начал беспокоиться о судьбе моего письма, тем более, что придавал ему большое значение и спешил отослать как можно скорее. У меня тогда не было марки в 6 центов, и я отослал его fold up'ом¹ в 10 центов. Не могло ли оно таким образом попасть в Европу? Кроме того, я пересылал его через третьи руки. Поэтому очень прошу, если можно, то сразу, сообщить, получили ли Вы мое письмо.

Я сейчас кончаю отделку поэмы (которая затянулась, т[ак] к[ак] я был в состоянии работать над нею только по воскресеньям), через два дня высылаю Вам ее воздушной почтой вместе со стихами и переводами. Думаю, что к тому времени уже буду знать, дошло ли до Вас мое первое письмо, и в отрицательном варианте пришлю все сведения о себе снова вместе с материалом для «Н[ового] Ж[урнала]».

С нетерпением жду вести.

Уважающий Вас

В. Ф. Марков

### В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

Ranch del Mar

2 X 1949

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Не дождавшись вести от Вас, посылаю для «Нового Журнала» – поэму, 5 стихотворений различных лет и 5 переводов. Все это еще нигде не было опубликовано. Меня особенно интересует Ваше впечатление от поэмы<sup>1</sup>, над которой я много бился и которая до конца все же не удалась. Меня всегда раздражали вечные высокопарные разговоры о России, Родине и т. д., особенно частые в эмигрантской среде и прессе. Однажды я решил разобраться в причинах этого раз-

<sup>1.</sup> Здесь: закрытая почтовая открытка (англ.).

дражения и нашел, что у меня своя Россия, как у Рильке<sup>2</sup> (в эпиграфе) свой Бог. А отсюда пошла цепь – родина-детство-музыка, причем последняя нашла выражение в моем любимом: ранняя итальянская живопись, Ватто<sup>3</sup> и Нибелунги<sup>4</sup>. Думаю, что Вам известно большинство романсов Гурилева<sup>5</sup>, которые составляют фон поэмы и появляются в эпиграфах каждой главы, а временами целыми фразами (II и IV главы) в тексте, только переведенные на 4-хстопный хорей поэмы. Более неясная и побочная тема – молодой человек XX и XIX столетия, выражаемая переплетением героя, лирического я и автора. С этой темой почти сливается тема незаметного свидетеля больших событий (как у Вальтер[а] Скотта) – автор, декабрист, оруженосец из «Нибелунгов». Попробовал даже, не знаю, удачно ли, прием потока сознания в засыпании героини в IV главе.

С нетерпением жду письма от Вас. Мне почему-то кажется, что два моих письма к Вам или пропали, или застряли (особенно важно было первое со всеми сведениями обо мне, кот[орые] Вам были нужны). Поэтому это письмо шлю Вам заказным.

Если Вам неизвестны сборник американских новелл в моем переводе (издан в Германии)<sup>6</sup> и «Литерат[урный] Сборник» № 1 с моей статьей по истории америк[анской] литературы<sup>7</sup>, то я мог бы выслать Вам – у меня есть лишние экземпляры.

Итак, жду вести от Вас. Не дай Бог, чтоб это письмо пропало или застряло – столько вечеров пошло на переписку и отделку.

Уважающий Вас

В. Марков

<sup>1.</sup> Имеется в виду поэма Маркова «Гурилевские романсы».

<sup>2.</sup> В это время В. Марков перевел стихотворение немецкого поэта Райнера Мария Рильке (1875–1926) и написал о нем; см.: «Грани». 1951. №. 11. С. 115.

<sup>3.</sup> Ватто Антуан (Watteau, 1684–1721) – французский живописец, представитель рококо в искусстве.

<sup>4.</sup> Нибелунги – знаменитый немецкий эпос «Песнь о Нибелунгах».

<sup>5.</sup> Гурилев Александр Львович (1803–1858) – композитор и музыкант. Его романсы и песни пользовались большой популярностью.

<sup>6.</sup> См. «Американские новеллы». Сборник: Э. Хемингуэй, Д. Тербер, Д. Стюарт. Перевод В. Маркова // Изд. «Эхо»: Регенсбург, 1948.

<sup>7.</sup> См. «Литературный сборник 1». Изд. «Эхо»: Регенсбург, 1948. В сборнике Марков написал о прозаике Джоне Стейнбеке (Steinback. 1902–1968) и поэтессе Эмили Дикинсон (Emily Dickinson, 1830–1886).

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

M. Karpovich 898 Memorial Drive [Harvard University Department of History] Cambridge, Mass.

8 X 49

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Простите мне мою корреспондентскую неисправность, но все эти недели (первые недели семестра) я был завален текущей работой до отказа $^1$ .

Напишу Вам на днях подробнее. Пока же хочу только подтвердить получение Ваших писем и рукописей (стих[отворения], переводы, поэма).

Хочу еще сказать Вам, что я кое-кому в Калифорнии написал про Вас и теперь жду ответов.

Посылаю Вам почтовые марки в возмещение Ваших расходов по пересылке рукописей.

Шлю Вам привет.

Искренно Ваш

М. Карпович

## В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

## 9.11.1949

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Как жаль, что Вы все еще заняты и не можете ответить мне более или менее подробным письмом о Вашем впечатлении *от* и о судьбе вещей, посланных мною для «Н[ового] Ж[урнала]» (простите влияние английского синтаксиса). Я каждый день жду этого письма с нетерпением. Я все еще на плантации. Конечно, очень тяжело, и заработка хватает только на еду, но появляются кое-какие просветы. Я недавно сделал доклад для американцев в здешнем городке — так, «отрывок, взгляд и нечто» о DP1, России и Европе — и теперь появились знакомые, которые снабжают книгами, иногда возят на концер-

<sup>1.</sup> Карпович преподавал русскую историю в Гарвардском университете, а также возглавлял там же факультет славянских языков и литератур.

ты (даже не думал, что в американской провинции приведется слушать Баха на органе и в совсем неплохом исполнении). Есть также надежда (пока туманная), что сыщешь через них работу получше. Очень физически устаю, но свои 2 часа в сутки (единственные, имеющиеся в распоряжении — с половины седьмого до половины девятого) стараюсь не терять: читаю (главным образом современников) и шлифую английский. Хотел спросить у Вас, стоит ли мне обратиться к проф[ессору] Г. Струве² и в какой форме это лучше сделать. Мне дали его адрес и советовали связаться, но эти люди тоже не знакомы с ним. Думаю, что Вы очень заняты и не хочу отвлекать Вас, но тем не менее жду Вашего письма. Особенно меня интересует, что Вы скажете о «Гурилевских романсах».

Всего хорошего.

**Уважающий** Вас

В. Марков

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

Harvard University Department of History Cambridge, Mass.

22 ноября 1949 г.

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Наконец-то могу написать Вам о Ваших стихах.

Из них мне очень понравились «После чьих-то похорон»<sup>1</sup>.

В других есть отдельные смущающие меня вещи. В «Подъезжая к Америке» мне нравится всё, кроме последнего четверостишия. Строчка «Что на борту я, а не» пугает меня не эксцентричностью переноса, а своей «какофонией». Очень ли Вы стоите за это четверостишие? И нельзя ли совсем обойтись без него?

В «Я не люблю церковного обряда» не годится «стойка». Стойки в церкви не бывает, а бывает свечной ящик. Можно было бы легко исправить эту строку, сказав «у ящика монетный перезвон».

«Лицо твое расплылось на стене» мне очень нравится, но только

<sup>1.</sup> Displaced Persons – перемещенные лица (англ.).

<sup>2.</sup> Струве Глеб Петрович (1898–1985) — профессор русской литературы в Калифорнийском университете в Беркли. См.: «Ваш Глеб Струве». Письма Г. П. Струве к В. Ф. Маркову / Публикация Ж. Шерона // «Новое литературное обозрение». 1995. № 12. Сс. 118-152.

«кропя» есть деепричестие от «кропить», а не от «кропать». Как это заменить, я не знаю.

«Колыбельная» меня почему-то не очень убедила.

Зато «Гурилевские романсы» пришлись мне по сердцу. Мне очень хотелось бы напечатать их в «Новом Журнале» и смущает меня только вопрос места: они займут около 45 наших печатных страниц. Но, может быть, мне все-таки удастся их поместить в одной из трех книжек, намеченных к изданию в 1950 году. Позвольте мне пока оставить их у себя, как и другие стихи.

Струве я написал о Вас еще до получения Вашего письма и дал ему Ваш адрес. Он ответил мне, что переговорит с профессором Ледницким<sup>2</sup>, и что они вдвоем обсудят вопрос о возможности Вас как-нибудь устроить. Все еще жду ответов от некоторых других своих калифорнийских знакомых.

Шлю Вам сердечный привет.

Искренне Ваш

М. Карпович

## В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

Ranch del Mar, Rt 2, Box 176 Ventura, Calif.

4 4 1950

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Простите, что давно не писал. Очень много работы и порядком устаю, кроме того, побаливаю последнее время (и сейчас пишу в постели). За последнее время у меня появилось много надежд: недавно здесь был проездом о. Иоанн Бруклинский и обещал заняться моим «вопросом». Всех же неутомимее старается Г. П. Струве, который регулярно пишет мне. Благодаря его хлопотам удалось связаться с военной школой в Мопterey², куда я уже послал все необходимые анкеты и бумаги. Думаю, Вы не будете иметь ничего против того, что я поставил Ваше имя среди references³.

Я слышал, что последний № «Н[ового] Ж[урнала]» уже давно

<sup>1.</sup> Карпович напечатал стихотворение «После чьих-то похорон» в НЖ, кн. 23. Сс. 119-120.

<sup>2.</sup> Ледницкий Вацлав Александрович (Lednicki, 1891–1967) – польский славист. С 1940 года преподавал в Калифорнийском университете в Беркли.

вышел. Не мог ли бы я получить его хотя бы только для прочтения, с возвратом?

Как обстоят дела со следующими №№ и какова судьба моих вещей (особенно поэмы)?

Шлю Вам лучшие пожелания к Светлому Празднику.

Искренне Ваш

В. Марков

- 1. Свящ. Иоанн Бруклинский Шаховской Дмитрий Алексеевич (1902–1989), впоследствии архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (1950–1975).
- 2. Военный институт иностранных языков (Defense Language Institute) учебное заведение министерства обороны США (основан в 1941 году), расположенный в калифорнийском городе Монтерей.
- 3. Рекомендация (англ.)

### В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

30 апреля 1950 Monterey, Calif.

Многоуважаемый Михаил Михайлович! Спешу сообщить Вам мой новый адрес:

14 F Ord Ave, Ord Village, Monterey, Calif.

По рекомендации Г. П. Струве я получил место преподавателя в здешней Школе Иностранных Языков<sup>1</sup>. Я очень доволен — начинается, наконец, нормальная жизнь. Большое спасибо Вам, конечно: ведь начало всего этого было положено Вашими письмами в Калифорнию.

Мне очень нравятся здешние места; многое я уже раньше представлял по романам и новеллам Стейнбека<sup>2</sup>. В городе неплохая библиотека и настоящий букинист. Само преподавание не представляет никакой проблемы; все уже приготовлено, и дело преподавателя — механически вбивать это в головы. Но зато работа почти не утомляет. Учат здесь т[ак] н[азываемому] «живому» языку, что подчас приводит к тому, что учат языку просто неправильному. Но это всё маленькие пятна на солнце моей теперешней жизни.

Свободные суббота и воскресенье дают мне теперь возможность увеличить программу своего чтения, а может быть, и начать писать что-нибудь серьезное – вроде повести, пьесы или новой поэмы.

Но последнему мешает неясность относительно судьбы того, что

я когда-то послал Вам. У меня есть дурная черта: не могу начать новый «период творчества», пока не расквитался с периодом предыдущим, т[о] е[сть] пока не получил широкой оценки последнему (неважно – благоприятной или нет).

Поэтому я буду очень благодарен, если Вы напишете мне хоть две строчки об этом. Да и кроме этого, я уже давно не имел от Вас никакого известия. Пишите, пожалуйста.

Искренне преданный Вам

- В. Марков
- P.S. Как я могу теперь подписаться на «Нов[ый] Журнал»?
- 1. Марков работал в Военном институте иностранных языков с 1950 по 1956 гг.
- 2. У писателя Джона Стейнбека события многих его произведений происходят именно в местности полуострова Монтерея.

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

6 мая 1950 г.

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Очень был рад узнать сначала от  $\Gamma$ . П. Струве, а потом и от Вас самого насчет перемены в Вашей судьбе. Надеюсь, что «маленькие пятна на солнце» Вас не слишком смущают. Ваши сомнения насчет  $\Gamma[ak]$  наз[b]ываемого[a] «живого языка» я вполне разделяю.

Простите, что я не отозвался раньше на Вашу просьбу насчет последнего номера «Нового Журнала». Высылаю его Вам как подарок. На обложке Вы найдете адрес и условия подписки. Но только уверены ли Вы в том, что Вы теперь настолько разбогатели, что можете позволить себе эту роскошь?

Поэму Вашу я твердо решил напечатать в журнале. Только не могу уместить ее в этой книге, и Вам придется ждать до осени. Может быть, удастся в этой книжке поместить несколько ваших стихотворений. Надеюсь, что Вы теперь будете писать. Между прочим, не могли бы Вы написать небольшую статью на какую-нибудь тему, интересную для американцев. Это для одного английского журнала, специально посвященного России, с которым я связан<sup>1</sup>. Вы можете написать статью по-русски (но имея в виду американского читателя), а мы уж устроим перевод. Подумайте об этом.

Шлю Вам сердечный привет.

Искренно Ваш

М. Карпович

<sup>1.</sup> Речь идет о журнале «Russian Review». Карпович принимал участие в

редактировании этого журнала на английском языке. Журнал стал издаваться в 1941 году и продолжает выходить в настоящее время.

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

898 Memorial Drive [Harvard University Department of History] Cambridge, Mass.

16.VI.50

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Теперь моя очередь просить прощение за то, что не сразу ответил на письмо. Правда, на этот раз в свое оправдание могу сказать, что я был болен и после болезни некоторое время был как сонная муха. Теперь это всё уже прошло, и я чувствую себя хорошо.

«Новый Журнал» (22-ую книгу) на этот раз Вам высылаю – одновременно с этим письмом. 23-ья книга должна выйти на днях. Ее я Вам тоже вышлю (напомните мне, чтобы я не забыл!). А уж потом решайте, хотите ли Вы подписаться на журнал.

Согласно Вашей просьбе, возвращаю Вам «Романсы», но с тем, чтобы после переделки Вы мне их непременно прислали опять для «Н[ового] Ж[урнала]». Они могли бы пойти либо в 24[-ую] кн[игу], к[ото]рую я рассчитываю выпустить в сентябре-октябре, либо в 25-ой, к[ото]рая, надеюсь, выйдет в дек[абре]-январе. Материал для 24-ой кн[иги] должен быть в моих руках к 1 августа, для 25-ой – к 1 ноября. Я сейчас вспомнил, что «После чьих-то похорон» идет в 23-ей кн[иге]<sup>1</sup>. Значит, Вам не надо мне напоминать о присылке Вам этого номера. Вы получите авторский экземпляр вместе со скромным гонораром. Остальные стихи Вам возвращаю, причем хочу сказать, что я всё еще заинтересован и в других Ваших стихах. Так что после переделки, о к[ото]рой Вы пишете, дайте мне возможность их перечитать.

Теперь насчет статьи для «R[ussian] R[eview]». Тема Ваша замечательно интересна. Ничего, если это будет об одних личностях. Имена вдохновителей из осторожности лучше не упоминать. Тема настолько интересна, что мне хотелось бы получить эту статью для «H[ового] Ж[урнала]» (это мое настоящее детище, к «R[ussian] R[eview]», признаюсь, я сам довольно равнодушен). В «R[ussian] R[eview]» пришлось бы писать более «общедоступно» – ведь это для «среднего американского читателя». М[ожет] б[ыть], для «R[ussian] R[eview]» Вы могли бы придумать что-нибудь более «объективное» –

какую-нибудь статью на литературную тему. Ваше желание «сцепиться с кем-нибудь» (тоже на литературную тему) понимаю и приветствую. «Политическая грызня» и мне надоела – и я стремлюсь расширить «культурно-литературный» отдел «Нового] Ж[урнала]» за счет политики. «Староверы» уже упрекают журнал за то, что он недостаточно «актуален». Но почему «культура» не актуальна? Одно из отвратительнейших явлений нашего времени есть «политизация» жизни. Отрицание автономии культуры – один из смертных грехов большевизма (как и всякого тоталитаризма). Борьба с этой «политизацией» - самая насущная - актуальная задача. Поэтому если найдете «животрепещущую» литерат[урную] тему, на к[ото]рую захотите написать, пришлите мне статью для «Н[ового] Ж[урнала]» – обещаю напечатать. А там, может быть, кто-нибудь с Вами сцепится. А может быть, Вас что-нибудь заденет в 23-ей кн[иге] (статья Иваска об эмигрантской поэзии или Федорова о христианской трагедии)2? Я целиком за «дискуссию». Конечно, Вы статьи сможете писать под псевдонимом. Стихи должны появляться под тем именем, под к[ото]рым Вы здесь известны как поэт. Неужели и их надо пропускать через цензуру начальства? И вообще я не знаю, не недоразумение ли это. Я знаю, что люди, служащие в Мин[истерстве] Ин[остранных]Дел, не могут без разрешения писать на политические темы. Но почему человек, преподающий в школе языков (хотя бы и военной), должен попадать под действие этого правила – непонятно, проверьте.

По моему теперешнему адресу можете мне писать до 1 июля. С 1 июля до 25 июля я буду в разъездах. После 25 июля и до 15 сен[тября] мой адрес будет — West Wardsboro, Vermont, а затем опять теперешний адрес.

Всего лучшего.

Ваш М. Карпович

Р. S. Забыл сказать о переводах. Некоторые из них очень удачны. Но у меня так мало места для стихов, что трудно их было бы напечатать. Кроме «Граней»<sup>3</sup>, подумайте еще о «Возрождении»<sup>4</sup>. Видели ли Вы этот журнал, к[ото]рый теперь редактирует С. П. Мельгунов<sup>5</sup>?

<sup>1.</sup> Это стихотворение является дебютом В. Маркова на страницах «Нового Журнала».

<sup>2.</sup> Ссылка на статьи Юрия Иваска «О послевоенной эмигрантской поэзии» и Георгия Федотова «Христианская трагедия». См. НЖ. 1950. Кн. 23. Сс. 195-214.

<sup>3. «</sup>Грани» – журнал литературы, искусства и политической мысли, который выпускало издательство Посев» с 1946 года. В ранние годы существования журнала В. Марков неоднократно печатался там.

<sup>4. «</sup>Возрождение» – парижский литературно-политический журнал (1949–1974).

5. Мельгунов Сергей Петрович (1874–1956) – историк и политический деятель. Редактировал журнал «Возрождение» четыре года (1950–1954).

## В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

Monterey

26 июня 1950

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Очень рад был Вашему письму и от души поздравляю Вас с выздоровлением. «Н[овый] Ж[урнал]», о котором Вы писали, что высылаете его одновременно с письмом, я еще не получил, хотя, впрочем, он и должен притти позже письма, посланного по воздушной почте. Я заинтересован в том, чтобы «Гурилевские романсы» попали в 24-ую книжку, и поэтому я их вышлю Вам в Wardsboro к 25 июля. Судя по Вашему письму, это подходит.

Стихи также пришлю после поправки. Статью о студенчестве филолог[ического] факультета буду писать, после того, что Вы написали, рассчитывая на «Новый Журнал», и на днях начинаю работу над ней.

Для «Russian Review» же думаю написать что-нибудь о советском театре. Я был большим театралом в студенческие годы, а после войны жена моя, актриса Александринского театра, познакомила меня кое с чем «закулисным». Если написать о правах и организации советского столичного театра (гл[авным] обр[азом] — драмы), о репертуарной политике и об отношении зрителя к театру, я думаю, это может быть интересным.

Сейчас в нашей школе – каникулы, но я занят больше, чем до этого: участвую в выпуске вводного курса в русский язык – главным образом по фонетической части.

Насчет своего псевдонима узнаю точнее потом, сейчас все начальство в разъездах. Но стихи мои, конечно, печатайте под моим именем: я всегда могу сказать, что они были посланы в «Н[овый] Ж[урнал]» до моего поступления на эту службу.

О журнале «Возрождение» я знаю только с чужих слов. Нет ли у Вас их адреса? Я тогда пошлю переводы туда. В Париже у меня знакомых нет. В свое время я посылал мою книжку стихов на отзыв Бунину, Берберовой и Адамовичу. Ответ (и довольно милый) прислал только первый¹; мне говорили, что в «Русской Мысли» была хорошая рецензия Берберовой на мои стихи², но мне она так и не попадалась в руки. Адамович же так и не ответил³.

А мне бы хотелось познакомиться с кем-нибудь из парижан. Сейчас, например, очень хочу приобрести одну современную франц[узскую] пьесу, но не знаю, как ее достать.

Желаю Вам хорошо отдохнуть в наступающем отпуску.

Искренне Ваш

В. Марков

- 1. Получив книгу стихов В. Маркова, Иван Бунин ответил, что он талантлив и что «есть немало в Вашей книжечке хорошего». См.: И. А. Бунин и молодые поэты: письмо В. Ф. Маркову / Публикация Ж. Шерона // И. А. Бунин: новые материалы. Вып. II. М., 2010. Сс. 510-513.
- 2. Нина Берберова нашла в книге Маркова «искренность, вкус и талант». См.: *Б[ерберова] Н.* Литература и искусство: стихотворения Владимира Маркова // «Русская мысль». 1949. 22 июня (№ 147).
- 3. Георгий Адамович в рецензии на книгу № 44 «Нового Журнала» он назвал Маркова «подлинным поэтом». См.: *Адамович Г.* «Новый Журнал» // «Русская мысль». 1956. 5 июля.

#### М М КАРПОВИЧ – В Ф МАРКОВУ

West Wardboro Vt.

[На бланке:]
Harvard University
Department of History
Cambridge, Mass.

4. VIII.50

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Только на днях получил Ваше письмо и переделанный текст поэмы, так как вернулся с запада прежде, чем предполагал, а перед приездом сюда застрял еще на несколько дней – по делам – в Кембридже.

Боюсь, что Вы думаете, что письмо пропало. Aдрес West Wardsboro, Vermont совершенно достаточен, т[ак] к[ак] это небольшая деревушка. Мы живем в одной миле от нее и сами ездим или ходим на почту получать корреспонденцию. Названий улиц и номеров здесь нет.

Насчет «туфлей» справку наведу. К сожалению, не захватил с собой «Толкового словаря» Ушакова. В небольшом орфографическом словаре (тоже под ред[акцией] Ушакова) [есть], вернее, указано:

*туфля*, род. мн. *туфель*. Но я не знаю, насколько это абсолютное правило. Спрошу нашего лингвиста Якобсона<sup>1</sup>.

Есть у меня еще кое-какие сомнения:

1. «Чтобы у моей любимой

Голова бы не болела.»

Двойное «бы», строго говоря, неправильно, но не только так говорят, но и у какого-то большого (классического) поэта я это недавно встретил.

2. «Каждый жест, наклон и ракурс.»

Я привык говорить «раку́рс», и «ра́курс» режет мне ухо. Или так тоже говорят?

3. Очень ли Вы держитесь за строчки:

«Трам-та-там, тра-та-там,

К сожаленью, не был там.»?

На мой слух, они как-то неприятно врезаются в мелодию поэмы, ничего к ней не прибавляя.

Теперь еще один вопрос. Правильно ли Вы перепечатали вот эти строки:

«И сказала: Спи, родная. Я заснула. Я заснула. Я всё сделаю, как хочешь. Язаснулаязаснула. (Так у Вас.) И спросить и он ответит (на об[ороте]) Ты не знаешь? Я не знаю Ты не помнишь? Я не помню.»

Мне надо знать:

- 1. Правильно ли повторение строки:
- Я заснула. Я заснула.
- 2. Хотите ли Вы, чтобы во второй раз это было набрано как одно сплошное слово, а если нет, то какая должна быть пунктуация?
- 3. Случайно или сознательно опущены точки после «и он ответит» и «я не знаю».

Теперь должен Вас огорчить. В 24-ую книгу я «Гурилевские романсы» уместить не смогу. Не думайте, чтобы это в какой-либо мере отражало мое к ней отношение. Напротив, я очень ею увлечен. Мне хочется поскорее увидеть ее напечатанной в «Новом Журнале». Но по несчастному стеченью обстоятельств у меня просто нет места в «беллетристическом» отделе 24-ой книги. В нем идут две большие вещи, по отношению к к[ото]рым я уже связан ранее данным катего-

рическим обещанием: присланная женой покойного Замятина ненапечатанная трагедия его «Атилла» $^1$ , к[ото]рая пролежала у меня уже два года, и первая часть нового романа Нины Берберовой $^2$ .

Обещаю Вам, что поэма Ваша непременно пойдет в 25-ой кн[иге], к[ото]рую мы рассчитываем выпустить к Рождеству. Конечно, я прокорректирую ее со всей тщательностью, а еще лучше – пошлю корректуру Вам (для этого будет время). Есть у меня один технический вопрос, касающийся орфографии. Я вижу, что вы употребляете «ё» там, где я бы его не употреблял (Гурилёвские, поблёкший и т. д.), и не употребляете там, где я бы его непременно употребил – в слове «всё». Ведь это диктуется весьма насущной практической потребностью – сразу отличить «всё» от «все». Так у Вас, напр[имер], в конце 4-ой «главы» я так и не знаю, надо ли читать «всё пунктиром, всё непрямо», или «Все...» (т[о] е[сть] герои). Между прочим, укажите, что правильно, – а кстати, скажите, возражаете ли Вы против того, чтобы я понаставил точек над всеми Вашими «всё». Твердые знаки я везде вставил.

С интересом буду ждать Вашего *okay*. Ю. П. Иваск<sup>3</sup> получил назначение на год преподавателем русского языка в Харварде. Надеюсь, что мне удастся удержать его и после этого года. Занятия начинаются только в конце сентября, так что пока он еще в Нью-Йорке — сейчас на *Long Island'e*. Что Вы думаете о его статье в 23-ей кн[иге] «Н[ового] Ж[урнала]»? Она вызвала ряд довольно резких реакций<sup>4</sup> — гл[авным] обр[азом] со стороны «новых» эмигрантов, что, признаюсь, для меня непонятно.

Всего лучшего. Искренно Ваш М. Карпович

<sup>1.</sup> Замятин Е. Атилла // НЖ. 1950. Кн. 24. Сс. 7-70.

<sup>2.</sup> Берберова Н. Мыс Бурь // НЖ. 1950. Кн. 24. Сс. 71-144.

<sup>3.</sup> Иваск Юрий Павлович (1907–1986) – поэт и критик. В Гарвардском университете получил степень доктора славянской филологии. Между Иваском и Марковым была многолетняя дружба и переписка.

<sup>4.</sup> См.: *Юрий Иваск*. О послевоенной эмигрантской поэзии. – НЖ. 1950. Кн. 23. Сс. 195-214. Характерная реакция со стороны критиков появилась в газете «Новое русское слово», где статья Иваска названа «несколько неровной, разбросанной, спорной, но несомненно интересной». См.: *Аронсон Г*. Новый Журнал – книга 23: литература // «Новое русское слово». 1950. 6 августа.

#### М М КАРПОВИЧ – В Ф МАРКОВУ

[Машинопись на бланке:] New Review/ Новый Журнал 112 West 72<sup>nd</sup> Street New York 23, N.Y.

898 Memorial Drive Cambridge, Mass.

20 декабря 1950

Дорогой Владимир Федорович,

Хочу Вам сообщить, что на днях я посылаю Вашу поэму в набор. Она появится в 25-ой книжке журнала<sup>1</sup>, которую мы хотим выпустить возможно скорее после 24-ой, уже печатающейся. В свое время я Вам пришлю корректуру.

Теперь хочу обратиться к Вам с большой просьбой. Нам нужно во что бы то ни стало обеспечить материальную базу журнала и добиться того, чтобы мы могли выходить регулярно и не меньше четырех раз в год. Для этого нам нужно срочно найти несколько сот новых подписчиков, и мы обращаемся ко всем друзьям журнала с просьбой помочь нам в этом деле. Мне пришло в голову, что в Вашей школе, где сейчас собралось много русских преподавателей, не говоря уже о студентах, изучающих русский язык, можно найти некоторое число подписчиков.

Очень надеюсь, что Вы согласитесь взять на себя пропаганду журнала и сбор подписок на месте. Некоторый материал для «пропаганды» прилагаю. Буду Вам очень благодарен за содействие.

Шлю Вам сердечный привет.

Искренне Ваш

М. Карпович

### В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

14 F Ord Ave, Ord Village, Monterey, Calif.

25 января 1951 г[ода]

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

<sup>1.</sup> *Марков В*. Гурилевские романсы // НЖ. 1951. Кн. 25. Сс. 88-120. Отдельной книгой «Гурилевские романсы» выходили дважды: в 1960 году (Изд-во им. Ирины Яссен – «Рифма» в Париже) и в 2000 году (Изд-во ж. «Звезда», СПб).

Простите, что сразу не ответил: был очень занят, писал огромную статью об Андре Жиде для «Граней»  $^1$ . Теперь на очереди «Н[овый] Ж[урнал]» и, как только окончу, примусь за мемуарный очерк.

Вашу просьбу насчет пропаганды «Н[ового] Ж[урнала]» я выполнил — вывесил везде и русские, и английские объявления, которые Вы прислали. Но пока никакого успеха: несмотря на то, что у нас около ста русских учителей, настоящего интереса ни к русской культуре, ни вообще к какой-либо культуре незаметно. Впрочем, болтать на эти темы и высокопарно разглагольствовать о Великой Русской Культуре они очень любят. Единственное, на что у меня есть слабая надежда: я подал прошение американскому начальнику (собрав несколько подписей) о подписке на «Н[овый] Ж[урнал]» для школы (1-3 экземпляра), а также о приобретении set'a² старых экз[емпляров]. Может быть, кто-нибудь из учителей или студент лично связался с редакцией, помимо меня? Я не знаю.

Я сам хочу подписаться на «Н[овый] Ж[урнал]». Куда посылать деньги? Лучше на год или за 3 экз[емпляра]?

С нетерпением жду корректуры «Гурилевских романсов». А оттисков Вы не делаете?

Надеюсь, что у Вас всё благополучно и что Вы здоровы.

Искренне преданный Вам

В. Марков

#### М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

Harvard University Department of History Cambridge, Mass.

27.I.51

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Посылаю Вам корректуру «Гурилевских романсов».

Пожалуйста, прочтите ее, не откладывая, нанесите Ваши исправления (будь таковые окажутся) и отправьте мне *air mail* по адресу:

c/o V. Terentiev 509 W 122 Street New York 27, N.Y.

<sup>1.</sup> *Марков В*. Творческий облик Андре Жида // «Грани». 1951. № 13. Сс. 158-168; 1952. № 14. Сс. 143-161.

<sup>2.</sup> комплект (англ.)

Я буду начиная с пятницы 2-го в Нью-Йорке, проведу там 3 дня. Мне бы очень хотелось получить корректуру обратно, пока я буду там.

Всего лучшего.

Искренне Ваш

М. Карпович

## В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

## 7 февраля 1951 г[ода]

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Я получил последнюю книгу журнала. Нужно ли за нее платить и куда?

Кроме того, мне хотелось спросить, можно ли [мне] прислать Вам на рецензию мою старую книгу стихов? Она совсем не рецензировалась в США, и, м[ожет] б[ыть], было бы неплохо сделать это одновременно с опубликованием поэмы. Но – она (книга стихов) выпущена еще в 1947 г[оду]. Это не очень «давно» для рецензий? (Ведь и поэма написана в 1948 г[оду].)

Искренне уважающий Вас

В. Марков

#### М М КАРПОВИЧ – В Ф МАРКОВУ

Harvard University Department of History Cambridge, Mass.

24 февраля [19]51 г[ода]

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Хочу коротко ответить Вам на Ваше последнее письмо. Я не знаю, на каких основаниях Вам послали 24-ую книгу журнала (между прочим, скандальную по числу опечаток, в чем я не виноват, т[ак] к[ак] на этот раз другие взялись держать корректуру вместо меня). Не платите за нее, а если хотите, подпишитесь на следующие три книги. Цена и адрес — на обложке.

Боюсь, что теперь уже поздно печатать рецензию на Вашу книгу стихов. Жалею, что мы пропустили ее в свое время. Но о Вашей поэзии писал Иваск в своей статье.

Всего лучшего.

Искренне Ваш

М. Карпович

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

[Машинопись] 898 Memorial Drive Cambridge 18, Mass.

12.XII.[19]52

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Вы ошибаетесь насчет копирайта. Мы просто перенесли его с первой страницы текста на обратную сторону титульного листа, но и раньше он относился целиком ко всему материалу. Это, впрочем, не имеет никакого значения, т[ак] к[ак] мы только рады, когда нас перепечатывают — конечно, если автор против этого не возражает. Если Вам для Чеховского Издательства нужно наше разрешение, то настоящим письмом я его Вам даю. Если они потребуют формального письма — я готов его написать.

Вашу «Антологию» я прочел с большим удовольствием. Огорчило меня только ее «оформление» – особенно обложка, но это уж не Ваша вина. Мне очень жаль, что по моей вине наш с Вами контакт прекратился. Пишете ли Вы что-нибудь и нет ли у Вас чегонибудь, что вы могли бы дать в «Новый Журнал»?

Шлю Вам сердечный привет.

Искренно Ваш

М. Карпович

#### В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

[Машинопись] 282 Clay Street Monterey, Calif.

17 декабря 1952 г[ода]

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Большое спасибо Вам за письмо и за сведения о «копирайт». Я очень грущу о неудаче с моей «Антологией»<sup>1</sup>. Очень безвкусно выглядит и претенциозное название «Приглушенные голоса» (несоответствующее содержание), и моя фамилия над названием, как будто я считаю себя автором всех стихотворений в книге<sup>2</sup>. Но я все это увидел уже на авторских экземплярах, слишком поздно. Кроме того, в книге около десяти важных опечаток не по моей вине и две-

три (увы!) по моей вине. Среди последних даже такая важная, как перевранное отчество Клюева.

Наш контакт с Вами прекратился не по Вашей вине, как Вы пишете, а по моей исключительно. Я очень долго был в затяжном «творческом кризисе», из которого теперь, с Божьей помощью, выбираюсь. Сейчас думаю над несколькими вещами (большей частью, статьи) и одну из них непременно пошлю Вам.

Примите мои искренние поздравления со Светлым Праздником и лучшие пожелания к Новому Году.

Уважающий Вас

В. Марков

## В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

282 Clay St. Monterey, Calif.

21 марта 1954 г[ода]

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Посылаю Вам мою статью о Хлебникове<sup>1</sup>. Просмотрите ее, пожалуйста, на досуге и скажите, подойдет ли она для «H[ового] Ж[урнала]». Посылаю ее в не очень «чистом» виде, т[ак] к[ак] неохота перечитывать, пока не знаю, примут ли.

Вкратце история этой статьи. Она — подступ к теме «Русский футуризм»<sup>2</sup>, которая, может быть, вырастет в диссертацию<sup>3</sup>, если мне когда-нибудь придется заниматься академической работой. В свое время журнал «Опыты»<sup>4</sup> просил у меня статью. Я предложил им эту тему, и они согласились. Я взялся за работу и, как увидите читая, переварил немало материала. Статья редакции очень понравилась (если судить по письмам), но попросили сократить на одну четверть, что я и сделал (поэтому рукопись склеена местами, а местами на полустраничных листках).

Но недавно они прислали мне статью обратно, ссылаясь на недо-

<sup>1.</sup> Марков В. [составитель] Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

<sup>2.</sup> Рекламный циркуляр марковской антологии гласит: «Книга представляет собой антологию современных русских поэтов, жизнь которых проходит за 'железным занавесом' и чьи голоса 'приглушены' диктаторской властью над творчеством художника. Книгу редактировал В. Марков — молодой поэт и критик, живущий теперь в свободном мире».

статок места в 3-ем номере (как я слышал, этим 3-им номером они заканчивают существование)<sup>5</sup>. В общем, конечно, резонно, что при таких обстоятельствах они решили пожертвовать менее известными «именами».

Я лично, конечно, подавлен. Статья отняла у меня несколько месяцев работы, и мне не кажется, что она совсем не удалась.

Если можно пристроить ее у Вас, был бы очень благодарен.

Уважающий Вас

В. Марков

- 1. Статья вышла в журнале «Грани» (1954. № 22. Сс. 126-145) под названием «О Хлебникове. Попытка апологии и сопротивления».
- 2. В 1968 году Марков выпустил первую фундаментальную историю русского футуризма (*Russian Futurism: а History*). В 1973 году книга вышла на итальянском языке, а на русском только в 2000 году.
- 3. Марков обработал свою докторскую диссертацию о поэте Хлебникове (*The Longer Poems of Velimir Khlebnikov*) и издал ее в 1962 году.
- 4. «Опыты» литературный журнал (1953–1958, Нью-Йорк), редакторы –
- Р. Н. Гринберг, В. Л. Пастухов, Ю. П. Иваск. Всего вышло девять номеров.
- 5. Из-за разногласий между издательницей журнала (М. С. Цетлин) и
- Р. Н. Гринбергом возникли слухи, что после третьего номера журнал закроется. В конечном итоге место Р. Гринберга занял Ю. Иваск (с  $\mathbb{N}$  4); журнал продолжал выходить еще несколько лет.

#### М М КАРПОВИЧ – В Ф МАРКОВУ

[Машинопись на бланке:] Новый Журнал / The New Review 223 West 105 Street New York 25, N.Y.

Editor: Professor Michael Karpovich of Harvard University В. Ф. Маркову

14 апреля 1954 г[ода]

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Был очень рад получить от Вас письмо и статью. Последнюю я прочел с большим интересом и удовольствием. Никак не могу сказать, чтобы она Вам не удалась. Но, увы! Для ее помещения в «Новом Журнале» есть одно большое препятствие — ее размер. По моим расчетам она заняла бы около 50 наших печатных страниц. Такого раз-

мера вещи мы пускаем только в беллетристическом отделе, для статьи же это размер, превышающий все наши нормы. Мой идеал — статья в 15 печатных страниц. К сожалению, не всегда удается этот идеал осуществить, и у нас попадаются статьи в 20 стр[аниц] и больше. В некоторых случаях мы, скрепя сердце, делим статью на два номера, но так как я очень не люблю «продолжение следует», то делали мы это только тогда, когда статья естественно разделялась на две более или менее самостоятельные части, каждую из которых можно было напечатать под особым заглавием. Так мы сделали, например, со статьей Маковского о Вяч[еславе] Иванове<sup>1</sup>. В Вашей статье я такого естественного деления не усматриваю.

Я понимаю, что после такой большой работы над статьей Вам не хотелось бы ее сокращать, особенно после того, как Вы ее уже на одну четверть сократили. Но постарайтесь войти в положение редактора журнала. В конце концов, это скорее монография, чем журнальная статья. И ведь всегда можно сократить за счет примеров для побочных рассуждений.

Не знаю, захотите ли Вы переработать статью в этом направлении. Скажу только, что лично я был бы очень счастлив, если бы захотели. Конечно, никто, кроме Вас, сделать этого не сможет. Вы сами пишете, что это подступ к теме «Русский футуризм», и что тема эта, может быть, вырастет у Вас в диссертацию. Если так, то собранный Вами богатый материал Вы сможете полностью использовать в дальнейшем, а нам бы могли дать эскиз этой будущей большой работы (в части, касающейся Хлебникова).

В связи с этим я хотел бы, чтобы Вы мне написали о Ваших академических планах. У меня есть кое-какие по этому поводу мысли, которыми я надеюсь с Вами поделиться в недалеком будущем.

Пока шлю Вам сердечный привет и лучшие пожелания.

Искренне Ваш

М. Карпович

Р. S. Статью *пока* Вам возвращаю (простой почтой).

#### В Ф МАРКОВ – М М КАРПОВИЧУ

17 июля 1954 г[ода]

Многоуважаемый Михаил Михайлович! Не подойдет ли для «Н[ового] Ж[урнала]» приложенный этюд о

<sup>1.</sup> *Маковский С.* Вячеслав Иванов в России // НЖ. 1952. Кн. 30. Сс. 133-157; Вячеслав Иванов в эмиграции // НЖ. Кн. 31. Сс. 160-174.

футуризме? Все в нем высказанное можно было бы убедительнее доказать и более выпукло продемонстрировать, но тогда Вы наверняка прислали бы рукопись обратно с резолюцией: длинновато.

Ваш В. Марков

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

## 26.VIII.[19]54

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Большое Вам спасибо за статью о футуризме, которая мне очень понравилась. Она отвечает всем моим редакторским требованиям: интересна по теме, хорошо написана и «узаконенного» размера. Не знаю, во всем ли я с Вами согласен, но не думаю, чтобы это происходило потому, что Вы, из-за недостатка места, не могли более убедительно доказать свои положения. Так, например, мне кажется, что Вы слишком распространительно употребляете термины «футуризм» и «акмеизм», но из Вашей статьи совершенно ясно, в каком именно смысле Вы их употребляете.

Два места вызвали во мне сомнения стилистического характера:

1. «Символизм пытался добиться трансцендента» (стр. 4).

Не помню, чтобы в дореволюционном русском языке было слово «трансцендент». Говорили и писали либо «трансцендентальность», либо «трансцендентальное» (так же, как «имманентность» или «имманентное», а не «имманент»);

2. «Гумилев выбрал четырьмя китами своему течению» – на мой слух звучит как-то неладно.

Статья пойдет в сентябрьской книге и уже в наборе1.

Шлю Вам сердечный привет.

Искренно Ваш

М. Карпович

#### В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

## 5.IX.[19]54

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Очень рад, что статья Вас заинтересовала.

Если даже кое-что в статье и заострено немного больше, чем кажется нужным, это ничего. В литературоведении уже стало нечем

<sup>1.</sup> Марков В. Мысли о русском футуризме // НЖ. 1954. Кн. 38. Сс. 169-181.

дышать – так мало широких мыслительных обобщений. Все это из-за того, что собирают факты и только. Обобщение в интуиции предшествует фактам, это единственный творческий подход. Я, во всяком случае, верю в «идеальное» развитие литературных процессов. И как иначе понять ход пореволюционной поэзии? Заболоцкого не объяснить резолюциями ЦК, РАПП'ами¹ и «Перевалами»² – последние к подлинной литературе не имеют отношения.

Но это не тема для письма; боюсь, не смогу слезть с конька. Тут нужна большая, жаркая и дельная дискуссия. Насчет Ваших стилистических замечаний, пожалуй, согласен, но не знаю, что сказать. Я с трудом и с отвращением пишу, фраза всегда плохо идет и не слушается. По-моему, там гораздо больше оплошностей. Но, в конце концов, статья о футуризме и должна быть коряво написанной (в этом их эстетика). Я уже давно тайно ненавижу в языке некоторые «узаконенные» обороты (особенно придаточные предложения), а особенно идиотскую пунктуацию. В этом смысле Хлебников оказал освобождающее действие, укрепил в давних подозрениях.

Если хотите, исправляйте — если идея фразы сохранится, я не возражаю. Я, пожалуй, не совсем согласен насчет «трансцендента». Я ощущаю потребность в этом слове, и оно необходимо в языке. Оно параллельно «имманенту» лишь формально. «Имманент» не существует, т[ак] к[ак] не нужен, это качество, статика, и прилагательного здесь достаточно. А как же обозначить кратко и точно сам переход, прорыв в иную реальность? Здесь необходимо существительное — и простое. (Существительное «трансцендентальность» образовано от прилагательного и поэтому слишком качественно, это — не то.) Но повторяю, я приветствую любые редакторские переделки, если смысл не страдает. I am well aware<sup>3</sup>, что написано ужасно.

Уважающий Вас

В. Марков

Р. S. У меня к Вам просьба. В начале 1956 г[ода] двухсотлетие со дня рождения Моцарта. Для меня это особенная дата. Мне даже кажется, что если откинуть все остальное, с Пушкиным и Моцартом *только* можно жить припеваючи.

Так вот, я хотел бы написать эссей (sic!) о Моцарте к юбилею. Я боюсь, что Вы поморщитесь: не подходит к русскому «профилю» «Н[ового] Ж[урнала]». Но я обещаю написать заодно о нашем отечественном невнимании к Моцарту и его корнях, т[ак] ч[то] «русский» аспект будет сохранен. Но главное будет о неожиданном открытии XX веком (и мной) этого композитора и о значении этого факта – кроме того, это будет объяснение в любви Моцарту, запоздалое (но лучше поздно, чем никогда) со стороны России. Кроме того, обещаю

связать это с проблемой классицизма вообще, упомянуть Пушкина. Сравню с Глинкой и Чайковским (не к выгоде для второго).

Не откажите, пожалуйста, в моей просьбе.

Искренне Ваш

В. Марков

- 1. РАПП «Российская ассоциация пролетарских писателей».
- 2. «Перевал» литературная группировка двадцатых годов
- 3. Я вполне сознаю (англ.)

#### М М КАРПОВИЧ – В Ф МАРКОВУ

[На бланке:]
Harvard University
Department of History
Cambridge, Mass.

26.I.[19]55

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Отвечаю Вам с некоторым опозданием, потому что я уезжал на несколько дней в Нью-Йорк. Конечно, я охотно напишу рекомендацию в Ford Foundation<sup>1</sup>. Пришлите мне бланк, и я его сейчас же заполню и отправлю. Очень надеюсь, что Вы получите стипендию и сможете заняться русской поэзией. Быть может, это даст мне возможность наконец с Вами встретиться.

Ваша «Аркадия»<sup>2</sup> имела большой успех, судя по тем отзывам, которые мне пришлось слышать. Между прочим, пользуюсь этим случаем, чтобы сказать Вам, что Ваша статья о Моцарте очень меня интересует. Я охотно поместил бы ее в «Н[овом] Ж[урнале]». Но только – постарайтесь вместить то, что Вы хотите сказать, в наши 15 печатных страниц (около 6000 слов). Сейчас это пожелание принимает особенно настоятельный характер. Мы вступили в полосу финансового кризиса, и нам приходится принимать меры к тому, чтобы обеспечить продолжение журнала. Возможно, что – по крайней мере на время – в целях экономии придется сократить размер журнала на 1 печатный лист. А тогда вопрос о размерах статей станет еще более острым. 3 статьи по 20 вместо 15 страниц вытесняют одну статью, которую можно было бы поместить в той же книге!

Шлю Вам сердечный привет.

Искренно Ваш

М. Карпович

<sup>1.</sup> Марков подал на грант в Ford Foundation, чтобы иметь возможность посту-

пить в аспирантуру на кафедру славянских языков и литератур в Калифорнийский университет в Беркли.

2. Университетские воспоминания Маркова «Et ego in Arcadia» вышли в НЖ, Кн. 42 (1955. Сс. 164-187).

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

[На бланке:] [Harvard University Department of History Cambridge, Mass.]

West Wardsboro, Vt.

13.IX.[19]55

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Когда я был в Сан-Франциско, проездом из Гонолулу, Г. П. Струве передал мне рукопись Вашей статьи<sup>1</sup>. Она мне очень понравилась и очень меня заинтересовала. Материал такого рода, т[о] е[сть] относящийся к *не-политической* стороне советской жизни (пишу, конечно, очень схематически и без тщательного выбора слов), попадает в мои руки чрезвычайно редко, а для меня он особенно ценен.

Но не в этом только дело. Привлекает меня и то «личное», что в этой статье есть, и ее общий стиль.

Приехав в Нью-Йорк, я ее сейчас же передал Р. Б. Гулю<sup>2</sup>. Она пойдет в ближайшей книге «Н[ового] Ж[урнала]» в отделе «Воспоминания и документы» (иначе ее трудно было бы куда-нибудь поместить – временами я жалею, что мы стеснили себя рамками введенных нами отделов). Не знаю, написал ли Вам Гуль об этом. Сам я, простите, не удосужился написать до сих пор, т[ак] к[ак] переезжал с места на место и в результате двухмесячного отсутствия с континента (the mainland, как говорят на Гавайских, они же Сандвичевы, островах) у меня оказалось много всяких срочных дел и хлопот. В статье я почти ничего не изменил и не сократил. Выпустил только одну небольшую фразу в смутившем Г[леба] П[етрови]ча параграфе на последней странице. Параграф в целом меня не смутил, но фраза о здешних наших критиках, многие из к[ото]рых прекрасно приспособились бы к советской жизни (не ручаюсь за точность передачи Ваших слов), мне показалась излишне вызывающей. Надеюсь, что Вы одобрите этот пропуск (или во всяком случае примиритесь с ним post factum). Мы опаздываем с номером, типография нас страшно торопит, и времени послать Вам корректуру не будет. Я сам читаю всю корректуру и делаю это тщательно. Хочу еще сказать, что пропуск, который я сделал, не нарушает последовательности между тем, что предшествует, и тем, что следует, – ни тематически, ни стилистически.

Я очень жалел, что две мои остановки в Сан-Франциско (на пути в Гонолулу и на обратном пути) не совпали с одним из Ваших приездов туда. Очень хотелось бы встретиться с Вами и поговорить. Надеюсь, что все-таки когда-нибудь это мне удастся.

Всего лучшего.

Искренно Ваш

М. Карпович

P. S. Через 3 дня я возвращаюсь в Кембридж, где мой адрес по-прежнему:

898 Memorial Drive Cambridge 38, Mass.

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

[Ha бланке:]
Harvard University
Department of History
Cambridge, Mass.

26.XII.[19]55

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Только несколько слов, чтобы успокоить Вас насчет «Моцарта». Он мне очень понравился и пойдет в «Н[овом] Ж[урнале]» без сокращений. Но точно к юбилею он все-таки не попадет. Когда я его получил, весь материал для декабрьской книги был уже сдан в типографию. К сожалению, эта книга запаздывает и выйдет только в начале января. Но помечена она все-таки будет 1955[-ым] годом.

«Моцарт» пойдет в нашей мартовской книге – первый в 1956 (т[о] е[сть] юбилейном) году $^1$ .

Рекомендацию в Фордовский Фонд я своевременно послал.

Желаю Вам и Вашим всего лучшего в наступающем Новом Году.

<sup>1.</sup> Речь идет о воспоминаниях Маркова.

<sup>2.</sup> Роман Борисович Гуль в это время был секретарем НЖ, а после смерти Карповича стал главным редактором журнала.

Шлю Вам привет. Искренно Ваш М. Карпович

1. Очерк «Моцарт» появился в НЖ, кн. 44 (Март, 1956. Сс. 88-113).

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

[Машинопись на бланке] Новый Журнал / The New Review 223 West 105 Street New York 25, N.Y. Editor: Professor Michael Karpovich of Harvard University В. Ф. Маркову

23 апреля 1956 г[ода]

Многоуважаемый Владимир Федорович,

С извинениями за опоздание отвечаю Вам на Ваше письмо относительно статьи В. П. Никитина<sup>1</sup>. Мне кажется, что для читателей «Нового Журнала» она интереса не представляет. Связь этой заметки с Хлебниковым все-таки не очень тесная — в том смысле, что для понимания Хлебникова она вряд ли что дает. Персидские же события, там излагаемые, сами по себе особого интереса не представляют. В общей работе о персидских делах в то время все эти детали получили бы надлежащее место, но помещение рассказа о них как отдельной статьи едва ли было бы оправдано.

У меня с проф[ессором] Никитиным вообще какая-то незадача. Несколько времени тому назад Вернадский<sup>2</sup> переслал мне начало его воспоминаний под заголовком «Арабески». Из-за обилия всяких очередных дел я только недавно эту рукопись прочел, и, вероятно, он (как и многие другие) на меня уже в обиде, что я не отвечаю. К сожалению, и эту часть его воспоминаний я использовать для журнала не могу. Называется она «Как я стал востоковедом», но на самом деле содержит очень подробный рассказ о его гимназических годах. При этом всё так связано одно с другим, что ничего нельзя выделить как самостоятельный отрывок, а поместить всю вещь целиком мы при всем желании не могли бы. Рассчитываю написать ему об этом на днях и спросить его о других частях его воспоминаний и о том, не мог ли бы он написать нам статью более подходящего характера.

Книга «Нового Журнала» выходит на днях. Все указанные Вами исправления мы успели сделать. Кроме того, я уже в корректуре

(постраничной) исправил одну Вашу неточность; у Вас было сказано, что «Пушкин убивает семью Годунова за сценой», между тем Ксения убита не была, хотя и находилась в том же доме. Так как «жену и сына» вставить уже было нельзя, то я ограничился одним «сыном».

Всего лучшего. Искренне Ваш М. Карпович

- 1. Никитин Василий Петрович (1885–1960) ученый-востоковед. Упоминается очерк «Русский дервиш» о пребывании Хлебникова в Иране.
- 2. Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) профессор русской истории в Йельском университете.

## В. Ф. МАРКОВ – М. М. КАРПОВИЧУ

[Машиноспись] 282 Clay St. Monterey, Calif.

15 мая 1956 г[ода]

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Посылаю Вам список опечаток в моем «Моцарте». Большинство из них нестрашные, но три, отмеченные красным карандашом, совершенно искажают смысл, и я был бы очень благодарен, если бы Вы отметили их в следующем номере. Насчет Грибоедова и Расина — целиком моя вина, эта ошибка у меня в рукописи, но я писал Вам с просьбой поправить. Очевидно, или мое письмо не дошло или пропало, когда номер был уже отпечатан.

С искренним уважением

В. Марков

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

[На бланке] *Harvard University Department of History Cambridge, Mass.* 

## 29.VII.[19]57

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Перед отъездом в Европу (на 3 месяца) срочно уплачиваю свои эпистолярные долги.

Возвращаю Вам Вашу заметку, которая для «Н[ового] Ж[урнала]» показалась мне неподходящей<sup>1</sup>. Не напишете ли для нас когданибудь что-нибудь в «большой форме» (но всё же в пределах наших возможностей)?

В этой книге не оказалось места для поправок, но Вашу «злую» опечатку мы поправим в следующей $^2$ .

Всего лучшего.

Ваш М. Карпович

2. Поправка к статье «Моцарт» появилась в № 45, НЖ. С. 304.

#### В Ф МАРКОВ – М М КАРПОВИЧУ

[Написано Карповичем: 1958]

Многоуважаемый Михаил Михайлович!

Простите, что беспокою Вас письмами, но мне хотелось известить Вас, что мне вдруг повезло со степенью, когда я был уже в полнейшем отчаяньи и не ждал надежды<sup>1</sup>. Я обратился к моим лосанджелесским университетским «властям», и они несколько нажали на Беркли, где, со своей стороны, хлопотал Глеб Петрович<sup>2</sup>. От residence<sup>3</sup> меня не освободили, но согласились записать меня задним числом на следующую летнюю сессию, что мне даст возможность получить степень в ближайшее время. Все хорошо, что хорошо кончается.

Уважающий Вас

В. Марков

<sup>1.</sup> Статья Маркова «О большой форме», которую Карпович отклонил, появилась в первом номере альманаха «Мосты» (Мюнхен, 1958. Сс. 174-178).

<sup>1.</sup> ALS (Army Language School) class supervisor wins Ford Foundation fellowship // «Montery Peninsula Herold»: 1956. July 12.

<sup>2.</sup> По личной просьбе профессора Глеба Струве Маркова приняли в Калифорнийский университет в Беркли как «special student» (степень специального студента). Этот статус позволил Владимиру Федоровичу сократить количество обязательных классов для получения докторской степени на кафедре славянских языков и литератур. Марков был только один год в аспирантуре в Беркли; см. письма Струве Маркову за этот период: Hoover Institution Archives, Gleb Struve Papers, Boxes 105, 106.

<sup>3.</sup> Имеется в виду обязательное личное присутствие во время учебы в университете.

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

898 Memorial Drive

[На бланке]
Harvard University
Department of History
Cambridge, Mass.

5.VI.[19]58

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Простите, что отвечаю Вам с таким опозданием. Пожалуйста, не припишите его ни к недостаточному вниманию к Вашей просьбе, ни равнодушию к судьбе Георгия Владимировича<sup>1</sup>.

Боюсь, что намеченный Вами план систематических сборов (путем воззвания) в эмиграции едва ли осуществим. Даже и вторая версия (группа лиц, собранная частным порядком), как мне известно по личному опыту, мало «эффективна и постоянна». Тенденция такой группы – постепенно таять. Может быть, я излишне пессимистичен и я был бы рад оказаться посрамленным. К сожалению, активной роли я сейчас на себя взять не могу по ряду обстоятельств. Буду готов, однако, принять участие в складчине, а если нужно мое имя – то Вы можете им пользоваться.

Пока же, ввиду экстренности положения, я попробую достать долларов 200 на лечение Иванова в одном доме, с которым я связан.

Отчасти я не писал Вам потому, что хотел сначала позондировать почву. Только недавно выяснилось, что возможность получить в данный момент небольшую сумму — есть. Я надеюсь устроить это, когда буду в следующий раз в Нью-Йорке — а именно 16 июня, и Вам тогда напишу о результатах.

Струве писал мне, что Вы должны были получить Вашу степень в конце этого семестра<sup>2</sup>. Можно ли Вас уже поздравить? Как Вам живется и преподается в Los Angeles<sup>3</sup>? Не собираетесь ли Вы на восток, чтобы нам наконец можно было встретиться?\* Не напишете ли чего-нибудь для «Нового Журнала»?

Шлю Вам сердечный привет.

Искренно Ваш

М. Карпович

\* Не поймите меня превратно. Я ни на минуту не предполагаю,

что Вы можете совершить это путешествие с целью со мной встретиться!

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

898 Memorial Drive [На бланке] Harvard University Department of History Cambridge, Mass.

## 28.VI.[19]58

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Хочу сообщить Вам, что мне удалось достать пока для Георгия Иванова 200 дол[ларов], что по официальному курсу составляет теперь 84 тысячи франков. Деньги эти на днях будут посланы им аir mail (посылаем американский чек, который они там разменяют без труда и, вероятно, более выгодно, чем по официальному курсу).

В самом близком будущем в Нью-Йорке также должна выйти книга стихов Иванова<sup>1</sup>. Деньги на это тоже удалось достать в Америке. Доход с продажи книги (здесь у меня особых иллюзий нет!) тоже пойдет ему.

Можно ли Вас уже поздравить с получением степени? Если можно – то поздравляю.

Шлю Вам сердечный привет.

Искренно Ваш

М. Карпович

Р. S. Теперь, когда Вы избавились от диссертации, не напишете ли Вы когда-нибудь чего-нибудь для «Нового Журнала»?

<sup>1.</sup> Марков собирал деньги в помощь нуждающему поэту Георгию Владимировичу Иванову (1894–1958).

<sup>2.</sup> Докторская степень в славяноведении (Slavic Languages and Literatures) была присуждена Маркову в сентябре 1958 года.

<sup>3.</sup> Осенью 1957 года Марков временно получил профессорское место в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе (UCLA); через год после того, как он защитил докторскую диссертацию, должность стала постоянной. Марков проработал в UCLA до ухода на пенсию в 1990 году.

<sup>1.</sup> Книга Георгия Иванова вышла после его смерти; см. : *Иванов Г.* 1943—1958. Стихи. — Нью-Йорк: Издание «Нового Журнала». 1958.

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

Wardsboro, Vt c/o Rabinowitch Wardsboro, Vermont

17.VII.[19]58

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Спасибо за письмо. С тех пор, что я писал Вам, стипендия для Георгия Иванова была увеличена с 200 до 800 дол[ларов], так что теперь он должен быть обеспечен на довольно долгий срок. Думаю, что в течение 6-8 месяцев о складчине можно не беспокоиться. Так как обычно пыл участников такой складчины постепенно охладевает, то мне кажется, было бы невыгодно начинать ее загодя.

Рад был узнать, что, по крайней мере, с диссертацией Вы разделались – и очень понимаю Ваше желание от нее «оправиться».

Теперь относительно тем, которые были бы «Новому Журналу» по вкусу (пользуюсь Вашей формулировкой). Конечно, в общей формуле это определить трудно (вернее – невозможно).

Не знаю, что Вы называете «чистым» литературоведением. Ваша тема «Стихи и проза» кажется мне очень интересной и для журнала подходящей. Но недавно, например, я отклонил статью Р. Плетнева¹ (вообще к «чистому» литературоведению отнюдь не склонному) о «Цветах и звуках» в поэзии Алексея Толстого², которая (статья), за исключением нескольких фраз «восклицательного» характера, состояла из перечня различных цветов (от слова «цвет», конечно) и звуков, встречающихся у Толстого, с примерами.

Мне показалось, что такая специальная техническая статья для «общего» журнала не подходит.

Предпочтение, которое Вы отдаете «замене ямба хореем в первой стопе» перед Февральской революцией вполне законно, но столь же неоспоримо и право Вишняка интересоваться Февральской революцией больше, чем ямбом и хореем<sup>3</sup>. Но, по совести говоря, я не думаю, чтобы «Нов[ый] Журнал» можно было упрекнуть в исключительном или даже преимущественном интересе к «политике» в ущерб «культуре». Большей частью нас упрекают как раз в противоположном. Лично я устроен так, что меня волнуют и Февральская революция, и «проблемы литературоведения». Льщу себя надеждой, что такая «двусторонность» (не решаюсь говорить о многосторонности) отражается и на редактируемом мною журнале. Если баланс далеко не всегда бывает соблюден (я вообще очень редко бываю

доволен очередной книгой журнала), то виной тому — отсутствие авторов на ту или иную тему. Вот Вы говорите — и совершенно правильно, — что надо больше писать и спорить об эмигрантской литературе. Всей душой этому сочувствую, был бы в восторге, если бы в «Н[овом] Ж[урнале]» было много статей по этому вопросу. Но не укажете ли Вы мне, кого мне надо просить о таких статьях?

Мне как-то сказал Набоков в ответ на мой вопрос:

«Неужели у Вас нет потребности писать по-русски?»

«А для кого я буду писать? Вот я напечатал по-русски 'Дар' полностью<sup>4</sup>, сборник рассказов<sup>5</sup> и русскую версию моих воспоминаний<sup>6</sup>, и даже у Вас в 'Новом Журнале' не было никакого отклика.»

И он совершенно прав. Между тем я тщетно старался получить рецензии об этих книгах (в особенности о «Даре») от нескольких авторов. Адамович напечатал у нас статью о Георгии Иванове как первый очерк в серии «Наши поэты»<sup>7</sup>. Когда он прислал эту статью, я страшно обрадовался, но Гуль меня расхолодил, сообщив, что Адамович вперед заявил, что никакого продолжения не будет, т[о] е[сть], что «Наши поэты» ограничатся одним Георгием Ивановым.

Вообще в «редакторской исповеди» я мог бы во многом упрекнуть и писателей, и читателей (русских эмигрантских, конечно) в порядке самозащиты.

Пока всего хорошего.

Ваш М. Карпович

<sup>1.</sup> Плетнев Ростислав Владимирович (1903–1985) – эмигрантский литературовед и критик.

<sup>2.</sup> Толстой Алексей Константинович (1817–1875) – писатель, поэт и драматург.

<sup>3.</sup> Намек на публичный скандал между В. Ф. Марковым и общественным деятелем, публицистом Марком Вениаминовичем Вишняком (1883—1976), который возник на почве одной из статей Маркова. Марков раскритиковал излишнюю политическую ангажированность старой эмиграции. Подробнее см.: «Мир на почетных условиях...» Переписка В. Ф. Маркова с М. В. Вишняком (1954—1959) / Публикация О. Коростелева и Ж. Шерона // «Диаспора: новые материалы». Вып. 1. — Париж — Санкт-Петербург, 2001. Сс. 557-584.

<sup>4.</sup> Набоков В. Дар. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

<sup>5.</sup> *Набоков В.* Весна в Фиальте и другие рассказы. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

<sup>6.</sup> *Набоков В.* Другие берега. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. Выдержки из своих воспоминаний Набоков опубликовал в НЖ (Кн. 37, 38).

<sup>7.</sup> См.: Адамович Г. Наши поэты. І. Георгий Иванов // НЖ. 1958. Кн. 52. Сс.54-62.

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

Wardsboro, Vt c/o Rabinowitch Wardsboro, Vermont

26.VII.[19]58

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Спасибо Вам за письмо. С[о] своей стороны, я тоже хочу устранить «недоразумение». Когда я писал о «Новом Журнале», как бы защищая его, я имел в виду не столько Вашу критику, сколько, по ассоциации, другие и более критические замечания, которые мне приходилось слышать, – притом с обеих сторон.

Меня очень заинтересовало то, что свою «воинственную аполитичность» Вы связываете с Вашим советским опытом. Я так это и воспринимал с самого начала – со времен знаменитой «пощечины»1 (хотя я и тогда думал, и теперь думаю, что в первую очередь было бы естественно мечтать о пощечине «оскорбителю», а не его отцу, - за то, что он (отец) такого негодяя произвел на свет, - мало ли у кого какие бывают дети!). В каком-то смысле бытиё действительно определяет сознание – если под бытиём понимать не «производственные отношения» и не «классовую борьбу», а всю совокупность жизненного опыта (из к[ото]рого общественно-политическую обстановку исключить никак нельзя, - вот и на нас она, по крайней мере отрицательно, подействовала, - хотя из Вашей «Аркадии» и можно было бы сделать вывод, что Вы остались для нее (обстановки) непроницаемым). Разницей ответа я и объясняю разницу моего и Вашего отношения к общественности (так же как и моего подхода и подхода Варшавского к этой проблеме – у него опыт младоэмигрантский). И Вы, и Варшавский (с совершенно разных точек зрения) аттестуете дореволюционную общественность так, как вы оба ее себе представляете, - один сквозь призму советского опыта, другой - сквозь призму настроений и переживаний парижского «незамеченного» поколения. Я же знаком по опыту последнего дореволюционного десятилетия т[о] е[сть] тех людей, когда складывалась моя «индивидуальность». И Вы, и Варшавский одинаково игнорируете тот огромный сдвиг, который происходил в те годы в стиле и психологии русской общественности. То, на что вы оба нападаете, тот интеллигентский монолит, в к[ото]ром религиозная и эстетическая глухота была неразрывно соединена с социально-политическим радикализмом или даже либерализмом, разваливался на моих глазах и становился анахронизмом с

поразительной быстротой. При отсутствии этой обязательной монолитности (потом насильственно восстановленной большевистской реакцией) политика и общественность теряли свою одиозность даже для неглухих к религии и эстетике, и это и была почва, на к[ото]рой выросла моя двусторонность. При этом, не разделяя «мировоззрения» эпигонов прежнего времени, можно было относиться к ним терпимо и даже уважать в них известные черты, достойные подражания (у них была своего рода общественно-политическая культура – вещь в человеческом общежитии очень ценная).

Кроме этой исторической причины есть у меня и другие, более прагматические причины для защиты этой общественности. Как никак с ней было связано всё, что было «высшего стиля» в русской культуре того времени. Одиночки, вроде Розанова, в счет не идут. Говоря грубо, русская культура была в «левом», а не в «правом» лагере. Литературный и художественный «авангард» сотрудничал в кадетской «Речи»<sup>3</sup>, а не в суворинском «Новом Времени»<sup>4</sup>. Вышло так, что я вырос в атмосфере этой культурной «элиты», среди к[ото]рой имел и много личных связей. Сейчас в эмиграции я естественно тянусь к ее остаткам, включая туда и представителей старой политической культуры, хотя бы они даже и не понимали Цветаеву, как Кускова<sup>5</sup>, или отрицали существование дьявола, как Вишняк. Для меня они остаются представителями «высокого стиля» по сравнению с подавляющим своей культурностью (и политической, и всякой другой) большинством старой эмиграции (сугубо обывательским и провинциальным), и так же некультурностью, увы, большинства эмиграции новой. Естественно, что к этой общественности я отношусь бережно, каковы бы ни были ее прежние (а в некоторых ее представителях и теперешние) заблуждения. Только эта общественность делала культурную работу в эмиграции. Не случайно «Сов[ременные] Зап[иски]» 6 редактировали эсеры<sup>7</sup>. Да и весь «православный ренессанс» – бердяевский «Путь» «Новый Град» Богословская Академия и т. д. – был создан людьми, вышедшими из общественности и сохранившими с нею связь даже после того, как они от нее ушли (в политическом смысле).

И наконец последнее. Человеческие отношения для меня всегда были важнее всяких идейных расхождений. Вышло так, что мне посчастливилось близко знать ряд выдающихся представителей общественности: кн[язя] Львова $^{11}$ , Маклакова $^{12}$ , Керенского $^{13}$ , Кускову $^{14}$ , Авксентьева $^{15}$  — называю только немногих. Для меня всё это живые лица, а не соломенные чучела, служащие мишенью для нападок. Я-то знаю, что Львов был замечательный человек, что Кускова — одно из очаровательнейших существ, которых я встречал в своей жизни, и т. д.

Всё это, конечно, очень субъективно и не «общеобязательно», но от этого не теряет для меня своей убедительности.

Однако я что-то расписался по этому вопросу. Когда-нибудь, если найду время, надо было бы написать о моем предреволюционном опыте с этой точки зрения. Пока же хочу очень поблагодарить Вас за готовность помочь мне «разбередить литературную братию», чтобы она стала говорить об эмигрантской литературе. Струве я несколько раз просил написать о Набокове – попрошу опять. Мысль о Кленовском<sup>16</sup> мне почему-то в голову не приходила. Напишу ему об этом. Иваска мы печатали – хотя об эмигрантской литературе он давно для нас ничего не писал.

Очень надеюсь, что и Вы попытаетесь написать о «живом». И буду иметь в виду, что Вы не отказываетесь от рецензий. Думаю, однако, что сводные статьи, «итоги» представляют сейчас главную проблему. Новые книги выходят, увы, не очень часто.

Всего лучшего.

Искренно Ваш

М. Карпович

<sup>1.</sup> Имеется в виду скандальная статья В. Ф. Маркова: «Записки на полях» («Опыты». 1956. № 6. Сс. 62-66), в которой он писал: «Глава о Чернышевском в 'Даре' Набокова – роскошь! Пусть это несправедливо, но все ведь заждались хорошей оплеухи 'общественной' России».

<sup>2.</sup> Имеется в виду книга Владимира Варшавского «Незамеченное поколение». – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

<sup>3.</sup> Газета «Речь» (1906–1918) была органом Конституционно-демократической партии и отличалась своим либерализмом.

<sup>4.</sup> Газета «Новое время» (1868–1917) при редакторстве А. Суворина стала сугубо консервативным изданием.

<sup>5.</sup> В своих «Заметках на полях» Марков отметил, что Е. К. Кускова, видный общественный деятель (1869–1958), не знает поэзии Марины Цветаевой.

<sup>6. «</sup>Современные записки» – «толстый» журнал русской эмиграции (Париж: 1920–1940).

<sup>7.</sup> В юности М. М. Карпович принадлежал к партии эсеров.

<sup>8. «</sup>Путь» — религиозный журнал (Париж, 1925—1940). Одним из редакторов был философ Н. Бердяев.

<sup>9. «</sup>Новый Град» – общественно-философский журнал, основанный И. И. Бунаковым-Фондаминским, Ф. А. Степуном и Г. П. Федотовым (Париж, 1931–1939).

<sup>10.</sup> Богословская Академия – имеется в виду Свято-Сергиевский православный богословский институт. Это богословское учебное заведение было основано в Париже в 1925 году и существует до сих пор.

- 11. Львов Георгий Евгеньевич, князь (1861–1925) первый глава Временного правительства.
- 12. Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) политический деятель, участник трех Государственных Дум.
- 13. Керенский Александр Федорович (1881–1970) стал главой Временного правительства после того, как князь Львов подал в отставку в июле 1917 года. 14. На страницах «Нового Журнала» М. Карпович напечатал свои воспоми-
- 15. Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) политический деятель.
- 16. Кленовский Димитрий Иосифович (1893–1976) эмигрантский поэт. Переписка Кленовского с Марковым опубликована; см.: «Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: письма Д. И. Кленовского В. Ф. Маркову, 1952–1962 гг. / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // «Диаспора: новые материалы». Вып. П. СПб., 2001. Сс. 585-693.

## М. М. КАРПОВИЧ – В. Ф. МАРКОВУ

516 Orange Street New Haven 11. Conn.

## 17.V.[19]59

Многоуважаемый Владимир Федорович,

нания о Кусковой: Кн. 56 (1959), Сс. 288-294.

Спасибо за письмо. У меня самого сразу же появились сомнения насчет Чюрлёниса<sup>1</sup>, хотя, признаюсь, я и не знал о Чурилине. Я тогда же написал об этом Гулю, но он заверил меня, что всё в порядке, так как он получил сведения насчет авторства «Кикапу» от Ирины Одоевцевой. Очень жалею, что он не напечатал в примечании: «по указанию И. В. Одоевцевой». А то так получилось, что ответственность на себя взяла редакция.

Н. Н. Берберова очень удивляется, что Одоевцева могла сделать эту ошибку, т[ак] к[ак] она должна была знать о встречах Иванова с Чурилиным, да и сама с ним встречалась. Кроме того, это стихотворение, по ее словам, было тогда (в первые годы советского режима) довольно широко известно в петербургских литературных кругах. В следующей книге (если она выйдет, на что я все-таки очень надеюсь) поместим исправление.

Я не забыл о нашей переписке насчет статей об эмигрантской поэзии и вообще литературе, но «пастернакиана» (или «пастернакиана»?) спутала все планы. Я не разделяю общих или почти общих восторгов и считаю, что «Доктор Живаго» большая (я бы сказал, трагическая) литературная неудача (что не мешает ему быть историческим документом большой важности и крупным «моральным актом»). Но

сопротивляться общему напору мне было очень трудно, а нежелание выступить «против Пастернака» заставило меня воздержаться (пока что) даже от того, чтобы высказать свое особое мнение.

Потом наступил острый финансовый кризис в делах «Н[ового] Ж[урнала]». Если мы его разрешим и журнал будет продолжаться, к начатой Вами теме надо будет вернуться. К сожалению, тем временем запальчивая статья Ульянова<sup>2</sup> и последовавшая за ней, с позволения сказать, «дискуссия» направили вопрос об эмигрантской литературе по совершенно ложному пути.

Всего лучшего.

Ваш М. Карпович

Публикация, текстология, комментарий – Ж. Шерон

<sup>1.</sup> Речь идет об ошибке, которая вкралась при опубликовании «Посмертного дневника» Георгия Иванова в «Новом Журнале» (1959, кн. 56, с. 139). Эпиграф к одному стихотворению Иванова приписывается литовскому художнику Чурлёнису, а на самом деле он взят из известного стихотворения «Конец Кикапу» (1914) поэта Тихона Чурилина (1885–1946). Георгий Иванов в частном письме В. Маркову высоко отозвался о творчестве Чурилина; см. Georgii Ivanov, Irina Odojevceva – Briefe an Vladimir Markov, 1955–1958. / Mit einer Einleitung herausgegeben von Hans Rothe // Wiemar – Wien, 1994. S. 3.

<sup>3.</sup> Имеется в виду нашумевшая статья эмигрантского историка Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) – «Культура и эмиграция» (НЖ, кн. 28, 1952).

## Марк Уральский

# Устами Алдановых

Марк Александрович Алданов, совместно с Михаилом Цетлиным, основал «Новый Журнал» и был одним из его главных редакторов вплоть до 1946 года. Несмотря на то, что в распоряжении исследователей имеется большой корпус эпистолярного наследия Марка Алданова, написание научной фундаментальной биографии этого классика русской документальной прозы остается делом будущего. Сам же писатель, скоропостижно скончавшийся в 1957 году, не оставил потомству автобиографии, как не написала, к сожалению, воспоминаний его жена, помощник и литературный секретарь - Татьяна Марковна Алданова-Ландау. По этой причине возникает своего рода искушение, опираясь на переписку, «устами Алданова» рассказать о его эмигрантской жизни. В этой публикации приводится в отрывках свод избранных писем близких друзей – М. А. и Т. М. Алдановых и И. А. и В. Н. Буниных, которые создают пусть не очень подробную, но яркую картину на тему «Страницы жизни писателя Марка Алланова».

Эпистолярная подборка составленна по опубликованным материалам Мелицы Грин<sup>1</sup>, Александра Звеерса<sup>2</sup>, Екатерины Рогачевской<sup>3</sup>, Розы Федуловой<sup>4</sup>, Алексиса Раннита<sup>5</sup>, а также по архивным документам, любезно предоставленным автору хранителями библиотек Иллинойского университета в Урбана-Шампейн (Urbana-Champaign, USA) — Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection, 1926—1974, Йельского университета в Нью-Хейвене (Beinecke Rare Book and Manuscript Library, USA) — Mark Weinbaum Collection, Института еврейских исследований (YIV.O, New York) и І. М. Trotsky Collection (RG 577) (см. соответствующие ссылки в примечаниях). Все собранные воедино документы представлены в хронологическом порядке и снабжены комментариями. Самое раннее в настоящей публикации письмо Алданова датируется 18 августа 1921, а наиболее позднее — 1 февраля 1957 года.

Подробную информацию о русских эмигрантах, чьи имена фигурируют в переписке, читатель может получить в фундаментальном справочнике «Российское Зарубежье во Франции (1919—2000). Биографический словарь в трех томах» под общей редакцией

Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – М.: Наука, 2008–2010, доступно в сетевой форме – URL: http://www.dommuseum.ru/old/?m=dist

Марк Уральский

- 4. Fedoulova Rosa. Lettres D'Ivan Bunin A. Mark Aldanov. I: 1941–1947; II: 1948–1953. Cahiers du monde russe et sovié-tique // 1981. Vol. 22. № 4. Pp. 471-488; 1982. Vol. 23. № 23-3-4. Pp. 469-500.
- 5. Письма Ивана Бунина Марку Вейнбауму / Публ. А. Раннита // «Новый Журнал». 1978. № 133 (дек.). Сс. 177-188.

#### БЕРЛИНСКИЙ ПЕРИОД. 1921-1924

Марк Алданов, после бегства из революционной России осевший в Париже, в августе 1921 года по делам поехал в Берлин, где начал сотрудничать в эмигрантской газете «Голос России». Вскоре, однако, он посчитал для себя за лучшее перебраться в Берлин на жительство. Литературно-издательская жизнь здесь била ключом. После стабильного и тихого эмигрантского Парижа начала 1920-х годов Алданову трудно было привыкнуть к «русско-еврейскому Берлину»<sup>1</sup>, переживавшему пору своего расцвета. При всем том в нем царила известная сумятица — приезжавшие из России советские писатели оставались навсегда, а эмигрантские писатели-сменовеховцы уезжали в Россию. Скажем, Алданов тяжело переживал переход в противный лагерь некоторых бывших друзей, особенно Алексея Николаевича Толстого. О своих берлинских впечатлениях Алданов рассказывает в письмах за 1922 год.

## 17 апреля 1922. И. А. Бунину

...Берлином я недоволен во всех отношениях, кроме валютного. <...> Настроения здесь в русской колонии отвратительные. Я почти никого не вижу <...>. Первые мои впечатления от Берлина следующие: 1) на вокзале подошел ко мне безрукий инвалид с железным крестом и попросил милостыню, – я никогда бы не поверил, что

<sup>1.</sup> Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным / Публикация и комментарии Милицы Грин // «Новый Журнал». — 1966. № 80 и 81, цитируется по: URL: http://az.lib.ru/a/aldanow\_m\_a/text\_0300.shtml

<sup>2.</sup> Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым / Публ. А. Звеерса // «Новый Журнал». — 1983. № 150. Сс. 159—191; № 152. Сс. 153—191; № 153. Сс. 134—172; № 154. Сс. 97—108; № 155. Сс. 131—146; № 156. Сс. 141—163.

<sup>3. «</sup>Жаль, что так рано кончились наши бабьи вечера». Из переписки В. Н. Буниной и Т. М. Ландау. И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. І: М., «Русский путь», 2004. Сс. 367-401.

такие вещи могут происходить в Германии, 2) в первый же день, т. е. 3 недели тому назад, я зашел к [А. Н.] Толстому, застал у него поэтабольшевика Кусикова... и узнал, что А[лексей] Ник[олаевич] перешел в [сменовеховскую газету] «Накануне». Я кратко ему сказал, что в наших глазах (т. е. в глазах парижан, от Вас до Керенского) он - конченый человек, и ушел. <...> Сам А[лексей] Ник[олаевич] говорил ерунду в довольно вызывающем тоне. Он на днях в газете «Накануне» описал в ироническом тоне, как «приехавший из Парижа писатель» (т. е. я) приходил к нему и бежал от него, услышав об его участии в «Накануне», без шляпы и трости, – так был этим потрясен. Разумеется, всё это его фантазия. Вы понимаете, как сильно могли меня потрясти какие бы то ни было политические идеи Алексея Николаевича; ему, разумеется, очень хочется придать своему переходу к большевикам характер сенсационного, потрясающего исторического события. Мне более менее понятны и мотивы его литературной слащевщины: он собирается съездить в Россию и там, за полным отсутствием конкуренции, выставить свою кандидатуру на звание «первого русского писателя, который сердцем почувствовал и осмыслил происшедшее» и т. д. как полагается. <...> Больше с той поры я его не видал. 3) Наконец, третье впечатление, к[отор]ым меня в первый же день побаловал Берлин, – убийство Набокова<sup>2</sup>. Я при убийстве, впрочем, не присутствовал<sup>3</sup>. Известно ли Вам в Париже, что убийцам ежедневно в тюрьму присылают цветы неизвестные почитатели и что защитником выступает самый известный и дорогой адвокат Берлина, - к слову сказано, еврей и юрисконсульт Вильгельма II?

<...> Работаю здесь очень мало, большую часть дня читаю. <...> Жизнь здесь раза в 4 дешевле, чем в Париже.

## 1 июня 1922. И. А. Бунину

...почти вся литература здесь приняла такой базарный характер, <...> что я от литераторов – как от огня. В «Доме Искусств» не был ни разу, несмотря на письменное приглашение <...>. Не записался и в «Союз Журналистов», так что вчера не исключал Толстого. Кажется, сегодня состоится его шутовское выступление <...>. Я ни Толстого, ни Горького ни разу не встречал нигде. Они здесь основывают толстый журнал. Развал здесь совершенный и после Парижа Берлинская колония представляется совершенной клоакой...

## 26 июня 1922. И. А. Бунину

...Мои наблюдения над местной русской литературной и издательской жизнью ясно показали мне, что литература на  $\frac{3}{4}$  преврати-

лась в неприличный скандальный базар. Может быть, так, впрочем, было и прежде. За исключением Вас, Куприна, Мережковского, почти все новейшие писатели так или иначе пришли к славе или известности через скандал. У кого босяки, у кого порнография, у кого «передо мной все поэты предтечи» или «запущу в небеса ананасом» или «закрой свои бледные ноги» и т. д. Теперь скандал принял только неизмеримо более шумную и скверную форму, Вера Николаевна [Бунина] пишет мне, что Алексей Николаевич «дал маху». Я в этом сильно сомневаюсь. Благодаря устроенному им скандалу, у него теперь огромная известность, - его переход к большевикам отметили и немецкие и английские газеты. Русские газеты всё только о нем и пишут, причем ругают его за направление и хвалят за талант, т. е. делают именно то, что ему более всего приятно. Его газета «Накануне» покупается сов[етской] властью в очень большом количестве экземпляров для распространения в Сов. России (хорошо идет и здесь); а она Алексею Николаевичу ежедневно устраивает рекламу. <...>

Недавно я обедал вдвоем с Андреем Белым в ресторане <...>. Он – человек очень образованный, даже ученый – из породы «горящих», причем горел он в разговоре так, что на него смотрел весь ресторан. В общем, произвел он на меня хотя и очень странное, но благоприятное впечатление, – в частности, и в политических вопросах, большевиков, «сменовеховцев» ругал жестоко. А вот подите же: читаю в «Эпопее» и в «Гол[осе] России» его статьи: «Всё станет ясным в 1933 году», «Человек – чело века», тонус Блока был культ Софии, дева спасет мир, был римский папа, будет римская мама (это я когда-то читал у Лейкина, но там это говорил пьяный купец) – и в каждом предложении подлежащее поставлено именно там, где его по смыслу никак нельзя было поставить. Что это такое? Заметьте, человек искренний и имеющий теперь большую славу: «Берлинер Тагеблат» пишет: «Достоевский и Белый»... В модернистской литературе он бесспорно лучший во всех отношениях».

# 8 сентября 1922. И. А. Бунину

...Толстой, по здешним понятиям, «купается в золоте». Один Гржебин отвалил ему миллион марок (за 10 томов) и «Госиздат» тоже что-то очень много марок (за издание в России). Алексей Николаевич, по слухам, неразлучен с Горьким, который, должен сказать, ведет себя здесь с гораздо большим достоинством, чем Толстой и его шайка. Я по-прежнему их не вижу <...>.

# 12 ноября 1922. И. А. Бунину

...Едва ли нужно говорить, как я понимаю и сочувствую настрое-

нию Вашего письма. Знаю, что Вас большевики озолотили бы, – если бы Вы к ним обратились (Толстой <...> говорил <...>, что Госиздат купил у него 150 листов – кстати, уже раньше проданного Гржебину, – и платит золотом). Знаю также, что Вы умрете с голоду, но ни на какие компромиссы не пойдете. Знаю, наконец, что это с уверенностью можно сказать лишь об очень немногих эмигрантах.

<...> Вижу лиц, высланных из Сов. России: Мякотина<sup>4</sup> (он настроен чрезвычайно мрачно – вроде Вас), Мельгунова<sup>5</sup>, Степуна<sup>6</sup>. Вчера Степун читал у Гессена<sup>7</sup> недавно написанный им роман в письмах. Видел там Юшкевича, который Вам очень кланялся. Не так давно был у Элькина<sup>8</sup>, познакомился там с Бор[исом] Зайцевым; он собирается в Италию, да, кажется, денег не хватает. Был у меня Наживин – я его представлял себе иначе.

Жизнь в Берлине становилась все тяжелее, поэтому в письмах 1923 года Алданов уделяет много внимания финансовым вопросам, положению книжного рынка, начавшемуся отъезду русских эмигрантов из Берлина в Париж.

## 9 марта 1923. И. А. Бунину

...Переводы на «высоковалютные языки» для нас спасение. <...> обещали навести справки о том, как устраиваются скандинавские и голландские переводы. Всё, что узнаю, я немедленно Вам сообщу. О Франции и об Англии, очевидно, Вам хлопотать не приходится. <...> Здесь книжное дело переживает страшный кризис. Поднятие марки разорило дельцов, и цены растут на всё с каждым днем. Никакие книги (русские) не идут и покупают их издатели теперь крайне неохотно.

## 5 августа 1923. И. А. Бунину

...Предстоит очень тяжелая зима. Боюсь, что придется отсюда бежать, — не хочу быть ни первой, ни последней крысой, покидающей корабль, который не то что идет ко дну, но во всяком случае находится в трагическом положении. Немцам не до гостей. Куда же тогда ехать? Разумеется, в Париж. Но чем там жить? Это, впрочем, Вам всё известно. Вероятно, и Вам живется невесело.

<...> Толстые уехали окончательно в Россию... Так я ни разу их в Берлине и не видел. Слышал стороной, что милостью их не пользуюсь.

#### 22 августа 1923. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Жаль, что об И. А. Вы только и сообщаете: пишет, – без всяких

других указаний. Слава Богу, что пишет. Особенно порадовало меня, что и И[ван] А[лексеевич], и Вы настроены хорошо, – я так отвык от этого в Берлине. Здесь не жизнь, а каторга. <...> Печатанье книг здесь почти прекратилось, <...> и мне очень хочется убедить какоенибудь издательство из более близких <...> перенести дело в Париж и пригласить меня руководителем. <...> Но это вилами по воде писано. Ничего другого придумать не могу. А то еще можно поехать в Прагу, но получать стипендию я не согласен, да и жизнь в Праге мне нисколько не улыбается. Отсюда все бегут. Зайцевы уезжают в Италию <...>, кое-кто уехал в Чехо-Словакию. Читаете ли Вы «Дни»? Если читаете, то Вам известно, что здесь творится <...>.

<...> Читаю как всегда, т. е. много. Прочел молодых советских писателей и получил отвращение к литературе. <...> я теперь в 1001 раз читаю «Анну Каренину» — всё с новым восторгом. А вот Тургенева перечел без всякого восторга, пусть не сердится на меня И[ван] А[лексеевич]9. Ремизова читать не могу, Белого читать не могу <...> Очень хороши воспоминания З. Н. [Гиппиус. — M. Y.], особенно о Блоке. Прекрасные страницы есть у Шмелева. Очень талантливо «Детство Никиты» А. Н. Толстого и никуда не годится «Аэлита».

#### 26 сентября 1923. И. А. Бунину

...Отсюда много писателей едет в Париж – Юшкевич, Осоргин, Ходасевич, Поляков, – чем они все будут там жить? Тэффи уже давно в Париже. <...> Здесь в Берлине жизнь становится всё тяжелее.

В январе 1924 года Бунин устроил в Париже вечер, который прошел весьма успешно, с чем его и поздравляет Алданов в своем последнем письме из Берлина.

# 9 января 1924. И. А. Бунину

О триумфе Вашем <...> я узнал из статей в «Руле» и в «Днях» — надеюсь, что Вы видели напечатанное у нас письмо Даманской (А. Мерич) $^{10}$  <...> Надолго ли поправил вечер Ваши дела?

B этом же письме он выражает Бунину благодарность в связи с получением от него лестного отзыва о книге «Девятое Термидора».

...Не могу сказать Вам, как меня обрадовало и растрогало Ваше письмо. Вот не ожидал! Делаю поправку не на Вашу способность к комплиментам (знаю давно, что ее у Вас нет), а на Ваше расположе-

ние ко мне (за которое тоже сердечно Вам благодарен), – и все-таки очень, очень горд тем, что Вы сказали.

В начале 1924 года Алданов, сложив с себя редакторские обязанности в газете «Дни», уехал из Берлина в Париж.

## ЖИЗНЬ В ДОВОЕННОЙ ФРАНЦИИ: 1924-1940 ГОДЫ

Весной 1924 года Алдановы приехали в Париж и вплоть до ноября жили в квартире Буниных, которые, наняв виллу в Грассе, большую часть года стали проводить на юге. Характер их переписки с середины 1920-х гг. несколько меняется. По-прежнему много места уделяя литературному кругу, Алданов значительно чаще говорит в письмах о литературных произведениях, как своих, так и чужих. Это был период подъема в творчестве обоих писателей. Многие лучшие вещи Бунина были созданы им именно в эти годы, на юге Франции, да и Алданов в этот период был исключительно продуктивен.

Высоко ценя мнение Бунина, Алданов постоянно извещает его о том, над чем работает, и говорит о своих литературных планах, явно радуясь его положительным отзывам. Сам он быстро реагировал на появляющиеся в печати вещи Бунина, но никогда не разбирал их в письмах, ограничиваясь кратким высказыванием мнения.

По письмам Бунину можно проследить литературную работу Алданова этого периода.

13 ноября 1924. И. А. Бунину

...Я все занят «Чортовым Мостом», больше читаю, чем пишу.

30 марта 1925. И. А. Бунину

...Очаровала меня первая часть «Митиной любви», второй – я так и не видел. Счастливый же Вы человек, если в 54 года можете так описывать любовь. Но независимо от этого, это одна из лучших Ваших вещей (а «Петлистые уши» – назло Вам! – все-таки еще лучше). Некоторые страницы совершенно изумительны. Пишите, дорогой Иван Алексеевич, грех Вам не писать, когда Вам Бог (пишу фигурально, так как я – «мерзавец-атеист») послал такой талант!»

Иногда в письмах он высказывает свои мнения и об иностранной литературе. Так, например, 4 мая 1925 года он пишет Бунину:

...Относительно французских авторов не во всем с Вами согласен (Вы, впрочем, имен не называете). Большинство пишет очень плохо, но далеко не все. И любопытно следующее: у нас теперь пишут много хуже, чем прежде, а у них – наоборот. Ведь Зола в свое время – очень недавно – считался гением, а его теперь стыдно читать. Впрочем, я особенно горячо с Вами не спорю. Большая часть (неоспоримо большая) того, что теперь печатается в мире (я читаю и новых англичан и немцев) и пользуется успехом иногда головокружительным, так мало соответствует моему пониманию искусства, что я перестал себе верить, может быть, мое понимание ничего не стоит. Пиранделло – по-моему, совершенно бездарен, а его произвети в гении

В одном из писем к Вере Николаевне Алданов радуется, что ей нравится Пруст, и добавляет: «...это писатель гениальный, и мне очень приятно, что я, кажется, первый сказал это в русской печати».

Что касается советской литературы, то к ней Алданов, как правило, относится отрицательно, главным образом по причине ее «ангажированности». Об этом он пишет, например, Вере Николаевне 22 июня 1925 года: «Это самая настоящая 'услужающая литература' — выражаясь стилем обозрений печати».

## 18 июля 1925. И. А. Бунину

...Кончаю первый том «Чортова Моста», — выйдет в октябре. Второй том, по требованию издательства, придется, вероятно, назвать иначе, так что трилогия превратится в «тетралогию». Вижу отсюда Вашу улыбку убийцы. Но что поделаешь! В «Ч[ортовом] Мосте» будет около 600 стр., в одном томе не издашь. А если поставить на обложке том 1-ый, никто в руки не возьмет.

 $\it U$  снова добавляет к сказанному ранее комплименту о рассказе  $\it Eyhuha$ :

...Вторую часть «Митиной любви» прочел тоже с наслаждением. Вещь эта всем очень (не очень, а чрезвычайно) нравится, — но  $\mathfrak{n}$  — не без удовольствия — слышал от Ваших горячих почитателей, что в «Митиной любви» сильно влияние Л. Толстого. Не всё же меня этим влиянием попрекать!

В августе того же года Алданов ездил в Швейцарию, чтобы восстановить в памяти Чёртов мост<sup>11</sup>, «которого не видел ровно 20 лет», а через месяц (27 сентября 1925) он извещает Бунина, что кончил «Чёртов мост», который, надо отметить, был восторженно принят читателями. Чего стоит один только отзыв Ильи Репина об этом его романе: «Обожаемый Марк Александрович! Только Льву

Николаевичу Толстому я писал 'обожаемый', потому что действительно обожал этого божественного человека...» Для Алданова, самого боготворившего Толстого, такое сравнение было наивысшей оценкой его творчества<sup>12</sup>.

3 сентября 1925. Т. М. Ландау — В. Н. Муромцевой-Буниной Дорогая Вера Николаевна,

Теперь я Вам уже не так скоро ответила, тут уж не взыщите, времени не было: как только приехала (из Руана. – М. У.), началась стирка, уборка – знаете наши обычные занятия. Т.е. извините, Вы ведь теперь дама – временная дама. Вы, пожалуй, даже не знаете, что такое плита или тряпка? Люба<sup>13</sup> недавно вернулась <...>. Неудивительно, что она Вам не ответила. Она и мне за месяц не удосужилась даже открытку послать. Она теперь буквально мученица, хотя я ей очень завидую. Но смотрю на нее прямо с ужасом: ни минуты покоя, ребенок<sup>14</sup> всю ночь кричит, они его по очереди на руках носят, чтоб укачать, – не дай Бог никому. Я еще никого не видала. Люба видела Осоргину<sup>15</sup>, кот[орая] вчера только вернулась. В Париже пусто, хотя уже холодно, тоскливо, мне так не хотелось возвращаться! Как это Вы ухитрились с Иваном Алексеевичем быть в хорошем настроении? С чего это Вы? Мы этим не грешим, наоборот. Если Вам так весело, пишите, может быть, и на нас повлияете. Сердечный привет Ивану Алексеевичу и Вам.

Т. Ландау.

5 сентября 1925. Алданов сообщает, что видел французское издание «Митиной любви».

...Жду от него для Вас блестящих результатов, даже и в материальном отношении <...> Одно только: решительно неудачна эта фраза (во всех, кажется, издательских объявлениях и заметках в печати) о том, что Горький назвал Бунина лучшим русским стилистом. Во-первых, Вам по Вашему рангу и взглядам не пристало выходить с какой бы то ни было аттестацией Горького; во-вторых, покупатель подумает, что красота стиля в переводе ускользает, и если это у Бунина главное, то пусть читают его русские.

В сентябре 1926 года Алданов сообщает Бунину: «...через полгода кончу, надеюсь, 'Заговор' (черновики давно кончены)...»

16 июня 1927. И. А. Бунину

...Роман – а с ним всю тетралогию – с Божьей помощью кончил и отослал «Слову». Теперь я свободный художник  $< \dots >$ .

21 июля 1927. И. А. Бунину

Что я пишу роман («Ключ», отрывок из к[оторо]го Вы в «Днях» когда-то прочли и, к моей радости, одобрили) — это события не составляет. А вон ходят слухи, что Вы пишете — и даже будто бы кончаете — роман, — это и событие, и огромная радость.

Когда осенью 1927 года Бунин ушел из газеты «Возрождение» 16, Алданов пригласил его сотрудничать в «Последних новостях».

## 3 сентября 1927. И. А. Бунину

...Ваш уход из «Возрождения» – конечно, ухудшил чувствительно Ваше материальное положение?.. «Последние Новости» были бы чрезвычайно рады печатать Вашу беллетристику и Ваши стихи (вероятно, и Ваши воспоминания – как о Толстом, – одним словом, всё, кроме статей политических, типа «Окаянных дней»). <...> Публицистику же Вашу Вы могли бы печатать в «России» <...>. Сообщаю Вам также, что с 1 октября будут выходить «Дни». Если почему-либо Вы Керенского любите больше, чем Милюкова, то готов быть маклером и в «Днях»!

В следующем, 1928, году Алданов возвращается к теме написания своего романа «Ключ» и сообщает Бунину 7 января: «Работаю над 'Ключом' и над проклятыми статьями…» Тут же следуют жалобы на тяжелое душевное состояние, на безденежье, на то, что литературная работа надоела: «…похвала почти никакого удовольствия не доставляет, а дурные отзывы, хотя бы в пустяках, расстраивают, — признак особого, писательского, душевного расстройства…»

10 мая 1928. Т. М. Ландау — В. Н. Муромцевой-Буниной Дорогая Вера Николаевна.

Сердечно благодарю Вас за письмо и пожелания (по случаю дня рождения. — M.~V.). Очень рада, что мой деспот часто Вас видит и благодаря Вам не скучает<sup>17</sup>. К сожалению, он мало пользуется своим пребыванием в таком чудном месте и, по-видимому, там тоже только работает. Здесь тоже мало нового. <...> Помимо этого все по-прежнему. На днях было, очевидно, закрытие сезона у Аминадо (Дон-Аминадо. — M.~V.), где было и пение, и игра на гитаре. <...> Буду очень рада провести лето поблизости с Вами, это зависит от Вас и от пансиона, кот[орый] Вы нам найдете. Крепко Вас целую, передавайте мой сердечный привет Ивану Алексеевичу и Галине Николаевне.

Ваша Т. Л.

21 сентября в письме Алданова звучит несколько ироничная благодарность Бунину за отзыв о его романе: «...Спасибо за доброе слово о 'Ключе' (хоть, кайтесь, Вы не читали: я знаю, что Вы терпеть не можете читать романы по частям)...»

Будучи человеком неконфликтным и терпимым, Алданов, тем не менее, отнюдь не закрывает глаза на то, что и в эмигрантской литературной среде не всё обстоит благополучно.

#### 17 ноября 1928. М. А. Алданов – В. Н. Муромцевой-Буниной

...Я недавно на 3 примерах убедился, какой злобой мы все окружены в среде молодых (и даже не очень молодых) писателей различных новых и не новых толков. Делается это под видом «непризнания» или требования «нового слова», а на самом деле здесь прежде всего озлобление против людей, которых рады печатать, которым готовы платить журналы, газеты, издательства. Там серьезно убеждены, что мы купаемся в шампанском. Очень это тяжело. Воображаю, как нас всех будет поносить «чуткая молодежь», когда доберется до всяких мест и редакций! Я, правда, надеюсь к тому времени уже откланяться.

Этим же числом помечено письмо к Бунину, в котором он выказывает свое отношение к нему как к человеку и писателю:

…Чем больше живу, тем больше Вас люблю. О «почитании» и говорить нечего: Вы, без спора и конкурса, самый большой наш писатель. <...> Рад, что Ваша работа шла так усиленно (речь идет о «Жизни Арсеньева». — M. V.). В редакции «Совр[еменных] Зап[исок]» мне говорили, что новая, еще не появившаяся часть «Арсеньева» еще лучше предыдущих. Помимо тех огромных достоинств, которые можно определить словами, в «Жизни Арсеньева» есть еще какое-то непонятное очарование, — по-французски другой оттенок слова сharme. Об этом в письме не скажешь.

# 2 декабря 1928. М. А. Алданов – В. Н. Муромцевой-Буниной

...Работа моя подвигается плохо. Не могу Вам сказать, как мне надоело писать книги. Ах, отчего я беден, – нет, нет справедливости: очень нас всех судьба обидела, – нельзя так жить, не имея запаса на 2 месяпа жизни

Этот же пессимистический настрой звучит и в письмах следующего, 1929, года. 17 января он сообщает Бунину: «...Подумываю и о химии, и о кафедре в Америке – ей Богу!»

22 июня 1929. Т. М. Ландау — В. Н. Муромцевой-Буниной Дорогая Вера Николаевна.

У нас все еще не выяснилось, куда и когда мы едем (на курорт. — M. V.). С моим мужем надо вообще говорить, гороху наевшись, а никто, кроме меня, с ним вообще не выдержал бы. Теперь он капризничает и вообще не хочет ехать, посылает меня одну. Ну, да что говорить, сами за писателем, понимаете. Насчет денег за «Ключ» именно, что Вашими устами... пока что Вам никакого могарыча еще не полагается <...>

Теперь я хотела Вас спросить серьезно о чем-то. Мне сказали, что Вы давно уже с Рери (Осоргиной. – M. V.) переписываетесь о том, что Вам известно. Я бы хотела знать, насколько это правда, т. е. что именно она знает. Я об этом уже достаточно наслышалась, мне ее было страшно жалко, и я все думала, что с ней будет, когда она узнает. Потом выяснилось, что она что-то знает. Но теперь она опять, как всегда, не грустна — жалуется только на отсутствие денег. Я с ней всегда сижу как на иголках, все боюсь проговориться. Поэтому очень прошу Вас сказать мне, что она из всей этой истории $^{18}$  знает, Вы ведь знаете, что я к ней хорошо отношусь. Вас обоих она теперь превозносит до небес.

Крепко Вас целую, сердечный привет Галине Николаевне [Кузнецовой] и Вашему.

Т. Ландау.

17 июля 1929. М. А. Алданов – В. Н. Муромцевой-Буниной

...Настроение мое изменит или могила, или свобода (т. е. в настоящей обстановке миллион франков состояния) <...> Это не значит, что я целые дни плачу. Напротив, много выхожу.

29 сентября 1929. М. А. Алданов – И. А. Бунину

...«Ключ» (т. е. первый том) кончил <...> Теперь займусь, вероятно, «Жизнью Достоевского», хоть очень утомлен.

Над «Жизнью Достоевского» – писателя, не любимого ни им, ни Буниным, он, однако, вскоре работать перестал.

4 ноября 1929. И. А. Бунину

... От «Достоевского» я, потратив много труда, времени и даже денег (на книги), окончательно отказался: не лежит у меня душа к Достоевскому и не могу ничего путного о нем сказать.

Затем Алданов, судя по письму Бунину, взялся за пьесу «Линия Брунгильды».

#### 21 ноября 1929. И. А. Бунину

...Я, так и есть, пишу пьесу! Не знаю, напишу ли (скорее брошу...). На собственном опыте убедился, что театр – грубый жанр: пишу все время с чувством мучительной неловкости, – всё надо огрублять, иначе со сцены звучало бы совершенно бессмысленно <...>.

## 20 декабря 1929. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Сейчас я занят исключительно пьесой. Если не допишу или нельзя будет поставить (печатать незачем и неинтересно), то буду жестоко разочарован. В общем, убедился, какой грубый жанр театр, — перечел множество знаменитых пьес, включая нелепого Ибсеновского «Штокмана», который когда-то всем (и мне) так нравился.

## 2 января 1930. И. А. Бунину

...Славы Вам больше никакой не может быть нужно – по крайней мере, в русской литературе и жизни. Вы наш первый писатель и, конечно, у нас такого писателя, как Вы, не было со времени кончины Толстого, который «вне конкурса».

Такие слова, безусловно, льстили самолюбию Бунина. Но и он в долгу не оставался. Так, сообщая Алданову о своем восхищении его новым романом «Истоки», он пишет: «...читал <...> и всплескивал руками: ей-Богу. Это все сделало бы честь Толстому!» Здесь нельзя не отметить, что несмотря на все жалобы и сетования Алданова — человека, как уже отмечалось, пессимистического склада, ипохондрика, все предвоенные годы (военные и послевоенные годы — тоже) он являлся самым читаемым, покупаемым и переводимым писателем Русского Зарубежья.

O своих литературных планах Алданов говорит и в письме Вере Николаевне.

#### 17 января 1930. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Решил весь 1930 год уделить роману и пьесе. Для «Посл[едних] Нов[остей]» пишу статьи об Азефе! Задумал <...> ряд газетных статей: низы и верхи. В качестве первого «низа» беру Азефа как величайшего злодея. Первым «верхом» хочу взять Гёте. Но для этого надо поехать в Веймар... всё жду денег... Проклятые издатели, проклятая жизнь!

В письме от 21 февраля 1931, начинающемся с обращения «Дорогие бельведерцы» $^{20}$ , Алданов благодарит всех за лестные

отзывы об очередном отрывке «Бегства», напечатанном в «Современных Записках».

## 21 февраля 1931

... Отзывом Вашим, дорогой Иван Алексеевич, особенно тронут и ценю его чрезвычайно, — лишь бы только Вы не «разочаровались». Но если б Вы знали, как литература мне надоела и как тяготит меня то, что надо писать, писать — иначе останешься на улице (а может быть, останемся всё равно, даже продолжая писать). «Бегство» я надеюсь месяца через 2-3 кончить, — начал писать (и печатать в «Днях») «Ключ» больше семи лет тому назад. В газеты я полтора года ничего (кроме «заказов») не давал, — только отрывки из беллетристики, вследствие чего из этих отрывков образовалась книга («10 симф[оний]»), которая на днях появится. Но что же дальше?

А 25 апреля испрашивает у Бунина совета: «...Я скоро кончу 'Бегство'. Что же делать тогда? Дайте совет (знаю, что не можете, так говорю)». Но «что делать» Алданов решил сам — задумал, было, роман из эпохи 17-го века, но скоро от этого замысла отказался:

...Романа из эпохи 17-го века я писать не буду, – только потратил время на чтение множества книг: убедился, что почти невозможно проникнуть в психологию людей того времени. Дальше конца 18 века идти, по-моему, нельзя. Не знаю, буду ли вообще писать роман, но если нужда заставит <...> то буду писать «современный».

Но и эти замыслы не осуществились, Алданов стал писать труд по химии, а также продолжать работать над романом «Пещера». Чрезвычайно высоко ценил Алданов творчество Сирина-Набокова, считая, что «...редкий у него талант и далеко он пойдет, если не сорвется на вынужденном многописании» (письмо Буниной от 21 сентября 1930 года). А вот интересное признание в письме к Буниной от 28 сентября 1931 года: «...Очень Вам завидую, что Вы верующая. Я все больше научные и философские книги читаю».

Парижской литературной среде уделено немало места в письмах этого времени, иногда упоминаются литературные вечера — Б. Зайцева, Д. Мережковского, французско-русские вечера. Несколько писем в 1931 году посвящено устройству и описанию вечера самого Бунина, на котором тот не присутствовал и организацию которого взял на себя Алданов

#### 16 февраля 1932. И. А. Бунину

…Шлю Вам самый сердечный привет из Секретариата Лиги Наций. Получил от П[оследних] Нов[остей] аванс... и поскакал сюда... Буду писать статьи (если Милюков примет) — и для романа пригодится (это главная причина). Пишу из кофейни секретариата. За столом в нескольких шагах сидят большевики — Литвинов, Луначарский, Радек, <...> и Ланговой $^{21}$ , <...> эксперт, сын царского министра! — <...> Добавлю, что им латышские журналисты, подходившие ко мне, сказали, что это я, и они с улыбочками шепчутся.

## 16 марта 1932. И. А. Бунину

...Видно нет на земле не только «счастья», дорогой Иван Алексеевич, но и одинакового понимания «счастья»: я больше всего хочу жить, как Вы, — в глуши и (всё-таки) на свободе (т. е. без обязательной ежедневной работы); а Вы «завидуете» моим поездкам!.. Одним словом, я ездить закаялся, — только еще запутал свои дела всеми этими поездками... У Вас хоть надежды на Ноб[елевскую] премию. А мне, собственно, и надеяться не на что.

## 16 марта 1932. И. А. Бунину

…Два дня пролежал больной, с горя открыл Св. Писание на псалмах Давида и очень скоро закрыл. Не сердитесь на меня. <...> А вот после этого открыл «Анну Каренину» и, хоть знаю наизусть, дух захватило (последние сцены)... Вот она – настоящая книга жизни!

## 11 июля 1932. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Мне литература (т. е. моя) ничего больше, кроме огорчений, не доставляет, — это относится ко всему, от «восторга творчества» до «опечаток».

В это время Алданов интенсивно работает над последним романом своей трилогии — «Пещера», который надеется закончить в 1933 году: «а с ней и всю трилогию, а с ней и свою деятельность романиста <...> по окончании 'Пещеры' перейду на химию». Однако книга окончательно завершена была только к началу 1936 года.

# 11 января 1933. Т. М. Ландау — В. Н. Муромцевой-Буниной Дорогая Вера Николаевна.

Вас тоже еще раз сердечно поздравляю с Новым Годом. Всего, всего Вам хорошего. <...> К сожалению, у Ивана Алексеевича год начался неудачно, но, кажется, уже все прошло, правда?<sup>22</sup> Я даже не знала, когда они именно уехали. Узнала к большому своему удоволь-

ствию, что Вы все собираетесь переехать в Париж? Давно пора. К чему бороться с течением? Все мы кончим Парижем, и это не так уж плохо<sup>23</sup>. Я, впрочем, в «городе» уже давно не была. Сижу в Auteuil<sup>24</sup>, где хоть нет искушений, ничего не хочется. А то в городе все так дешево, распродажи, а купить ничего нельзя. Подождите, в будущем году, когда Вы расстанетесь с лоном природы, Вы в свою очередь проникнитесь этими мелкобуржуазными настроениями.

Пока, до свидания, сердечно целую Вас и кланяюсь всему дому. Ваша Т. Ландау.

#### 8 апреля 1933. М. А. Алданов – И. А. Бунину

...Человечество идет к черту – и туда ему и дорога. Не думайте, что это я, из самодовольства, изображаю провинциального демона. Нет, это мое самое искреннее убеждение.

Бунину, как и другим писателям, в эмиграции жилось нелегко, но, судя по дневникам Буниных, 1933 год в финансовом отношении был для них особенно тяжелым. Парижские друзья старались им помогать. Так, 1 июля Алданов сообщает, что решено устроить бридж<sup>25</sup> в пользу Ивана Алексеевича, и одновременно опять говорит о прекращении своей деятельности романиста.

#### 1 июля 1933. И. А. Бунину

..Я сейчас завален работой: проклятые статьи. Роман пока оставил. Помнится, я Вам писал, что он выйдет двумя выпусками. Первый я уже сдал <...>; что до второго, с которым кончится и вся эта штука и моя деятельность романиста, то едва ли я его кончу раньше, как к лету будущего года.

# 10 сентября 1933. И. А. Бунину

...Очень рад был Вашей открытке, – конец меня особенно поразил. Всем рассказываю о своей новой черте: любви к смерти. Это главное несчастье: и жизнь надоела и утомила до последнего, кажется, предела – и умирать тоже нет охоты. <...> У меня всё то же: замучило безденежье. <...> Другим еще хуже: Зайцеву, Шмелеву, Осоргину, не говоря о Бальмонте. Только это и слышишь. И ловишь себя на том, что вне работы только об этом и думаешь.

Взрыв возмущения вызвала у Алданова наделавшая много шуму в эмиграции книган «Поднятая целина» присяжного советского романиста Михаила Шолохова.

## 12 сентября 1933. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Говорят, очень хорош роман Шолохова «Поднятая целина». — «Отлично». Достал этот роман — Господи! Делаю все поправки на «недостаток объективности», на свою ненависть к большевикам и т. д. Но и с этими поправками ведь только слепой не увидит, что это совершенная макулатура. А там он — большое литературное событие; да и здесь, кажется, обе газеты отозвались благосклонно. Добавьте к этому невозможно гнусное подхалимство, лесть Сталину на каждом шагу. <...> Почти то же самое теперь происходит в Германии...

Нет, надо бросать это милое ремесло. Оно во всем мире достаточно испакошено.

Как явствует из истории русской нобелианы<sup>26</sup>, в 1922 году в русских литературных кругах Парижа был поднят вопрос о том, что было бы чрезвычайно важно, если бы Нобелевская премия была присуждена русскому эмигрантскому писателю. М. А. Алданов, пользуясь своими международными литературными связями, принимал в этом деле живейшее участие. Поскольку тема эта требует отдельной статьи, мы лишь вскользь коснемся ее здесь. По прибытии Бунина в Париж уже в статусе Нобелевского лауреата зимой 1933 года Алданов сетовал в письме к Вере Николаевне:

...Вот Иван Алексеевич говорит (и не без основания), что и Париж удивил его своим равнодушием. Может быть «обобщать не надо», как пишут в передовых газетах, но спорить не буду: конечно, все тут очерствели, а уж писателями, даже и знаменитыми, теперь никто в «буржуазии» не интересуется.

# 26 февраля 1934. В. Н. Муромцевой-Буниной.

...Устраиваем бридж в пользу Ходасевича. Запрашивает меня о возможности своего чтения в Париже и Сирин. Вечера Ремизова, Шмелева. Всем очень трудно. Еще один я живу своим трудом – из всех, кажется, беллетристов. Для Мережковского Марья Самойловна [Цетлина] устраивает продажу книги с автографами.

5 мая 1934 года Алданов иронически извещает Веру Николаевну: «...Одним словом, жизнь кипит: похороны и юбилеи, юбилеи и похороны».

20 января 1935 года Алданов собщает Вере Николаевне, что на днях кончает «Пещеру»: «...работал над этой трилогией ровно 10 лет», а 14 февраля пишет Ивану Алексеевичу: «...Похвалы Ваши (искренне ими тронут, со всеми поправками на Ваше расположение)

пришли, так сказать, вовремя: кончена моя деятельность романиста — и Бог с ней».

Летом 1935 года в Париже происходил Съезд писателей. На съезд приехали и некоторые советские представители, среди них И. Эренбург и А. Толстой. Алданов спешит поделиться новостями с Буниными.

#### 22 июня 1935. И. А. Бунину

...только что услышал рассказ М[ихаила] Струве<sup>27</sup> о вчерашнем съезде больш[евистских] писателей <...> Я не пошел «по принципиальным мотивам», хоть мне очень хотелось издали повидать Алешку, который приехал защищать культуру. Но Тэффи и Струве были. Тэффи окликнула Толстого, – они поцеловались на виду у всех и беседовали минут десять. Толстой спросил Тэффи – «что Иван?», сказал, что получил Вашу открытку и «был очень тронут», сказал также, что Вас в СССР читают. Больше ни о ком не спрашивал.

Как ни странно, меня взволновало, что Толстой здесь... Толстая не приехала – «дорого».

#### К этому письму приписка:

Да, забыл главное: Толстой сказал, что в Москве ходят слухи, что Вы решили вернуться!! Что же Вы скрываете?!

# 7 июля 1935. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Поляков-Литовцев имел еще приватную долгую беседу с Толстым. Он рассказывал, что в СССР – рай, что у него два автомобиля, что Сталин его любит (а он Сталина боготворит) и что его книги разошлись в четырех миллионах экземпляров (все вместе, конечно). Поэтому, очевидно, в СССР и рай. <...> О нас больше не спрашивал; впрочем, и при первой встрече спросил только об Иване Алексеевиче.

Завершив работу над своей трилогией — романы «Ключ» (1929), «Бегство» (1932) и «Пещера» (1934—1936), — Алданов взялся за труд по химии — «лучшее мое произведение», как напишет он 31 марта 1936 года об этой своей работе Бунину. В июльском письме Бунину он опять уничижительно оценивает свое литературное творчество в сравнении с научными работами.

#### 7 июля 1936. И. А. Бунину

...Я считаю так: обо мне, например, (кроме моих химических трудов) все забудут через три недели после моих похорон.

При этом прозу Бунина Алданов ставит даже выше пушкинской – Пушкина Бунин боготворил.

Вас будут читать пять тысяч лет. Ну а Пушкина, скажем, будут читать «вечно», и то больше потому, что от него всё началось. Да и это, если говорить правду, условная фраза. Такого рассказа, как «Петлистые уши», у Пушкина нет, – не повести же Белкина!

25 августа 1938 года в Ленинграде умер вернувшийся в Россию Куприн. В связи с этим печальным событием Алданов пишет Бунину в конце этого же месяца в ответ на его, видимо, не слишком лестную характеристику личности покойного собрата по перу.

...Не могу с Вами согласиться насчет Куприна. Быть может, оттого, что я всё же знал его меньше, чем Вы, и встречал реже, мне с ним почти всегда, если он бывал трезв, было интересно. Слышал и те рассказы его, о которых Вы упоминаете (кроме одного), но ведь они были забавны. Слышал и другое — его отзывы о людях, о городах, о книгах [Льва] Толстого. Он был ведь очень умный человек. Я действительно с душевной болью прочел об его смерти в «Фигаро». Знаю, что и Вы были огорчены.

#### 17 июня 1939. И. А. Бунину

...Очень меня расстроила смерть Ходасевича. Мы когда-то были очень близки: лет 15 тому назад вместе редактировали литературный отдел «Дней» и тогда чуть не ежедневно подолгу сиживали в кофейнях, – он всё говорил, обычно умно, остроумно. Потом «Дни» кончились, он еще раньше ушел в «Посл[едние] Новости», затем в «Возрождение», и частые встречи наши прекратились, но отношения остались очень хорошие, и писал он обо мне всегда очень благосклонно. Почему он вдруг меня возненавидел года три тому назад... мне до сих пор непонятно. <... > Очень рад тому, что недели две тому назад я к нему зашел. Говорили мы очень дружески, о старом не было сказано ни слова, и он был очень мил. Последнее слово, которое я от него слышал, было: «еще раз спасибо» (я собрал для него в дни его болезни некоторую сумму денег). Видел его в гробу, спокойное лицо, легкая улыбка. Очень я расстроился. Человек он был очень талантливый и умный.

#### ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ: 1940–1944 ГОДЫ

В начале войны во Франции Алдановы находились в Париже. Несмотря на налеты, на затруднения в передвижении, жизнь в литературной эмиграции продолжалась. Алданов сообщает Бунину в Грасс новости русской культурной жизни.

#### 27 апреля 1940. И. А. Бунину

...Готовится чествование Мережковского (75 лет): сбор с обращением к иностранцам <...> Очень приятно прошло чтение Бориса Константиновича [Зайцева], и читал он хорошо, и публики было много, и сбор хороший. Сирин недели через три уезжает в С[оединенные] Штаты, очевидно, навсегда. Вот все литературные новости.

На несколько месяцев переписка прерывается, и лишь в августе, уже после капитуляции Франции, Алданов сообщает Бунину о своих личных обстоятельствах.

#### 23 августа 1940. И. А. Бунину

…Я получил вызов к американскому консулу в Марселе и предполагаю, что получена для меня виза в С[оединенные] Штаты. Пока ее не было, мы плакали, что нет; теперь плачем… что есть. В самом деле, я пускаюсь в величайшую авантюру всей моей жизни. Но так как делать мне и во Франции нечего, то, помимо других причин, надо ехать.

В Нью-Йорке я решил первым делом заняться поиском денег для создания журнала.

# 13 сентября 1940. И. А. Бунину

...Очевидно, Вы решили остаться. Не решаюсь Вас уговаривать <...> Но сообщаю Вам следующее. Я вчера получил письмо от Осоргина. Он сообщает, что получил без всяких хлопот визу в С[оединенные] Штаты как писатель (через Американскую федерацию труда, как и я) и может тоже устроить еще для нескольких писателей. Я тотчас написал ему о Вас. Но очень Вам советую и лично написать ему об этом тотчас, не откладывая ни на день.

# 27 декабря 1940. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Мы завтра уезжаем на португ[альском] пароходе. <...> В третьем классе, но получили каюту на двоих... Перспективы в Америке не блестящие. <...> Я всё же думаю, что какое-нибудь издание мы там наладим. <...> Сведения Ваши о нужде писателей – удручающие. Особенно я боюсь за Зайцевых, которых так люблю. <...> Если я буду зарабатывать деньги в Америке, попытаюсь участвовать и в деле помощи оставшимся.

8 января 1941. *И. А. Бунин* – М. А. Алданову

...Дорогой, милый друг, нынче <...> получено Ваше письмо В[ере] Н[иколаевне] от 27 дек[абря]. Да хранит вас Бог в пути — Вас и дорогую Т[атьяну] М[арковну]. Ваше письмо с советами давно получил, спасибо. Рассказы не посланы Вам мною по боязни — дойдут ли? — почта теперь плохая. У меня теперь готова новая книга в 25 новых рассказов (все о любви!), из коих только 9 было напечатано в газете, называется по первому рассказу чудесно — «Темные аллеи». Но куда, куда их девать! Надеюсь переслать Вам копии их — для хранения (ибо Бог ведает, буду ли жив, здоров). <...> мне будут посылать немного на мою нищету от Комитета Толстой (Толстовский фонд. — М. У.), но пока еще ничего нет, а холодно, страшно холодно и голодно, а В[ера] Н[иколаевна] бледна как полотно...

Приехав в Нью-Йорк, настойчивый Алданов возобновил вопрос о переезде в Америку Буниных.

## 1 февраля 1941. И. А. Бунину

...Но отчего же Вы всё-таки ничего не сообщаете о своих планах? Я Вам писал о Лиссабоне, о Нью-Йорке, меня здесь все первым делом опрашивают, приезжаете ли Вы и когда, а я ничего ответить не могу! Повторяю, советовать Вам ничего не могу и не хочу. Я Соединенными Штатами доволен <...> Если журнал создастся, то мы хотим в первой же книге поместить начало «Темных Аллей» (и включим Вас в список «при ближайшем участии». Можно?). Ради Бога, пошлите мне тотчас один экземпляр <...> Но тоже ради Бога: помните о существовании в С[оединенных] Штатах законов! (Это относительно сюжета). <...> Если же журнал не создастся, то плохо наше дело во всех смыслах, на своем языке нам тогда печататься негде.

Главные темы всех следующих писем Аладанова — это журнал и возможный переезд Буниных в Америку.

# 21 марта 1941. И. А. Бунину

...Толстый журнал будет почти наверное. <...> можно будет выпустить книги две. А потом будет видно. <...> Вы должны быть в первой книге <...> Напишите же мне, наконец, приедете ли Вы сюда или нет. Для Вас и Веры Николаевны будут и виза и билеты — это мне твердо сказали.

10 апреля 1941. И. А. Бунин – М. А. Алданову Дорогой друг, нынче отправляется к Вам совсем готовая книга

моих новых рассказов под общим названием (по первому рассказу) «Темные аллеи» (вся о любви). <...> Посылаю ее, не надеясь, что она будет напечатана, а для сохранения для потомства — мало ли что может случиться со мной, пусть же будет один экз[емпляр] у Вас. А если что-нибудь и где-нибудь можно будет напечатать по-русски или в переводе, буду рад, конечно. <...> Новость у нас одна — все страшно растущая наша нищета (а нас ведь шесть человек<sup>28</sup>) — форменная погибель. Целую Вас и Т[атьяну] М[арковну]. Ваш Ив. Бунин.

Подарков Ваших мы так и не получили. Едим дикую репу, свеклу для скота без масла.

#### 14 апреля 1941. И. А. Бунин – М. А. Алданову

...Вчера писал Вам, что рукопись моей новой книги («Темные аллеи» по первому рассказу), в которой 21 рассказ, послана Вам. Если печатать из нее, над каждым [рассказом], м[ожет] б[ыть], следует ставить: из книги «Темные аллеи». Но это не обязательно. <...> Но вот что главное: ведь Вы понимаете, что я могу быть в журнале только таком, где одна беллетристика. А то как же? Я ведь художник и больше никто

## 15 anpeля 1941. M. A. Алданов – И. А. Бунину

...если Вы питаетесь одной брюквой и если у В[еры] Н[иколаевны] «летают мухи», то как же Вам оставаться в Грассе?! Подумайте, дорогой друг, пока еще можно думать. Возможность уехать Вам вдвоем – есть... Как Вы будете жить здесь? Не знаю. Как мы все, – с той разницей, что Вам, в отличие от других, никак не дадут «погибнуть от голода». Вы будете жить так, как жили во Франции тринадцать лет до Нобелевской премии. <...> Только что я позвонил Александре Львовне [Толстой]. Она мне сказала, что для Вас собрано уже пятьсот долларов, из которых 50 и 150 уже Вам переведены <...> Кроме того послана посылка. Кроме того, по ее словам Вам обеспечены <...> два билета для поездки из Лиссабона сюда. <...> [О журнале: обещали золотые горы. Когда дело дошло до выполнения, то оказалось, что немедленно можно получить 500! <...> Одну книгу мы все-таки выпустим осенью, а там видно будет. <...> я кое-как живу своим трудом. <...> Пишу в американских журналах – по-русски или по-французски <...> а они переводят сами.

# 25 октября 1941. И. А. Бунину

…наш журнал почти осуществлен, иными словами обеспечена уже одна книга и есть надежда на вторую. В первой (книге «Нового Журнала». – M.~V.) на первом месте появятся «Руся» и «В Париже».

Я Вам говорил о 100 франках за печатную страницу <...>, но фактически Вы получите несколько больше. <...> Оба рассказа небольшие. Но во второй книге, если она выйдет <...> мы напечатаем «Натали»; это, по-моему, самый лучший и просто изумительный рассказ, одна из лучших Ваших вещей вообще <...> Журнал мы редактируем с Цетлиным.

В последнем бунинском письме Алданову военного времени следует горькое признание:

8 августа 1942. И. В. Бунин – М. А. Алданову

Наконец-то письмо от Вас, дорогой друг. Да, я очень ош[ибся], что не поехал. <...> [Вера Николаевна] так худа и слаба от язвы желудка и голода, что твердит, что не доедет. Ну а здесь, что будет с нами осенью и зимою, которые будут гораздо хуже прежних всячески, да еще при том, что я теперь ничего ниоткуда не получаю, живу тем, что распродаю последнее, и должен еще заплатить за парижскую квартиру. Которую одно время уже описали вместе с 9 чемоданами моего архива. <...> Нас теперь четверо – Г[алина] Н[иколаевна Кузнецова] и М[аргарита А[вгустовна] Степун бросили нас еще 1 ап[реля] – нашли богатую сумасш[едшую] старуху<sup>29</sup>, которая их прекрасно содержит, – нас четверо, еще немало при одном моем пустом кармане. <...> Оч[ень] благодарю за теплые слова о моих писаниях. Рад буду, если Цвиб[ак] издаст в своем издательстве мою книгу надеюсь прислать уже совсем, совсем исправленную рукопись. Кнопфу $^{30}$  я продал мои прежн[ие] книги не за единовр[еменную] сумму, а за проценты, горячо прошу М[ихаила] О[сиповича] [Цетлина] поговориь с ним. Сердечно обнимаю вас всех <...>.

Затем переписка между друзьями прекратилась вплоть до осени 1944 года. Сразу после окончания войны переписка Алданова с Буниными восстановилась. Уже 17 января 1945 Бунин шлет Алданову письмо, в котором сообщает о высылке им с оказией трех своих рассказов, получении от него 4900 франков и о том, что он чертовски беден: «А тут голод, холод, болезни — нечто вроди 'Смерти Ивана Ильича'. Пишите мне хоть немного, имейте сострадание!»

3 мая 1945 Бунин вернулся в Париж, в свою квартиру на улице Жака Оффенбаха, дом 1, о чем известил Алданова письмом от 28 мая. Переписка между писателями в последующие месяцы была достаточно интенсивной и носила, главным образом, деловой характер: Алданов подробно отвечал и на просьбы Бунина контролировать публикации его рассказов в «НЖ», «Новом русском слове» и журнале

«Новоселье», а также на вопросы о финансовой помощи, продовольственных и вещевых посылках из США.

В это время «русский Париж» бурно переживал период просоветских настроений. Явно обеспокоенный дошедшими до него по этому поводу слухами, а также известием о посещении Буниным советского посла в Париже и его якобы намерении вернуться на родину, Алданов пишет:

## 5 января 1946. И. А. Бунину

Дорогой друг, вчера получил Ваше письмо от 26 декабря и очень встревожился относительно Вашего здоровья. Что же это такое — этот бронхит, который не проходит так долго и при котором Вы выходите из дому (понимаю, впрочем, что дома, может быть, холоднее, чем на улице) <...>.

Дорогой друг, Вы почти всё письмо уделили этому визиту. Я Вам давно писал (когда Вы мне сообщили, что подумываете о возвращении), - писал, что моя любовь к Вам не может уменьшиться ни от чего. Если Вы вернетесь, Вас, думаю, заставят писать, что полагается, - заранее «отпускаю» Вам этот грех. Добавлю к этому, что я, чем старше становлюсь, тем становлюсь равнодушнее и терпимее к политике. Не говорите, что в Вашем случае никакой политики нет. Это не так: визит, каков бы он ни был и какова бы ни была его цель, помимо Вашей воли становится лействием политическим. Я солгал бы Вам (да Вы мне и не поверили бы), если б я сказал, что Ваш визит здесь не вызвал раздражения. (Есть, впрочем, и лица, одобряющие Ваш визит). Насколько я могу судить, оно всего больше, с одной стороны, в кругах консервативных, дворянских, к которым тут примыкает и 95 процентов духовенства (гитлеровцев тут, к счастью, почти нет и не было), с другой стороны, у дворянства политического... Вам известно, какую бурю вызвал визит Маклакова, – значит, Вы знали, на что идете... Мое личное мнение? Если Вы действительно решили уехать в Россию, то Вы были правы, – повторяю, там придется идти и не на то. В противном же случае я не понимаю, зачем Вы поехали к послу? Не знаю, заплатят ли Вам за книги, но если заплатят (что очень вероятно), то сделали бы это и без визита: ведь они Вас оттуда запросили до визита. Против того же, что Вы согласились на печатанье там Ваших книг (оставляю в стороне вопрос о гонораре), могут возражать только бестолковые люди: во-первых, Вашего согласия и не требовалось, а во-вторых, слава Богу, что Вас там будут читать. Как видите, я подхожу к этому делу практически. Что сделано, то сделано. Не слишком огорчайтесь (если это Вас вообще огорчает): раздражение со временем пройдет. Я делаю всё, что могу, для его «смягчения». <...> Ради Бога, решите для себя окончательно: возвращаетесь ли Вы или нет? По-моему, все дальнейшие Ваши действия должны зависеть от этого решения.

Насчет возвращения на родину Бунин, как он утверждал позднее, никогда всерьез не помышлял, а вот возможность, как тогда казалось, издать там собрание своих сочинений очень волновала писателя. Однако он желал, чтобы при этом были непременно учтены его авторские права и пожелания.

#### 23 января 1946. И. А. Бунин – М. А. Алданову

...Визиту моему (в советское посольство. – M. V.) придано до смешного большое значение: был приглашен, отказаться не мог, поехал, никаких целей не преследуя, вернулся через час домой – и все... Ехать «домой» не собирался и не собираюсь.

Открытка мне от Телешова из Москвы: «Государств[енное] издательство печатает твою книгу избранных произв[едений]. Листов в 25». Это такой ужас, которому имени нет! Ведь я еще жив! Но вот, без спросу, не советуясь со мной, — выбирая по своему вкусу, беря старые тексты... Дикий разбой! (Открытка от 10 ноября (1945 г. — M. V.) — теперь уже поздно вопиять).

# 7 февраля 1946. М. А. Алданов – И. А. Бунину

...Сочувствую в огорчении по поводу того, что советское издательство поступает так бесцеремонно. Но все-таки я чрезвычайно рад, что Вас там выпустят в огромном числе экземпляров. Кстати, не сохранилась ли у Вас копия нашего с Вами общего сценария (из жизни Толстого по «Казакам»). Моя была увезена гестапо со всей моей библиотекой, рукописями, тетрадями, письмами... Хотя шансов очень мало и связей у меня в Холливуде нет, но можно было бы попытать счастье? Получим каждый по миллиону долларов и купим по замку?..

# 27 марта 1946. И. А. Бунину

...Напрасно Вы так огорчаетесь из-за этих изданий в России. Пушкин писал Бестужеву: «Мне грустно видеть, что со мной поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности». Допустим, что подберут материал очень плохо, – а все-таки это будет Бунин, и прочтет вся Россия, много лет Вас не читавшая. Нет, я на Вашем месте не огорчался бы.

Затем в «русском Париже» разразился скандал. Из Союза русских писателей правлением во главе с Борисом Зайцевым были исключены все его члены, взявшие советские паспорта. В знак протеста большинство именитых литераторов — и среди них вся «бунинская команда»: В. Бунина, Л. Зуров, Г. Кузнецова, А. Бахрах, Тэффи и др. — демонстративно вышли из Союза. Сам же Бунин чуть раньше тоже покинул Союз писателей и журналистов, по сугубо личным причинам.

История раскола парижского Союза, наделавшая в свое время много шуму, и выход из него Бунина, поссоривший его со многими старыми друзьями, являются предметом многочисленных публикаий<sup>31</sup>.

На тему «брать или не брать советские паспорта» Алданов пишет Бунину:

#### 1 июля 1946. И. А. Бунину

...Теперь «много толков» <...> вызывает история с паспортами. Я никому никаких советов давать не буду, но для меня, конечно, вопроса нет: я останусь эмигрантом. Политика вызывает у меня глубокое отвращение, но газеты я, естественно, читаю и хандра моя всё увеличивается. <...> Как же оказалось: будут ли Вас издавать в Москве или Вы «впали в немилость»?

# 22 августа 1947. Ницца. И. А. Бунину

…Едва ли не самая лестная рецензия обо мне на русском языке за всю мою жизнь была написана именно несчастным генералом Красновым<sup>32</sup>. Он писал о моих романах и политики совершенно не касался. Не упомянул даже о моем не-арийском происхождении. Впрочем, это было еще до прихода Гитлера к власти.

<...> Самое изумительное, по-моему: «Хорошая жизнь» и «Игнат». Но какой Вы (по крайней мере тогда были) мрачный писатель! Я ничего безотраднее этой «Хорошей Жизни» не помню в русской литературе... Это никак не мешает тому разнообразию, о котором Вы мне совершенно справедливо писали. Да, дорогой друг, немного есть в русской классической литературе писателей, равных Вам по силе. А по знанию того, о чем Вы пишете, и вообще нет равных: конечно, язык «Записок Охотника» или Чеховских «Мужиков» не так хорош, как Ваш народный язык. Вы спросите: «Откуда ты, старый дурак и городской житель, можешь это знать?» Я не совсем городской житель: до 17 лет, а иногда и позднее, я каждое лето проводил в очаровательной деревне Иванково, где был сахарный завод моего отца, с очаровательным домом, парком и заросшей рекой. (Позднее, окончив гимна-

зию и став «большим», начал ездить за границу, а с 1911 в этом раю не бывал совсем). Но эта деревня была в Волынской губернии, т. е. в Малороссии. Великорусской деревни я действительно не знаю, — только видел кое-что, как Ясную Поляну в 1912 году. Однако писатель не может не чувствовать правды, и я понимаю, что нет ничего правдивее того, что Вами описано. Как Вы всё это писали по памяти, иногда на Капри, я просто не понимаю. По-моему, сад, усадьбу, двор в «Древнем Человеке» можно было написать только на месте. Были ли у Вас записные книжки? Записывали ли Вы отдельные народные выражения (есть истинно чудесные, отчасти и по неожиданности, которой нет ни у Тургенева, ни у Лескова в его правдивых, а не вымученных со всякими «мелкоскопами» вещах).

#### 31 августа 1947. И. А. Бунину

...меня чрезвычайно огорчило, что Вы себя считаете уже «откупавшимся». Что же ссылаться на вещи престарелого Льва Николаевича? Если они нехороши, то не от старости, а от того презрения к художественному делу, какое у него создалось в последние годы. Помните, что он между «Войной и Миром» и «Анной Карениной» написал слабую комедию «Нигилист», хотя тогда был в расцвете сил. В ту пору это объяснялось верно «тенденцией» - разоблачу-ка их, а для этого настоящее искусство не нужно; на старости это объяснялось «проповедью» - сделаю их добрее, а для этого настоящее искусство и не нужно. Однако некоторые несравненные главы «Воскресения» и «Хаджи-Мурата» были им написаны в старости. Но главное, скажу правду, я не понимаю, чем же Вы теперь живете, не в материальном, конечно, а в высшем смысле слова, если больше и писать не хотите. У Толстого было «толстовство», а что же v Вас? Я спрашиваю и только опрашиваю, потому что меня вопрос этот очень волнует. Если хотите сделать тысячам людей (больше же всего мне) великую радость, то пишите второй том «Жизни Арсеньева». А уж потомство рассудит, откупались ли Вы к 1947 году или нет.

В конфликте Бунина с Цетлиной Алданов сразу же взял сторону Бунина. Конфликт возник, в сущности, по недоразумению. Марья Самойловна Цетлина — многолетняя опекунша Буниных и общий их с Алдановыми близкий друг, поверив сплетням о переходе Бунина в «лагерь друзей Советов», сгоряча написала Бунину письмо о разрыве с ним на этой почве личных отношений. Не без помощи других общих друзей, считавших, что Бунин их в политическом отношении «предал», письмо это сделалось циркулярным и уже в этом качестве стало своего рода «яблоком раздора». Алданов, вступившись за

Бунина, посчитал своим долгом вместе с ним уйти из «НЖ» — их совместного с покойным М. О. Цетлиным детища. Без сомнения, этот шаг явился свидетельством высочайшей степени его любви и преданности своему другу.

#### 10 февраля 1947. И. А. Бунину

...Получил только что Ваше письмо. Ну что ж, нечего сказать, значит, мы оба ушли из «Нового Журнала».

#### 11 февраля 1947. И. А. Бунин – М. А. Алданову

Марк Александрович, дорогой, милый, я страшно тронут Вашими товарищескими чувствами ко мне, но умоляю Вас – ради Бога, не уходите из «Нового Журнала»! Ведь это будет такой большой вред ему! Я – другое дело. Но и я ни в коем случае не предам гласности свой уход из него, чтобы ему не повредить.

Однако Алданов был тверд в своем решении уйти из созданного им, совместно с М. О. Цетлиным, журнала, о чем и известил Марью Самойловну Цетлину.

#### 7 января 1949. M. A. Алданов – M. C. Цетлиной

...позвольте Вам сказать (хотя это всем совершенно ясно и не может не быть ясно), что финансовые расчеты не имели и не имеют ни малейшего отношения ни к моему уходу из «Н[ового] Журнала», ни к прекращению наших давних дружеских отношений. <...> единственной причиной было Ваше письмо к Бунину – Вы это знаете. <...> Бунин был вместе со мной инициатором «Нового Журнала». <...> Он был также и самым ценным и знаменитым из его сотрудников <...> Вы сочли возможным написать ему то письмо. Сочли возможным, даже не запросив его, в чем дело, почему он ушел из парижского Союза, – вещь совершенно неслыханная, Ваше действие после 30 лет дружбы. Это письмо Вы послали открытым по адресу Зайцева, под предлогом, что адреса Ивана Алексеевича в Жуан ле Пэн не знали (почта, однако, письма пересылает). Мой адрес Вы во всяком случае знали... Письмо Ваше было для Бунина оскорбительным. Оно было причиной его ухода из «Нового Журнала». Бунин тотчас объявил мне, что из «Нового Журнала» уходит. Таким образом, ушел и я. Я грубо солгал бы Вам, если бы сказал, что после такого Вашего действия в отношении моего лучшего друга Бунина (а косвенно и в отношении меня) наши с Вами отношения могли бы остаться хотя бы только близкими к прежним. 33

Личные отношения Буниных с Цетлиной так никогда и не восстановились. По ходу развития конфликта обе стороны апеллировали к «третьей стороне» — заокеанским друзьям из Литфонда, «Нового Журнала» и газеты «Новое русское слово». В архиве И. М. Троцкого сохранилось письмо Н. В. Кодрянской, хорошей знакомой Буниных и Цетлиной, адресованном Я. Г. Фрумкину, человеку в литературном мире известному и весьма авторитетному, но не считавшемуся литератором, и по этой причине являвшегося фигурой нейтральной. Н. В. Кодрянская писала по поводу раскола в парижском СПЖ следующее:

#### 23 июля 1948

Дорогой Яков Григорьевич, посылаю Вам третье письмо с документами по поводу И. А. Бунина, М. А. Алданова и меня. Очень Вас прошу дать прочесть прилагаемое письмо Якову Моисеевичу Цвибаку (А. Седых. —  $M.\ V.$ ) и попросить его оказать мне услугу и сообщить, кто из прилагаемых членов коллаборанты. Мы, сотрудничающие с Обществом Пис[ателей] и Журн[алистов] в Париже, непременно хотим знать, является ли это обвинение клеветой (как утверждают гг. Зайцев и Зеелер — председатель и генеральный секретарь парижского союза) или гт. Бунин (Вера Ник[олаевна] это утверждала в письме ко мне), М. Алданов и Я. М. Цвибак не ошибаются, а правы.

Письмо это пишу по собственной инициативе, но доложу о нем собранию исполните[льного] бюро Литфонда, которое соберется в ближайший понедельник. <...> хотела бы к этому дню иметь от Вас ответ, если это возможно, по поводу мнения Якова Моисеевича, если это Вас не затруднит. – Всего лучшего. Ваша Кодрянская.

K письму прилагался именной перечень литераторов, вышедших из  $C\Pi\mathcal{K}$ .

Весной 1948 года Алдановы на время вернулись в Нью-Йорк. В письме Бунину от 9 марта Алданов позволяет себе похвастаться своей международной известностью как писателя.

# 9 марта 1948. М. А. Алданов – И. А. Бунину

...Вчера вечером, вернувшись домой, нашел в ящике письмо от своих американских издателей. Они получили из Калькутты предложение издать «Истоки» на бенгальском языке! «Бенгальцы» предлагают всего пять процентов, — но издатель... весело пишет, что надо принять «хотя бы из любопытства»: отроду бенгальских переводов не продавал. Я уже ответил согласием... Это мой двадцать четвертый

язык. Когда будет двадцать пятый, угощу Вас шампанским. Вы, верно, за 25 языков перевалили? После смерти Алешки (А. Н. Толстого. – M. V.) «Правда» сообщала, что он переведен был на 30 языков, – но из них, кажется, десять были языки разных народов СССР.

Письма Алданова этого нью-йоркского периода полны извещений о том, что там-то и там-то ему удалось получить для Бунина известное количество денег. Так, в конце года Алданов с Я. М. Цвибаком устроили в пользу Бунина сбор денег в Америке — и сбор был весьма успешным.

#### 17 декабря 1948. И. А. Бунину

...вечером получил письмо от Цвибака с приятными для Вас новостями... Он начал – и очень успешно – кампанию по сбору денег для Вас. Сто долларов уже есть, еще сто обещаны твердо, и он надеется, что в течение зимних месяцев будет собирать по сто долларов ежемесячно: это только надежда, и только на несколько месяцев... Однако люди <...> те же, к которым мы обратились бы и для юбилея. <...> Яков Моисеевич очень Вас любит (а всё-таки я больше). <...>Всё-таки, дорогой друг, теперь прошу Вас дать мне определенные инструкции. Мы с Цвибаком начнем подготовку юбилейного сбора. Для этого необходимы будут, думаю, даже заметки о подписке в газетах... Разрешаете ли Вы это или нет?.. Секретно это сделать совершенно невозможно.

## 21 декабря 1948. И. А. Бунину

...Ради Бога, не говорите, что это «постыдное дело» и т. д. Во все времена — даже и в лучшие времена — знаменитейшие писатели часто не могли прожить своим трудом и, от Горация до Гоголя и до наших современников, жили в значительной мере тем, что их друзья собирали для них деньги. Нет, умоляю Вас, не говорите таких вещей и напишите Якову Моисеевичу, чтобы он сбор продолжал... Если Вы не хотите юбилейного сбора, мы придумаем что-либо другое... Поверьте мне, ничего «постыдного» в сборе в Вашу пользу нет, и я сам мог убедиться в том, как Вас почитают люди, дающие деньги.

В 1950 году материальное положение Бунина, как всегда тяжелое, особенно усугублялось его болезнью. Марк Алданов, непрестанно ищущий денег для друга, пишет из Ниццы письмо И. М. Троцкому – их общему с Буниным хорошему знакомому, контакты с которым прервались из-за войны.

#### 22 августа 1950. И. М. Троцкому

Дорогой Илья Маркович, Вас, вероятно, удивит это мое письмо: то мы с Вами годами не переписываемся и не видимся <...>, то от меня длинное письмо, да еще с большой просьбой. Просьба эта об И. А. Бунине. Он лежит в Париже тяжело больной. Боюсь, что он умирает. Я вчера получил от его жены Веры Николаевны письмо: три врача признали, что необходимо сделать ему серьезную операцию (мочевой пузырь). На ее вопрос, вынесет ли он такую операцию в свои 80 лет, при многих других болезнях, осложняющих одна другую, ответили, что гарантировать ничего не могут, но если операции не сделать, то он скоро умрет в сильных мучениях! Денег у них нет. Я от себя делаю что могу (иначе не имел бы и права обращаться к другим). Нобелевская премия за 16 лет проедена Буниным. Он всегда в эмиграции зарабатывал мало, а в годы оккупации прожил остатки. Вел себя, как Вы знаете, очень достойно, - не только ни одной строчки при Гитлере не напечатал, но и кормил и поил несколько лет других людей, в том числе одного писателя-еврея, который у него все эти годы жил<sup>34</sup>.

Обращаясь осенью 1950-го к Илье Троцкому — в то время секретарю Литфонда, Алданов, без сомнения, знал, что «через его руки проходили все письма о помощи, он составлял списки нуждающихся, он вел со многими литераторами, учеными, артистами постоянную переписку»<sup>35</sup>. Несомненно, Илья Троцкий был в курсе и бунинской ситуации, т. к. писатель уже не раз получал литфондовское вспомоществование, и Алданов это знал. Тем не менее он считает нужным проинформировать Троцкого что называется ав оvо. Будучи тактичным и очень щепетильным человеком — «последний джентльмен русской эмиграции», по определению Ивана Бунина, — Алданов формулирует свою просьбу об оказании материальной помощи в очень осторожных по отношению к третьим лицам выражениях.

...Я знаю (и мне как раз вчера сказала об этом А. Даманская), что у Вас большие связи в еврейских кругах, в частности по Вашей организации $^{36}$ . В этой организации работает и мой старый друг Я. Г. Фрумкин, но он едва ли умеет собирать деньги, а Вы, быть может, умеете и, так же как он, пользуетесь там большим уважением. <...> Быть может, Вы хороши с Ханиным? (Nathan Chanin был влиятельным деятелем еврейского рабочего движения в США. – M. V.) Он очень добрый, хороший человек, большой культуры и отзывчивости. Писать ему бесполезно – так как он завален делами. Но при личном обращении <...> он едва ли Вам откажет. Он знает и любит Бунина.

27 сентября 1950. И. М. Троцкий – М. А. Алданову

...Вашу просьбу относительно И. А. Бунина по мере сил выполняю. Перевел Вере Николаевне помимо 75\$ Ханина еще две посылки: 50\$ от Союза еврейских писателей (ферейн им. И. Л. Переца) и 25\$ от Литературного фонда. Вам покажется, быть может, странным тот факт, что евреи легче и сердечней откликаются на помощь И[вану] А[лексеевичу], нежели христиане. Как только стало известно, благодаря Вашему письму, что И[ван] А[лексеевич] поддерживал во время оккупации еврейского писателя, тотчас же переменилось отношение к боль[ному] Ивану Алексеевичу. Увы, в Литературном фонде пришлось натолкнуться даже [на возражения] одной особы (разрешите, имени не называть), которую пришлось поставит[ь] [на место]. К сожалению, касса Литфонда почти пуста, а нужда среди писательской брати[и] [огромна]. Только к концу ноября, после традиционного вечера Литфонда, касса, вероятно, пополнится. Очень меня огорчило Ваше сообщение о душевной подавленности И[вана] А[лексеевича] и о его мрачных мыслях о смерти. Ближайшего шестого октября еду в Женеву по ОРТ[овским] делам и не премину, конечно, навестить И[вана] А[лексеевича] в Париже. Пробуду в Париже несколько дней. Не собираетесь ли Вы, дорогой Марк Александрович, в Париж? Рад был бы Вас повидать и потолковать. Есть что Вам рассказать.

В канун бунинского восьмидесятилетия Алданов публикует 26 ноября в газете «Нью-Йорк Таймс» «великолепную» — по отзывам современников — статью о Бунине, и 29 ноября Бунин просит Алданова предоставить ее журналу «Дело», который готовит специальный выпуск в его честь, а 5 декабря уже утешает друга, расстроенного из-за того, что в «Нью-Йорк Таймс» редакция неудачно сократила его статью.

# 20 декабря 1950. И. М. Троцкий – М. А. Алданову

Дорогой Марк Александрович! Пишу Вам в срочном порядке и по делу литературно-общественному. Литфонд решил организовать вечер в ознаменование восьмидесятилетия И. А. Бунина. <...> Собирались мы (имеются в виду также И. Л. Тартак и В. М. Берг. 37 – М. У.) этот вечер устроить в первой половине января и уже хотели на сей счет списаться с В. Сириным, намечавшимся нами в качестве лектора. Но вот мы от М. Е. Вейнбаума, а затем и от Я. Г. Фрумкина узнали, что Вы собираетесь возвратиться в Нью-Йорк в январе. Это сообщение опрокинуло наши планы. Мы решили обратиться к Вам с дружеской просьбой – украсить наш вечер Вашей лекцией об И. А. Бу-

нине. Кому, как ни Вам, столь близка эта тема!? Выдвигается и кандидатура Веры Александровой<sup>38</sup> в качестве второй докладчицы, буде Вы против этого не возразите. Так вот, дорогой Марк Александрович, откликнитесь, пожалуйста, и по возможности скорее. Мне не надо подчеркивать, какое приобретение для Литфонда явится Ваше участие в бунинском вечере и как это обрадует Ивана Алексеевича.

Однако Алданов просьбу И. М. Троцкого и, в его лице, нью-йоркского Литературного фонда отклонил.

#### 25 декабря 1950. M. A. Алданов – И. M. Троцкому

Дорогой Илья Маркович. <...> Я сердечно благодарю Вас, И. Л. Тартака, В. М. Берга и Литературный фонд за приглашение выступить на вечере Бунина. В другое время я был бы очень рад его принять и выступить вместе с Верой Александровой. Но, к сожалению, это невозможно: <...> мне по приезде в Нью-Йорк придется все время отдавать поискам заработка или службы, так как материальные дела мои нехороши, и леченью. Так как здоровье мое еще хуже, чем дела. <...> Очень прошу комиссию извинить меня: никак не могу. Нигде вообще выступать не буду. Да я, впрочем, и не мастер говорить. Всецело одобряю и приветствую Вашу мысль пригласить В. В. Сирина. Он после Бунина наш лучший современный писатель и читает отлично и охотно. <...> Ваш М. Алданов.

Перечел это письмо – мне пришла мысль, наверное, совершенно неосновательная, вдруг кто-нибудь подумает, что я выступил бы за плату в свою пользу!!! – разумеется, нет, ни в коем случае, и даже такое предположение, не скрою, показалось бы мне обидным. А вот было бы хорошо, если бы сбор от чтения В. А. и В. В. пошел в пользу Ивана Алексеевича, – сбор или часть сбора.

Зимой 1951 года Алданов в очередной раз временно поселяется в Нью-Йорке, где помимо устройства своих собственных дел организует сбор денег для Бунина и устраивает, наконец, вечер, посвященный его состоявшемуся 10 (22) октября 1950 года 80-летнему юбилею.

26 марта 1951. И. А. Бунину (на обороте письма — автограф Бунина: «О вечере 25 марта»).

...Пишу Вам <...> чтобы сообщить о вчерашнем вечере в Вашу честь. Он сошел превосходно. Зал на 470 мест был совершенно переполнен. Настроение было именно такое, какое требовалось. Все говорили о Вас исключительно в самых восторженных выражениях. <...>

Кажется, несмотря на дорогой зал, останется чистой прибыли долларов 50-60.

## 30 марта 1951. И. А. Бунину

...Конгресс защиты свободы и культуры... Мы просили о тысяче долларов, и она была... почти обещана. Сегодня принято их американским исполнительным бюро решение немедленно послать Вам сто тысяч франков. <...> это никак не значит, что они вместо тысячи долларов дали Вам триста: они обещали, что и остальное будет Вам дано в ближайшие месяцы. <...> В «Н[овом] Р[усском] Слове» вчера появился отчет о Вашем вечере. Должен сказать, что мое «слово» о Вас там переврано и очень плохо изложено. <...> сегодня утром я получил сразу с трех сторон известие, чрезвычайно меня обрадовавшее: Чеховское издательство решило допечатать еще немалое количество <...> экземпляров «Жизни Арсеньева»! <...> Это даже не успех «Жизни Арсеньева», а триумф!

Последние письма Алданова к Бунину почти исключительно посвящены бунинским делам с Чеховским издательством, вопросу об издании книги о Чехове, книги рассказов, пособию из Литературного фонда.

Иван Алексеевич Бунин скончался 18 ноября 1953 года. Алданов писал из Ниццы Вере Николаевне:

# 18 ноября 1953

...Очень нас взволновало Ваше письмо. С ужасом представляю себе, какую ночь Вы тогда провели. Не буду писать об этом.

## ПИСЬМА И. ТРОЦКОГО И АЛДАНОВЫХ 1950-Х ГОДОВ

После кончины мужа Вера Николаевна Бунина оказалась в очень трудном материальном положении. Об этом печальном обстоятельстве и о неприязненном отношении к Л. Ф. Зурову, существовавшем в кругу близких к Буниным людей, свидетельствует письмо М. А. Алданова, написанное им И. М. Троцкому из Ниццы.

# 6 декабря 1953 М. А. Алданов – И. М. Троцкому

Дорогой Илья Маркович. Как Вы поживаете? Как здоровье Вашей супруги? Мы оба хорошо понимаем с Татьяной Марковной, как Вам теперь тяжело живется из-за ее болезни: у всех горе, трудная стала жизнь. <...> Относительно же Веры Николаевны я тотчас после кончины Ивана Алексеевича написал Вейнбауму, просил о 500 долларах ей для уплаты по похоронам и на жизнь. Марк Ефимович

поставил этот вопрос, и в принципе принято решение послать не менее пятисот, но по частям, так как члены Правления опасаются, что деньги будут тотчас истрачены на Зурова. Пока послали 200. Может быть, это и правильно. Однако я хочу Вас просить — следить за тем, чтобы это не было забыто и чтобы деньги высылались каждый месяц, правда, Вера Николаевна теперь живет преимущественно на деньги друзей и почитателей. В Париже собрали всего 162 тысячи франков, а только похороны стоили больше. Разумеется, сбор продолжается, но ведь друзей не так много. Все же, если деньги от фонда <...> будут приходить, то как-нибудь она проживет: если Чеховское издательство будет существовать, то оно, наверное, будет издавать старые книги Ивана Алексеевича, и тогда В[ера] Н[иколаевна] сможет жить. Вот только будет ли существовать это издательство? Я об этом никаких сведений больше не имею. Не знаете ли Вы?<sup>39</sup>

Иван Алексеевич, знаменитейший из русских писателей, умер, не оставив ни гроша! Это memento mori. У всех у нас дела не блестящие, не очень хороши они и у меня. Я подсчитал, что из всех моих 24 рынков, т. е. стран, на языки которых переводились мои романы, теперь осталась половина: остальные остались за Железным Занавесом (меня прежде немало читали в Польше, Чехословакии (два языка), балканских странах и т. д.). Сначала Гитлер, потом большевики. <...> Прежде была еще маленькая, крошечная надежда на Нобелевскую премию – Иван Алексеевич регулярно, каждый год в конце декабря выставлял мою кандидатуру на следующий год. Теперь и эта крошечная надежда отпала: я не вижу, какой профессор литературы или союз или лауреат меня выставил бы. Слышал, что другие о себе хлопочут, что ж, пусть они и получают, хотя я думаю, у русского эмигрантского писателя вообще шансов до смешного мало.

Мы оба шлем Вам и Вашей семье самый сердечный привет и лучшие наши пожелания. Напишите о себе.

Ваш М. Алданов.

Я поместил о Бунине статью в Le Monde<sup>40</sup>.

# 7 декабря 1953. М.А. Алданов – В. Н. Муромцевой-Буниной

...Всё это время перечитываю книги Ивана Алексеевича, а также его (и Ваши) письма ко мне. Обычно после этого иду к буфету и выпиваю для некоторого успокоения большой глоток коньяку. У меня есть письма только с 1940 года, всё старое досталось немцам. Да и между 1942 и 1945 гг. письма ведь не доходили. Иван Алексеевич писал пером, без копий. Значит, его писем ко мне за двадцать лет с

начала эмиграции до войны больше нигде нет. Это огромная потеря. Не знаю, сохраняли ли Вы мои письма.

После 1953 г. И. М. Троцкий и В. Н. Бунина, по всей видимости, не переписывались. В РАЛ (Leeds Russian Archive), однако, сохранилось одно письмо И. М. Троцкого от 21 октября 1958 года, в котором он от имени Литфонда обращается по «общественному делу» к В. Н. Буниной и Л. Ф. Зурову.

#### 21 октября 1958

...В нынешнем году Литфонду исполняется сорок лет — срок достаточный, чтобы публично быть отмеченным. Никаких торжеств, в интересах экономии сил и денег, правление не собирается организовывать. Согласно традиции Литфонд организует ежегодно, в ноябре, кампанию сборов на пополнение кассы и на обеспечение бюджета в плане помощи. <...> В этом смысле Литфонду нужна моральная поддержка и извне. Просьба правления Литфонда к вам, дорогие Вера Николаевна и Леонид Федорович, откликнуться несколькими теплыми строками в пользу этого учреждения, столь ценного для поддержания единства эмигрантской интеллигенции. Письма будут опубликованы в Нов[ом] Русс[ком] Сло[ве].

С искренним приветом

Ваш И. Троцкий. Секретарь Литфонда.

Р.S. Пользуюсь случаем поблагодарить Леонида Федоровича за ценный подарок – Марьянку<sup>41</sup>, о которой Нов[ое] Русс[кое] Ссло[во] поместила интересный отзыв.

После кончины И. А. Бунина Алдановы продолжают переписку с его вдовой. Эти годы — период подведения итогов прожитой жизни. Из переписки почти совсем исчезают литературные и отвлеченные темы, остаются только повседневные вопросы да заботы. Еще при жизни Бунина Алданов не раз ставил в письмах вопрос о сохранности Бунинского архива. Алданов высказывал мнение, что весь Бунинский архив, в первую очередь его эмигрантская часть, должен оказаться на родине лишь в том случае, если она станет свободной от диктатуры большевиков. Он уговаривал Бунина продать архив библиотеке Колумбийского университета. Однако Бунин под разными предлогами все не делал этого. Он сетовал, в частности, на то, что часть архива, переданная им до войны в Прагу в созданный там усилиями секретаря Льва Толстого В. Ф. Булгакова<sup>42</sup> Русский заграничный культурно-исторический музей, была реквизирована советскими властями и ее местонахождение ему неизвестно. То были

почти все документы, относящиеся к российскому периоду жизни и деятельности Бунина (сейчас они хранятся в РГАЛИ). В конечном итоге после кончины Бунина вопрос о передаче архива так и остался нерешенным и его наследницей стала Вера Николаевна.

# 7 декабря 1954. М. А. Алданов – В. Н. Муромцевой-Буниной

...У меня есть письма только с 1940 года, все старое досталось немцам. Да и между 1942-ым и 1945 годом письма ведь не доходили. Иван Алексеевич писал пером, без копий. Значит, его писем ко мне за двадцать лет с начала эмиграции и до войны больше нигде нет. Это огромная потеря. Не знаю, сохраняли ли Вы мои письма. <...>

15 февраля 1954 года Алданов вновь ставит вопрос о Бунинском архиве. Свой собственный архив он уже разместил в Колумбийском университете и настоятельно советует Вере Николаевне поступить аналогичным образом. Однако для Веры Николаевны в это время представилась непредвиденная возможность передать имевшиеся у нее документальные материалы в переживающий период «оттепели» СССР. Советские литературоведы, имея, естественно, на то согласие верховных властей, засыпали ее по этому поводу письмами и просъбами. Заинтересованы они были в первую очередь рукописями Бунина. Более того, советское правительство стало выплачивать через Союз писателей пенсию Вере Николаевне – факт, который она, судя по всему, скрывала от Алданова. Бунина стала передавать некоторые документы в Россию<sup>43</sup>, что, естественно, не вызывало у Алданова большого восторга. Тема Бунинского архива будет звучать в его письмах Буниной вплоть до его внезапной кончины. Алданов в своих письмах также активно побуждал Веру Николаевну написать биографию Ивана Алексеевича.

# 5 марта 1954. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Хочу Вам сделать одно предложение, которое, по-моему, много важнее вечеров. Очень советую Вам написать биографию И[вана] А[лексееви]ча. Вы лучше всех знаете его жизнь, знаете то, чего никто не знает и не будет знать. Поэтому это гораздо важнее, чем все статьи о нем и, тем более, устные доклады с общими местами. Это была бы долгая работа. Она будет Вам приятна. Судя по нынешнему положению, далеко нельзя сказать с уверенностью, что Чеховское издательство издало бы эту книгу. Может быть, оно вообще больше ничего покупать не будет. <...> мы могли бы объявить предварительную подписку... Несколько глав, наверное, напечатало бы «Новое Русское Слово». Теперь же вся Ваша энергия

и силы уходят на вечера. Что в вечерах? Что от них остается? (А статьи об И[ване] А[лексееви]че будут писаться всегда). Пропасть Ваша книга никак, по-моему, даром не могла бы: так или иначе, рано или поздно, она будет напечатана. А если Вы не напишете, то многое уйдет с Вами: мы все уже стары. Но я имею в виду именно биографию, а не воспоминания. <...>

#### 18 марта 1954. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Как хорошо, что Вы склонны написать биографию Ивана Алексеевича! То, что Вы плохо знаете время его молодости, никак не может быть препятствием. Во всяком случае, Вы ее знаете по его рассказам лучше, чем кто бы то ни было другой... Я помню, например, что из гимназии он ушел тринадцати лет. Для дальнейшего Вам очень пригодятся Ваши дневники за долгие годы и письма его к разным людям. <...>

Алданов был также главным советчиком Буниной в вопросах издания книг его покойного мужа, в частности, книги Ивана Бунина «О Чехове», к которой он написал предисловие.

### 28 апреля 1954. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Я получил рукопись первой части книги. Читаю с волнением. Надеюсь написать и без второй части, однако это для меня большое препятствие. Вы, наверное, получите ее корректуру очень нескоро? Просто не знаю, как быть. Пожалуйста, пришлите всё, что еще найдете. Трудно и с книгами. В Ницце не оказалось ни «Чехова в воспоминаниях современников», ни даже писем Чехова... Из «Писем»<sup>44</sup> мне нужен был бы хоть один том, тот, где чаще всего упоминается имя Ивана Алексеевича. И уж совершенно необходим мне точный текст той заключительной фразы из письма Чехова к Телешову, где говорится «Скажите Бунину» и т. д. (с датой)<sup>45</sup>.

Со здоровьем у Алданова дела обстояли не ахти как, весной 1955 года ему предстояла операция.

# 30 мая 1955. В. Н. Муромцевой-Буниной

Дорогой друг, Вера Николаевна. Согласно Вашему желанию, сообщаю Вам о дне операции. Она состоится в среду, 1 июня, в 11 утра. К вечеру моя сестра, верно, уже получит телеграмму. Вы у нее можете узнать <...>. Спасибо. Обнимаем Вас. Сердечный привет Леониду Федоровичу.

Ваш М. Л.

2 июня 1955. Т. М. Ландау-Алданова — В. Н. Буниной Дорогая Вера Николаевна.

Спасибо большое за милое письмо. Я бы очень хотела, чтобы «мой» сидел с заломленным картузом, вместо того, чтобы подвергнуть нас такому страху. <...> у него сейчас же после операции ослабел пульс, давление, ему давали кислород, вливали в вену физиол[огический] раствор. К вечеру состояние улучшилось, сегодня врачи им вполне довольны, хотя он и киснет. Мужчины, знаете, гораздо хуже переносят неудобства, неприятности, чем мы. Не спал он всю ночь, но сегодня ему сделают укол и дадут снотворное. Еще спасибо, целую Вас, сердечный привет Л[еониду] Ф[едоровичу] и Вам от нас обоих.

Ваша Т. Ландау

К концу 1956 года, когда книга Веры Николаевны была почти готова, возник вопрос, как же ее издать. К решению этой проблемы подключается опять Алданов.

28 декабря 1956. М. А. Алданов – В. Н. Муромцевой-Буниной

…Для книг у нас остается только одна возможность: предварительная подписка. <...> Если Вы на это согласитесь, то лучше сделать это немедленно. Я с радостью обращусь за «рекламой» для Вас к «Новому Русскому Слову» или в «Русскую Мысль».

Книга Веры Николаевны Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина. 1870—1906» вышла в Париже, увы, уже после смерти Алданова, в 1958 году.

A осенью 1956 года в Америке отмечался русской общественностью юбилей M. A. Алданова, о чем он сообщает Буниной в своем отнюдь не радостном письме.

### 12 октября 1956. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Сердечно Вас благодарю за добрые слова. Действительно мои похороны (юбилей ведь всегда похороны) назначены на 7 ноября. Об этом я получил письма от «Нового Русского Слова» и от С. А. Водова<sup>46</sup>. А я не только не думал о чествовании, но и дату отказался сообщить, — они ее узнали не от меня, а верно из какого-нибудь словаря. Цвибак мне сообщил, что она им известна и что они готовят «специальный номер» и публичное собрание трех организаций!!! А Водов хотел устроить в Париже банкет, со всем, что полагается!!! Я обоим ответил одно и то же: приятным статьям буду искренне рад (что же врать: все писатели рады приятным статьям), но самым реши-

тельным образом возражаю против вечера или банкета или обеда. И тот, и другой тогда твердо обещали таковых не устраивать. А статьи будут, – слышал, что принимаются редакциями.

## 28 декабря 1956. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Новый год, по крайней мере в теории, признается радостным днем, – люди ведь и шампанское пьют, – естественно и поздравлять. Напротив, большое у меня сомнение в том, нужно ли и можно ли писать письма в дни траурных годовщин.

Алданова по-прежнему беспокоил вопрос Бунинского архива и, в первую очередь, судьба написанных им Бунину писем. Вера Николаевна заверяла его, что не собирается отсылать их в Россию и наводит справки о возможности передачи этих документов в Эдинбургский университет (Шотландия). Алданова такой вариант вполне устраивал. В своем последнем письме он пишет:

## 1 февраля 1957. В. Н. Муромцевой-Буниной

...Таким образом всё в порядке. <...> Уверен, что Вы меня переживете, но моих писем и тогда ни в коем случае большевикам не отдадите. Кстати, сохранились ли они у Вас? Ведь их было, верно, до тысячи, если не больше: считая за многие годы по одному письму дней в восемьдесят. Очень хотелось бы их перечесть, ведь вся моя жизнь в эмиграции прошла с Вами и с покойным Иваном Алексеевичем. Если сохранились, попрошу Вас дать их мне в Париже. <...> Спасибо за то, что Вы говорите о «Самоубийстве». Роман печатается без авторской корректуры. <...> Вы и не ждите в романе Марии Федоровны [Андреевой<sup>47</sup>]. Я и Горького не вывожу, только упоминаю о нем. А интимные дела Андреевой, его и Морозова, конечно, меня и никого не касаются, я и в мыслях не имел их изображать. Я ее знал. Да, была красивая женщина. Я раз обедал с ней в Петербурге у Горького, в 1918 году, когда он был крайним врагом большевиков. Вы, впрочем, не говорите, что ждете в романе появления Марии Федоровны. Но другие мне пишут, что ждут. И спрашивают, с кого писаны Джамбул, Люда, Ласточкины, Тонышевы и другие!!! Разумеется ни с кого. Когда появляется действительно существовавшее, хотя бы и неисторическое лицо, я его обозначаю настоящим именем, как, например, Савву Морозова.

Немногим больше, чем на три года, пережил Марк Алданов своего друга Ивана Бунина. Он скоропостижно скончался 25 февраля 1957 года в Ницце, где и был похоронен на кладбище Кокад.

Вдовы писателей, жившие первое время в разных городах – Бунина в Париже, Алданова в Ницце, – прдолжали изредка переписываться.

28 февраля 1958, Ницца. Т. М. Ландау — В. Н. Муромцевой-Буниной

Дорогая Вера Николаевна.

Спасибо за письмо и за память. Все мы знаем, что это такое. За этот год прибавилось нашего полку<sup>48</sup>. Надежда Михайловна<sup>49</sup> мне раз написала. Все-таки у нее Леночка, внуки. Я здесь совсем одна, со своими старухами<sup>50</sup>, с кот[орыми] много хлопот. Зайцевы мне тоже написали, бедная Вера Алексеевна левой рукой. Я даже ни о чем их не спрашиваю. Ведь поправиться она не может?

Читала, что Вы окончили и сдали Вашу книгу<sup>51</sup>. Вот молодец! Как Вам живется? Как здоровье? Еще раз спасибо, всего хорошего Вам и Л[еониду] Ф[едоровичу].

Ваша Т. Алланова

1 марта 1959. Т. М. Ландау — В. Н. Муромцевой-Буниной Дорогая Вера Николаевна.

Сердечное Вам спасибо. Я очень тронута, что Вы не забываете меня. Как Вы себя чувствуете? И по каким признакам решили делать анализ крови? Я тоже очень сдала. Так устала, что по утрам с трудом заставляю себя встать. Мне действительно живется трудно. Вижу только моих старух, кот[орые] требуют все больше ухода. А я ведь сама стара.

Я удивляюсь, что в письмах из России не боятся сказать, что любят романы Алданова. Один наш молодой кузен, служащий в О. N. U., был в России и в Киеве видел в городской библиотеке «Ключ». Но ведь там действие происходит до революции. Я не вижу, как решились бы издать другие его вещи, если так травят Пастернака <...> Что же мне писать о М[арке] А[лександровиче]? Что Вы? Никакого писательского дара у меня нет. Письма другое дело. Да я никогда и не могла бы взяться за это. Вы совсем другое дело, и у Вас действительно есть талант. Что же могли бы выдумать о М[арке] Александровиче]? 2/3 своей жизни он, по собственному выражению, провел в библиотеках. Не знаю, почему Люба [Полонская] смущалась передать разбор рукописей Софье Юльевне [Прегель]. Это трудное дело и очень неблагодарное. Зайцевы мне изредка пишут. Я не представляла себе, что В[еру] А[лексеевну] [Зайцеву] только три раза в неделю водят по квартире и не знала, что правая часть парализована до сих пор. Очень тяжело, а Б[орису] K[онстантиновичу] и Наташе (дочь Зайцевых. – M. V.) честь и слава.

Целую Вас, дорогая. Еще спасибо. Сердечный привет Л[еониду] Ф[едоровичу]. Ваша Т. Алланова

28 сентября 1959. Т. М. Ландау — В. Н. Муромцевой-Буниной Дорогая Вера Николаевна,

Сердечно поздравляю Вас с именинами. Желаю всего хорошего.

Я была в августе в Париже, но только два дня и по невеселому поводу, приезжала похоронить маму. Не знаю, знаете ли Вы, что она умерла? А через две недели умерла и моя няня. У меня теперь нет здесь никого, очень хотела бы переехать в Париж.

Только на днях прочла рецензию Гуля о Вашей книге — очень лестную. Прочла в газете, что Галина Николаевна [Кузнецова] переехала в Женеву. Заезжала ли она в Париж?

Целую Вас, всего хорошего. Сердечный привет Леониду Федоровичу.

Ваша Т. Алданова

Последнее письмо Ландау-Алдановой Муромцевой-Буниной датируется 3 октября.

3 октября 1959. Т. М. Ландау — В. Н. Муромцевой-Буниной Дорогая Вера Николаевна,

Спасибо за письмо. Я и не знала, что Вы были в Швейцарии. Гостили у Павловских $^{52}$ ?

Мама до прошлого года держалась молодцом. А потом все вдруг пришло сразу: сердце, воспаление легких, в конечном счете зрение. Ей было 88 лет, а Нине Дмитриевне 91. Это, собственно, было главной их болезнью.

Конечно, я бы очень хотела уехать поскорее в Париж, как ни трудно там найти комнату. Меня задерживает распродажа книг М[арка] А[лександровича]. Всё идет очень медленно и плохо. Куда мне против книгопродавцев! А взять мне с собой много немыслимо.

Я знаю, что и у Вас скоро годовщина  $^{53}$ . Думаю о Вас и желаю бодрости и здоровья. Обнимаю Вас и сердечно кланяюсь Леониду Федоровичу и благодарю его.

Ваша Т Апланова

После переезда Т. М. Ландау в Париж они с Буниной встречались, о чем имеется упоминание в дневнике Веры Николаевны.

Вера Николаевна Муромцева-Бунина скончалась в Париже 3 апреля 1961 года на 80-м году жизни и была похоронена рядом с мужем

на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Татьяна Марковна Ландау-Алданова умерла 23 ноября 1968 года на 76-м году жизни и была похоронена в Ницце в семейном склепе на кладбище Кокад.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Будницкий О.В.*, *Полян А. Л.* Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- 2. Набоков Владимир Дмитриевич ( 1859–1922), юрист, политический деятель и публицист, один из организаторов и лидеров Конституционно-демократической партии, отец писателя Владимира Набокова-Сирина, погиб во время покушения эмигрантов-монархистов на П. Н. Милюкова.
- 3. Теракт произошел во время выступления П. Н. Милюкова с чтением публичной лекции 22 марта 1922 года.
- 4. Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937), русский историк, писатель и политический деятель. Один из основателей Партии народных социалистов (энесы), к которой принадлежал Алданов. В 1922 г. выслан большевиками из России.
- 5. Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956), русский историк, публицист и политический деятель (вначале кадет, с 1907 г. энес), участник антибольшевистской борьбы, после Октябрьского переворота был приговорен к смертной казни, замененной 10 годами тюремного заключения; в октябре 1922 г. выслан за рубеж.
- 6. Степун Федор Августович (1884–1965), русский философ, публицист. В 1922 г. выслан из Советской России, жил в Берлине, затем в Дрездене (с 1926 г.) и Мюнхене (с 1946 г.). Брат М. А. Степун.
- 7. Гессен Иосиф (Осип) Саулович (с 1891 Владимирович) (1865—1943), русский публицист, юрист, редактор. Один из лидеров партии кадетов, член II Государственной думы. В 1919 г. эмигрировал, жил в Берлине, с 1936 г. в Париже, с 1942 г. в США.
- 8. Элькин Борис Исаакович (1887–1972), адвокат, публицист, общественный и политический деятель. В 1919 г. эмигрировал, жил в Берлине, затем в Париже, а с 1940 г. в Лондоне.
- 9. Бунин был большой поклонник Тургенева.
- 10. Даманская (урожд. Вейсман, лит. псевдоним А. Мерич) Августа Филипповна (1877–1959), русская писательница и журналистка. В 1920 эмигрировала и с 1923 обосновалась в Париже. Член Союза русских писателей и журналистов.
- 11. Чёртов мост (нем. Teufelsbrucke) название трех мостов через реку Рёйс в Швейцарии близ селения Андерматт, в Альпах, в 12 км к северу от перевала Сен-Готард. В 1799 г. в ходе Швейцарского похода Суворова русские войска с боем прошли по Чёртову мосту. Это событие, в частности, описывается в одноименном историческом романе Алданова.

- 12. *Партис 3*. Марк Алданов // «Слово / Word». 2007. № 54. Раздел 4. URL: http://magazines.russ.ru/slovo/2007/54/pa11.html
- 13. Полонская Любовь Александровна (урожд. Ландау; 1893–1963), писательница, жена Я. Б. Полонского, сестра М. А. Алданова.
- 14. Речь идет о рождении Полонского Александра Яковлевича (1925–1990), сына Л. А. и Я. Б. Полонских. 13 июня 1925 г. Алданов писал Бунину об этом событии в своей ироничной манере: «Сестра моя немного на Вас дуется, что ни Вы, ни Вера Николаевна не написали ей после радостного события (одним несчастным на свете больше)».
- 15. Имеется в виду Рери Осоргина (урожд. Гинцберг) Рахель (или Роза) Григорьевна (1885—1957), общественный деятель и журналистка, первая жена писателя М. А. Осоргина. Последние 20 лет своей жизни она провела в Эрец-Исраэль, где и умерла. В. Н. Бунина и Т. М. Ландау дружили с Осоргиной и переписывались до самой ее смерти. Письма Осоргиной Вере Николаевне хранятся в РАЛ. МS.1067/5706—5815.
- 16. Бунин ушел из «Возрождения» в знак протеста против отставки ее главного редактора П. Б. Струве и никогда больше в этой умеренно-консервативной газете не публиковался, став постоянным автором либерально-демократических газет «Последние новости» и «Сегодня». В свою очередь, толерантный Алданов продолжал сотрудничать с «Возрождением».
- 17. В мае Алданов навещал Буниных в Грассе, о чем свидетельствуют дневниковые записи Веры Николаевны. См.: Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. Т. 2. Мюнхен: Possev-Verlag, 1980–1982. С. 178.
- 18. По-видимому, речь идет о женитьбе М. Осоргина на Татьяне Алексеевне Бакуниной (в замуж. Осоргиной; 1904—1995), профессоре Парижского университета, историке масонства, наследнице масонского архива мужа.
- 19. *Марченко Т. В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München: Bohlau Verlag. 2007. С. 533.
- 20. Бунин и его домочадцы в это время жили в Грассе на арендуемой вилле «Бельведер».
- 21. Ланговой Александр Алексеевич (1895–1964), офицер царской армии, затем военачальник Красной армии, орденоносец, дипломат, в 1939–1954 гг. узник ГУЛага.
- 22. Намек на то, что Бунин и Кузнецова встречали новый 1933 г. вместе в Париже. Вера Николаевна и Зуров оставались в Грассе.
- 23. Алданов в письмах к Буниным, не раз выражая желание переехать на «лоно природы», писал, что в Париже его держат не только литературная деятельность и работа, но и жена.
- 24. Auteuil район на западе Парижа.
- 25. Игра в робберный бридж организовывалась для филантропов, которые по ее окончании жертвовали свой выигрыш в пользу того или иного литератора.

- 26. Марченко Т. В. Указ. соч.
- 27. Струве Михаил Александрович (1890–1949), поэт, прозаик, критик, редактор. В эмиграции с 1920 г., жил в Париже.
- 28. Вместе с Буниными на вилле «Жанетт» в Грассе постоянно жили в то время Галина Кузнецова, Маргарита Степун, Александр Бахрах и Леонид Зуров.
- 29. Речь идет или о приятельнице Андре Жида г-же Эмилии Майриш (Mayrisch) или о графине де Сент-Экзюпери (Marie de Saint-Exupéry; 1875–1972), матери знаменитого французского писателя-летчика.
- 30. Кнопф (Knopf) Альфред Абрахам старший (1892–1984), нью-йоркский издатель, основатель издательского дома Alfred A. Knopf.
- 31. См. на эту тему: *Пархомовский М. А.* Конфликт М. С. Цетлиной с И. А. Буниным и М. А. Алдановым / В сб.: Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 4. Иерусалим: 1995. Сс. 310-325; *Дубовиков А. Н.* Выход Бунина из Парижского Союза писателей / Литературное наследство. Т. 84. [Иван Бунин]. Кн. 2. М.: Наука. 1973. Сс. 398-407; *Винокур Надежда*. Сквозь волны времени. Raleigh: Lulu Enterprises, 2011: URL: http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/ vinokur\_skvoz\_ volny\_vremeni\_2011.pdf; *Зайцев Б. К.* Дни. М., Париж: YMCA-Press: Русский путь. 1995. Сс. 402-403; *Иванов Георгий*. Избранные письма разных лет. Примеч. 140: URL: http://coollib.com/b/4631/read
- 32. Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал, атаман Всевеликого Войска Донского, военный и политический деятель, писатель и публицист. Во время Второй мировой войны занимал пост начальника Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий. В мае 1945 года выдан британским командованием советской военной администрации, этапирован в Москву, где по приговору Верховного Суда СССР был повешен в Лефортовской тюрьме в январе 1947 года.
- 33. Партис 3. Указ. соч.
- 34. Алданов имеет в виду А. В. Бахраха.
- 35. *Седых А*. Памяти И. М. Троцкого. // «Новое русское слово». 1969. № 20423 (07.02). Сс. 1, 3, 4.
- 36. Имеется в виду ОРТ (ОRT) Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев еврейская просветительская и благотворительная организация, действующая в разных странах, основана в 1880 в России. Штаб-квартира Всемирного союза ОРТ находится в Лондоне. Общество предоставляет техническую помощь и профессиональную подготовку в рамках международных программ экономического и социального развития.
- 37. Тартак Илья Львович (1889–1981), педагог, критик. В Канаду, по-видимому, попал в середине 1910-х гг., в 1918 г. окончил университет МакГилл в Монреале. Литературный критик «Нового русского слова» с 1926 года. В

- 1946–1976 гг. преподаватель New School of Social Research в Нью-Йорке; Берг В. М. член Литфонда, ответственный за связи с общественностью.
- 38. Александрова (урожд. Мордвинова) Вера Александровна (1895—1966), литературный критик, публицист, редактор. В 1922 г. эмигрировала в Берлин, в 1933 г. переехала в Париж, в 1940 г. вместе с редакцией «Социалистического вестника» в Нью-Йорк. В 1952—1956 гг. главный редактор Издательства имени Чехова в Нью-Йорке.
- 39. Издательство им. Чехова, созданное в рамках проекта Фонда Форда и Восточноевропейского фонда в 1951 г., просуществовало до 1956 г. и за эти годы выпустило в свет три книги Марка Алданова.
- 40. Le Monde (фр. Мир) популярная французская ежедневная вечерняя газета леволиберальных взглядов с тиражом более 300 тыс. экземпляров.
- 41. «Марьянка» последняя книга прозы и лирики Л. Ф. Зурова (Париж, 1958).См.: Белобровцева Ирина. «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // «Звезда». 2005. № 8. Сс. 52-60.
- 42. Булгаков Валентин Федорович (1886—1966), последователь и последний секретарь Л. Н. Толстого. Руководитель ряда литературных музеев. Активный христианский анархист-толстовец и антимилитарист. В 1923 г. выслан из СССР, жил в Праге. В 1934 г. в Збраславском замке близ Праги основал Русский культурно-исторический музей, в котором собрал богатую коллекцию русского искусства (картины, предметы старины, рукописи, книги). В 1948 г. Булгаков принял советское гражданство и вернулся в СССР. Поселился в Ясной Поляне, где в течение почти 20 лет был хранителем Дома-музея Л. Н. Толстого..
- 43. В. Н. Бунина, с 1955 г. получавшая от СП СССР пожизненную пенсию в размере 80000 франков в месяц, была, вероятно, склонна передать весь архив мужа на родину. Однако после ее скоропостижной кончины наследником архива оказался Леонид Зуров, который, последовав совету Милицы Грин, передал архив на хранение в Лидский университет. Сегодня архивы Бунина сосредоточены в двух крупнейших хранилищах: Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, г. Москва) и Русского архива Лидского университета (LAR/PAP, г. Лидс, Великобритания); кроме того, материалы И. А. Бунина присутствуют в других государственных и частных собраниях.
- 44. По-видимому, речь идет о дореволюционном шеститомном издании «Письма А. П. Чехова» (М.:1912–1916), подготовленном сестрой писателя Марией Павловной Чеховой.
- 45. Такого письма А. П. Чехова Н. Д. Телешову в Полном собраним сочинений и писем не обнаружено: *Чехов А. П.* ПСС. В 30 тт. Письма: В 12 тт. / АН СССР. ИМЛИ им. А. М. Горького. Тт. 10 и 11. М.: Наука, 1982.
- 46. Водов Сергей Акимович (1898–1968), юрист, журналист, редактор. В эмиграции с 1920 г., с 1925 г. жил в Париже. Сотрудничал в «Последних

новостях» и еженедельнике «Борьба за Россию». Генеральный секретарь Русского национального комитета в Париже (1930-е гг.). Один из основателей (1947 г.), член редакционной коллегии (с 1949 г.) и редактор (с 1958 г.) газеты «Русская мысль». Печатал статьи по вопросам международной политики и политики СССР, а также посвященные Н. В. Гоголю, А. П. Чехову, Б. К. Зайцеву, М. А. Алданову и др.

- 47. Андреева Мария Федоровна (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская; 1868–1953), русская актриса, общественная и политическая деятельница (большевичка), гражданская жена Максима Горького (1904–1921 гг.).
- 48. Имеется в виду вдовство Татьяны Марковны. Марк Алданов скончался 25 февраля 1957 года.
- 49. Речь идет о Н. М. Шполянской, жене Дон-Аминадо, также скончавшегося в 1957 г.
- 50. Имеются в виду мать Т. Алдановой Анна Григорьевна и ее няня Нина Дмитриевна (1868–1959). После смерти Алданова Татьяна Марковна еще некоторое время жила в Ницце и только после смерти матери и няни переехала в Париж.
- 51. Речь идет о книге: *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. 1870–1906. Париж, 1958.
- 52. Павловский Михаил Наумович (1885–1963), издатель, предприниматель, в прошлом эсер. В эмиграции с 1919 г., жил в Китае. Издатель журнала «Русские записки» (Париж Шанхай, 1937–1939). Выпустил книги Тэффи, Зайцева и др. В 1950-е начале 1960-х гг. жил в Париже и Швейцарии.
- 53. Семь лет со дня кончины И. А. Бунина.

# Джордж Ф. Кеннан

# Америка и русское будущее\*

I

Сила того негодования, с которым американцы отвергают воззрения и способы действий нынешних кремлевских правителей, уже сама по себе ясно указывает на их горячее желание видеть в России появление других воззрений и другого порядка, резко отличного от того, с чем нам приходится иметь дело в настоящее время. Позволительно, однако, задать вопрос: есть ли в наших умах отчетливое представление о том, в какие формы должно вылиться это новое русское мировоззрение, каким должен быть новый русский порядок и как мы, американцы, можем содействовать их установлению? Теперь, когда одновременное существование двух систем на нашей планете привело к такому непомерному напряжению и тревоге во всем мире и когда уже теряется надежда на то, что эти две системы могут сосуществовать, — у многих появляется склонность считать,

\* Статья Джорджа Кеннана была опубликована на английском языке в журнале «Foreign Affairs» (США) в апреле 1951 года. Перевод текста в том же году появился в «Новом Журнале» в № 26, 1951 (по разрешению «Foreign Affairs»). Профессор М. М. Карпович сопроводил статью Д. Кеннана своим комментарием. Мы предлагаем сокращенный вариант статьи Джорджа Кеннана и комментария Михаила Карповича.

Джордж Кеннан (1904–2005) — американский дипломат, политолог, историк, основатель Института Кеннана. «За последние годы Джордж Кеннан играл выдающуюся роль в определении русской политики Соединенных Штатов и в формировании американского общественного мнения по русскому вопросу. <...> Кеннан начал свою дипломатическую службу в 1927 году, в 23-летнем возрасте. <...> ...служба в американском посольстве в Москве — до, во время и после Второй мировой войны — дала ему возможность непосредственно наблюдать современную русскую действительность. В 1947 году он был назначен на ответственный пост председателя вновь образованного в американском министерстве иностранных дел комитета по планированию внешней политики США, а с 1949 г. он занимал также должность советника при Государственном секретаре (министре иностранных дел).» (Редакция. — НЖ, № 26, 1951) Джордж Кеннан был председателем Фонда Свободной России, консультантом при Фордовском Фонде, одним из создателей Издательства им.Чехова (как подразделения Восточно-Европейского фонда)» и пр.

что главным вопросом является вопрос о победе или поражении в будущей войне; для них этот вопрос затмевает вопрос об образе будущей, более приемлемой России, а иногда с ним даже сливается. Некоторые американцы при одной лишь мысли о возможности войны возвращаются к своей дурной привычке считать, что война повлечет за собою какое-то окончательное, и притом положительное, решение всех вопросов, что война явится завершением — и счастливым завершением — чего-то, а не началом чего-то нового.

Такой взгляд сам по себе является, конечно, величайшим заблуждением, даже если оставить в стороне мысль о связанных с войной кровопролитии и жертвах. <...> Проблема эта заключается в следующем: что должна представлять собою та Россия, которую мы предпочли бы видеть; с которой, говоря попросту, нам было бы легче жить; существование которой позволило бы установить в мире более устойчивый международный порядок; которая одновременно была бы желательной для нас и реально осуществимой?

Проблема возможности иной, более приемлемой России, в сущности, не связана с вопросом войны и мира. Война сама по себе не вызовет к жизни такой России. Наоборот, война вряд ли может дать что-либо положительное в этом смысле, если она не будет сопровождаться хорошо продуманными и энергичными усилиями, помимо военных мероприятий. С другой стороны, продолжение существуюшего положения без «большой войны» не исключает возможности возникновения иной, новой России. Всё зависит от множества другого рода условий, которые должны быть созданы множеством людей, будь то во время войны или во время мира. Не все эти условия могут быть созданы американцами. В смысле непосредственных действий американцы могут сделать очень мало. Но мы располагаем значительными возможностями для того, чтобы повлиять на исход событий; мы не должны забывать, что может наступить время, когда наши усилия могут изменить ход событий в ту или иную сторону. Вот почему вопрос о нашем отношении к русскому будущему заслуживает самого пристального и вдумчивого внимания. В нашем стремлении определить это будущее мы должны учитывать два фактора, имеющих особое значение: 1) мы должны знать, чего мы хотим, и 2) мы должны дать себе отчет в том, как нам следует действовать для того, чтобы облегчить, а не затруднить воплощение в жизнь наших стремлений. Слово «облегчить» применено здесь сознательно: мы имеем дело с иностранным государством, и наша роль может быть лишь ограниченной, подсобной по сравнению с более важной ролью, которую должны в этом деле играть другие.

П

Что же должна представлять собою Россия, которая была бы приемлема для нас как член мирового коллектива?

Быть может, прежде всего следует выяснить, о какой России было бы напрасно мечтать. Такую Россию – Россию, на появление которой мы не должны рассчитывать, нам легко себе представить, а именно: капиталистическое, либерально-демократическое государство, сходное по своему строю с нашей республикой.

Если мы рассмотрим, в первую очередь, вопрос экономического устройства, то мы увидим прежде всего, что Россия едва ли была знакома с частной инициативой в том ее виде, к которому мы привыкли в Америке. Даже в дореволюционные времена русское правительство всегда держало в своих руках целый ряд экономических отраслей, в частности, транспорт и военную промышленность, которые в Соединенных Штатах неизменно, или во всяком случае как правило, находились в частных руках. В более раннюю эпоху русской истории были, правда, именитые семьи русских предпринимателей, прославившиеся размахом своего торгового пионерства в мало развитых районах русского царства. Но в общем, частный русский капитал играл более важную роль в области товарообмена, чем в области промышленного производства. Русские предприниматели создавали главным образом торговлю, а не промышленность. К тому же, торговопромышленная деятельность не считалась в России таким почетным занятием, как на Западе. Существовало традиционное, коренное русское, купеческое сословие, но оно не отличалось ни широтой кругозора, ни сознанием ответственности своей социальной роли и потому не вызывало к себе особого уважения. Портреты купечества в русской литературе обычно отрицательные и производят удручающее впечатление. Представители помещичьего дворянства, вкусы и предрассудки которых оказывали решительное влияние на нравы русского общества, по большей части смотрели на торгово-промышленную деятельность свысока и старались держаться в стороне от нее. В русском языке не было слова, соответствующего нашему понятию «business-man»; в нем было только слово «купец», и этот термин далеко не всегда имел лестное значение.

Даже в самый разгар той индустриализации России, которая с неожиданной энергией стала развиваться в конце прошлого столетия, всё еще были ясны, с одной стороны, отсутствие необходимой традиции ответственности и сдерживающих начал у капиталистов и, с другой стороны, общая неподготовленность правительственных органов и широкой общественности к тому, чтобы справиться с возникшими новыми проблемами. Это промышленное развитие опиралось скорее

на индивидуальные начинания, чем на широкое распределение собственности на акционерных началах. Характерной чертой этого развития было быстрое скопление денежных средств в руках отдельных лиц и семейств, которые далеко не всегда знали, что им делать со своим богатством. Со стороны, способ расходования этих богатств зачастую казался столь же сомнительным, как и пути, которыми они приобретались. Отдельные капиталисты жили в непосредственной близости от своих рабочих, а многие из владельцев фабрик и заводов жили даже прямо на заводских участках. Это походило скорее на картину, типичную для ранней промышленной революции, как она была изображена Марксом, чем на современные условия жизни в передовых западных странах. Возможно, что этим отчасти и объясняется успех марксизма в России. Русский промышленник стоял на виду у всех, во плоти, и часто напоминал своей тучностью, а иногда (не всегда, конечно) и своей грубой вульгарностью, капиталиста, изображаемого карикатуристами эпохи раннего коммунизма.

Всё это свидетельствует о том, что в глазах народа частная инициатива в царской России не успела еще приобрести и малую долю того престижа и значения, которыми она пользовалась к началу нашего столетия в странах с более старой коммерческой культурой. Быть может, с течением времени частная инициатива в России и приобрела бы такое значение и престиж. Шансы на это всё время росли. В дореволюционной России можно было найти немало примеров эффективного и прогрессивного руководства промышленными предприятиями, и такие примеры всё умножались.

Но нельзя забывать, что всё это было очень давно. Со времени революции прошло тридцать три года. За эти годы в тяжелых условиях советской жизни отжило целое поколение. Из лиц, способных повлиять на ход событий в России, только незначительное меньшинство вообще еще помнит дореволюционные времена. Младшее поколение не имеет никакого понятия ни о чем, кроме государственного капитализма, насильственно созданного советским режимом. Здесь же мы рассуждаем о чем-то, относящемся даже не к настоящему, а к неопределенному будущему.

Учитывая всё это, мы должны признать, что русское национальное самосознание не подготовлено к установлению в России — особенно в ближайшем будущем — ничего подобного системе частной инициативы в том виде, в каком знаем ее мы, американцы. Это не исключает возможности развития русской частной инициативы в будущем, при благоприятном стечении обстоятельств. Но она никогда не уложится в систему, тождественную нашей. И никому не удастся форсировать темп ее развития, особенно извне.

Правда, слово «социализм» столько лет тесно связывалось со словом «советский», что оно стало глубоко ненавистным многим людям в пределах и за пределами Советского Союза. Но из этого легко сделать ложные выводы. Можно допустить, что розничная торговля и другие формы обслуживания каждодневных индивидуальных потребностей когда-нибудь, в значительной своей доле, вернутся в России в частные руки. В сельском хозяйстве, как мы сейчас увидим, несомненно произойдет широкий переход к частной собственности и к частной инициативе.

Возможно также, что система кооперативного производства так называемых артелей – система, корни которой глубоко уходят в русскую традицию и русское сознание – может когда-нибудь привести к экономическим отношениям, представляющим собой существенный и положительный сдвиг в подходе к современным проблемам труда и капитала. Но значительные секторы экономической жизни, которые мы привыкли относить к сфере частной инициативы, почти наверное останутся в России в ведении государства, независимо от облика будущего политического строя. Это не должно американцев ни удивлять, ни пугать. Нет никаких оснований для того, чтобы формы экономической жизни России, за некоторыми исключениями (они будут указаны ниже), могли считаться жизненно важным вопросом для внешнего мира.

Сельское хозяйство заслуживает особого места в наших размышлениях на эту тему. <...> Можно с уверенностью полагать, что одним из первых актов будущего прогрессивного правительства России будет отмена ненавистной системы сельскохозяйственного рабства и восстановление у крестьян того чувства личного удовлетворения и той инициативы, которые связаны с частным землевладением и со свободой распоряжения сельскохозяйственными продуктами. Коллективные хозяйства, возможно, будут продолжать существовать, ибо самой ненавистной чертой теперешней системы является не сама идея производительных кооперативов, а тот элемент принуждения, который лежит в ее основе. Коллективы будущего, однако, будут добровольными кооперативами, а не союзами, созданными из-под палки.

Обращаясь к политической стороне дела, мы, как уже было указано выше, не можем ожидать появления либерально-демократической России, созданной по американскому образцу. Это необходимо подчеркнуть со всей силой. Это не значит, конечно, что будущий русский режим обязательно будет антилиберальным. Нет более прекрасной либеральной традиций, чем та, которая была в русском прошлом. Да и в наши дни многие русские люди и русские общественные группы глубоко проникнуты этой традицией и готовы сделать все, что в их

силах, для того, чтобы она стала господствующей в новой России. Мы только можем от всей души пожелать им успеха. Но мы не окажем им услуги, если будем ожидать от них слишком быстрых и слишком больших успехов, или же если будем надеяться, что они создадут строй, подобный нашему. Русским либералам предстоит трудный путь. Они найдут в самой стране молодое поколение, которое не знает иной власти, кроме советской, и которое подсознательно приучено мыслить в терминах этой власти, даже когда оно питает к ней вражду и ненависть. Многие характерные черты советской системы переживут советскую власть, хотя бы уже потому, что всё другое, что можно было бы ей противопоставить, было уничтожено. Некоторые же черты советской системы заслуживают того, чтобы они пережили ее, ибо ни одна система, просуществовавшая десятилетия, не может быть лишена отдельных положительных черт. Программа всякого правительства будущей России должна будет учесть тот факт, что в русской жизни был советский период и что этот период оставил вместе с отрицательным – и свой положительный отпечаток. Плохую помощь окажут членам правительства будущей России те западные доктринеры и нетерпеливые доброжелатели, которые будут ожидать, что они создадут в кратчайший срок точную копию демократической мечты Запада, – только потому, что эти русские люди будут заняты поисками нового строя, способного заменить тот, который мы теперь называем большевизмом.

Вот почему нам, американцам, в особенности следует сдерживать, а если возможно, то и раз навсегда уничтожить укоренившуюся среди нас склонность судить о других народах в зависимости от того, в какой степени они похожи на нас самих. В наших отношениях с русским народом для нас теперь более чем когда-либо важно помнить, что наш строй может представляться неподходящим для людей, живущих в иной атмосфере и иных условиях, и что возможно существование социального и государственного строя, не заслуживающего осуждения, хотя бы он и ни в чем не был сходен со строем американским. Сознание такой возможности нисколько не должно нас смущать. В 1831 году де Токвиль, писавший из Соединенных Штатов, правильно заметил: «Чем больше я знакомлюсь с этой страной, тем больше я проникаюсь сознанием истины, что нет ничего абсолютного в теоретической оценке политических учреждений и что их эффективность зависит почти всегда от исторических условий, в которых они возникли, и от той социальной среды, в которой они действуют».

Формы правления выковываются преимущественно в горниле практики, а не в безвоздушном пространстве теории. Они соответствуют национальному характеру и национальной действительности.

В национальном характере русского народа есть много положительных черт, а настоящее положение в России настоятельно требует создания новой формы правления, которая позволила бы этим положительным чертам проявиться. Будем надеяться, что такая перемена осуществится. Но когда советская власть придет к своему концу или когда ее дух и ее руководители начнут меняться (ибо и тот, и другой конечный исход возможен), - не будем с нервным нетерпением следить за работой людей, пришедших ей на смену, и ежедневно прикладывать лакмусовую бумажку к их политической физиономии, определяя, насколько они отвечают нашему представлению о «демократах». Дайте им время; дайте им возможность быть русскими; дайте им возможность разрешить их внутренние проблемы по-своему. Пути, которыми народы достигают достойного и просвещенного государственного строя, представляют собою глубочайшие и интимнейшие процессы национальной жизни. Иностранцам эти пути часто непонятны, и иностранное вмешательство в эти процессы не может принести ничего, кроме вреда. Как мы увидим в дальнейшем, в некоторых отношениях вопрос о характере будущего русского государства действительно затрагивает интересы остального мира. Но это не касается формы правления - если только она не переступает определенных, твердо установленных границ, за которыми начинается тоталитаризм.

Ш

В каких же отношениях вопрос о характере будущего русского государства затрагивает наши интересы? Какой России можем мы разумно и законно желать? Какие черты мы, как ответственные граждане мирового коллектива, имеем право искать в облике любого иностранного государства и, в частности, в облике России?

Мы вправе, в первую очередь, ожидать появления такого русского правительства, которое, в отличие от теперешнего, было бы терпимым, открытым и прямым в своих отношениях с другими государствами и народами. В его идеологии не должно быть места убеждению, что собственные его цели не могут быть успешно достигнуты, пока все государственные системы, не находящиеся под его контролем, не будут подорваны и, в конечном счете, уничтожены. Оно должно избавиться от мании преследования и обрести способность видеть внешний мир, включая и нас, таким, каков он есть на самом деле: не абсолютно плохим и не абсолютно хорошим; не всецело заслуживающим доверия, но и не всецело его незаслуживающим (хотя бы по той простой причине, что «доверие» имеет в международных делах лишь относительное значение). Оно должно понять, что на самом деле внешний мир не поглощен дьявольским замыслом о вторжении в

Россию и нанесении удара русскому народу. Видя внешний мир в таком свете, государственные деятели будущей России смогли бы подойти к нему с уступчивостью и здоровым чувством доброжелательности, защищая свои национальные интересы, как подобает государственным деятелям, но не исходя из предположения, что эти интересы можно отстоять только за счет интересов других стран и что другие страны должны делать то же самое.

Никто не требует наивного и детского доверия; никто не требует беспричинного энтузиазма по отношению ко всему иностранному; никто не требует, чтобы игнорировались реальные и законные расхождения интересов, которые всегда налагают и будут налагать свою печать на международные отношения. Мы должны не только считаться с тем, что русские национальные интересы не перестанут существовать, но и с тем, что они будут энергично и уверенно отстаиваться. Но при режиме, который по нашему признанию будет заметным улучшением по сравнению с теперешним режимом, мы будем вправе ожидать, что это будет происходить в атмосфере душевного равновесия и сдержанности: на иностранного представителя не будут смотреть, как на человека, одержимого дьяволом, и не будут с ним обращаться как с таковым; будет признано естественным самое невинное и законное любопытство по отношению к иностранному государству, и что удовлетворение такого любопытства может быть дозволено без роковых последствий для национальных интересов этого государства; будет признано, что отдельные иностранные круги могут иметь определенные деловые интересы, которые не преследуют цели разрушения русского государства; и, наконец, будет допущено, что лица, желающие путешествовать за границей, могут руководиться иными мотивами, кроме шпионажа, саботажа и подрывной деятельности, - в том числе такими простыми мотивами, как, например, любовь к путешествиям или необъяснимое желание время от времени навещать своих родственников. Короче говоря, мы можем требовать, чтобы нелепая система анахронизмов, известная под названием железного занавеса, была упразднена и чтобы к русскому народу, который, будучи зрелым членом мирового коллектива, мог бы так много дать и так много получить взамен, перестала применяться оскорбительная политика, третирующая его, как незрелого и несамостоятельного ребенка, которому нельзя позволить общаться с миром взрослых и которого нельзя без надзора выпускать из дому.

Во-вторых, признавая, что форма правления является внутренним делом России, и допуская, что она может резко отличаться от нашей, мы одновременно имеем право ожидать, чтобы выполнение функций государственной власти не переходило ясно начертанной

границы, за которой начинается тоталитаризм. В частности, мы имеем право рассчитывать, что любой режим, который будет претендовать на преимущество перед теперешним режимом, воздержится от применения рабского труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Такое требование имеет свое основание: основание еще более веское, чем то моральное потрясение, которое мы испытываем при виде отталкивающих подробностей этого рода угнетения. Когда режим становится на путь порабощения своих собственных трудящихся, он вынужден поддерживать такой огромный аппарат принуждения, что появление железного занавеса следует почти автоматически. Никакая правящая группа не захочет признаться в том, что она может править своим народом, только обращаясь с ним, как с преступниками. Отсюда возникает тенденция оправдывать политику угнетения внутри страны ссылками на опасности, грозящие ей со стороны порочного внешнего мира. При таких условиях внешний мир должен изображаться, как в высшей мере порочный, – вплоть до карикатурных пределов. Менее сильные средства здесь помочь не могут. Тщательно скрывая действительность за железным занавесом, режим представляет «заграницу» своему народу в самом мрачном виде: так озабоченные матери пытаются запугать своих детей и укрепить свой собственный авторитет, устрашая их зловещей неведомой силой, которая «схватит их, если они не будут осторожными».

Таким образом, эксцессы внутренней власти неизбежно ведут к антисоциальному и агрессивному образу действий на международной арене и становятся поводом для тревоги со стороны международного коллектива. Миру не только безмерно надоела эта комедия с ее бесконечной и утомительной ложью. На горьком опыте он еще убедился и в том, что когда эта комедия затягивается на продолжительный срок, то, в силу своей опасной безответственности, она становится серьезной угрозой международному миру и мировой устойчивости. Именно по этой причине, – хотя и отдавая себе отчет в том, что все различия между свободой и властью относительны, и признавая, что 90% этих различий нас не касаются, поскольку дело идет об иностранном государстве, - мы всё же настаиваем, что есть такая запретная зона, в которую ни одно правительство великой страны не может вступить, не создавая при этом самых прискорбных и серьезных последствий для своих соседей. Это та самая зона, в которой режим Гитлера чувствовал себя как дома и в которой советское правительство подвизалось по крайней мере в течение последних 15-ти лет. Заявим без обиняков, что мы не сможем признать никакой будущий русский режим и не сможем находиться с ним в нормальных отношениях, если он не останется за пределами этой запретной зоны.

В-третьих, мы можем надеяться, что новая Россия не станет надевать тягостного ярма на другие народы, обладающие стремлением и способностью к национальному самоопределению. Здесь мы касаемся деликатного вопроса. Более трудного и более скользкого вопроса не найти во всем политическом словаре. Думая о взаимоотношениях между великорусским народом и соседними с ним народами, живущими за пределами бывшей царской империи, а также нерусскими национальными группами, в свое время включенными в состав этой империи, нельзя представить себе такую схему разрешения вопроса о границах или государственного устройства, которая, при преобладающих сейчас понятиях, не вызвала бы взрыва неимпериалистической России, которая искренно стремилась бы рассеять воспоминания о печальном прошлом и построить свои отношения с балтийскими народами на почве подлинного и бескорыстного уважения их прав. Украина несомненно заслуживает полного признания самобытного гения и способностей ее народа, равно как ее нужд и возможностей в области развития собственного языка и собственной культуры; но в экономическом отношении Украина в такой же мере составная часть России, как Пенсильвания - составная часть Соединенных Штатов. Кто может сказать, каково должно быть окончательное правовое положение Украины, пока неизвестен характер будущей России, в зависимости от которого этот вопрос придется решать? Что касается государств-сателлитов, то они должны вновь обрести и несомненно обретут полную независимость; но и они не обеспечат своей устойчивости и будущего процветания, если они станут на ложный путь, отдавшись чувству мести и ненависти к русскому народу, который вместе с ними разделял их трагическую судьбу, и будут пытаться построить свое будущее на своекорыстном использовании первоначальных затруднений нового русского режима, руководимого добрыми намерениями и борющегося с наследием большевизма.

Напрасно было бы недооценивать всю болезненную трудность этих территориальных проблем, даже если допустить наличие максимальной доброй воли и спокойной терпимости со стороны всех затронутых ими народов. Некоторые меры, осуществленные в конце Второй мировой войны, дурные последствия которых с тех пор усугублены преднамеренной политикой некоторых правительств, направленной к преждевременному превращению временного устройства в постоянное, представляют собою явно нездоровые основы, никоим образом не благоприятствующие упрочению мира. Рано или поздно эти решения придется пересмотреть, и тогда все заинтересованные стороны должны будут проявить почти невероятную тактичность и долготерпение, чтобы произвести необходимые

перемены без нового разжигания страстей и горьких обид. За это безотрадное положение народы Европы могут поблагодарить как большевиков с их расчетливым цинизмом, так и западные державы с их благосклонным попустительством.

Один из наиболее выдающихся немецких оппозиционеров гитлеровского времени, писавший своему другу в Англии с риском для жизни, сказал в своем письме, между прочим, следующее: «Послевоенная Европа представляется нам не столько в свете вопросов о границах и солдатах, о громоздких организациях и грандиозных планах, сколько в свете вопроса о том, как восстановить человеческий образ в сердцах наших сограждан»\*.

Увы, нацистская виселица не пощадила этого человека для пользы настоящего и будущего; он был прав, и у него была смелость; такого духа люди будут насущно необходимы для того, чтобы судьба области, простирающейся от Эльбы до Берингова пролива, стала более счастливой в будущем, чем она была до сих пор. Американцу, желающему оказать благотворное влияние в этой части света, не мешало бы повлиять на своих друзей из стран за железным занавесом, если у него таковые имеются, - в том смысле, что им, или кому бы то ни было, пора перестать нудно и бесплодно спекулировать на так называемых национальных границах и наивных патриотических чувствах сбитых с толку языковых групп, - т. е. прекратить то, что в этих краях в прошлом сходило за проявление государственной мудрости. Есть вещи более важные, чем вопрос о том, где проходит та или иная граница; среди них главную роль играет проявление терпимости по обе стороны границ, зрелое суждение, смирение перед страданиями прошлого и проблемами будущего и сознание, что ни одна из проблем, стоящих перед любым европейским народом, не будет разрешена целиком, или даже в основном, - в пределах национальных границ данного государства.

Вот, следовательно, то, что благожелательный американец вправе ожидать от будущей России: что она поднимет навсегда железный занавес; что она признает некоторые ограничения правительственной власти во внутренних делах и что она откажется от устаревшей игры в империалистическую экспансию и порабощение как от пагубной и недостойной политики. Если она не пожелает пойти по этому пути, — она будет мало чем отличаться от того, что мы имеем перед собой теперь, и ни одному американцу не стоит задумываться над тем, как ускорить приход в мир такой России. Если же она будет готова сде-

<sup>\*</sup> A German of the Resistance: The Last Letters of Count Helmuth James von Moltke. – London: Oxford University Press. – 1948.

лать всё это, американцам не к чему будет глубже интересоваться вопросом о её природе и целях; основные требования более устойчивого мирового порядка будут удовлетворены, и те вопросы, по которым иностранцы могут с пользой для дела высказывать свои мысли и давать свои советы, будут исчерпаны.

#### IV

Таков образ России, какой мы желали бы ее видеть. Но как же мы, американцы, должны вести себя для того, чтобы содействовать воплощению такой России или, по крайней мере, наибольшему к нему приближению?

В наших размышлениях на эту тему мы должны тщательно отделять вопрос о прямом воздействии, т. е. о таких наших действиях, которые бы непосредственно затрагивали людей и определяли события в странах за железным занавесом, — от вопроса о воздействии косвенном, понимая под этим такие действия, которые бы скорей касались нас самих или наших отношений с другими народами и, следовательно, лишь косвенно и в отдельных случаях могли бы касаться советского мира.

Как это ни прискорбно, при настоящем мировом положении вопрос о прямом воздействии со стороны американцев приходится рассматривать в свете возможности войны или продолжения существующего состояния «малой войны». К сожалению, приходится начать с первой из этих возможностей, так как именно она настойчиво тревожит сейчас сознание многих людей.

Итак, если война окажется неизбежной, — что мы, американцы, можем сделать для содействия возникновению более желательной для нас России? Прежде всего мы должны сохранить в наших умах ясным и определенным образ этой желательной для нас России и приложить все усилия к тому, чтобы военные действия не помешали воплощению в жизнь этого образа.

Первая часть этой задачи носит негативный характер: нас не должны отвлекать несущественные или сбивающие с толку формулировки военных целей. На этот раз мы должны будем избежать тирании лозунгов. Мы не должны поддаваться наваждению тех высокопарных, не имеющих ничего общего с реальностью или даже бессмысленных фраз, назначение которых заключается лишь в том, чтобы как-то примирить нас с творимым нами страшным и кровавым делом. <...> Мы должны будем на этот раз, вооружившись моральным мужеством, постоянно напоминать себе, что, с точки зрения наших культурных ценностей, насилие в международном масштабе является ничем иным, как всеобщим банкротством даже для тех, кто

уверен, что он борется за правое дело; что все мы — побежденные и победители — одинаково обречены на то, чтобы выйти из войны обедневшими и еще более далекими от достижения тех целей, которые мы себе ставим; что как с победой, так и с поражением, связаны почти равные бедствия и что даже самая блестящая военная победа не может дать нам право смотреть в грядущее с иными чувствами, чем горе и унижение за свершившееся, чем сознание того, что путь, ведущий к лучшему миру, долог и труден и что он был бы не так труден и долог, если бы нам удалось избежать военной катастрофы.

Если мы будем помнить всё это, у нас будет меньше склонности рассматривать военные операции как самоцель и нам будет легче вести их так, чтобы они соответствовали нашим политическим целям. Если нам придется поднять оружие против тех, кто теперь правит русским народом, мы должны будем избегать всего, что заставило бы русский народ видеть в нас его врагов, и мы сами не должны будем считать, что русские люди – наши враги. Мы должны будем постараться объяснить русскому народу, что те страдания, которые мы вынуждены ему причинять, вызваны только силой необходимости. Мы должны будем дать ему убедительные доказательства нашего сочувственного понимания его прошлого и нашего интереса к его будущему. Мы должны будем дать почувствовать русскому народу, что мы на его стороне и что наша победа – если мы победим – будет использована так, чтобы предоставить ему возможность самому создать для себя более счастливую жизнь, чем та, которую он знал в прошлом. Для всего этого – самое важное, чтобы мы не забывали о том, какой Россия была и какой она может быть, и не позволяли политическим разногласиям затуманивать этот образ России.

Трудно определить, в чем именно заключается величие той или иной нации. Каждый народ состоит из множества отдельных людей, а среди отдельных людей, как известно, нет единообразия. Некоторые из них привлекательны, другие неприятны; одни – честные люди, другие – не вполне; одни сильны, другие слабы; одни вызывают восхищение, другие у всех вызывают любое чувство, кроме восхищения. Всё это верно как в отношении нашей родины, так и в отношении России. Поэтому так трудно сказать, в чем заключается величие народа. Одно можно сказать с уверенностью: оно редко заключается в тех качествах, которые, в сознании самого народа, дают ему право верить в свое величие; ибо в народах, как и в отдельных людях, подлинно выдающиеся достоинства обычно бывают не те, которые они сами любят себе приписывать.

И всё же национальное величие несомненно существует; несомненно и то, что русский народ обладает им в высокой степени. Путь

этого народа из мрака и нищеты был мучительным, он сопровождался безмерными страданиями и прерывался тяжелыми неудачами. Нигде на земле огонек веры в человеческое достоинство и милосердие не мерцал так неровно, сопротивляясь налетавшим на него порывам ветра. Но этот огонек никогда не угасал; не угас он и теперь даже в самой толще России; и тот, кто изучит многовековую историю борения русского духа, не может не склониться с восхищением перед русским народом, пронесшим этот огонек через все страдания и жертвы.

История русской культуры свидетельствует о том, что эта борьба имеет значение, выходящее далеко за пределы коренной русской территории; она является частью, и притом исключительно важной частью, общего культурного прогресса человечества. Чтобы в этом убедиться, стоит только посмотреть на уроженцев России и людей русского происхождения, проживающих в нашей среде, – инженеров, ученых, писателей, художников. Было бы поистине трагичным, если бы под влиянием возмущения советской идеологией или советской политикой мы превратились в соучастников русского деспотизма, забыв о величии русского народа, потеряв веру в его гений, в его способность творить добро, и сделавшись врагами его национальных чаяний. Жизненное значение всего этого становится еще более ясным при мысли о том, что мы, люди западного мира, верящие в принципы свободы, не можем одержать победу в борьбе с разрушительными силами советской власти, не имея на своей стороне русский народ в качестве добровольного союзника. Это относится одинаково и к мирному времени и к войне. Немцы, сражавшиеся, правда, не за дело свободы, познали к собственному несчастью невозможность одновременной борьбы с русским народом и с советским правительством.

Главная трудность здесь, конечно, заключается в том положении безмолвной беспомощности, в котором находится русский народ под властью тоталитарного режима. Наш опыт с Германией показал, что мы, как нация, не слишком хорошо справились с задачей вникнуть в положение человека, живущего под игом современного деспотизма. Тоталитаризм — не национальное явление: это болезнь, которой в какой-то мере подвержено всё человечество. Оказаться во власти такого режима есть несчастье, которое может постигнуть любую нацию в результате чисто исторических причин и которое нельзя связать ни с какой определенной виной данного народа в целом. Где только обстоятельства ослабляют силу сопротивления до известной критической степени, вирус тоталитаризма может восторжествовать, Для того, чтобы в условиях тоталитаризма личная жизнь могла хоть как-нибудь продолжаться, она должна быть налажена путем какого-

то соглашательства с режимом и при некотором приятии его целей. Более того, неизбежно, чтобы в некоторых областях тоталитарному правительству удалось отождествить себя с народными чувствами и стремлениями. Отсюда возникает неизбежная сложность отношений между гражданами и властью во всяком тоталитарном режиме: они никогда не бывают прямолинейно простыми. Тот, кто всего этого не понимает, не может понять и всей серьезности вопроса о наших отношениях с народами таких стран. Реальность опровергает излюбленное нами представление о том, что народ тоталитарного государства может быть точно и без остатка разделен на коллаборантов и мучеников. Пережив тоталитарный режим, люди не могут остаться невредимыми; когда они выходят на свободу, они нуждаются в помощи, в руководстве и в понимании, а не в выговорах и проповедях.

Безрассудное негодование, направленное против целого народа, никуда не ведет. Нужно подняться выше этих упрощенных и детских представлений и воспринять трагедию России, как отчасти и нашу собственную трагедию, а в русском народе признать нашего сотоварища в долгой и тяжкой борьбе за лучший порядок, при котором люди нашей беспокойной планеты могли бы жить в мире друг с другом и в согласии с природой.

#### V

Таковы общие соображения относительно того, что нам следует делать в том случае, если вопреки нашим надеждам и желаниям война, о которой столько говорится, окажется неизбежной. Но что, если теперешнее состояние отсутствия «большой войны» будет продолжаться? Какой курс нам взять в таком случае?

Прежде всего спросим себя, есть ли основание надеяться, что при этом положении вещей в России могут произойти те перемены, о которых говорится в этой статье? Для ответа на этот вопрос объективных критериев не имеется. Нет положительных указаний ни в одну, ни в другую сторону. Ответ на этот вопрос может быть основан отчасти на оценке обстоятельств, отчасти же он будет просто «актом веры». Автор этой статьи лично убежден, что ответ должен быть положительным: то есть что мы действительно имеем основание надеяться и полагать, что такие перемены могут произойти. Но всё, что можно сказать в подтверждение этого взгляда, сводится к следующему: не может быть подлинно устойчивой система, базирующаяся на отрицательных и слабых сторонах человеческой природы, — система, пытающаяся жить за счет унижения человека, питающаяся, как коршун, его страхом и ненавистью, его неразумностью и подверженностью психологическому воздействию. Такая система отражает

лишь чувство бесплодности и озлобленность создавших ее людей и холодный ужас тех, кто по слабости характера или по недальновидности сделались ее агентами.

Я не говорю здесь о русской революции как о таковой. Она была более сложным явлением, с более глубокими корнями в логике исторических событий. Я говорю о том процессе, в результате которого нечто, претендовавшее на звание благоприятного поворота в человеческой истории, нечто, утверждавшее, что оно ведет не к увеличению, а к уменьшению суммы человеческой несправедливости и угнетения, выродилось в жалкое чистилище полицейского государства. Только люди с глубоким сознанием личной неудачи могут находить удовлетворение в причинении другим тех страданий, которые неотделимы от подобной системы; и тот, кому случалось заглянуть глубоко в глаза агента коммунистической полиции, мог найти в этом темном колодце дисциплинированной ненависти и подозрительности огонек отчаянного страха, который и является доказательством моего утверждения. Те, кто пытаются сначала прикрыть личное властолюбие и жажду мести чудовищным обманом и упрощенством, свойственными тоталитаризму, кончают тем, что вступают в борьбу против самих себя, в унылую безнадежную борьбу, которую они проектируют на подвластных им людей, делая полем битвы счастье и веру этих последних.

Возможно, что близкие помощники этих людей унаследуют их власть, а с нею и разгоревшиеся в борьбе страсти. Но процесс наследования не может пойти дальше этого. Люди могут двигаться, как бы в силу привычки, в результате эмоциональной инерции, полученной ими от других, но они уже не в состоянии, в свою очередь, передать ее дальше. Импульсы, повергающие людей одного поколения в мрачное разочарование в себе самих и в народных массах, в которых они ищут свое отражение, становятся со временем всё менее привлекательными для последующих поколений. Жестокость, ложь, бесконечное издевательство над человеком, практикуемое в концентрационных лагерях, - все эти атрибуты полицейского государства, возможно, и имеют вначале зловещую притягательную силу вроде той, которую опасность и анархия имеют для живущего налаженной и спокойной жизнью общества; но рано или поздно они надоедают всем, как надоедает приевшаяся, однообразная порнография, - включая и тех, кто этому предавался.

Многие из слуг тоталитарной власти, унизившие себя больше, чем они унижали свои жертвы, зная, что они отрезали себе путь к лучшему будущему, могут, правда, цепляться в отчаянии за свою непривлекательную службу. Но деспотизм не может держаться только на страхе своих тюремщиков и палачей, он должен иметь за собой дви-

жущую политическую волю. В те времена, когда деспотическая власть была тесно связана с какой-либо династией или с наследственной олигархией, такая политическая воля могла быть более постоянной. Но в то же время она должна была относиться с более благожелательным и творческим интересом к народу, над которым она властвовала и трудами которого она питалась Она не могла позволить себе держаться всецело на запугивании и унижении народа. Династическая преемственность заставляла ее признавать свои обязательства по отношению к будущему в такой же мере, как к настоящему и прошлому.

Современное полицейское государство не обладает этими свойствами. Оно представляет собою лишь ужасающую судорогу общества, вызванную толчком данного исторического момента. Общество может глубоко и мучительно пострадать от этой болезни, но так как общество есть своего рода организм, подвергающийся переменам, обновлению и приспособлению, оно не может остаться больным навсегда. Бурные потрясения, вызвавшие судорогу, постепенно начнут терять свою силу. Инстинкт, влекущий к более здоровой и более содержательной жизни, начнет брать верх.

Таковы соображения, которые дают автору этой статьи основание верить, что если перед русским народом будет находиться пример возможных перемен в его жизни в виде существования в другой части земного шара достаточно привлекательной цивилизации, питающей в людях надежду и ставящей перед ними положительные цели, — то рано или поздно наступит день, когда, путем эволюции или иным путем, та ужасная система власти, которая отбросила на много десятилетий назад прогресс великого народа и навела густую тень на чаяния всего цивилизованного мира, перестанет быть реальностью. Память о ней останется частью в исторических анналах, а частью в тех отложениях, которые всякое великое потрясение, как бы ни были печальны другие его проявления, оставляет после себя в человеческой истории в форме конструктивных органических изменений.

Как именно произойдет перемена — предугадать невозможно. Если вообще существуют законы политического развития, то, конечно, они тут скажутся; но это будут особые законы развития, присущие феномену современного тоталитаризма, а эти законы еще недостаточно изучены и поняты. Независимо от того, существуют ли такие законы или нет, дальнейшее развитие будет в значительной мере обусловлено еще и национальным характером русского народа и тем элементом случайности, который несомненно играет огромную роль в событиях человеческой жизни.

При таком положении вещей мы вынуждены признать, что пока мы видим будущий политический строй России неясно, как бы

сквозь матовое стекло. Судя по тому, что видно на поверхности, мало оснований надеяться, что желательные перемены во взглядах и образе действий московского правительства могут произойти без насильственного перерыва в преемственности власти, то есть без насильственного ниспровержения строя. Но в этом не может быть никакой уверенности. Случались более странные вещи, хотя и не настолько уже более странные. Во всяком случае, не наше дело заранее предрешать этот вопрос. Для целей согласования нашей политики с нашими интересами нам вовсе не необходимо принимать решения относительно того, о чем мы явно не можем быть надлежащим образом осведомлены. В этом случае мы должны считаться со всеми возможностями, не упуская из виду ни одной из них. Главное – это хранить в мыслях ясный образ России, какой мы желали бы ее видеть к качестве одного из действующих лиц на мировой арене, и руководствоваться этим образом при всех наших сношениях с различными русскими политическими течениями, включая и то, которое сейчас находится у власти, и те, которые представляют собою оппозицию. И если России суждено будет обрести свободу путем постепенного распада деспотизма, а не путем бурного прорыва наружу сил свободы, - мы хотим иметь право сказать, что наша политика содействовала такому ходу событий и что мы не мешали ему своей предвзятостью, нетерпением или отчаянием.

В одном мы можем быть уверены: никакие радикальные и прочные изменения в духе и практике русского правительства не могут произойти главным образом в результате призывов и советов, исходящих от иностранцев. Русский народ должен сам взять на себя инициативу и произвести эти изменения собственными усилиями. Только тогда они будут подлинными, прочными и достойными тех надежд, которые возлагают на них другие народы. Только люди с поверхностным знанием механизма истории могут думать, что иностранная пропаганда и агитация может вызвать коренные изменения в жизни великого народа. Люди, говорящие о свержении советского строя путем пропаганды, в доказательство своей мысли приводят интенсивную деятельность советского пропагандного аппарата и указывают на различные аспекты советской подрывной работы во всем мире - работы, руководимой, вдохновляемой и поощряемой Кремлем. Но эти люди забывают, что для этой советской деятельности, продолжающейся с неустанной энергией вот уже тридцать три года, наиболее характерна ее безуспешность. В конечном счете почти во всех случаях для фактического распространения советской системы потребовалось военное давление или вторжение. На это могут возразить: а Китай? Разве Китай не составляет исключения из общего правила? Однако нам неизвестно, в какой мере Китай действительно стал частью советской системы, а приписывать китайскую революцию последних лет главным образом советской пропаганде или советскому влиянию, значило бы, по меньшей мере, сильно недооценивать целый ряд других, весьма важных, факторов.

Всякая попытка одного народа говорить непосредственно с другим народом о политических делах последнего — способ действий сомнительный, грозящий возникновением недоразумений и обид. Это особенно верно в тех случаях, когда дух и традиции обоих народов различны и когда политическая терминология почти непереводима. <...> ...было бы ошибкой с нашей стороны, на основании всего этого, пытаться прямо подсказывать ему [народу России], что он должен делать в условиях окружающей его политической действительности. Мы невольно будем говорить с ним нашим, а не его, языком, и нам будет легко впасть в ошибку при оценке его проблем и его возможностей. В соответствии с этим, наши слова будут иметь для него совсем другой смысл, чем тот, который мы хотели бы в них вложить.

По этой причине, самым важным видом влияния, которое Соединенные Штаты могут оказать на развитие внутренней жизни России, останется влияние примером – примером Америки, какой она есть не только в представлении других народов, но и на самом деле. Это не значит, конечно, что теряют свою несомненную важность и многие другие вопросы, стоящие сейчас в центре общественного внимания: вопросы о нашей материальной силе, о наших вооружениях, о нашей решимости или о нашей солидарности с другими свободными народами. Не устраняет это и настоятельной и первостепенной нужды в мудрой и искусной внешней политике, ставящей своей целью развязать и сделать действенными все те силы в мире, которые совокупно с нашей собственной силой, могли бы убедить кремлевских владык в том, что их грандиозные планы тщетны и невыполнимы и что упорство, с которым они настаивают на этих планах, не поможет им разрешить собственные их трудности и задачи. Наоборот, не может быть никакого сомнения в том, что все эти вопросы должны продолжать стоять на первом плане, если мы хотим избежать войны и выиграть время для того, чтобы начали действовать более надежные факторы. Но все эти намечаемые нами меры останутся бесплодными и негативными, если не придать им смысла и содержания, основанного на чем-то, что идет глубже и дальше, чем простое предотвращение войны или пресечение империалистической экспансии. С этим как будто все согласны. Но в чем заключается это «что-то»? Многие думают, что это только вопрос о том, к чему мы должны призывать других, т. е., иными словами, вопрос внешней пропаганды. Я же считаю, что это прежде всего вопрос о том, что мы должны требовать от самих себя. Это — вопрос о самом духе и смысле американской национальной жизни. Любое слово, с которым мы обратимся к человечеству, может стать действенным лишь в том случае, если оно будет отражать нашу внутреннюю жизнь и если эта последняя будет достаточно внушительна для того, чтобы вызвать уважение и доверие со стороны мира, который, несмотря на все материальные трудности, всё еще готов ставить духовные ценности выше материального благополучия.

Достижение такого положения в нашей национальной жизни должно быть нашей первой и главной заботой. Напротив, нам надо меньше заботиться о том, чтобы убедить другие народы в наших достижениях. В жизни народов подлинные ценности не бывают и не могут остаться непризнанными. Моро писал: «Нет такого зла, которое не могло бы быть рассеяно, подобно тьме, если вы обратите на него луч яркого света... Если же свет будет исходить от убогой малой свечи, почти все предметы станут отбрасывать тень более длинную, чем они сами».

И обратно: если наш свет будет достаточно ярким, можно не сомневаться, что лучи его проникнут в русские пространства и когданибудь помогут рассеять нависший над ними мрак. Никаким железным занавесом нельзя будет заглушить, даже в самой глубине Сибири, весть о том, что Америка сбросила с себя оковы разлада, замешательства и сомнений, что у нее появились новые надежды и новая решимость и что она приступила к разрешению своих задач с энтузиазмом и с ясным сознанием своих целей.

НЖ. № 26. 1951

# Михаил Карпович

# Комментарии

#### 1. ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ДЖОРДЖА КЕННАНА

Многое из того, что Джордж Кеннан говорит в своей статье, представляется мне совершенно бесспорным и с русской точки зрения чрезвычайно ценным.

Думаю, что не я один, но и все его русские читатели оценят прежде всего тот дух подлинной симпатии к России и русскому народу, в котором его статья написана. За последнее время мы не слишком были в этом отношении избалованы. По психологически вполне понятным причинам, отталкивание от советского режима часто переходит в ту или иную степень отталкивания от всего русского - или, по меньшей мере, настороженности по отношению ко всему, с Россией связанному. К этому элементарному чувству иногда присоединяется воздействие исторических (вернее, псевдоисторических) теорий, подчеркивающих коренную противоположность России и западного мира и выводящих все основные черты советского режима из «русской национальной традиции». Когда мы сами пытаемся бороться с этими настроениями или опровергать эти теории, нас почти неизбежно заподазривают в патриотическом пристрастии. Иное дело, когда попытка отделить Россию от коммунизма исходит из американского, и притом столь авторитетного, источника.

Вот почему с чувством глубокого удовлетворения прочтут все русские читатели Дж. Кеннана те проникнутые подлинным пафосом строки, в которых он говорит о «величии и гении русского народа», о его «способности творить добро», о том, как он сумел пронести через все страдания и жертвы «огонек веры в человеческое достоинство и милосердие», или о том, что «нет более прекрасной либеральной традиции, чем та, которая была в русском прошлом» и которая, по его убеждению, жива и сейчас. Но дело, конечно, не столько в наших чувствах, сколько в тех выводах, которые Дж. Кеннан делает из этих предпосылок для западного мира. Самое для него важное — это «не забывать о том, какой Россия была и какой она может быть, и не позволять политическим разногласиям затуманивать этот образ России». Он напоминает своим соотечественникам, что тоталитаризм не есть

национальное явление: «это болезнь, которой в какой-то мере подвержено всё человечество». Попасть под власть тоталитарного режима есть не вина, а несчастье оказавшегося в этом положении народа. Отсюда вывод: «воспринять трагедию России как отчасти и нашу собственную трагедию, а в русском народе признать нашего сотоварища в долгой и тяжкой борьбе за лучший порядок».

Никто из нас не может усомниться в мудрости этого совета. Такой же бесспорной мудростью проникнуто и заявление Дж. Кеннана, что для установления правильной политики по отношению к России Америке надо прежде всего определить, чего она хочет и как именно она должна действовать — для того, чтобы «облегчить, а не затруднить воплощение в жизнь ее стремлений». На первый взгляд это кажется самоочевидной истиной. Но уже само по себе показательно, что через шесть лет после окончания войны американский государственный деятель калибра Дж. Кеннана находит нужным на ней настаивать. Из опыта этих лет мы знаем, как часто казалось, что Америка не имеет ясно и твердо определенной русской политики — или, по крайней мере, не умеет сделать ее ясной для внешнего мира. Призыв к безотлагательному установлению такой ясности кажется мне одним из самых положительных и ценных элементов в аргументации Дж. Кеннана.

<...> Мы вступаем в более спорную область, когда переходим к рассуждениям Дж. Кеннана о вероятном облике будущей России и о тех путях, которые к ней могут привести. Отмечу здесь же, что и в этих своих рассуждениях Дж. Кеннан воздерживается от всякого догматизма и неоднократно подчеркивает отсутствие положительных данных для категорических утверждений в том или ином смысле. И всё же, при всей его осторожности, - а иногда, может быть, как результат этой осторожности, - некоторые его суждения способны вызвать более или менее значительные сомнения. Он, конечно, прав, когда предупреждает американцев, что они не должны представлять себе новую, возрожденную Россию, как созданную по образу и подобию Соединенных Штатов. Но в стремлении предохранить своих соотечественников от возможного разочарования он, может быть, идет слишком далеко в подчеркивании своеобразия русского развития. Многое из того, что он говорит, например, о сравнительно слабой роли частной инициативы в русском прошлом, конечно, верно, но мне кажется, что у него есть тенденция эту роль несколько преуменьшать. Теперь мы знаем, что частная инициатива играла значительно большую роль в экономической жизни России и в московский период, и в восемнадцатом веке, чем это прежде принято было считать, и что распространялась она не только на торговлю, но и на промышленность (кстати, кроме слова «купец» в русском языке издавна было и слово «промышленник»). Дворяне далеко не всегда пренебрегали торгово-промышленной деятельностью, а в создании русской мануфактуры не последнюю роль сыграли предприниматели из крепостной крестьянской среды. Картина, типичная для ранней эпохи ускоренной индустриализации в России, действительно напоминала первоначальную фазу промышленной революции на Западе, но ведь от этой последней она была отделена всего несколькими десятилетиями. Некоторые же сходные черты можно найти, пожалуй, и в американской экономической жизни периода после гражданской войны. Недаром в романах Бальзака и Диккенса, как и в произведениях американских писателей более позднего времени, тоже преобладают отрицательные портреты крупных и мелких «дельцов», едва ли более привлекательные, чем те образы купцов в русской литературе, на которые ссылается Дж. Кеннан.

Каков будет относительный удельный вес государственного контроля и частной инициативы в экономической жизни России после конца советского режима, будет зависеть, конечно, не только от давней исторической традиции, но также - и, вероятно, в большей мере, – от обстоятельств момента и от опыта более близкого прошлого. Дж. Кеннан подчеркивает изолированность теперешнего советского поколения как от дореволюционных русских традиций, так и от западного мира с его широко развитой частной инициативой, но он недооценивает, по-моему, силу того отталкивания от эксцессов государственного вмешательства, которое это поколение, поскольку мы можем судить, вынесло из своего горького жизненного опыта. Ни ему, ни тем, кто за ним последует, не нужно будет долго учиться теории и практике частной инициативы, чтобы оценить блага экономической свободы: к приятию их подсоветские люди подготовляются наглядным доказательством от противного, повседневно и самым чувствительным образом ощущая на себе все тягости их отсутствия. То же, по моему убеждению, относится и к свободе политической: тому, кто ее полностью лишен, не так уже трудно понять ее ценность. В этом смысле тоталитарные режимы, вопреки своей воле, в какой-то степени играют роль школы свободолюбия: если не для всех, то для многих из тех, кто прошел через этот опыт, понятие свободы должно иметь более непосредственное и более бесспорное значение, чем для тех, кто привык относиться к ней, как к чему-то привычному.

К вопросу о путях русского освобождения Дж. Кеннан подходит всё с тем же отсутствием догматизма и с тем же сознанием необходимости гибкой политики, которая учитывала бы все возможности. Он признает, что все те данные, которые можно получить путем

поверхностного наблюдения («superficial evidence»), как будто говорят за то, что желательные перемены в России не могут произойти «без насильственного перерыва в преемственности власти», т. е. без революционного свержения режима. Но он считает, что в этом нельзя быть уверенным, и допускает возможность и другого пути — эволюционного. Объективных критериев для ответа на вопрос: «революция или эволюция?» — он не видит. Любой ответ в его глазах является делом личного мнения и «актом веры». Сам он, очевидно, предпочитает путь эволюционный — вероятно, по тем же причинам, по которым даже затяжной международный кризис он предпочитает войне\*.

Как известно, по этому вопросу в русской эмиграции ведутся давние и страстные споры: вспомним хотя бы реакцию многих ее читателей на печатные выступления сторонницы «эволюционной теории» Е. Д. Кусковой. Независимо от согласия или несогласия с выводами Дж. Кеннана, то, как он подходит к вопросу, та сдержанность и то отсутствие самоуверенности, с которыми он его обсуждает, является очень полезным коррективом к нашему гораздо более эмоциональному отношению. Как бы мы ни расходились в наших мнениях по этому вопросу, у противников «эволюционной теории» нет оснований обвинять ее защитников в бессердечном равнодушии к страданиям русского народа, как нет оснований у другой стороны обвинять своих оппонентов в легкомысленном авантюризме. Это относится одинаково и к вопросу о желательности, и к вопросу о возможности того или иного пути освобождения России от советской власти. Революция, как и война, дело, конечно, страшное, но с таким же, если не с большим, правом можно утверждать, что длительное существование советского режима не менее, а может быть, и более страшно. Весов, на которых можно было бы взвесить сравнительное число человеческих жертв и материальных и духовных потерь в том и другом случае, - не существует. Руководиться здесь можно только своим ощущением и предвидением, а это обязывает к большей терпимости в отношении к инакомыслящим.

Не менее сложен и вопрос об объективной возможности того или иного пути. Дж. Кеннан возлагает свои надежды на несовместимость советского режима с человеческой природой и на изменения в народной (и правительственной) психологии в связи со сменой поколений. Но его интересные соображения по этому поводу, которые и

<sup>\*</sup> Иначе толкуется позиция Кеннана в кратких комментариях к его статье, появившихся в 15-ой тетради «Возрождения»: «Кеннан верит, что желанная Россия осуществится и без войны, но непременно с разрывом преемственности, глобальным крушением всей системы». Из контекста статьи для меня ясно, что такое толкование ошибочно.

для него самого есть только гипотеза, для меня далеко не до конца убедительны. Часто указывают на фактическую невозможность внутренней революции в условиях тоталитарного режима, но с таким же правом и с такой же долей убедительности можно доказывать и фактическую невозможность эволюции для тоталитарного режима.

Не помню, где я читал или слышал о китайской пословице: «Тот, кто едет верхом на тигре, не может слезть». Многолетнее применение советской властью режима жестокого террора могло накопить в народе такой запас ненависти, что из чувства самосохранения режим может не посметь начать настоящий «спуск на тормозах» (слезание со спины тигра), даже если бы он хотел это сделать. Могут указать на «эволюционный» финал французской революции, но эта историческая аналогия едва ли убедительна. В конце концов, якобинский террор продолжался всего несколько лет, даже пропорционально был гораздо более ограниченным в своем размахе и потому не мог оставить и сотой доли того наследства страдания и ожесточения, которое, можно думать, оставят после себя наши русские якобинцы. Боюсь, что не поможет здесь и та смена поколений, о которой говорит Дж. Кеннан. Те, кто заменил бы теперешних кремлевских владык в порядке мирной преемственности власти, могли бы получить в наследство и преемственную народную ненависть к этой власти. Я понимаю, что это тоже только гипотеза, но, может быть, она не менее законна, чем гипотеза Дж. Кеннана.

Если свои рассуждения по этому поводу я заканчиваю «вопросительным знаком», то в отношении проблемы возможного американского воздействия на ход событий в России позиция Лж. Кеннана вызывает во мне гораздо более определенные сомнения. Я согласен с ним в его общем утверждении, что инициатива радикальных изменений во внутренней жизни России должна исходить от русского народа и что роль Америки в этом деле может быть только «подсобной». Но мне кажется, что в определении характера и пределов этой подсобной роли он проявляет чрезмерную осторожность. Я имею в виду прежде всего вопрос о роли и содержании американской пропаганды. Дж. Кеннан возражает «людям, говорящим о свержении советского строя путем пропаганды». Но почему ставить вопрос в такой нарочито заостренной форме? Одна пропаганда, конечно, не может низвергнуть советский строй. Но, правильно поставленная, она может содействовать значительному его ослаблению и тем подготовить путь к конечному его падению. И нет оснований думать, почему бы Америка, раз уж она вынуждена вести «холодную войну» с советской властью, не должна была бы использовать этого оружия в меру всех доступных ей возможностей. В обоснование своего скептицизма,

Кеннан ссылается на «безуспешность» советской пропаганды, поясняя, что «в конечном счете почти во всех случаях для фактического распространения советской системы потребовалось военное давление». Отмечу прежде всего существенные оговорки – «в конечном счете» и «почти во всех случаях». Но и независимо от них мысль Дж. Кеннана можно признать правильной, только если речь идет о предельном успехе пропаганды. Да, за тридцать три года советской пропаганде не удалось добиться коммунистического господства в целом ряде европейских и азиатских стран, но поскольку во многих из этих стран ей удалось укрепить международные позиции советского режима и, соответственно, ослабить позиции свободного мира, ее ни в коем случае нельзя назвать безуспешной. Так как западные государства явно заинтересованы в обратном, то они должны энергично парировать эту советскую пропаганду своей демократической пропагандой – не того же духа и не того же типа, конечно, как пропаганда советская, - но равных с нею размаха, действенности и напряженности. Даже если рассматривать политику сдерживания коммунистической агрессии как политику чисто оборонительную, то и тогда это должна быть оборона активная, а не пассивная. И в этой активной обороне пропаганда может и должна играть первостепенную роль. На упорную и, при всей ее грубости, демагогически-искусную советскую ложь надо отвечать не только спокойным утверждением своей правды, но и полемическим разоблачением этой лжи. Западный мир вовлечен сейчас в острую политическую борьбу с советским тоталитаризмом, которая в значительной своей части есть борьба за человеческие души, и в этой борьбе боевая пропаганда есть оружие, от которого он без опасности для себя отказаться не может.

Я нисколько не отрицаю важности и значительности того, что Дж. Кеннан говорит о необходимости для Америки согласовать свою внутреннюю жизнь с теми идеями, которые она проводит во внешней своей пропаганде. Не отрицаю я и действенности «пропаганды примером», но лишь при одном условии, — чтобы в народах, на которые она будет рассчитана, поддерживалась надежда на то, что когданибудь, и не в слишком отдаленном будущем, они получат реальную возможность этим примером воспользоваться. А поддержать эту надежду без параллельной политической пропаганды, на мой взгляд, невозможно. Здесь опять надо условиться об объеме и значении терминов. Как и в других указанных мною случаях, Дж. Кеннан говорит о политической пропаганде в прямом и притом заостренном смысле слова. Нельзя, говорит он, обращаться к советскому гражданину «с призывом к тем или иным политическим действиям», нельзя «прямо подсказывать ему, что он должен делать в условиях окружающей его

политической действительности». Совершенно верно, — но отсюда еще не вытекает, что «всякая (Курсив мой. — M. K.) попытка одного народа говорить непосредственно с другим народом о политических делах последнего — способ действий сомнительный, грозящий возникновением недоразумений и обид». Все зависит от того,  $\kappa a \kappa$  говорить и  $\nu m o$  говорить.  $\nu m o$  говорить.

Быть может, я неправильно понимаю позицию Дж. Кеннана, но мне кажется, что в ней чувствуется слишком сильное влияние «классической» идеи полного невмешательства во внутренние дела иностранного государства – идеи, которая, по моему убеждению, в нашу эпоху все больше становится, в значительной своей части, анахронизмом. Правда, говоря о том, чего Америка вправе ожидать от будущей России, он указывает не только на уничтожение «железного занавеса» и отказ «от устаревшей игры в империалистическую экспансию», но и на «некоторые ограничения правительственной власти во внутренних делах»: нормальные отношения возможны только с правительством, «не переходящим ясно начертанной границы, за которой начинается тоталитаризм». Но, к сожалению, я не нахожу в статье Дж. Кеннана ясного начертания этой, по его же признанию, столь существенно важной границы. Конкретно он говорит только о «рабском труде», но ведь это лишь одна из форм уничтожения человеческой свободы в тоталитарном государстве, и почему выделять именно ее как особо неприемлемую для внешнего мира? Дж. Кеннан очень убедительно показывает неразрывную связь между системой принудительного труда и железным занавесом, но это его рассуждение может быть целиком и с таким же основанием применено и к лишению советских граждан свободы передвижения, и к политике полицейского террора, и к полному уничтожению гражданских свобод. Ограничиться поэтому требованием уничтожения рабского труда в качестве непременного условия для нормального международного общения значило бы сделать шаг назад и по сравнению с рузвельтовской программой «четырех свобод» для всего мира, и по сравнению с принятой Объединенными Нациями «Декларацией прав человека». <...> Признаюсь, что в этом я вижу слишком большую уступку и принципу относительности, и принципу невмешательства, даже если последнее понимать лишь в ограничительном смысле «незаинтересованности». Относительными могут быть формы правления, схемы конституционного устройства, административная практика или избирательная механика. Но те права личности, которым англосаксы впервые дали имя «неотъемлемых», надо рассматривать как, в том или ином смысле, абсолютные. Их можно обосновывать либо религиозно, либо на положениях идеалистической философии,

либо, наконец, прагматически, как их обосновывал Джон Стюарт Милль. Во всех этих случаях, одинаково, они займут верховное место в иерархии ценностей, будут служить критерием для суждения о тех или иных политических формах и той или иной политической практики и будут иметь универсальное, а не местное или временное значение

«Первородный грех» тоталитаризма состоит именно в том, что он превращает эти абсолютные ценности в относительные, одновременно возводя относительное (государство, нацию, расу, класс, революцию) на степень абсолютного. Если это так, – а что это так, это доказывается не только тоталитарной теорией, но и тоталитарной практикой, – и если, кроме того, по утверждению самого же Дж. Кеннана, переход правительства любой великой державы в «запретную зону» тоталитаризма создает угрозу для ее соседей и косвенно для всего мира, то как можно определить область «незаинтересованности» внешнего мира во внутренней политике такого иностранного государства в размере 90%? Я не знаю, в каком размере ее можно определить, но я убежден, что твердое обоснование всех тех прекрасных мыслей, которые Дж. Кеннан высказал в своей статье, может быть найдено только в идее нераздельности человеческой свободы. И нераздельность эту надо понимать двояко: и как нераздельность разных сторон свободы, и как нераздельность ее судьбы в различных частях мира.

### 2. О ПОДХОДЕ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ В РОССИИ

Высказывания Дж. Кеннана по вопросу о дальнейшей судьбе национальностей России вызвали к себе особый интерес как в русских, так и нерусских эмигрантских кругах, причем в некоторых случаях позиция его истолковывалась — одними с похвалой, другими с порицанием, — как определенная защита идеи сохранения русского государственного единства. Наши читатели сами могут убедиться в том, что такое толкование неточно. Правда, Дж. Кеннан говорит о желательности «наименьшего ослабления экономических связей» между «великорусским народом» и «народами нерусского происхождения» и добавляет, что это «уже само по себе обычно требует тесной политической связи». Но этим его положительные высказывания в пользу единства и ограничиваются. По существу, позицию его в этом вопросе можно определить привычным для нас термином «непредрешенчество»

Эту свою непредрешенческую позицию Дж. Кеннан обосновывает достаточно подробно и ясно. Он исходит из положения, что в настоящее время невозможно предугадать ту конкретную обстановку,

в которой после конца советского режима населяющим Россию народностям придется определить свои взаимоотношения. Особое значение он придает той «психологической атмосфере» («psychologica1 climate»), которая к тому моменту будет господствовать среди народов Восточной Европы. Пока эти материальные и психологические условия остаются вне пределов предвидения, «американцам не следует брать на себя ответственность за определенные взгляды и определенную позицию в этом вопросе» и не следует предлагать никаких «конкретных решений». В переводе на политический язык это значит, что Америка не должна выступать ни с защитой принципа неделимости России, ни в поддержку программы ее раздробления. Всё, что в этой области Америка сейчас может и должна делать, это, в меру своего влияния, содействовать рождению среди непосредственно заинтересованных народов «нового духа» при подходе к таким вопросам, как определение их взаимных государственно-правовых отношений, территориальное размежевание или судьба национальных меньшинств. В этом упоре на правильный подход к проблеме, вместе с отказом от немедленного определения конкретных форм ее решения, и заключается суть того совета, который Дж. Кеннан дает американцам, а вместе с ними и «народам Восточной Европы».

«Новый дух», о котором он говорит, есть прежде всего дух взаимной терпимости и понимания, при котором, по его убеждению, самые вопросы о границах или о тех или иных формах государственно-правовых отношений получат новое содержание, а отчасти и утратят свое значение. Проявления взаимной терпимости и понимания Дж. Кеннан ждет от «всех этих народов, а не только от одного русского народа». Было бы весьма неосмотрительным с нашей стороны, если бы мы поняли эту формулировку в том смысле, что совет обращен главным образом к народам нерусского происхождения, а что у нас уже признано наличие достаточной степени терпимости и понимания. Можно сказать, конечно, что в происходящих в эмигрантской среде спорах некоторый избыток запальчивости наблюдается скорее у другой стороны и что до сих пор мы чаще оказывались в положении обороняющихся, а не нападающих. Но на это есть свои естественные психологические причины. Представителям народа, который давно уже обеспечил свою государственную независимость и культурную самобытность и который, в то же время, занимал и продолжает занимать положение «господствующей народности», много легче - или, по крайней мере, должно быть много легче – проявлять терпимость, чем тем, кто говорит от имени народов, еще находящихся в процессе самоутверждения или стремящихся к независимости. Это наше преимущество возлагает на нас и большую ответственность в попытках сговориться с другими народами России в духе взаимной терпимости и понимания.

Это не значит, конечно, что мы не вправе ожидать от другой стороны каких-то встречных шагов и. в частности, отказа от всего. что, как результат разгоревшихся страстей и укоренившихся предрассудков, создает ненужные и, вместе с тем, трудно преодолимые преграды для сговора. Мы вправе ждать отказа от предвзятой вражды к России и ко всему русскому; от попыток вести политическую игру на враждебных России (а не коммунизму) настроениях в западном мире; от привычки клеймить, как неисправимых империалистов, всех тех русских деятелей, хотя бы они и принадлежали к либеральнодемократическому лагерю, которые высказывают свое законное предпочтение идее сохранения федеративной связи между народами России. Но и мы, в свою очередь, должны отказаться от предвзятой враждебности ко всякому стремлению к национальной независимости со стороны других народностей России, - от того, чтобы рассматривать всякого сторонника независимости как ненавистника России и русского народа. Нам так же надо избегать превращения термина «сепаратист» в бранное слово, как им надо перестать злоупотреблять эпитетом «империалистический».

Во всяком случае, если мы хотим с ними сговариваться, — а другого пути, кроме взаимного сговора, ни в нашем, ни в их распоряжении не имеется, — то нельзя ставить предварительным условием безоговорочное согласие на нашу исходную точку зрения, как и им нельзя предъявлять к нам такое же требование. С теми, кто с нами уже согласен, сговариваться не приходится. Сговариваться нужно с несогласными для того, чтобы добиться соглашения. А для этого прежде всего надо создать атмосферу взаимной терпимости и понимания и, в частности, отказаться от излишнего политического догматизма.

Боюсь, что в таком догматизме несколько повинен С. П. Мельгунов, напечатавший в 15-ой тетради «Возрождения» (май-июнь 1951 г.) интересную и содержательную статью под заглавием «Единая или расчлененная Россия». С. П. Мельгунов признает «отжившей и в период борьбы с большевизмом вредной» концепцию единой неделимой России, «которая в упрощенном понимании сводится к шовинистическому призыву: Россия для русских». С моей точки зрения, концепция эта (кстати сказать, представляющая собою перевод известной якобинской формулы – «La France est une et indivisible»), вредна не только тем, что легко поддается упрощенному истолкованию, но еще и своим абстрактно-догматическим характером. Это одна из тех формул, которые, в период колоссальных сдвигов и изменений, способны связать политических деятелей по рукам и по ногам

и лишить их политику необходимой гибкости. Справедливо отвергая эту «отжившую концепцию», С. П. Мельгунов вместе с тем защищает свою идею российской федерации тоже в духе некоторого политического догматизма.

Я не буду останавливаться на его резком противопоставлении конфедерации и федерации, которому он, по-видимому, придает большое значение. Более существенно, что, в отличие от Дж. Кеннана, он считает возможным теперь же начертать определенный путь к сохранению единства России. Обсуждая соответствующий пункт в программе «Лиги борьбы за народную свободу», С. П. Мельгунов решительно отвергает идею свободного сговора народов России как равных с равными, на которой эта программа основана. «Какой смысл, - спрашивает он, - во имя весьма сомнительных демократических принципов превращать Россию в Московию, а потом вновь собирать, в осложнившейся обстановке, освобожденные народности в одно целое?» Но ведь этот, по выражению С. П. Мельгунова, «бессмысленный эксперимент» есть, к сожалению, одна из реальных исторических возможностей. Именно так развивались события в первые годы русской революции. Так как весьма вероятно, что падение советского режима будет сопровождаться такой же, если не большей, государственной разрухой, то в этом отношении история может повториться. С одной только весьма существенной, разницей: если тогда «собирание освобожденных народностей в одно целое» было осуществлено коммунистической партией с помощью вооруженной силы, то теперь может не оказаться готовности прибегнуть к силе поскольку дело будет зависеть от русской демократии.

- С. П. Мельгунов и сам признает, что «нельзя принудить людей почувствовать себя гражданами России». И вместе с тем, он категорически заявляет: «Никаких местных предварительных учредительных собраний... быть не может. Эти областные собрания для выработки своих конституций найдут место тогда, когда будет выражена общая воля народа или народов (?) на Всероссийском Учредительном Собрании...» Ну а что если вопреки этой схеме такие «местные предварительные учредительные собрания» все-таки соберутся прежде чем удастся созвать Всероссийское Учредительное Собрание, что мне представляется столь же, если не более, вероятным, чем рисующаяся С. П. Мельгунову перспектива? Ведь и тогда сохранит свою силу правило, что «нельзя принудить людей почувствовать себя гражданами России».
- У С. П. Мельгунова нет сомнений насчет имеющегося у некоторых частей бывшей Российской империи права «свободно и самостоятельно выразить свое желание или нежелание войти в состав

обновленной России». К этой категории он относит балтийские государства – на том основании, что они «за последние десятилетия жили уже самостоятельно, получили международное признание в строго очерченных государственных границах и захвачены были большевиками в последнюю войну». К ним он прибавляет еще Грузию и Армению. И я признаю право всех этих народов на самоопределение, но меня смущает аргументация С. П. Мельгунова. Почему международное признание или самостоятельное существование в течение двух десятилетий должны иметь более решающее значение, чем ясно выраженная воля народа к независимости. По существу, С. П. Мельгунов просто признает совершившиеся факты. Я ничего против этого не имею: бывают такие совершившиеся факты, которые следует признать не только под давлением необходимости, но и из соображений собственной пользы или даже из чувства справедливости. Я только не могу понять, в чем заключается принципиальная разница между совершившимися фактами прошлого, которые С. П. Мельгунов готов признать, и «совершившимися фактами» будущего, даже самую возможность которых он отказывается учитывать в своих политических построениях. <...> ...я не могу не учитывать независящих от моего желания объективных факторов, как не могу я забыть о том, что ни русские эмигранты, ни эмигранты других народностей России ничего. кроме «силы мнения», пока не представляют. Уже по этому одному было бы необоснованной, с их и с нашей стороны, претензией заключать какие-либо соглашения формально-политического характера. Здесь я полностью готов последовать совету Джорджа Кеннана. Первая наша задача, думается мне, заключается в том, чтобы стараться объединить людей доброй воли и здравого смысла с той и с другой стороны. В процессе совместной борьбы с общим врагом и в процессе совместного изучения и обсуждения общих проблем и выработается та новая «психологическая атмосфера», которая в решительный момент будет содействовать решению спорных вопросов в порядке мирного сговора, а не междоусобной распри.

НЖ, № 26, 1951

# «НОВЫЙ ЖУРНАЛ» КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

### Стэнли Рабиновиц\*

# Вклад Томаса П. Витни в культуру эмиграции

Переписка Романа Гуля и Томаса Витни

Дипломат, журналист, писатель, переводчик и коллекционер редких русских книг, рукописей и современного искусства, Томас Портер Витни (1917–2007) сыграл выдающуюся роль в сохранении и поддержке русской эмигрантской жизни на протяжении почти сорока лет, включая более чем тридцатилетнюю помощь «Новому Журналу», — одновременно анализируя советскую культуру и делая ее литературу доступной для англоязычной аудитории. Витни наиболее известен своими переводами Солженицына («В круге первом», «Архипелаг ГУЛаг»), он также переводил Андрея Платонова, Василия Гроссмана, Петра Григоренко, молодых русских писателей, проявившихся в постоттепельные щестидесятые, таких как Василий Аксенов, Юрий Нагибин, Юрий Казаков и другие.

Начинал он свою карьеру в Советском Союзе в американском посольстве в Москве (1944–1945) и затем работал репортером в Associated Press, вплоть до июля 1953 года, когда после смерти Сталина он получил, наконец, разрешение на выезд из Советского Союза его жены Юлии Запольской (1919–1965), певицы и композитора, известной в Соединенных Штатах под сценическим именем Yulya.

Первоначально пара поселилась в Манхэттене, затем, в ранние шестидесятые, они переехали в большое поместье на юго-западе штата Коннектикут, на территории которого был огромный ангар, приспособленный Витни под музей – дом для растущей коллекции русского искусства, которая в настоящее время размещена в его Alma Mater – в Амхерст-Колледж (Amherst College).

Вскоре после безвременной кончины жены Томас Витни основывает благотворительный фонд ее имени – Julia A. Whitney Foundation.

<sup>\*</sup> Stanley Rabinowitz, Professor of Russian, Amherst College, Director of the Amherst Center for Russian Culture. Здесь представлены два выступления, прочитанные на секции «*The New Review* as a Mirror of Russian Exile», посвященной 75-летию «Нового Журнала», на международной конференции славистов (ASEEES) в Чикаго в ноябре 2017 года.

Фонд, работающий исключительно под его началом, спонсирует деятельность, направленную на поддержку всего того, что, по мнению Витни, служило бы исполнению исторической миссии русской интеллигенции в деле сохранения великого наследия и выдающихся достижений уникальной русской культуры, особенно за границей. С 1969 года «Новый Журнал» становится главным направлением благотворительной деятельности Витни. Он воспринимает журнал как незаменимый центр русской эмиграции – ее писателей и философов. Витни был особенно горд тем, что обладает полной коллекцией всех номеров журнала (кроме первого).

Личный контакт Витни с журналом можно датировать 1968-м годом, когда у Зои Юрьевой, профессора русской литературы из New York University и активного автора «Нового Журнала», в ее доме в Квинсе (район Нью-Йорка) он познакомился с главным редактором издания — Романом Гулем, другом Юрьевой. В Манхэттене у Витни была небольшая квартира, где он часто встречался с выдающимися русскими эмигрантами всех волн и где годами принимал Романа Борисовича, где крепла их дружба.

Как должен был быть поражен Гуль, когда спустя почти год после той короткой встречи с Витни он неожиданно получил длинное восторженное письмо от Витни – и в нем чек на десять тысяч долларов для поддержки издания «Нового Журнала»! Так началась дружеская переписка между этими людьми, которая длилась семнадцать лет, – и которая дополнительно подкреплялась со стороны Томаса Витни постоянной, непрекращающейся финансовой поддержкой журнала.

Со свойственной ему деликатностью, Витни в своем первом письме Гулю настаивал на том, чтобы его дар не был обнародован; лишь Гулю он признался в том, что эти деньги – его гонорар за только что сделанный перевод «В круге первом», который он положил на счет фонда исключительно для поддержки журнала. «Это единственный русский литературный журнал вне Советского Союза, - писал Витни, - который регулярно публикует тексты, не связанные с какими-либо специальными политическими группировками или движениями и который имеет свой твердый критерий в выборе материалов для публикации высокого литературного качества. 'Новый Журнал' уникален. Как площадка для публикации литературных работ и документов, поступающих из Советского Союза, которые не могут быть опубликованы там в настоящее время, 'Новый Журнал' играет жизненно важную роль в сохранении, распространении и развитии русской культуры в наше время. И он не потеряет своего значения как для русских, так и для американских студентов во все времена в будущем».<sup>2</sup>

С чувством глубокой благодарности Гуль написал ответ довольно личностный — и очень трогательный — на это деловое письмо Витни. Гуль писал, явно для сочувствующего адресата, о том, что движет им и что мотивирует его безустанные усилия в поддержку «Нового Журнала» — это то, что журнал позиционируется им «как единственный свободный русский 'толстый журнал', сохранивший традиции лучшей части русской интеллигенции и верный общему направлению русской духовной культуры. Помогает мне и моя непримиримая ненависть к коммунистической диктатуре в России, диктатуре антикультуры, которая вот уже полвека уродует духовную жизнь и физически уничтожает миллионы людей»<sup>3</sup>.

Спустя шесть месяцев молчания переписка возобновилась в связи с заявкой вновь воспрявшего Гуля о поддержке журнала в 1970 году – на четыре денежных перевода, каждый по 4,500 долларов, в январе, апреле, июле и сентябре – согласно четырем журнальным номерам в год. «...без Вашей помощи, – писал Гуль, – мы не сможем продолжить издание»<sup>4</sup>. Витни согласился на этот план, который, без всякого сомнения, продлился много дольше, чем он мог бы предположить поначалу. Между 1970-м и 1974-м годами Гуль посылал Витни ежеквартальные заявки на спонсирование на суммы в 4,500 долларов, – и Витни соглашался на это. До 1975 года, когда субсидии были повышены до 5000 долларов ежеквартально. Но не только деньги лежали в основе этого, а и то, что Гуль периодически честно в конце письма обещал, что это его последний – самый последний – год редакторства. Конечно, с 1970-го по окончательный год их переписки в 1985-м все чаще и чаще уставший и страдающий Гуль представлял Витни планы передать «Новый Журнал» в чьи-то руки. И у него было множество серьезных причин сделать это: постоянное ухудшение здоровья его жены (она скончалась зимой 1976-го); периодические потери наиболее ценных сотрудников редакции, постоянные опоздания с выходом журнала как результат проблем с типографией; депрессия от того, что он забросил собственные писания – особенно создание автобиографии – из-за постоянных поисков спосноров для журнала при неуклонном росте цен на печать... Все эти причины красной нитью проходят через письма Гуля к Томасу Витни; они оба обсуждают, размышляют, спорят о возможных путях, которые гарантировали бы спасение «Нового Журнала» как, цитируем Витни: «лучшего литературного журнала русской эмиграции, который делает больше, чем какой-либо другой, представляя и продолжая традиции русской интеллигенции и служа образцом ее ценностей»<sup>5</sup>. Но даже терпение Витни время от времени иссякало, и от случая к случаю он ясно давал понять, что спонсирование фондом небесконечно и что поддержка им других проектов требует от Гуля, чтобы тот искал помощи у кого-то еще. Иногда Гуль это делал, часто — по рекомендациям и при вмешательстве самого Витни; но это не было сильной стороной Гуля, и успех его усилий был минимальным.

Хотя Витни никогда не давил на ситуацию, журнал часто попадал в обстоятельства, близкие к его закрытию Возможно, наиболее жестко необходимость найти замену Гулю возникла в конце 1970-х в связи с уменьшением количества материалов высокого качества. что грозило падением уровня журнала. Витни со всей определенностью и правдивостью писал своему другу Солженицыну после встречи с Гулем в Нью-Йорке, на которой обсуждалось будущее журнала: «...как ни смотри, Гулю – 83 года. Он выражает <...> желание отойти от активного руководства журналом. Однако у меня всегда возникает вопрос, ввиду физической невозможности [руководства] из-за болезни, готов ли он действительно отказаться от всяческого контроля над 'Новым Журналом'. Со своей стороны, я должен сказать Вам конфиденциально - и только Вам, - что при всем уважении к Гулю, его достоинству и возможностям, пришло время, когда журнал нуждается в свежем руководстве, которое было бы ближе к тому, что происходит в России»<sup>7</sup>. Это признание Витни стимулировало Солженицына ответить с той же прямотой в ключе его редко встречающихся высказываний о «Новом Журнале» - и потому мы приводим его ответ полностью: «Р. Гуль сильно преувеличивает, считая его («Новый Журнал». – C. P.) 'лучшим русским журналом' в эмиграции. По своему уровню и кругозору он значительно уступает 'Вестнику РХД', а по живости материалов, их связи с нынешним СССР – частично и другим журналам и эмигрантским публикациям. Он с годами сильно засох, в него плохо поступают соки современности – и сам почти не поступает в СССР, отчасти из-за своего невыносимого формата, отчасти по недостатку живых каналов. Вместе с тем журнал почти 40 лет с достоинством сохранил эстафету русской журналистики, имел много интересного, и его лицо обрисовалось с большой определённостью. Поэтому было бы оскорбительно, если бы он попал в руки совсем другого качества и жанра – той 3-й эмиграции, слишком проворной, во многом советской по воспитанию и равнодушной, если не ненавистной, к России. Такого излома лица журнала нельзя допускать. Поэтому, если бы Вы спросили моего совета, я дал бы такой: пусть Р. Гуль дотянет как есть, на основании своих портфельных запасов и поступлений – еще один, два, четыре или сколько-то номеров – и просто с достоинством объявит о своем прекращении. У всего живущего на свете есть свой возможный возраст, только советская власть пережила все возрасты. Итак, та эмиграция, которая создала и питала 'Новый Журнал', - практически умерла, и

лучше 'Новому Журналу' стать неискривленным памятником ей, чем под конец жизни пуститься в легкомысленный флирт»<sup>8</sup>.

Однако в то же время Витни, который выражал желание передать журнал в другие руки или даже, смотря по ситуации, закрыть его, настаивал на том, что «в его нынешнем виде [Новый Журнал] формирует очень важный мост между старой эмиграцией со всеми ее талантами и высокими эстетическими стандартами и новейшей эмиграцией, которая крайне отличается от первой. Это яркий пример русской интеллигенции, которая выжила намного более эффективно в эмиграции, чем в Советском Союзе, под тоталитарным коммунизмом с его властью разрушать и даже хуже — разлагать морально» Да и сам Солженицын шел против своего выше процитированного утверждения, когда говорил непосредственно Гулю: «Держите Н.Ж. крепко, не передавайте 'Новый Журнал' — они его погубят очень скоро» 10.

Безусловно, главный вопрос оставался – и продолжал возникать до самой смерти Гуля: передать кому? И что делать? Снова и снова Витни и Гуль пытались выявить все возможности. Чтение дюжины писем этих двух людей, обсуждаемая ими проблема погружают нас в один из наиболее интересных аспектов жизни русской диаспоры, обозначая напряжение между поколениями эмиграции, озабоченность первой волны (в лице Гуля) постепенным ростом новой (в ранние 70-е годы) и страх, что «сыновья» предадут ценности и цели «отцов». Гуль признавался Витни в своем беспокойстве о том, что «Вокруг 'НЖ' продолжаются 'некие интриги', целью которых является передача журнала 'третьей волне'»<sup>11</sup>. Гуль высказывал свои сомнения симпатизирующему, хотя одновременно и недовольному ситуацией Томасу Витни, в том, что кто-то может стать последователем Цетлина, Алданова, Карповича (и, разовьем его мысль, - самого Гуля), – и приводил список кандидатов в форме «кто-есть-кто» среди представителей третьей волны, включавший некоторых «посторонних», вроде Александра Полторацкого и Леонида Ржевского, добавленных для полноты картины. Достаточно скоро (и в ожидании неизбежной высылки недавнего нобелевского лауреата) была выставлена кандидатура Солженицына, однако Гуль – и совершенно справедливо – высказывал сомнения – безусловно, основываясь на своем собственном опыте, - что редактирование «Нового Журнала» могло бы разрушить карьеру Александра Исаевича как писателя, который призван для более важных дел. Кандидатура Александра Гинзбурга казалась более реальной, но Солженицын, его хороший друг и коллега, охладил Витни, зная о существовании у Гинзбурга более насущных дел и проектов. Виктор Некрасов был главным фаворитом Витни; было как-то упомянуто и имя Андрея Синявского, но за этим ничего не последовало. Чудесным лучом надежды, который позволил бы журналу продолжать издаваться таким же, как и при редакторстве Гуля, было появление у Гуля в 1983 году талантливого помощника – Юрия Кашкарова, которого Гуль глубоко ценил. «Я нашел очень хорошего помощника, талантливого писателя Ю. Д. Кашкарова. Он уже работает у меня несколько месяцев», – писал Роман Гуль 12.

...Мы знаем, как сложилась в дальнейшем судьба «Нового Журнала», после наследования Юрием Кашкаровым ежеквартальника в 1985 году и после безвременной кончины самого Юрия Даниловича. Все эти годы, практически до самой смерти, Томас Витни оставался энергичным защитником «Нового Журнала», бескорыстно отдавая ему свое время и деньги, давая возможность развиваться и улучшаться журналу, который он так глубоко любил. Как горд и счастлив был бы он видеть 75-летие «Нового Журнала», и как это прекрасно, что архив издания является частью собственного архива Витни, который он безвозмездно отдал Центру русской культуры в Амхерсте (Amherst Center for Russian Culture), созданному им в 1991 году.

Перевод – М. Адамович

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. В тексте использованы материалы из архива «Нового Журнала», Series 1 (Personal Correspondence), размещенного в Center for Russian Culture, Amherst College. В архиве содержится эпистолярное наследие (более 250 писем) Р. Б. Гуля и Т.-П. Витни.
- 2. Letter of T. P. Whitney to R. B. Goul, 24 June 1969. См.: «Новый Журнал» archive, Amherst Center for Russian Culture, Subseries 1, folder 1.
- 3. Letter of R. B. Goul to T. P. Whitney, 26 June 1969. Там же.
- 4. Letter of R. B. Goul to T. P. Whitney, 17 December 1969. Там же.
- 5. Letter of T. P. Whitney to R. B. Goul, 17 October 1974. Там же (folder 2).
- 6. В письме Гулю от 19 января 1973 г. Витни писал: «I have most certainly been disappointed that NOVY ZHURNAL has not undertaken on its own behalf any kind of fund drive aimed at broadening its base of support in the community of people in this country and abroad who are vitally interested in the preservation of free cultural institutions outside the Soviet Union». Там же.
- 7. Letter of T. P. Whitney to A. I. Solzhenitsyn, 25 May 1979. Thomas P. Whitney archive, Center for Russian Culture (Amherst College). В настоящее время обработка архива продолжается.
- 8. Letter of A. I. Solzhenitsyn to T.P. Whitney, 25 June 1979. Там же.
- 9. Letter of T. P. Whitney to R. B. Goul, 15 December 1978. «Новый Журнал» archive. Subseries 1, folder 2.
- 10. Цитата из письма Р. Б. Гуля к Т.-П. Витни, 28 сентября 1983. Там же.
- 11. Letter of R. B. Goul to T. P. Whitney, 26 September 1983. Там же.
- 12. Letter of R. B. Goul to T. P. Whitney, 17 December 1983. Там же.

### Дмитрий Бобышев

## Три эмигрантских послания Urbi et Orbi

В этом году мы отмечаем столетнюю дату известных событий в России, которые стали предпосылками для массового исхода населения из родной страны. Исход происходил волнами и продолжился до наших дней, образуя своего рода «Архипелаг эмиграции», который стал положительным антиподом ГУЛагу. Примечательно, что довольно многие изгнанники вместе с пожитками унесли на груди «заветную лиру», игра на которой тешила, отводила и даже спасала их души на чужбине. Чужбиной они почему-то называли свободную и пригодную для житья землю, которая дала им убежище от катастрофических обстоятельств на родине. Те люди были поэтами.

В этой связи можно отметить другую, параллельную дату, в честь которой Владимир Батшев, издатель «Литературного европейца», выпустил антологию «100 лет русской зарубежной поэзии» в четырех томах. Каждый том соответствует своей волне. В каждом томе десятки, сотни поэтов (странно исчислять такими цифрами представителей сугубо сольного вида искусства), которые, каждый на свой лад, стремились выразить «городу и миру» свой опыт изгнанничества.

Если действительно мир — это текст, то можно прочесть какой-то смысл даже в таком явлении, как эмиграция. Верное слово было найдено еще в 20-х годах прошлого века: «Я не в изгнанье, я в посланье». Автором пафосного изречения оказалась Нина Берберова, совсем не претендовавшая на роль идеолога русской эмиграции.

Удачная строчка была подхвачена многими, слегка переиначена и превратилась в девиз, в словесную эмблему, дающую смысл и устремление для российских беженцев, рассеянных по всему свету.

В чем же это посланничество выразилось, в каких трудах и действиях эмигрантов? И кому было направлено послание?

Прежде всего, такой четко выраженный девиз должен был пробудить беженцев от бесплодного «сидения на чемоданах», то есть уже не ждать, что участь их каким-то волшебным образом переменится. В рассеянии стали выходить тысячи печатных изданий на русском языке. Некоторые из них действуют и сейчас, давая приют авторам

последующих волн эмиграции, — например, «Новый Журнал», чей юбилей мы сегодня отмечаем. Главный редактор Роман Борисович Гуль, с которым я имел честь познакомиться, публиковал из номера в номер трилогию «Я унес Россию». Это была мемуарно-документальная эпопея о путях русской эмиграции в Германии, во Франции и в Америке. Если именно это считать вестью, то Западом она не была услышана. Европейские интеллектуалы подставляли эмигрантам «холодное плечо» в соответствии с английской идиомой, считая их политическими неудачниками, рутинёрами и врагами прогресса.

Наиболее красочным образом изгнанничества явился «философский пароход» 1922 года с высланными за границу интеллектуалами и оппозиционными политиками. Этот факт сам по себе был посланием, «приветом» от большевиков буржуазной Европе. Среди высланных был Николай Бердяев, пламенный философ свободы. Спустя годы его труды, хотя и нелегально, добирались и до Ленинграда. Помню красоту и свежесть поздних книг «Самопознание» и «Царство духа и царство кесаря». Читали мы и Семена Франка, философа таких насущных тем, как «Душа человека» и «В чем смысл жизни?», читали Льва Шестова с его философией отчаяния — сквозь мрак отрицания к свету истины.

Ласточкой промчи, перо, мимо страшного зеро, мимо яблочка пустого, мимо бездны Льва Шестова.

«Надо нам пройти сквозь нуль, — так он мысль свою загнул, — надо, чтобы свет забрезжил, тьмы побольше, побезбрежней.»

Так понял его идею один из моих одиноких сверстников, написавший эти строчки в потемках брежневского недружелюбия и застоя. Но еще раньше то же самое высказывал, выборматывал во тьме берлинской ночи Владислав Ходасевич. А Георгий Иванов провоцировал читателей в фиолетовых парижских сумерках, играя на своем отчаянье, как на флейте:

Хорошо, что нет Царя, Хорошо, что нет России, Хорошо, что Бога нет... Нобелевское лауреатство Ивана Бунина в 1933 году самим фактом оказалось мощным посланием от всей эмиграции, и не только Западу, но и назад – в коммунистическую Россию. А вот Дмитрия Мережковского, имевшего никак не меньшие, чем у Бунина, шансы на Нобеля, замалчивали десятилетиями – его наследие игнорировалось как на Западе, так и на Востоке. Отторжение происходило несмотря на то, что он как раз нес универсальное послание для тех и других. Я имею в виду его может быть утопическую, но великую идею Церкви Третьего Завета, который еще не написан, но якобы пишется евангелическим человечеством в новейшие времена.

С прибытием послевоенной эмиграции некоторые начинания первой волны получили новую жизнь. Печатные материалы просачивались сквозь «железный занавес» неведомыми путями, но идеологический зажим в СССР был сильней. Напечататься на Западе для советских авторов приравнивалось приговору, как это произошло с Юлием Даниэлем и Андреем Синявским. Таким же образом оказались под полным запретом авторы самиздатского альманаха «Синтаксис», когда их в 1965 году вдруг перепечатали «Грани». Из «серого списка» самиздатчиков, сами того не зная, они автоматически переместились в «черный список» антисоветчиков.

Я был одним из тех, кто туда попал, в чем удостоверился лишь на заре эпохи Гласности. Библиотека иностранной литературы в Москве выступила с дерзким начинанием: ее директор Екатерина Гениева вместе с моими коллегами Марианной Чолдин и Морисом Фридбергом устроили конференцию «Цензура в царской России и Советском Союзе». На один из семинаров пригласили бывших работников Главлита, цензоров. Примерно две дюжины этих литературных злодеев стали вдруг откровенничать, сообщая тайные приемы и закулисные механизмы своей мрачной профессии. Но в заключение семинара я прочитал им свои «Русские терцины», прежде напечатанные в парижском «Континенте». В каждой строфе – крамола и по тематике, и по факту опубликования в эмигрантском журнале, да и по моему статусу тоже... Один из цензоров потом сказал: «Уверяю вас, вы входили во все списки, – и серые, и черные, и даже особые». Конечно, их профессионально корёжило во время чтения, а я испытал чувство праведного возмездия, ведь это и было мое послание.

Послевоенная эмиграция тоже дала плеяду первоклассных поэтов. Каждый из них нес свою весть миру, но были ли они услышаны? Например, общественные темы звонко звучали в стихах Ивана Елагина — и что ж? Его задевало то, что прислушивались не к нему, а к Евгению Евтушенко, который нес облегченные и порой двусмысленные версии тех же тем. К сожалению, как дома, так и за границей

существовало стойкое недоверие к голосам военных беженцев, которые скопом считались пособниками фашистов. Иного рода предубеждение испытывала старая эмиграция, считавшая их, наоборот, продуктами сталинизма.

Насколько же сильнее звучало совместное послание, когда эти искусственные барьеры преодолевались! Так, Юрий Иваск, по судьбе сам принадлежавший к обеим волнам, впервые объединил тех и других под одной обложкой. Он собрал и выпустил в 1953 году объемную антологию «На Западе». Многоголосие этого сборника звучало как свидельство о трагическом опыте эпохи, в то время, когда по другую сторону рубежа гремело оптимистическое славословие генералиссимусу.

Другой пример — совместная издательская деятельность Глеба Струве и Бориса Филиппова, принадлежавших к разным волнам. Иначе чем культурным подвигом ее не назовешь. Они стали печатать дары культурного наследия Серебряного века и отправлять их туда, в пустошь, поросшую быльем принудительного забвения. В сущности, почти весь Тамиздат был их посланием — нам, духовной жаждою томимым. Они вручали нам Серебряный век, отобранный и запрещенный Советами.

Трудно представить в советской печати такие, например, христианнейшие строки, как у Димитрия Кленовского:

Брат! Пусть будет и тебе открыто: Никакая рана не страшна, Если бережно она обмыта, Перевязана и прощена.

Обобщением этого опыта стала антология «Берега», составленная и изданная Валентиной Синкевич и Владимиром Шаталовым в Филадельфии в 1992 году. Это была отходная песнь целого поколения, хор удаляющихся голосов, и я отозвался на нее сочувственной рецензией «Песни вечерние». Ее напечатали сначала в «Русской мысли» в Париже, а затем в журнале «Звезда», уже не в Ленинграде, а в Санкт-Петербурге, и не в СССР, а в России. И всё равно там еще не расстались с окопной беспощадностью к врагам, которых уже давно нет на свете. С этим старым оружием на меня накинулся критик-ветеран Лазарь Лазарев. Он заявил, что, мол, защищая «власовцев», я и сам оказался «власовец». Разыгралась полемика на оба континента. Славист Деминг Браун перевел обе статьи на английский да и тиснул всю склоку отдельной брошюрой в *Russian Studies*. Старые предубеждения ожили вновь как на Востоке, так и на Западе.

В 70-е годы и вплоть до начала 90-х пришла пора для эмигрантов третьей волны задуматься о своем послании Urbi et Orbi... Но мало кого из них это беспокоило. Журналист Петр Вайль так и писал, играя словами: «Важно и то, что мы пришли не спасать Россию, а спасаться сами. Иллюзий у нас не было, и житель штата Коннектикут Юз Алешковский переиначил святые слова <...>: 'Не ностальгируй, не грусти, не ахай. Мы не в изгнанье, мы в посланье на...'» (рифму я пропускаю).

Сама по себе третья волна была дипломатическим чудом, безусловной тактической победой Запада. Формально разрешено было эмигрировать только евреям, только в Израиль и только ради воссоединения семей. Но на самом деле выезжали не только евреи и не только в Израиль, при этом семьи порой не воссоединялись, а наоборот, разъединялись. Резали по живому. Конечно, уезжали не «спасать Россию». Но — «спасаться»? Если сравнить с обстоятельствами предыдущих волн, это сильное преувеличение. Расплеваться с целой страной — не шутка. А ведь именно к этому по сути дела сводились многие тексты поэтов и глашатаев третьей волны.

Возьмем гордость эмигрантов – Иосифа Бродского, для многих – символ и образец успеха... Он, конечно, нес свою весть Западу. Но это было послание о себе, о своей приверженности европейской поэтике и традициям, но уж никак не о своих соотечественниках и отнюдь не от их имени.

В 1991-м он написал, а затем решился обнародовать стихи «На независимость Украины». По жанру это не послание, а поношение, вроде того письма, что с хохотом писали запорожцы турецкому султану на картине Репина. Но адресатом Бродского стали сами «хохлы» – оскорбительная кличка для украинцев, примерно такая же, как... сами знаете что. Себя он, впрочем, причислил к «кацапам» – это пренебрежительное название для этнических русских.

Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго: скатертью вам, хохлы, и рушником дорога. Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире, по адресу на три буквы на все четыре...

Тут уже и мат эвфемически присутствует, и три любимых буквы Алешковского. А в конце есть и совершенная нелепость: «Только когда придет и вам помирать, бугаи, / будете вы хрипеть, царапая край матраса, / строчки из Александра, а не брехню Тараса». Это уже можно назвать «брехней Иосифа». В такую минуту вряд ли кто-либо станет декламировать «Мороз и солнце, день чудесный...»!

Увы, в наследии лауреата есть и другое послание, направленное прямиком к «кацапам», которым якобы принадлежит и сам автор. Я имею в виду бурлеск под названием «Представление» — более чем спорное произведение, выдаваемое фанатами за шедевр. Написано затейливо, но не хочется приводить примеры: лексика вульгарна, да еще и с издевкой, направленной на оскорбление того же простонародного «совка» и его культурных героев: Пушкина (почему-то в летном шлеме), Гоголя в бескозырке и Льва Толстого в пижаме окружает многообразно «подлый» народ — то ли русский, то ли расплывчато советский... Если это — карнавал, где ж тогда смех? Тут скорее глумление, стёб...

Что-то неладно с культом его обожания, с непременным выискиванием глубокого смысла на самых мелких местах его поэзии. Он застал новую Россию, его звали политики, желавшие добавить себе популярности от его славы, но он туда не поехал. Многие ему поддакивали и подражали, но мало кто достиг его высот, а только лишь низин. Вот вам и третья волна. И вот из этих низин – ее послание.

Остается из поздних изгнанников один Александр Солженицын. Живя в СССР, он смело обратился к советским вождям и потребовал отменить цензуру. Еще до высылки он послал всему Миру свой взрывчатый «Архипелаг ГУЛаг», пробивший брешь в твердыне коммунизма, – это останется за ним навсегда. Премия Альфреда Нобеля не защитила его от насильственного изгнания. На Западе он обратился с посланием к интеллектуалам, но те отвергли его – за упреки и за пророческие интонации в Гарвардской речи. С началом Перестройки он сам вернулся на родину с мыслями заново «обустроить Россию», обратившись через ТВ прямо к народу с серией широковещательных передач. Увы, российская история стала развиваться не по его начертаниям... Он попытался развязать тугой узел межнациональных отношений, но и тут встретил непонимание. Чего только о нем не говорили, каких только турусов на колесах не строили... Может быть, время еще не созрело, и его послание будет, наконец, прочитано?

По «гамбургскому счету» именно Солженицын был чемпион.

Чикаго – Шампейн, Иллинойс, 2017

# 100 ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ — 100 ЛЕТ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

### Уроки истории

Круглый стол потомков белой эмиграции в Нью-Йорке

Круглый стол «100 лет революции — 100 лет Русского Зарубежья» состоялся в Нью-Йорке 15 октября в синодальном зале РПЦЗ по благословению Митрополита Илариона, Первоиерарха РПЦЗ, с участием представителей Синода РПЦЗ и общественных организаций: Russian Nobility Association, ARAA-Otrada, корпорация «Новый Журнал» и других. Модераторами были Марина Адамович, главный редактор «Нового Журнала», и Людмила Селинская, представитель Дворянского Собрания Северной Америки.

**Епископ Манхэттенский Николай (Ольховский),** викарий Восточно-Американской епархии, хранитель чудотворной Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение».

— Всех приветствую в этот воскресный день. Мы находимся в Синоде РПЦЗ, в ее главном соборе — Знаменском, где хранится икона Курской Коренной иконы Божией Матери, канцелярия, резиденция Первоиерарха РПЦЗ митрополита Илариона. Божие благоволение да будет со всеми вами! Я рад открыть наше мероприятие с приветствия Владыки Митрополита Илариона, Первоиерарха РПЦЗ.

«Дорогие, Господи отцы, братья и сестры. С добрым сердцем приветствую участников круглого стола, посвященного 100-летию печальных событий, связанных с революцией, когда многие русские люди были вынуждены оставить свою родину и оказались на чужбине. Находясь вне пределов своего многострадального отечества, они всячески старались не только сохранять, но и преумножать великое наследие, полученное от предков. В связи с этим мне невольно вспоминаются слова старца, духовника одного видного иерарха Русской Церкви. Совершив монашеский постриг своего духовного чада, будущего архипастыря, только что закончившего Московский государственный университет и поступившего в Московскую духовную академию, этот благостный старец сказал: «Вот ты сегодня получил в свои руки хрустальный сосуд, доверху наполненный водой. Пройди свой путь так, чтобы сохранить этот сосуд и не расплескать, что в нем».

Наши предшественники получили богатый духовный, культурный сосуд, который до сих пор передается из поколения в поколение.

Более того, благоухание этого духовного богатства почувствовали и местные жители стран пребывания русских людей. И в результате чудо нашего православия засияло на весь свет. Мысленно призываю Божие благословение на всех участников круглого стола, молитвенно желаю интересной, назидательной и полезной дискуссии. Пусть она принесет плоды не только в сердца участников, но и в нашей церковно-общественной жизни.

С любовью, Господи, Иларион, Митрополит Восточно-Американский, Нью-Йоркский, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.»

Вот такими словами нас приветствует Владыка Митрополит. Теперь переходим к заседанию.

**Людмила Селинская**, модератор. – Я приветствую всех, собравшихся за этим столом. Мы, потомки Белой эмиграции, всегда помним, почему оказались в зарубежье. Причина тому трагическая: 100 лет тому назад в России произошла катастрофа. С другой стороны, без 1917-го не было бы и Русского Зарубежья как такового. Здесь собрались представители тех организаций, которые продолжали работать все это столетие, кто все эти годы помнил и своих родителей, и своих дедов, и отечество, – и кто как мог, старался помочь сохранить русскую культуру вне России.

Я выступаю здесь от имени Русского Дворянского собрания в Америке. Новым предводителем Собрания, Владимиром Кирилловичем Голицыным, который к сожалению, не смог сегодня присутствовать здесь, мне было поручено рассказать о том, как наше Белое Зарубежье жило и работало все эти годы и как оно смотрит на будущее. Наш покойный предводитель, Кирилл Эрастович Гиацинтов, как-то сказал: «Да, мы готовимся к этой дате — отметить 100-летие этого тяжелейшего события, катастрофы для России. Но я верю, что в конце концов мы все равно победили. Потому что сегодня Белая идея возрождается».

Без нашей Православной Церкви ничего бы не было, она и была тем стерженем, который поддерживал нас на протяжении ста лет. Огромное спасибо, Владыка.

**Протоиерей Серафим Ган**, управляющий делами канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ, секретарь Первоиерарха. – Ваше Преосвященство, многоуважаемые участники круглого стола.

Я хотел бы сказать о роли Православной Церкви в русской эмиграции, а также о моих предках по отцовской линии, которые были священнгослужителями в Харбинской епархии. Я очень надеюсь, что участники сегодняшнего круглого стола дополнят мое выступление. Русская Церковь сыграла огромную роль в становлении, в жизни и в истории нашего Русского Зарубежья.

Русская Церковь с первых дней после Крещения Руси стала матерью русского народа, она собрала его в единый организм, освятила и укрепила его государственность, одухотворила и умягчила законодательство, освятила и оплодотворила русскую культуру и сделалась печальницей за обездоленных, питательницей нуждающихся и покровительницей всех больных и слабых представителей нашего народа. В дни национальных бедствий она стала главной, если не единственой, водительницей своего народа. Все историки отдают дань должного уважения заслугам нашей Церкви. Вот это благотворное нравственное влияние на общественную жизнь и на весь русский быт продолжалось до самых последних дней существования царской России.

Зарубежная Церковь продолжила это служение русским людям. Она полность разделила судьбу русских эмигрантов и поставила перед собой довольно сложную задачу: сохранить духовные ценности Святой Руси и передать их будущим поколениям. Как говорится в одном из ранних посланий Архиерейского Синода (30-х годов): подготовить их для службы в возрожденной России. Церковь, как и все русские люди, оказавшиеся за рубежом, жила этой надеждой на возрождение России, веры, Церкви, на возвращение людей к своим историческим корням. Всячески поддерживала и способствовала это.

Главным каноническим основанием учреждения Русской Зарубежной Церкви являлся Указ Патриарха Тихона № 362, который предусматривал необходимость образования самостоятельного церковного управления для тех частей Русской Церкви, которые по обстоятельствам времени были оторваны от Патриаршего правления в Москве. Со времени коммунистической революции 1917 года многие русские люди покинули пределы России, но самый великий исход русских людей произошел в 1920 году из Крыма после окончания Гражданской войны. Среди них было значительное число духовенства, в том числе архипастыри во главе с митрополитом старейшей русской кафедры и первым избранником на Московский Патриарший престол Митрополитом Киевским и Галицким архимандритом Антонием (Храповицким). Он и счел своим долгом позаботиться об устроении церковной жизни русской эмиграции, перенеся за границу образовавшееся на юге России высшее церковное управление. Русская эмиграция быстро расселилась во всех частях света и начала свою трудовую жизнь. РПЦЗ сразу стала мощной церковной организацией, распространяя свою деятельность на всех православных русских людей, которые находились во всех странах мира.

В Югославии – под покровительством Сербской Православной Церкви и короля Александра – находился Архиерейский Синод

Русской Зарубежной Церкви, который в 1950 г. перебрался в Нью-Йорк на 93-ю улицу. На Русскую Зарубежную Церковь легла миссия сохранения в изгнании верности русской Церкви. Если бы русские иерархи и духовенство, которые оказались за границей, подчинились. допустим, поместным Церквам – Константинопольской, Сербской, Болгарской, Иерусалимской, то все царское имущество, которое сохранила Зарубежная Церковь для русской Церкви, которое она оберегала и охраняла все эти годы, оказалось бы в составе других Церквей. В Зарубежной Церкви в Европе, например, только в Германской епархии около 20 царских храмов, то же - на Святой Земле. Все это было сохранено нашей Церковью. Но не только в этом она сохранила свою верность. Сохраняя православный дух нашей Церкви и церковную православную культуру, эта миссия выполнялась и выполняется ежедневно в наших монастырях, нашими церковноприходскими школами и, конечно, этой заботой людей о сохранении русского церковного быта - насколько это возможно в сложной иностранной среде.

РПЦЗ усиленно заботилась об обустройстве многочисленных беженцев. Стоит только упомянуть все беженские комитеты, которые были созданы при епархиальных управлениях; стоит только упомянуть имя Святителя Иоанна (Максимовича), который в Конгрессе в Вашингтоне ратовал за свою паству, оказавшуюся на острове Тубабао... Я очень надеялся, что в нашем Круглом столе примет участие отец Георгий Ларин, потому что он был прислужником у Святителя Иоанна, очень близко его знал и был одним из тех, кто оказался на острове Тубабао, - он мог, конечно, дополнить мой рассказ (по состоянию здоровья отец Георгий не смог сегодня приехать)... Русская Зарубежная Церковь также активно занималась изданием духовно-нравственной, богослужебной и исторической литературы, широко распространяя ее не только среди своих за рубежом, но и в отечестве. Мне сегодня вспоминается, как в конце 1980-х, в 1990-х годах Владыка Лавр в Свято-Троицком монастыре давал молодым людям указание отвечать на все письма, поступавшие в то время из России, и посылать туда книги, которые выпускала Свято-Троицкая обитель. Мне припоминается, как в 2004 году, в ходе первого официального визита Митрополита Лавра в Россию, в русскую Православную Церковь, мы тогда посещали не только Москву, но и Петербург, Курск, Екатеринбург, Нижний Новгород и другие города; в этих городах мы посещали храмы и монастыри, общались с людьми, – и где бы мы ни бывали, везде Владыке Лавру выражали благодарность за эту издательскую деятельность. Во всех библиотеках были книги джорданвилльского издательства. Так что и в этом есть значительный

вклад Зарубежной Церкви не только в возрождениие Церкви, но и в дело возрождения Отечества.

Зарубежная Церковь во многих отношениях – явление исключительное, как и вся русская эмиграция. Она сыграла на чужбине роль. подобную той, что принадлежала русским монастырям в создании Московского государства: вспомним пример преподобного Сергия Радонежского (14-й век). Страна была разделена на междоусобные княжества, родные братья вступали в кровавое соперничество, убивали друг друга – и над всем этим еще и господство монголо-татар. Они совершенно разорили страну, брали с нее дань, препятствовали экономическому и культурному развитию. Общество было разделено и уже не могло оказывать сопротивление. И не в княжеских палатах или государственных советах, а в дремучих Радонежских лесах Преподобный Сергий пробуждает в сознании людей необходимость объединения. Его духовный авторитет был непоколебим. Он предпринял поездку к удельным князьям, убеждая их в необходимости объединения, он благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву. А затем Преподобный Сергий способствовал созданию многочисленных монастырей, которые стали центрами духовного и интеллектуального возрождения страны.

Так и наши приходы Зарубежья стали такого рода центрами духовной связи. Наши приходы оказывали колоссальную моральную поддержку русским людям, воспитывали подрастающее поколение в верности русской культуре.

Несколько слов о Харбинской епархии. Это интересное явление в истории русской эмиграции. После революции поток беженцев ринулся и в Северную Манчжурию. Облик Харбина совершенно изменился. Вместе с беженцами прибыло очень много духовенства. Среди них – Архиепископ Мефодий Оренбургский (Герасимов), Епископ Читинский и Забайкальский Мелетий (Заборовский), знаменитый на всю Россию Епископ Нестор (Анисимов), который был миссионером на Камчатке. Владивостокской епархиальной власти (в ведении которой находилась территория КВЖД) было уже трудно уделять достаточно внимания церковным делам Манчжурии. Связь с Владивостоком нередко прерывалась. Но в Харбине были все условия для нормальной церковной жизни. К началу 1922 года в руководящих церковных и общественных кругах Харбина зародилась мысль о создания Харбинской епархии. Вскоре было возбуждено ходатайство перед высшим церковным управлением за границей под руководством Митрополита Антония (Храповицкого) об установлении епархии. Было постановлено удовлетворить ходатайство и назначить Владыку Мефодия правящим архиереем Харбинской епархии.

Владыка Мефодий был очень интересным человеком, он был участником Всероссийского Церковного Собора 1917–18 годов и там возглавлял богослужебную комиссию. Он был большим сторонником традиционного богослужения в Русской Церкви и использования при богослужении старославянского языка. Отвлекусь: несколько первых лет своего священства я провел в Австралии; там было много бывших харбинцев — я служил в церкви, которая была построена моим дедом, тоже служившим в Харбинской епархии. Знавшие его старики говорили, что его насильно вывезли из России; он хотел остаться и принять мученический венец, но родной брат связал его и вывез. Так он оказался в Харбине.

Утверждение Харбинской епархии было актом Зарубежной Церкви, тем не менее имеются достоверные сведения, что Патриарх Тихон дал свое благословение на открытие этой епархии. Согласно этим данным, Владыка Мефодий послал Патриарху Тихону свой доклад, в котором упоминает, что получил благословение от заграничных иерархов. Воспользовавшись отъездом из Харбина в Москву надежного православного человека, он решил поручить регенту одной из харбинских церквей написать от руки его доклад мельчайшим, бисерным почерком; доклад был написан на небольшом листе бумаги — и этот лист был затем зашит в подошву отъезжавшего мирянина. Через какое-то время от Патриарха Тихона Владыкой Мефодием была получена телеграмма, содержавшая одно слово: «Благословляю». Эта телеграмма хранилась в деле Епархиального управления в Харбине.

Теперь кратко расскажу об одном из предков, служившем в Харбинской епархии. Его звали Владыка Ювеналий. Он был одним из викарных епископов Харбинской епархии. Это был дядя моей бабушки. Будучи еще очень молодым человеком, молясь у мощей праведного Симеона Верхотурского, он принял твердое решение о принятии монашества и поступил в Белогорский монастырь, который тогда еще был прозван Сибирским Афоном. Он был ближайшим помощником настоятеля этой обители, преподобного мученика Архимандрита Варлаама (который впоследствии пострадал, был убит большевиками вместе с Архиепископом Андроником). Позже он стал настоятелем подворья монастыря в городе Пермь и там принимал Елизавету Федоровну. В нашей семье хранятся воспоминания моей бабушки об этой встрече. Еще тогда, при жизни, ее уже почитали человеком святой жизни. С 1898-го по 1903 годы он несколько раз сослужил с отцом Иоанном Кронштадтским. В нашей семье хранится камилавка отца Иоанна Кронштадтского. Это большое благословение. Он был участником и Саровских торжеств, когда прославляли

Преподобного Серафима Саровского. И я помню по рассказам бабушки, что когда подняли мощи Преподобного Серафима, их перенесли в соборный храм Саровского монастыря – и сразу в алтарь, – говорят, там было много народу в храме, а в алтаре – только духовенство, там совершалось омовение мощей Преподобного, и бабушка с таким благоговением рассказывала о том, что Владыка Ювеналий не мог без слез говорить об этом: когда подняли крышку гроба, в алтаре, то весь собор моментально исполнился дивным духом, что произвело сильное впечатление на всех.

Владыка Ювеналий оказался потом в России. Когда я попал в Австралию, я понял, что очень многие харбинские семьи были разъединены. Одни вернулись в Россию, другие или в Австралию переселились, или на западное побережье Америки, или попали в Южную Америку. И наша семья тоже разделилась. Как я уже сказал, Владыка вернулся в Россию, как и мой дед. Он был священником Харбинской епархии. Когда мать отказала ему в благословении на монашество, он пришел в харбинский монастырь к Владыке Ювеналию и рассказал, что мать благословляет только на брак. Владыка ему ответил: вот, познакомьтесь с моею племянницей. Вскоре они обвенчались. Потом он стал священником. В 1947 году он уехал в Россию с Владыкой Димитрием Вознесенским, родным отцом Владыки Филарета, нашего третьего Первоиерарха. Они поддерживали переписку до 1958 года, когда тот скончался.

Как я уже говорил, в Австралии было много разделенных семейств. Я бы заключил свое выступление одной интересной историей. Одна семья рассказала мне, что перед отъездом родственников в Союз они договорились, что те пришлют фотографию. Если на фотографии все сидят - значит, там плохо; если стоят - хорошо, можно приехать. Прошло какое-то время, и они получили фотографию, где все лежали. Так они решили переселиться в Австралию. Адамович Марина, модератор. – Прежде чем передать микрофон следующему выступающему, скажу несколько слов. Сегодня за этим столом собрались потомки белой эмиграции - сообщества, рассеянного по всем странам, которое мы и называем Зарубежной Россией. 1917 год стал переломным моментом для России, моментом многомиллионного исхода. Волна беженцев хлынула в Европу – Франция, Англия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Болгария, Германия, Чехословакия... в Азию – Китай и Япония; докатилась до берегов Африки и двух Америк. Эти люди были изгоями, апатридами, но после первых минут отчаяния, первых лет растерянности они осознали свою миссию: продолжить борьбу Белого дела. Русская Православная Церковь поставила перед ними созидательную задачу – сохранить и приумножить то духовное и культурное богатство, которое они унесли с собой, – и вернуть его в освобожденную от большевиков Россию. И Белая эмиграция свою миссию выполнила.

А теперь передаю слово старейшему представителю первой волны русской эмиграции — Ростиславу Полчанинову. Он родился в 1919 году. Младенцем попал в эмиграцию вместе с эвакуарованной Армией Врангеля. По годам его жизнь практически совпадает с историей Белой эмиграции.

Ростислав Полчанинов. — Значение РПЦЗ уже было подчеркнуто. А что такое наше Зарубежье? Об этом написано множество книг. Всю историю этих ста лет можно разделить на две части: до 1941 года и после 41-го. У каждой страны — своя история. Русское Зарубежье — это и русская военно-политическая эмиграция, с одной стороны, и русское национальное меньшинство — с другой. Это меньшинство никуда не эмигрировало, но с распадом Российской империи оказалось в зарубежье: русские в Финляндии, Прибалтике, Польше и даже на Карпатской Руси. Со времен Святого Владимира эта часть Европы не входила в состав Русского государства и даже в энциклопедиях именуется как «Угорская» — Венгерская — Русь, но жили там все те же русские. Православная Карпатская Русь — Людомирово, Словакия, наш монастырь, издательский церковный центр. Владыка Лавр был оттуда...

А вот немного истории моей семьи. Вооруженные Силы Юга России откатились до Новороссийска. Генерал Деникин сдал командование генералу Врангелю. Многие, сказав, что дальнейшая борьба бессмысленна, остались в Турции на положении беженцев. Но генерал Врангель призвал всех продолжить борьбу. Мой отец, служивший до этого в штабе Верховного главнокомандующего у императора Николая II, а затем в штабе Деникина, поехал в Крым служить в штабе генерала Врангеля. Он рассказывал мне, как генерал Врангель сказал: «Если у меня есть хоть один шанс на победу – я не смею им не воспользоваться». Мой родственник, польский генерал Карницкий, представлял тогда Польшу при Врангеле. Он родился в 1867 году в польской части России. Он не считал Россию «тюрьмой народов», как утверждал Ленин, и, будучи поляком, верой и правдой служил своей родине, которая входила в состав России. Он участвовал в Русско-японской войне и был дважды награжден за храбрость. Он воевал в Первую мировую войну и был за храбрость награжден орденом Святого Георгия и произведен в генерал-майоры. В 1917 году был назначен заместителем командира 1-го Польского армейского корпуса, воевавшего в составе русской армии, а после перешел на службу в польскую армию, оставаясь верным другом России. Он

верил, что у польской армии, которой командовал Пилсудский, и у Русской армии, которой командовал Врангель, общий враг — большевики, и узнав, как Пилсудский предал Врангеля, подал в отставку. Об этой предательской роли Пилсудского написано в книге Иосифа Мацкевича «Лева вольна» (1965). Там было сказано, как Пилсудский пошел на тайное соглашение с Лениным, чтобы дать возможность большевикам победить Врангеля. Не было бы этого предательства, не было бы и расстрела польских офицеров в Катыни весной 1940 года. Мой отец был грузином — по матери, урожденной Асатиани, родился в Грузии, говорил по-грузински и считал Грузию своей малой родиной. Он дружил с начальником Дикой Дивизии горцев Кавказа, которые до конца воевали на стороне белых. Мать моей матери, урожденная Бравура-Манини, — итальянка, — и все они были верными подданными Российской Империи, в которой, как на примере нашей семьи видно, не было никакой «тюрьмы народов»...

То, что Перекоп был взят, — это случайность истории, пролив Сиваш просто замерз, и конница Буденного смогла его перейти и нанести удар с тылу. Добровольческая армия отступила. Врангель, правильно оценивая ситуацию, параллельно стал готовить эвакуацию; он весь 1920-й год держал корабли в готовности и накапливал уголь. Моя семья эвакуировалась на французском корабле, который и привез в порт, среди других грузов, уголь. В воздухе было черно — мама вспоминала, что я был весь черный от угля.

Итак, наша семья попала в Югославию. Там мы встретили доброе и теплое отношение к русским. Югославия была единственным союзником России, выдавая такую же помощь русским инвалидам, как и своим. Даже Франция не оказывала помощи тем русским инвалидам, которые воевали во Франции вместе с французами против немцев. Но кроме теплых братских чувств этот прием был вызван и необходимостью. Сербы, хорваты и словенцы потеряли огромное количество интеллигенции — они ведь воевали с 1911-го по 1918-й год, дольше, чем во Вторую мировую! Отступали, голодали, умирали в дороге. Русская эмиграция пополнила поредевшие ряды югославянской интеллигенции своими врачами, инженерами, архитекторами...

Русские помогли и в военном отношении, создав из славян, служивших в австро-венгерской армии и перешедших на сторону России, целую Югославянскую дивизию, переброшенную на Салоникский фронт. Когда мы приехали в Королевство СХС – сербов, хорватов и словенцев, – сербский офицер, говоривший по-русски и принимавший беженцев, спрашивал обычно: «Что умеете делать?» – «Археолог» – отвечал кто-то. – «Вот вам билет, едете в Сараево, там нужен такой специалист»... Кто-то был направлен преподавать – гре-

ческий, латынь... Мой дядя, генерал от авиации Иван Стрельников, когда его спросили, что он умеет делать, ответил: « $\mathbf{Y}$  – летчик». Серб спросил: «Тот самый?» – и, получив утвердительный ответ, направил его инструктором в авиаполк. А мой отец ответил: « $\mathbf{Y}$  – офицер. И больше ничего не умею». Ему велели ждать.

Я не учился в знаменитых тогда русских кадетских корпусах в Югославии; корпус в Сараево, куда меня сначала приняли, перевели в Белую Церковь, и меня отправили в местную гимназию. Но в 1931 году я поступил в русские скауты, а в 1936 году в НТСНП — Национально-трудовой союз нового поколения (ныне НТС), для продолжения борьбы с большевиками, которую вело в 1920-е годы «Братство Русской Правды» и кутеповские боевики. С помощью НТС я ушел в подполье и оказался в 1943 году в Пскове на работе в Псковской православной миссии, куда приехали зарубежные миссионеры из Прибалтики.

Константин Пио-Ульский, член правления Дворянского собрания Северной Америки. – Я родился в 1935 году в Белграде. Потомственный дворянин старинной фамилии. Мой прадед -Николай Егорович Пио-Ульский – был женат на дочери князя Федора Васильевича Шаховского, предводителя дворянства в Псковской губернии. Дед, Георгий Николаевич Пио-Ульский, - адмирал Императорского флота в чине генерал-майора; известный ученый, инженер-механник, профессор. Он изобрел тепловые турбины. После фактической потери русского флота в Русско-японской войне 1905 года все корабли под его руководством стали строить на тепловых турбинах. У деда было шесть детей – четыре дочери и два сына, Николай и Антоний, мой отец. Оба поступили в кадетский корпус в Петербурге. Прошли Первую мировую войну, Ледяной поход с генералом Корниловым (как известно, генерал погиб). Мать и ее сестра тоже участвовали в белых походах, были сестрами милосердия. Однажды, когда на обоз с ранеными напала красная банда и их командир приказал расстрелять раненых, мать бросилась на него, и о, чудо! – приказ был отменен, обоз пропустили. Посаженым отцом на свадьбе родителей был генерал Кутепов.

Обращаясь к периоду эмиграции, расскажу, что дед мой стал профессором Белградского университета в 1920-е годы. Один из его учеников – будущий король Югославии Александр I Карагеоргиевич.

В 1939 году началась Вторая мировая война. Немцы вошли в Югославию. В 41-м начались сильные бомбежки Белграда. Одна из первых же бомб попала в наш дом, мы оказались заваленными руинами. Михаил Михайловский, белый офицер, снимавший у нас комнату, был убит и лежал все три дня рядом со мной, пока нас не откопали.

В 1942 году в Белграде образовался белый Русский корпус. Из всех стран Балканского полуострова съезжались добровольцы в этот корпус. Из Болгарии приехал Викентий фон Гетц, мой будущий отчим. Он тоже был участником и Первой мировой, и Белого движения. Собирались в Русский корпус, думая вернуться в Россию и воевать с красными. Этого не случилось. Корпус остался в Югославии и боролся с красными партизанами Тито.

Летом 1944 года мы выехали из Югославии в Германию, в Берлин, где жила семья сестры матери – Ольги Николаевны. За годы эмиграции они ассимилировались, стали гражданами Германии. Ее муж и сын были в немецкой армии.

Мне нашли учительницу, католическую монашку Марию-Терезу. К тому моменту я знал только русский и сербский, она – немецкий и латынь. Но мы как-то понимали друг друга и через несколько месяцев я заговорил по-немецки. Меня, как всех детей моего возраста, в Германии стали обучать маршировке, одели в немецкую форму.

К нам в дом приходили многие из белых офицеров – скажем, атаман Краснов. Приходил на ужин и генерал Власов. Помню, он погладил меня по голове и сказал, что надеется, когда я вырасту, такого ужаса, в котором мы живем, больше не будет. Из детских лет еще помню один парад с участием самого Гитлера. Нас, как немецких детей, отвезли на Александер-Плац и поставили в ожидании. Появился Гитлер. Он подходил к каждому ребенку и что-то спрашивал. У меня он спросил, кто мой отец, – и потрепал по щеке.

Вскоре мы покинули Берлин. На вокзале в толпе я потерялся. Началась бомбежка. Я поднял винтовку (нам, детям, их раздали) — и мама увидела меня. Нам удалось попасть в поезд, шедший на юг, в Зальцбург. Из американской зоны мы перебрались в английскую; там встретились с отцом и отчимом. 1 ноября 1945 года мы попали в лагерь Келлерберг. Осень, холод, дождь, грязь. Бараки. Железная проволока. Но именно это место я вспоминаю с особым теплом. За свою жизнь я побывал там уже раз десять — как на своей родине. Место это до сих пор так и осталось пустым полем. В лагере в первые послевоенные годы собрался весь цвет русской интеллигенции. Писатели, поэты, ученые, профессора Московского и Петербургского университетов... Нас, детей, воспитывали в духе высокой русской культуры; наши педагоги заложили в нас любовь к русской литературе, да и в целом — к России.

Там мы провели пять лет. Затем мать и отчим решили переехать в Норвегию. В апреле 1950-го мы попали в Осло. И опять — новая страна, новый язык и новый образ жизни. Я поступил в гимназию, затем — в университет, учился на инженера-механика.

В моей семье всегда очень любили музыку. Кузен сносно играл на контрабасе, я — на балалайке.

В 1951 году отец перебрался в США. Жизнь его была тяжелой, он работал на фабрике, разделывал рыбу. Здоровье было подорвано. В 1955 году я переехал к больному отцу. Вскоре в Америку перебрались и мать с отчимом. Отец скончался в 1956 году.

Мы же с семьей поселились на 86-й Стрит, в так называемом Доме Свободной России. Это был центр старой русской эмиграции, основанный кн. Сергеем Белосельским-Белозерским. Мой отчим, Викентий фон Гетц, заведовал Домом.

Отслужив в американской армии (1957–59 гг.) в Германии, где я занимался аэрофотосъемками (и играл в армейском оркестре на балалайке), я открыл в Манхэттене свою фотостудию и проработал там до преклонных лет. Я делал портреты видных американских деятелей культуры и политики; студия имела высокую репутацию. На протяжении многих лет я состою в Дворянском собрании Северной Америки, член правления.

Никита Трегубов, президент Общества «Отрада». – Я, доктор медицины Никита Сергеевич Трегубов, родился в Сербии, – благодаря тому, что моя мать, урожденная княжна Мещерская, попала в Королевство сербов, хорватов и словенцев, а не во Францию, как ей хотелось. Определило ее в Сербию Общество Русского Красного Креста, которому моя мать отдала часть своей жизни. Это Общество появилось в России в 1868 году, уже после Крымской войны. Оно имело много функций, одна из главных – подготовка сестер милосердия. Общество посылало врачей и сестер в Сербию даже до Первой мировой воины, но и, конечно, во время ее.

Моя мать закончила гимназию в 1914 году. Грянула война – и она сразу же поступила на сестринские курсы, закончила их и работала сестрой в военных госпиталях Санкт-Петербурга, ухаживая за ранеными. После революции она уехала на Кавказ, жила в Кисловодске. Когда генерал Шкуро поднял восстание на юге России и временно освободил город, она поступила в его отряд сестрой милосердия и партизанила с ним до того времени, когда Добровольческая армия освободила большие территории. Тогда она была переведена в Первый Передовой санитарный поезд Красного Креста. Там она и пробыла все время – до эвакуации из Новороссийска. Находясь в ведении Русского Красного Креста, она по распоряжению представителя Главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста была переведена в Русский госпиталь в Панчево, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Этот госпиталь был основан в январе 1920 года, т. е. до выхода наших войск из Крыма. Мать проработала там несколько лет. Госпиталь имел

три операционных зала, отделения хирургии, терапевтическое, гинекологическое. Врачи и сестринский персонал были русскими. Многие русские, проживавшие в Югославии, там лечились, а женщины рожали. Как мне впоследствии, когда я сам уже был врачом, сказала одна пациентка: «Мы ехали туда, чтобы рожать в России! Там все было русское — и врачи, и сиделки, и сестры, — просто как дома». Госпиталь просуществовал до осени 1944 года, когда большинство врачей и медперсонала эвакуировались в Германию. Красная армия Тито, захватив город, использовала госпиталь как временный лазарет, но весной 1945 покинула его. Лазарет был закрыт.

Мой отец, доктор Сергей Семенович Трегубов, закончил медицинский факультет Киевского университета в 1913 году. Остался при факультете ассистентом. Началась война, и отец сразу же ушел на фронт. Пробыл на фронте до января 1918 года. Был контужен самолетной бомбой. Кавалер орденов Св. Анны 3-й и 4-й степени, ордена Св. Владимира 4-й степени. С 1919 года находился в Добровольческой армии в качестве старшего врача в Лейб-гвардии тяжелом артиллерийском дивизионе. Закончил службу в чине надворного советника (подполковник). В Добровольческой армии получил чин коллежского советника (полковник). Эвакуировался из Ялты в ноябре 1920 года и попал в Сараево, Югославия. Был старшим врачом инфекционного отделения госпиталя Югославской армии в Зареве, а также лечил членов Русского кадетского корпуса и русских, находящихся в Зареве. В 1924 году женился на моей матери и уехал в Озаль уездным врачом на три года. После этого переехал в Белград, где работал в поликлинике Русского Красного Креста. Эта клиника была организована в то же время, когда и госпиталь в Панчево. В ней работали русские врачи (около 15 человек). При клинике был собственный рентген и лаборатория. Так что больные, приходящие туда, получали полный осмотр, могли сдать все анализы, пройти рентген и т. д. Там лечились не только русские, но и местные жители.

Просуществовала эта клиника до весны 1946 года, когда коммунисты ее закрыли. Интересно, что когда Красная армия заняла Белград в октябре 1944 года, она не тронула клинику. Некоторые красноармейцы даже заходили туда посмотреть и подлечиться (в основном, от венерических заболеваний). Так что организация Русского Красного Креста сыграла большую роль в моей жизни — оба моих родителя были причастны к деятельности этой организации.

Мы оставались в Югославии до 1950 года. Мои родители, получив югославское гражданство еще в Королевской Югославии, после прихода коммунистов были лишены этого гражданства как белоэмигранты. Моему отцу (только ему в семье) вернули гражданство, так

как врачи не могли работать, не будучи гражданами Югославии. Моя же мать, брат и я оставались без гражданства и потому смогли уехать в 1950 году в беженский лагерь в свободной зоне в Триесте. Отец остался.

В конце 1951 года мы смогли попасть в США. А отец жил в Югославии до 1953 года, пока не вышел на пенсию. Дом у нас еще раньше отобрали, папе же поставили условие: если откажется от пенсии, то его выпустят из страны. И вот папа, в свое время потеряв все в России, в возрасте 65 лет опять потерял все нажитое — в стране, где провел половину своей жизни.

Мы с братом, приехав в США, сразу же поступили в американскую армию на три года. Стали переводчиками. После начального обучения в Армии я попал в Германию. Служба состояла в сопровождении американских военных поездов через советскую зону в Берлин. Так что я часто бывал за «железным занавесом» и общался регулярно с советскими военнослужащими. Они меня усердно старались уговорить вернуться на родину.

После трех лет я уволился в запас и начал учиться на врача во Франкфурте. Получив ветеранскую стипендию в 110 долларов в месяц, я смог жить в Германии и учиться. В 1960 году я закончил учебу и стал врачом, а через год защитил докторскую диссертацию. Работал в Германии и США терапевтом, а потом гастроэнтерологом. Женился на подруге детства Марии Кирилловне Неклюдовой. Во время Вьетнамской войны вышел из запаса на действительную службу и дослужился до полковника. И опять служил во Франкфурте, где кроме лечения американских военнослужащих и их семей, также лечил членов советской Военной миссии при главкоме американской армии в Германии.

Советская Военная миссия была при американском штабе со времен Второй мировой воины и в те времена состояла из десяти офицеров, с женами и детьми дошкольного возраста, и пяти нижних чинов. Во время этой службы у меня была возможность активной деятельности на военно-дипломатической ниве, я много вращался в этих кругах. После окончания военной службы осел в Александрии, шт. Вирджиния, где проработал еще 20 лет врачом. Потом переехал во Флориду. Моя дочь тем временем вышла замуж, появились внучки. Мы с женой переехали в Нью-Сити, шт. Нью-Йорк, чтобы быть с ними. Так и живем. Сейчас я возглавляю старое русское общество «Отрада».

Американская русская культурно-образовательная и благотворительная ассоциация «Отрада» основана в 1968 году. Она была создана потомками русских эмигрантов, и одним из условий приема в члены организации было американское гражданство или постоянное

жительство в США. По сути, она - наследница Дома Свободной России, созданного покойным князем Белосельским-Белозерским. располагавшегося на манхэттенской 86-й улице. Первоначально Общество имело 460 членов, сейчас примерно 80 человек, мы принимаем новых членов в нашу организацию. Ежегодно нашим Обществом проводятся показы фильмов, концерты, спектакли, фестивали и др. На территории «Отрады» (приблизительно 10 акров) есть жилые дома, где живут потомки старой эмиграции; есть два прекрасных здания с банкетными залами, свой театр, в котором идут спектакли, - только в этом году были показаны кукольный и детский драматический спектакли, так что активность Общества не затихает. В 2000-м году Белосельский фонд объединился с Обществом и помог ему финансово. Активность «Отрады» усилилась, мы имеем Благотворительный фонд имени кн. С. С. Белосельского-Белозерского. Мы помогаем русским за границей, как, скажем, недавняя поддержка погорельцев в Калифорнии, в прошлом году помощь была оказана и старейшей газете «Русская жизнь», и Свято-Троицкому монастырю в Джорданвилле.

**М.** Адамович. – Послевоенный поток русской эмиграции составил примерно полмиллиона человек. Я хочу предоставить сейчас слово представителю этой второй волны Игорю Петровичу Холодному.

**Игорь Холодный**. – Хочу сказать, что я – представитель так называемой «советской» эмиграции. Мы приехали в Америку в 1950-м году. До войны мы жили на юге России, город Бердянск. Отец был призван в Красную армию, воевал, попал в плен, бежал. И когда война кончалась, мы собирались остаться в родных местах и встретить Красную армию. Мой дядюшка был генералом, он и написал нам: если останетесь, то будете репрессированы. Тогда родители решили уехать. Так мы попали в Германию.

В Америку мы приехали 1 июля 1950 года. Здесь я познакомился с отцом Александром Киселевым. Его дочь, Милица Александровна, позднее стала моей женой. Протопресвитер отец Александр Киселев был известен не только как церковнослужитель, но и как общественный деятель Зарубежья в Европе и Америке. Он собрал Свято-Серафимовский фонд — этот фонд существует при Донском монастыре, он помогает православным организациям и православным приютам. Сейчас председателем фонда является мой сын, Петр Холодный. Этот фонд помогал устраивать Джордж Кеннан. Первым председателем фонда был М. М. Карпович, тогдашний главный редактор НЖ. В 1955 г. по болезни он ушел с поста и новым председателем стал капитан Б. В. Сергиевский, военный летчик, герой, известный общественный деятель и русский патриот. В 1964 году он помог

купить дом в Манхэттене, на 108-й улице, и в 1965 году, 11 апреля, состоялось полное освящение храма, 5 декабря — торжественное открытие самого дома, а 11 декабря — открытие нашего знаменитого зала имени С. В. Рахманинова. В Центре проходили лекции, выступления, была воскресная школа.

И я бы хотел подчеркнуть: мы, старая эмиграция, сохранились благодаря Русской Православной Церкви. У фонда был лагерь на 200 человек. Когда русские приезжали в Америку, у них не было ни денег, ни работы, ни места, где остановиться. И фонд брал детей эмигрантов и привозил их в лагерь на автобусе. В лагере была церковь, велась культурная программа — часто мы организовывали доклады русских профессоров. Фонд устраивал съезды русской общественности и даже приглашал из Советского Союза лекторов. В 1987 году фонд создал журнал «Русское возрождение». Журнал был создан для того, чтобы провести подготовительную работу к празднованию 1000-летия Крещения Руси.

Отец Александр вернулся в Россию в 1991 году. В этом ему помог Святейший Патриарх Алексий II. Святейший Патриарх в детстве прислуживал о. Александру. Отец Александр имел келью в Донском монастыре, там они с матушкой жили долго, там же и похоронены.

- **М.** Адамович. Слово предоставляется Людмиле Селинской представителю Дворянского собрания Северной Америки, члену правления общества «Отрада», а также американскому представителю российского Дома Русского Зарубежья.
- Л. Селинская. Для начала я бы хотела сказать несколько слов о представленной здесь выставке. История ее создания любопытна. Много лет назад к нам обратился тогдашний генконсул РФ в Нью-Йорке Владимир Кузнецов с предложением организовать выставку, посвященную истории и жизни Русского Зарубежья, русских американцев в Нью-Йорке. Он предложил: «Принесите все свои раритеты – семейные драгоценности, картины, фарфор... – словом, все то, что вы вывезли в эмиграцию». Мне пришлось его разочаровать: ничего подобного нами, белыми эмигрантами, не вывозилось. Конечно, были среди нас немногие, кто заблаговременно, предчувствуя близящуюся катастрофу, что-то и вывез. Но не им принадлежит слава носителей русской миссии в Зарубежье. Если говорить о Русском Зарубежье, о том, какие это были люди и что было им дороже всего, то они везли с собой русские духовные ценности и старались сохранить ту Россию; это люди, готовые погибнуть за нее. О Югославии говорили и мой отец, и Никита Сергеевич Трегубов, и Константин Антониевич Пио-Ульский... Да, в Югославии была мощная русская

эмиграция. Здесь, на представленной в зале выставке – фотографии и русских детских садов в эмиграции, и школ, и кадетских корпусов. Здесь и история дальневосточной, китайской русской эмиграции – их жизни и спасения на острове Тубабао, где с ними был Святой Иоанн Шанхайский; здесь показана и роль Церкви, наши архипастыри; эмиграция в Марокко... Где только русские люди не оказались после 1917-го! И везде они старались и вести борьбу с большевизмом, и бороться с русофобией, и сохранить свою культуру. На одном из стендов – зарубежные издания: «Дворянский Вестник», «Посев», «Наши Вести», «Русский Американец»; на другом – фотографии, посвященные деятельности Бориса Михайловича Ледковского, который здесь, в Синоде, был много лет регентом; а далее – снимки хора Донских казаков Жарова... Фотографии Федора Георгиевича Селинского, моего мужа. Его дед, дирижер Федор Петрович Селинский, тоже покинул Россию, хотя он был там широко известен, - он был соратником Глазунова, а его сын ушел в Добровольческую армию, был с Врангелем, в том числе и в Галлиполи... Здесь говорили о разделенных семьях. Это и история Селинских. Один из братьев Селинских, тоже доброволец, полковник Белой армии, поверил в амнистию, объявленную большевиками, остался – и в Крыму его расстреляли. Вот такие были амнистии.

Здесь же представлен и отдельный стенд, посвященный молодежной организации русских разведчиков – ОРЮР. Мой отец как раз стоял у истоков этого движения, которое тоже было вывезено из России, — оно было основано там как молодежное патриотическое движение в 1909 году офицером царской Лейб-гвардии Олегом Ивановичем Пантюховым. И все это — везде и всегда — создавалось вокруг Церкви. Я всегда говорю: если бы рядом с нами поселились русские и мы не встретились бы с ними в храме, то мы даже не знали бы, что они — наши соседи.

Здесь же есть стенд и о моей русской церковной школе, и о Пушкинском фестивале. Я принесла несколько номеров журнала «Подснежник», который издавался в моей русской школе. В нашем классе рядом со мной на скамье сидел и Владимир Голицын, ныне – предводитель нашего Дворянского Собрания; он был старостой Синода сорок лет. И сейчас хочу прочитать несколько строк из стихотворения, которое я читала еще в школе. Оно начиналось так: «Я никогда России не видала...» – и заканчивалось: «Но я вернусь к тебе не как чужая, а как родная любящая дочь». Поколения, отраженные в материалах выставки, мечтали о возвращении, боролись за Россию и делали всё возможное, чтобы сохранить и вернуть России ее веру, ее культуру, ее историю.

Сегодня я собираю архивы старой эмиграции для Фонда Русского Зарубежья в Москве. Эти архивы – и есть те «драгоценности», которые мы вывезли. Они собираюся, чтобы все – и мы, потомки белых, и другие русские эмигранты, и россияне, – могли ими пользоваться. Чтобы потомки могли понять, что такое была Россия до 1917 года. И что Россия потеряла. Как любили Россию наши отцы и деды – это тоже то, что нас держало...

Когда мой отец начал вспоминать, как они покидали Крым, он всего не рассказал. Я хотела бы добавить: Новороссийская эвакуация была первой, покинувшей Россию еще до конца Гражданской войны. В это время с группой раненых мой больной годовалый отец вместе с бабушкой и матерью попал в Египет. И когда Врангель сказал: дадим последний бой, – мой дед вызвал назад свою семью. Из Египта они вместе с вставшими в строй поправившимися ранеными вернулись обратно в Крым, несмотря на уговоры русского консула в Египте остаться. А через несколько месяцев им пришлось уже эвакуироваться с Врангелем. Во время Перекопской битвы дядя моего отца имел право пойти в отпуск, но он сказал: мой полк идет в бой – и я пойду с ним. И он погиб. Именно такие семейные истории показывали нам, как любили эти люди Россию. И потому продолжают работать старые организации, основанные еще Белой эмиграцией, и потому мы помогаем, как можем, России. Мы верим в наш великий русский народ, он пережил не одно иго. В такую годовщину самое главное, что бы мы хотели: в России должны сегодня знать, что такое была Россия до трагедии 1917-го, до захвата власти большевиками. И хотелось бы, чтобы будущие поколения, узнав об этом, взяли от нас все лучшее – для того, чтобы Россия стала такой же великой, а может и более великой, чем до этой Катастрофы.

После основных выступлений участников Круглого стола началась дискуссия (печатается в сокращении).

Вопрос из зала – Игорь Кочан, президент общества «Русская молодежь Америки»: Для меня большая честь оказаться в этой аудитории, среди этих людей, которые, говоря об истории России, могут говорить об истории своих семей. Хочу задать вопрос: видите ли вы волну неосталинизма, которая сейчас появляется в России? Часто, говоря о великой победе во Второй мировой войне, в России восхваляют не только русский народ, но и Сталина и его «особые» заслуги. И если вы считаете, что такая волна неосталинизма началась, – то как мы, люди, которые находятся здесь и понимают всю опаснось этого, можем с этим бороться?

И. Холодный. – Коммунизм – вообще крайне отрицательное явление

в истории не только России, но и всего мира. Россия все еще страдает от коммунизма.

М. Адамович. – С моей точки зрения, такое явление проявилось. С одной стороны, это объяснимо. Понимаете, когда мы говорим о 1917 годе как о Катастрофе, – это не образ, это реальная катастрофа, захватившая все мировое пространство в начале XX века, в эпоху модернизма. Катастрофа разразилась на территории Российской империи – и не только. На протяжении десятилетий люди подвергались идеологической обработке со стороны правящей коммунистической власти. Это было слишком серьезно – и надолго. И должно пройти больше времени, чтобы изменился менталитет населения этой страны. С другой стороны, совершенно очевидно, что сегодняшняя Россия в поисках своей новой символики, новых национальных героев, ищет почему-то в советском прошлом. Очевидно, нынешняя правящая политическая элита, советская по происхождению или по воспитанию, пытается использовать уже апробированные механизмы и приемы управления народом. И вот этот «неосоветизм» я считаю великой ошибкой, глубочайшим заблужением, не имеющим под собой никакого рационального основания. Нельзя опять «задернуть занавески» и уехать в прошлое, выдавая его за будущее, - нельзя безнаказанно и для страны, и для ее людей. Еще в 2015 году я впервые услышала от г. Мединского, министра культуры РФ, человека, полного парадоксов, что россияне не должны забывать положительную роль Сталина в российской истории и что в этом якобы и состоит принцип историзма. Я возражаю ему на всех уровнях, в том числе и на доступном государственному чиновнику, а именно: культ личности Сталина и сталинский террор были осуждены официально советским правительством в лице Хрущева и XX съезда КПСС, а поскольку нынешняя Россия объявила себя преемником Советского Союза (выбор странный, но – факт), то таким образом министр культуры выступает против официальной линии, выбранной государством, министром которого он является.

Говоря же по сути, сталинский период в истории Советского Союза — это период ужесточения террора классической диктатуры, которую и представлял собою СССР. Чтобы России изжить просталинские симпатии нужно, очевидно, не просто еще больше времени, но и, гласное, официальное, новое последовательное осуждение сталинского террора — как и всей власти коммунистов, неизбежно сползающей в диктатуру.

**О.** Серафим Ган. – Я могу говорить только о том, что касается Церкви. Но когда я говорю: Церковь, – я имею в виду не только отечественную Церковь, а все части Церкви. Она должна организоваться и оптимизироваться в своей проповеди о мучениках XX века. Мы

должны прославлять своих мучеников, а не их палачей. Конечно, мученики могут говорить сами за себя. В России очень много и музеев, и выставок организовано, и построены храмы, которые посвящены мученикам. Но мы также должны, как это делали в годы гонений, говоря громким голосом правду о мучениках, — мы должны продолжать это делать как Церковь. И говорить так, чтобы это ударило в душу каждого русского человека. И тогда начнутся необходимые, как мне кажется, изменения в жизни Церкви и общества.

**Вопрос:** Многие славные русские генералы, как, скажем, генерал Брусилов, перешли на сторону Красной армии. Что двигало ими и пожалели ли они потом о сделанном выборе?

Р. Полчанинов. — Да, были такие случаи. Начнем с того, что прапорщик Крыленко, которого большевики назначили в 1917 г. главнокомандующим русской армии, приехал в Ставку, где тогда был генерал Духонин. Духонина расстреляли, и всем офицерам было предложено служить новой власти. Мой отец, который тоже там был, подал прошение об отставке — и ушел на пенсию, стал гражданским лицом, что ему помогло пробраться к Деникину в Белую армию.

Надо сказать, что большевики сумели заставить генералов и полковников им служить. Как? Да очень просто. Не согласитесь – расстреляем и вас, и всю вашу семью. Между прочим, гененерал Архангельский, который позднее, после похищения генерала Миллера, возглавил РОВС – Русский Обще-Воинский союз, как раз и был одним из тех, кого большевики заставили им служить. Но он при первой же возможности перешел на сторону белых. Мой отец его хорошо знал, они дружили – и, конечно, Архангельского оправдали, поняв его ситуацию. Я думаю, что ни один царский генерал не разделял точку зрения Троцкого, командовавшего Красной армией, ни один русский офицер не пошел служить добровольно к красным. Но давайте будем честны до конца. Когда Белая армия пришла, к примеру, в Одессу и предложила населению записываться добровольцами, многие не пошли к белым. Армия оставила Одессу. Красные вошли в город. Одесская ЧК знаменита именно массовыми расстрелами офицеров, которые, вместо того чтобы вступить в белую армию, решили больше не воевать и остались в Одессе.

**М.** Адамович. – Хочу добавить. Весь наш разговор, как и комментарий к нему, лежат в плоскости проблем революции, которая расколола население Российской империи, – и Гражданской войны, точки невозврата в истории России. Непроговоренная до конца трагедия Гражданской войны приводит к тому, что ее вопросы все возникают и возникают перед нами. Среди них, в частности, вопрос: каким путем допустимо освобождать порабощенную большевиками Россию, а

какие пути – запретны. И каждый участник этого спора решает проблему по-своему.

**Вопрос:** Насколько я помню, во Франции русские эмигранты присоединились к Сопротивлению и воевали против немцев. Но я не понял: Вы говорили, что в Югославии сербы приняли русских тепло, потом немцы стали бомбить Югославию — а руские эмигранты нацепили немецкую форму...

**К. Пио-Ульский**. – Вопрос очень хороший. Мог ли русский человек надеть немецкую форму? – Им было безразлично, какую форму они наденут, лишь бы была возможность освободить Россию от большевиков. Русские эмигранты на Балканах принадлежали в большинстве своем к военной эмиграции. И они готовы были использовать любую возможность, лишь бы бороться с Советами и вернуться на родину. Германия их обманула – и они не поехали в Россию, а остались в Югославии и воевали с Тито и его красными партизанами. Попробуйте понять тех русских, которые жили за границей.

М. Адамович. – Мы не случайно в начале круглого стола говорили о задаче Белого военного движения, это было одним из главных направлений деятельности Белой эмиграции на протяжении десятилетий. И если мы не проговорим эти конфликты 20-го века, они к нам вернутся в 21-м веке. Мы видим сегодня возрождение неонацизма и нацбольшевизма в странах Европы. Я хотела бы добавить несколько фактов – безоценочно. Во-первых, формально у Русского корпуса – а речь идет, конечно же, о нем, - было свое управление. Югославская эмиграция – на 90 процентов – военная эмиграция. Это люди, которые до конца 30-х годов сохраняли военную структуру – РОВС – с единственной целью: быть готовыми к свержению власти большевиков и освобождению России. По-своему эту же задачу выполняли и члены НТС. Теперь по поводу Франции. Статистика по русской эмиграции всегда неточна, т. к. просто никто не считал беженцев из России и не описывал ни их национальную принадлежность, ни политическую жизнь в те времена. Но обратите внимание на пропорцию: по принятым в науке цифрам, в антифашистском движении Сопротивления / Résistance участвовало около 500 русских эмигрантов, – даже само это название, как известно, принадлежит им. Но вот – иная цифра: из русских эмигрантов на стороне стран «оси» воевало до 5000 человек...

**Р. Полчанинов**. – Я бы хотел добавить к тому, что уже говорилось о Русском корпусе в Сербии. Начал его создавать генерал Скородумов. Цель его, как он говорил, была пойти вместе с немцами на Москву, освободить ее от большевиков и поднять там наш трехцветный флаг. Это не входило в немецкие планы. Ну и что? Пришли немцы и аре-

стовали Скородумова, посадили в тюрьму, и многие из вступивших в Русский охранный корпус поняли, что они просто попали в ловушку. С другой стороны... Была у нас поэтесса Нонна Белавина. Ее отец был священником. Пришли красные партизаны Тито и убили его, замучили... У русских не было другого выхода, как взять винтовки в руки и защищать самих себя. Так что я в этом смысле понимаю Русский корпус. Но сам я в Русский корпус не вступил. Долгая история. Но кратко: НТС призвало молодежь не участвовать в гражданской войне в Югославии, а уж если погибать – то в России с русскими. Я бежал с работ в Германии, нелегально перешел границу Польши и, когда оказался в Пскове как преподаватель Закона Божия, я из учеников создал подпольный разведотряд. И если бы меня в Пскове расстреляли, я бы знал, за что. В Риге меня арестовали. Но нашлись люди, которые замолвили слово, – и меня отпустили.

**Вопрос:** А существует ли обратная статистика — по русской эмиграции в США — они ведь были союзниками СССР в войне. Кто из эмигрантов на чьей стороне воевал?

**М.** Адамович. — Статистики такой практически нет — мало кто, в принципе, изучает историю русской эмиграции и сегодня — в пропорции к другим темам по национальным историям XX века. Но я хочу сказать, что в межвоенный период эмигранты, которые находились на территории США, служили в американской армии. Скажем, князь С. С. Белосельский-Белозерский или князь А. П. Щербатов...

Виктория Волсен, директор Толстовского фонда. — Толстовский фонд был основан в 1939 году в Америке Александрой Львовной Толстой. Она эмигрировала в 1931 году из Японии, где преподавала. Александра Львовна решила, что необходимо основать организацию для помощи беженцам. С 1941 года около 600 000 эмигрантов переправил сам Фонд. Помимо этого Фонд привез из разных стран около миллиона людей совместно с американскими организациями. Особенный наплыв беженцев был после войны из всех европейских стран. После 1956 года мы помогали венграм, после 75-го — вьетнамцам. Я думаю, это имело громадное влияние на все русское общество здесь. Сегодня все говорили о том, что с малого возраста мы воспитывались в русской традиции, и всегда находились люди, которые жертвовали на общее дело. И всегда все было вокруг нашего общего Церковного дома. И слава Богу, это продолжается сегодня.

**Людмила Селинская**. – Я еще хотела бы добавить про Толстовский фонд. Когда отмечалось его 60-летие, туда были приглашены представители тех групп, которые были фактически спасены Фондом. Было такое количество калмыков, кавказцев, всех народов Российской империи, – они знали, что такое была многонациональ-

ная Россия. Александра Львовна помогла тем, кто уехал с Белой армией, попасть в Америку. В те времена, после войны, были национальные визовые квоты в США. И никаких калмыков сюда особенно и не пускали. И только благодаря ее влиянию их сюда приняли. И потомки этих калмыков жертвовали большие деньги на Толстовский фонд – в благодарность за помощь их предкам.

**М.** Адамович. – Спасибо всем, кто принял участие в нашем круглом столе. Мне кажется, это хорошее начало для вступления в 18-й год. Мы, конечно же, продолжим этот разговор. И в недописанной истории русской эмиграции останется все меньше белых пятен.

Епископ Манхэттенский Николай (Ольховский). - Спасибо всем участникам, что пришли. Я думаю, мы не случайно собрались здесь на фоне иконы 1000-летия Крещения Руси. Много было сказано. Год 1000-летия Крещения Руси – это событие особенно праздновалось в Зарубежье во всех храмах. В Америке в штате Нью-Джерси был построен храм-памятник в честь этого события. Храм освящен в честь Святого князя Владимира. Храм стоит, сияет как маяк. Слава Богу, это торжество праздновалось уже и в России. Где бы ни был русский человек, он искал свой Храм. Там он находил своего Бога, свою веру, свою культуру. И мы благодарны Богу за великие милости. Где бы ни был русский человек, он знал, что он не один. С ним – Божия Матерь. С русскими людьми выехала наша великая святыня -Курская Коренная икона Божией Матери. Мы не случайно собрались в Синоде. Наш собор посвящен Коренной иконе – она же хранится здесь. И до сего дня она посещает весь земной шар. Всех православных людей. Нужно всегда помнить, что Божия Матерь нас не оставила, нас не оставляет. Спаси, Господи.

#### (заключительная молитва)

Предлагаем также материалы, предоставленные нам заочными участниками Круглого стола.

#### Юрий Сандулов

## ПУТЬ АРХИЕПИСКОПА АНДРЕЯ

Несколько лет назад, во время подготовки альбома по истории Ново-Дивеевского монастыря, отец Александр, хранитель Ново-Дивеевского комплекса ( в который входят Успенский ставропигиальный женский монастырь, храм преподобного Серафима Саровского чудотворца, старческий дом и православное кладбище) показал нам магнитофонные кассеты с записью рассказа архиепископа Андрея о своей жизни. «То, что вы собрали огромный материал по нашей истории, – это очень хорошо, – сказал он, – но вы должны прослушать эти записи, чтобы понять дух этого места.»

Отец Адриан – духовник и строитель Ново-Дивеевской женской обители – создал в Америке уголок православного быта. Он и в рассеянии пытался сохранить монашеские традиции оптинского духа. Вся его жизнь была посвящена служению людям и православной Церкви. Еще одна большая удача: в монастыре бережно сохранили его речь во время хиротонии отца Адриана в сан епископа Роклендского. Большой радостью для нас была также находка рукописи статьи «Путь подвижничества» Владимира Самарина, человека, который лично знал Владыку, часто общался с ним и его окружением. В феврале 1968 г. Адриан Рымаренко принял монашество. В том же году был хиротонисан в епископы, стал викарным епископом Нью-Йоркской епархии – Андреем Роклендским. Хиротонию совершил митрополит Филарет в сослужении архиепископа Никона Вашингтонского и епископа Лавра Манхэттенского. В 1973 г., в день его 80-летия, епископ Андрей был возведен в сан архиепископа.

Архиепископ Андрей скончался после продолжительной и тяжелой болезни 12 июля 1978 года, в день Св. Апостолов Петра и Павла. Ровно в 11 часов вечера, через 15 минут после его кончины, раздался колокольный звон. Двенадцать ударов колокола известили насельников монастыря, что архиепископ Андрей, почитаемый и любимый всеми, кто жил в монастыре, всеми, кто знал его, – отошел в вечность. Князь Д. В. Мышецкий вспоминал: «Звонила монахиня Елена, которая знала Владыку еще на родине. Весь наш домик осветился электричеством. Все живущие в монастыре, услышав звон, увидев свет, поняли: Владыки не стало. Со всех сторон потянулись они вереницами к домику, на первую панихиду».

В последний путь провожали архиепископа Андрея сотни людей, съехавшихся из разных штатов, провожали российские эмигранты, чтившие его память.

Много ушло времени на обработку кассет, очистку от посторонних шумов, усиление записи голоса отца Андрея. И вот перед вами законченная работа. Мы вначале планировали сделать рассказ более компактным, продолжительностью не более одного часа. Но в процессе работы над текстом мы поняли, насколько это важный документ. И было принято решение — издать рассказ архиепископа Андрея полностью, это чуть более шести часов. Для удобства слушателей текст разбит на части по 20—30 минут. Предлагаем часть подготовленной для печати записи (из архива Ю. А. Сандулова).

## СЛОВО НА НАРЕЧЕНИЕ

Ваше высокопреосвященство, преосвященнейшие Владыки, богомудрые отцы, братья и сестры.

Господь призывает меня через глас архиереев Зарубежной Церкви к высшему благодатному служению. 46 лет тому назад, почти в это же время, на Покров Пресвятой Богородицы, началось мое служение у престола Господня. Сейчас, после долгого, тяжелого пути моего пастырства, передо мною — раскрытая могила. Сейчас, казалось бы, время подводить итоги прожитому да готовиться к исходу, а не начинать новое дело в Церкви Христовой. Но вот именно эта раскрытая могила и зовет меня к тому, чтобы сказать: «Приемлю, благодарю, немало вопреки глаголю». Чтобы понять, почему это так, я позволю себе остановиться на некоторых моментах моей жизни.

Родился я в Ромнах, Полтавской губернии, еще в царствование императора Александра III. Детство мое протекало в первые годы царствования императора Николая II, когда Родина наша переживала период благоденствия, и русские люди в своем большинстве не отошли от той стихии, которой дышала Святая Церковь. Рос я в религиозной благочестивой семье. Меня окружали уют, покой и радость. Меня окружал тот православный быт, который поколениями создавала святая Русь. В нашей семье жизнь протекала по церковному календарю, по церковному годовому кругу. Праздники были как бы вехами жизни. В доме постоянно совершались богослужения и не только молебные, но и всенощные бдения. Быт начинался в детской. Когда я вспоминаю об этих годах, передо мною неизбежно возникает незабываемая картина: раннее утро, еще темно. Я только что проснулся – и вижу перед образами, полуосвещенными лампадкой, мою мать. Она молится долго-долго, и молитва матери как бы проливается и на нас, пробудившихся от сна. Но еще более сильное впечатление производили на меня ранние богослужения, на которые часто водила нас мать и на которые мы ходили, невзирая на погоду, и осенью и зимой.

После этих богослужений всегда чувствовалось какое-то необычайное вдохновение, какая-то тихая радость.

Семья была зажиточная. Отец был крупным промышленником. И то религиозное настроение, которым была пронизана наша жизнь, естественно отражалось и в делах: строились церкви, ставили столы с едою для бедных людей, посылались подаяния в тюрьмы, больницы, богадельни. В широких размерах оказывалась благотворительность во имя Христа. Все это входило в наш быт, было неразрывною частью его. Конечно, бывали и горести, и болезни, и смерти. Но и они воспринимались в свете Христовом. Сознание: «Христос воскрес, и жизнь человеческая будет в воскресении Христовом» – помогало нам переносить наши беды и невзгоды. Все переживалось легко и радостно, без надрывов, так свойственных многим людям. Это чувство радости, этот христианский быт были характерными не только для нашей семьи, но и для общества, которое нас окружало.

Годы шли. Промелькнули детство и отрочество. Я окончил реальное училище. Жизнь моя резко изменилась. Я поступил в Санкт-Петербургский Политехнический институт и оказался в Санкт-Петербурге. Петербург на первых порах меня ошеломил и подавил. Я попал в общество людей, совершенно чуждых мне по духу и по настроению. Были годы реакции, наступившие после революции 1905 года. На смену надеждам, волнениям и порывам наступило разочарование и душевная опустошенность. Люди как бы замкнулись в себе. Были заняты суетой, мелкими эгоистическими интересами, визитами, концертами, театром. В отношениях царили сухость и официальность. И вот, столкнувшись с этой холодной отчужденностью, с этой опустошенностью, я впервые испытал чувство, близкое если не к отчаянию, то к унынию, и душа моя возопила – не могу! Я был хорошо обеспечен, учился в прекрасном институте, у меня были превосходные профессора, которые давали мне ценные знания, раскрывали передо мной широкие горизонты науки и жизни. Почему же возмутилась моя душа? Почему же вырвался этот крик ее – «Не могу»? И к чему же он, собственно говоря, относился? Я почувствовал, что не могу жить так, как живут вокруг меня. Я почувствовал, что мне не хватает той жизни, того православного быта, которые окружали меня в детстве и отрочестве, той легкости сердца, которую я ощущал. Впечатление было такое, будто меня лишили воздуха, которым я дышал. Мне нужна была жизнь. И я стал ее искать. Однажды я попал на лекцию профессора Туган-Барановского о Достоевском. Разбирая произведение Достоевского, Туган-Барановский раскрыл то, что происходит в душе человеческой, раскрыл те стороны жизни, которые я как-то не осознавал. Он показал тот ужас,

который охватывает человека, оттолкнувшего Бога, те метания и ту муку, которые переживает человек в поисках его. В своих произведениях Достоевский как бы раскрывает современную Россию. С одной стороны, им изображается целая галерея типов, считающих себя христианами, но живущих в язычестве, своим разумом, без Бога, во власти своих похотей. На крайнем крыле этого длинного ряда находятся отвратительный старик Карамазов, дошелший до предела нравственного падения, и жуткий и омерзительный Смердяков – предтеча современного большевизма. Но, с другой стороны, Достоевский показывает мир людей, живущих во Христе, воплощающих в себе святую Русь. Показывает светлый облик Алеши, который черпает источник своей жизни от старца Зосимы, от Христа. И я понял, что мое место около Алеши, около старца. И только при поддержке его я буду иметь силы. чтобы переплыть житейское море. Тогда я стал искать верных путей. При помощи того же Туган-Барановского я познакомился с христианским студенческим кружком. Но этот кружок меня не удовлетворил. Он был интерконфессионален. Мне же, воспитанному с детства в обстановке православного быта, нужна была конфессиональность, нужны были таинства, чувство освящения, молитвы. Все это мне дал отец протоиерей Иоанн Егоров, ставший руководителем группы студентов, вышедших из христианского студенческого кружка. Я провел с ним пять лет, и для меня раскрылась та стихия жизни Церкви Христовой, которой жила святая Русь. Я понял, что богослужение – не только ритуал, но в нем раскрывается догма веры. Оно является основой человеческого восприятия божества. К нему ведут и нормы веры (содержащиеся в Требнике), и те состояния духа, которые даются человеку таинствами. Разбор и изучение творений отцов церкви и святоотеческих писаний раскрыли мне пути жизни. Когда я прошел весь курс, преподанный отцом Иоанном, я буквально ожил. Я ощутил стихию Православия, я ощутил тот эфир жизни, который оно давало. Я понял, в чем заключалась эта жизнь. Я осознал ту свободу совести, которую мы получаем через таинство покаяния. После этой подготовки я попадаю действительно к старцу – батюшке отцу Нектарию, ученику великого старца отца Амвросия, выведенного Достоевским в образе старца Зосимы. Старец Нектарий указал мне мой путь, путь пастырского служения, и подготовил меня к нему с помощью своего ученика, отца Викентия. Он учил меня, что исповедание веры должно быть в благочестии. Божественное должно войти во все стороны нашей жизни – личной, семейной и общественной. И вот в 1921 году началось мое пастырство в родных Ромнах. Время было страшное. Страна была разворочена революцией и Гражданской войной. Люди были растеряны и потрясены. Многие гибли, многие были разорены.

Многие возвращались на свои пепелища, нищие и обездоленные. Доходили до полного отчаяния. И отовсюду несся крик — «Помогите!» Нужно было помогать. И кормить, и поить, и одевать. Нужно было утешать, наставлять, спасать человеческие души.

Моя пастырская деятельность разворачивалась успешно и протекала она под руководством старца Нектария. Все это время не прекращалось мое общение с ним. Общение было и письменное, и личное. Неоднократно я ездил в Оптину Пустынь, а затем в Холмщину, где батюшка был в ссылке. Старец решал все вопросы и недоумения, которые возникали в моей пастырской деятельности. И умер батюшка отец Нектарий впоследствии под моей епитрахилью. Три года у меня в Ромнах жил о. Викентий, самый близкий ученик старца. И я с ним постоянно советовался.

Через некоторое время, однако, большевики поняли ту опасность, которую представляла для них моя пастырская деятельность. Меня лишили паствы и выслали в Киев, под надзор. Там мне было тяжело в первое время, но затем я сблизился и сроднился с группой выдающихся киевских пастырей-подвижников, и они стали моими наставниками и друзьями. И сейчас перед моими глазами стоят мои великие учителя и сотаинники – епископ Николай, Саратовский викарий, отец Михаил Едлинский, отец Александр Глаголев, отец Евгений Капралов, протопресвитер отец Николай Гроссу, отец Николай Стеценко, отец Константин Сташенко... Их деятельность и их борьба за человеческие души протекала в жуткое время разгула безбожников, на фоне бесовских карнавалов, в разгар гонений на Церковь и верующих, массовых арестов и расстрелов. И все они отдавали свою жизнь за то, что уже было в моем сердце, за ту тишину, что я пережил в детстве, за внутреннюю жизнь, за утверждение в вере, за православный быт, за святую Русь. С этими священнослужителями пошли в тюрьмы, ссылки и на смерть тысячи их пасомых, которые хотели жить в Боге и с Богом. Господь помиловал тогда меня – освободил из тюрьмы, дал возможность уйти из ссылки. На мои плечи легла тяжелая ответственность продолжать дело замученных подвижников.

Началась война. В Киев пришли немцы. Германская оккупация дала возможность возродить церковную жизнь. Открылись церкви. Нам Господь помог восстановить Покровский больничный женский монастырь, в храме которого я настоятельствовал. Положение в городе было тяжелое. Многие голодали, пришлось опять помогать людям, кормить их. Удалось восстановить больницу, дом для увечных и престарелых. Но голод был не только телесным, но и духовным. Изголодавшиеся по Церкви, по православному быту люди устремились к храму. Нужно было утолить этот голод. После двухлетнего пребывания

под немецкой оккупацией пришлось бросить всё и эвакуироваться. Наступали Советы. Я с группой близких людей — князем Д. В. Мышецким, доктором А. П. Тимофиевичем, О. М. Концевичем и другими оказался в Берлине. Был назначен Владыкой Митрополитом Серафимом настоятелем Берлинского кафедрального собора. В течение почти двух лет, под непрерывными бомбежками, в Храме каждый день совершались богослужения. Господь помог мне сохранить божественный дар евхаристии Христовой для того, чтобы укрепить и утвердить в вере души наших русских людей, бежавших от коммунизма или насильно привезенных в Германию. Храм был постоянно наполнен «остовской» молодежью, которая большей частью не знала на родине ни Бога, ни православного быта, но инстинктивно теперь тянулась к Церкви, к Христу. Ей надо было помочь. Приласкать ее, научить, наставить.

Но война приближалась к концу. Снова пришлось эвакуироваться, на этот раз в Вюртемберг, в маленький городок Вендлинген. Там. в тяжелый период, наступивший после капитуляции Германии, находясь в постоянном страхе перед репатриацией, наша небольшая группа под моим руководством создала церковь и тотчас же установила великое таинство божественной евхаристии. И мы опять начали создавать уклад жизненной тихости, создавать православный быт. Совершались ежедневные богослужения, жизнь шла в благочестии от воскресенья к воскресенью, от праздника к празднику. А вокруг бушевали страсти, вражда, звериная борьба за существование. Многие сначала смотрели на нас как на наивных людей, живущих не по времени. Но мы жили, жили в Боге. Мало-помалу отношение к нам переменилось. Начались паломничества. Люди, доходившие до отчаяния, обретали у нас душевный мир и тихую радость и уезжали просветленными и успокоенными. В это время Господь помог нам через директора Толстовского фонда. И вот снова переезд - в Америку. И снова нужно было начинать все сначала. Осенью 1949 года Владыка Архиепископ Виталий и Владыка Никон поручили мне построить женский монастырь, в который собрать из разных стран Зарубежья рассеянных там монахинь, создать им тихость Христову и православный быт. Это поручение казалось непосильным в тех трудных условиях, в которых мы пребывали, в особенности при полном отсутствии средств. Некоторые меня отговаривали от этого дела. Но идея - создать тут, в Америке, уголок православного быта, насыщенный той стихией духа, которой я жил и дышал с детства, – захватила меня, и я, надеясь на помощь Господню, согласился. И Господь не оставил меня. Восемнадцатилетняя история Ново-Дивеевского монастыря – это цепь чудес, совершенных Господом. Чудесным образом, без копейки денег, нам удалось получить помещение для монастыря.

Совершенно чудесным образом мы затем приобрели в собственность здание и обширный участок земли, приобрели от католического монастыря. Наконец Господь сотворил необычайное чудо – мы получили разрешение на устройство кладбиша, которое является последним прибежищем последнего земного бытия человеческого. Получили это разрешение – вопреки американской практике не выдавать подобные разрешения. Были собраны монахини, было выписано из Европы около тысячи человек ди-пи, из которых значительное число осело вокруг монастыря и образовало, так сказать, большую православную семью. Господь помог воодушевить людей на постройку прекрасного Храма, в котором совершаются ежедневные богослужения и куда стекаются русские люди со всех концов Америки. И, главное, Господь помог создать в Ново-Дивееве то, что наполняло мою душу с детства. В обстановке эмиграции, когда русские люди, растерявшись в чуждых условиях жизни и инославии, скатывались в водоворот суеты, Господь помог создать в Ново-Дивееве православный быт, церковную атмосферу тихости и благочестия. Создать на чужой земле – святую Русь. Но недостаточно еще создать монастырскую жизнь, нужно ее сохранить. Ибо всегда есть опасение, что жизнь может превратиться в теплицу, в оранжерею, где она поддерживается искусственным теплом, и, как только источник тепла прекращает действовать, жизнь погибает. Поэтому нужен постоянный источник жизни.

Подобно тому, как земля и жизненные соки ее постоянно питают растительность, так нашу жизнь должна непрерывно питать та стихия, которую дает Церковь Христова, которая воплощается в православном быте, в богослужениях, в пощении, в молитвах, в бдениях, во всем том, что олицетворяет нашу святую Русь. Та стихия, которая человеку, покидающему свое земное существование, вкладывает в уста последние слова - «В руце твои передаю дух мой». И дает ему возможность уйти в вечное бытие с именем Христовым. И вот, когда высокопреосвященнейший Владыка мой Авва, Митрополит, и Владыка Никон предложили мне принять архипастырскую благодать, я понял, что Господь призывает меня для того, чтобы сохранить с помощью этой святой благодати и при помощи моего Аввы, Владыки Митрополита, святую Русь в сердцах наших людей, заброшенных на чужбину. Я понял, что Господь даст мне возможность еще шире развернуть мою деятельность по утверждению и укреплению православного быта, даст мне еще больше сил и крепости для продолжения моих трудов на ниве Христовой. Поэтому вид раскрытой могилы не смущает меня. Но понуждает меня к новым трудам во имя Христа, которые я должен успеть совершить, прежде чем отойду ко Господу.

Публикация – Ю. Сандулов

## Владимир Самарин

#### ПУТЬ ПОДВИЖНИЧЕСТВА

Памяти архиепископа Андрея (Рымаренко)

1

Жизнь покойного ныне архиепископа Русской Православной Церкви за рубежом Андрея Роклендского была и подвижнической, и полной истинно чудесных событий.

Чудеса совершаются и в наше окаянное время. Именно в наше время чудеса свершаются, может быть, чаще, чем во времена относительно светлые — только не всегда мы замечаем их. И чем пристальнее всматриваюсь я в то, что известно мне о покойном Владыке, тем явственнее очерчивается необычность его жизненного пути.

В 1971 году Русское Зарубежье отмечало 50-летие служения Церкви Владыки Андрея, тогда епископа. В 1972 году в русском зарубежном журнале «Возрождение» (№ 238), прекратившем, к сожалению, свое существование, был опубликован мой очерк, посвященный Владыке Андрею. Теперь, после его кончины, решил я собрать больше материалов и свидетельств о жизни его. Обратился к князю Д. В. Мышецкому, который 55 лет шел рядом с Владыкой, став и другом его, и духовным сыном.

В письме от 27 декабря 1979 года, через полгода после кончины духовного отца и наставника, князь Дмитрий Владимирович писал мне: «Мой родной отец, Владимир Дмитриевич, умер за несколько месяцев до моего рождения, и я никогда его не знал. Когда мне был 21 год, я встретил Владыку, тогда батюшку отца Адриана, и он заменил мне родного отца. Так продолжалось 55 лет. Владыка был центром моей жизни». Потрясенный смертью Владыки, Дмитрий Владими-рович почувствовал такую внутреннюю опустошенность, что долго не мог ни за что взяться, даже просто письма, как он пишет, написать не в состоянии был. Я понимаю его: кончина архиепископа Андрея — невозместимая утрата для многих, кто знал Владыку, глубоко почитал и любил. Побеседовав с ним хоть раз, его нельзя было не чтить, не любить.

Князь Дмитрий Владимирович и дал мне не только биографические сведения, нужные для посмертного очерка о Владыке, но и обрисовал, что особенно важно, его духовный облик, светлый и немеркнущий, за что приношу Дмитрию Владимировичу великую благодарность.

Архиепископ Андрей, в миру Адриан Адрианович Рымаренко, родился 28 марта (по новому стилю) 1893 года в г. Ромны Полтав-

ской губернии в семье промышленника, когда-то богатой, но разорившейся. После окончания Роменского реального училища поступил в знаменитый в России Политехнический институт, с отличием окончил курс наук как раз к тому времени, когда началось крушение России, когда захватывали и захватили в России власть бесы Достоевского во главе с Лениным—Троцким. Россия превратилась в аббревиатуру — сначала в РСФСР, а затем в СССР. Но и в этой «аббревиатуре», в стране, что, по слову Гумилева, могла быть раем, а стала «логовищем огня», молодой талантливый инженер мог жить относительно спокойно и безбедно. Если бы решил приспособиться к новому строю.

Но Адриан Рымаренко выбрал иной путь – тяжелый, но честный. Материального обеспечения и в помине не было, но зато совесть оставалась чистой. Это был путь подлинного торжества духа над косной материей.

Он увлекался Достоевским, изучал его, все глубже проникал в тайны христианского учения, очищающего душу; встречался и беседовал с истинными пастырями. Решающую роль в выборе направления жизненного пути сыграло посещение Оптиной Пустыни, знакомство со старцем Нектарием, учеником великого старца Амвросия. О старце Нектарии рассказывает протоиерей Сергий Щукин, тоже инженер по образованию, тоже принявший священство после революции, принадлежавший, как и Владыка Андрей, к Русской Зарубежной Церкви, ныне покойный (умер в 1977 году в Канаде). В очерке «Мое посещение старца о. Нектария в 1918 году», опубликованном в № 6 «Русского Возрождения», отец Сергий нарисовал облик необыкновенный.

Рассказывая о старце Нектарии, последнем русском старце, умершем в 1928 г., отец Сергий писал, что, слушая собеседника, «отец Нектарий смотрел куда-то вниз, но создавалось впечатление, что он слушает вас не ухом, а каким-то другим, внутренним органом восприятия, что ему, собственно, важны были не сами слова, а нечто другое, что старец старался уловить». Всего несколько слов, сказанных старцем молодому человеку Сергею Щукину, и определили его дальнейший путь служения Церкви.

Было и некое предзнаменование, нечто необычное в жизни Владыки Андрея, о чем Владыка рассказывал князю Дмитрию Владимировичу. Будучи еще молодым человеком, работал Адриан Рымаренко статистиком в Полтавской губернии, объезжал с другими статистиками села и деревни. Он уже тогда решил принять священство, но никто из его попутчиков этого не знал. И вот во время поездки происходило что-то странное. Всякий раз, когда подъезжала подвода к очередному селу, раздавался колокольный звон. Мог быть в одном селе (не во всех же!) престольный праздник. Мог архиерей объезжать

свою епархию, но архиерея нигде не встречали. Между тем, как только подъезжали к селу, – колокольный звон. Один из спутников сказал: «Это неспроста: быть кому-нибудь из нас архиереем». Засмеялись молодые люди, не подозревая, что слова эти были пророческими.

Молодой человек, инженер Рымаренко, не раз беседовал сначала со старцем Анатолием, затем с его преемником Нектарием. Оба старца дали один и тот же совет: идти по пути служения Церкви.

Еще в Политехническом институте вступил Адриан в христианский кружок. Членом такого же кружка был и отец Сергий Щукин. Кружки эти были популярны в Петербурге того времени. В них занимались изучением разных религий. Изучали и Священное Писание, но не касались Церкви. Адриан Рымаренко, как и другие участники кружка, скоро почувствовал неполноту таких занятий и обратился к православному священнику, профессору богословия отцу Иоанну Егорову, который и создал Православный христианский кружок.

Таким образом, в Оптину Пустынь будущий архиепископ Русской Церкви попал уже церковно подготовленным. После бесед со старцами Анатолием и Нектарием решение было принято окончательно. Никаких колебаний не было, как не было колебаний и на том пути, которым шел пятьдесят с лишним лет священник Адриан, а затем епископ и архиепископ Андрей.

Чтобы стать священником, нужно жениться, и Адриан Рымаренко женился. 14 октября 1921 года его рукоположили во диаконы, а через три дня — во священники. В том же году он получил назначение в родной город Ромны. Пастырская деятельность молодого священника развивалась под руководством старца Нектария. Общение было и письменное, и личное. Несмотря на трудности железнодорожного сообщения в те времена, отец Адриан неоднократно ездил в Оптину Пустынь, а затем в Холмщину, куда старца Нектария сослали. И умер старец под епитрахилью отца Адриана. Скоро власти поняли, какую опасность представляет для них пастырская деятельность молодого священника. Его лишили паствы и выслали в Киев, под надзор ГПУ.

Тяжело было в Киеве первое время, но скоро отец Адриан сблизился с группой выдающихся киевских пастырей-подвижников. В числе их были: отец Евгений Капралов, отец Александр Глаголев, отец Константин Стешенко, отец Михаил Едлинский. Все они отдали свои жизни за Церковь, за веру — все погибли в застенках сатанинской власти. Об этом рассказывал в 1971 г. в своем очерке, посвященном владыке Андрею, сын священника Евгения Капралова, зарубежный публицист А. Сергеев, ныне покойный.

Отец Адриан тоже был арестован, тоже попал в известную в Киеве Лукьяновскую тюрьму.

Гонения на Церковь, начатые сразу же после прихода к власти большевиков, все нарастали и нарастали. Союз воинствующих безбожников ряд лет возглавляет некто Емельян Ярославский. Православная Церковь подвергается особенно ожесточенным гонениям. Власть «изымает» церковные ценности — иначе говоря, просто грабит церкви и монастыри. Власть истребляет духовенство, расправляется и с мирянами, верными Церкви. Тысячи погибших, тысячи и тысячи в тюрьмах и концлагерях.

Сонм Новомучеников Российских... То были гонения, которые можно сравнить только с гонениями язычников на первых христиан. Бесноватый Ленин, «апостол» неоязычества, люто ненавидел Церковь, не раз, как пьяный хулиган, поносил и Церковь, и духовенство в печати. И во главе Союза безбожников поставил заклятого врага Веры Христовой.

Но все это не устрашало будущего архиепископа Андрея. Раз став на путь истины, он шел по этому пути. До 1926 года отец Адриан — настоятель Александро-Невской церкви в Ромнах. В 1926 году церковь закрывают, а его высылают в Киев. В 1930 году в Киеве его арестовали. Вырвался из тюрьмы буквально чудом. Его освободили только потому, что тяжело заболел. Удалось уйти и из ссылки. Шли годы скитаний, переезды из города в город. Совершая тайные богослужения и требы, постоянно рисковал и свободой, и самой жизнью. То была жизнь священника Катакомбной Церкви.

Так продолжалось до самой войны. Когда началась война, когда выяснилось, что несли немцы России, надежды на освобождение сменились горьким разочарованием. В глубоком тылу армии, где хозяйничали «золотые фазаны» Восточного министерства, угроза иноземного порабощения становилась особенно явственной. Между тем по всей территории, занятой немцами, особенно в областях, находившихся в ведении военного командования, начали одна за другой открываться церкви. Открывались уцелевшие, ремонтировались полуразрушенные, превращенные большевиками в склады, в помещения для сельскохозяйственного инвентаря.

В храмы устремились верующие и неверующие. На Рождество, а особенно на Пасху, храмы не вмещали молящихся. Площади и прилегающие к храмам улицы бывали запружены празднично одетым народом. Чтобы понять, какой религиозный подъем был в занятых немцами областях, нужно было побывать тогда в храмах, нужно было видеть тысячные толпы около храмов. Мне довелось видеть. Это были счастливейшие дни моей жизни.

В 1941 году, после занятия Киева немцами, отец Адриан стал духовником вновь открытого Покровского женского монастыря,

одновременно организовал дело помощи нуждающимся. Создал дом для престарелых и увечных, больницу. Помогал всем, кто шел к нему. В 1943 году отец Адриан вместе с семьей и общиной своей эвакуировался из Киева на Запад. В том же году отец Адриан был назначен настоятелем Свято- Владимирского православного собора в Берлине, что и теперь стоит на обширной площади Гогенцоллерндам, видный издалека. Протоиерей Александр Киселев вспоминает, что по воскресеньям в собор собиралось до тысячи и больше молящихся. Приезжали в метро, приходили пешком из разных концов Берлина – и эмигранты, и «остовцы» – «восточные рабочие», вывезенные немцами на работу в Германию. В то время и я бывал в соборе, и я помню те службы. Как молились тогда, как молились!

В сохранившихся дневниковых записях есть и такая запись — за 18 марта 1945 г.: «Почти каждую субботу и воскресенье бываю в соборе. На прошлой неделе был и в будние дни. Как хорошо служат здесь!»

Служили и отец Адриан, и отец Александр, духовник Русской Освободительной Армии. По праздникам служил сам Глава нашей Зарубежной Церкви, скончавшийся уже в США, митрополит Берлинский и Германский Серафим (Лядэ). Были службы особые, когда во время службы начинались бомбежки. Берлин бомбили и одиночные английские самолеты, и стаи американских «летающих крепостей». Бомбили не военные объекты, а жилые районы.

Отец Александр Киселев вспоминает службу во время одной из бомбежек, когда служил митрополит Серафим: «Митрополит пошептался с отцом Адрианом, и меня послали объявить молящимся, что служба не будет прервана, но что все желающие могут поспешить в ближайшие бомбоубежища. Из храма вышли единицы, а остальные еще ближе подвинулись к алтарю, еще плотнее стали друг к другу. Что это была за молитва под грохот близких и дальних разрывов, под канонаду зенитной артиллерии!»

Берлинский Свято-Владимирский кафедральный собор был в то время местом, где бесправные люди — русские, украинцы, белорусы, мобилизованные на работу в Германию, — находили не только духовную поддержку. В подвальном помещении собора была столовая, куда люди приходили со всего Берлина. В собор приходили в любое время суток, получали помощь, находили пристанище. Когда требовалось, мягкий и ласковый в обращении с людьми, отец Адриан проявлял и силу воли, и мужество. Так, был приказ гестапо: запретить «остовцам» посещение собора. Поддержанный митрополитом Серафимом, отец Адриан ответил категорическим отказом, и собор по-прежнему был переполнен, главным образом молодежью, потому что в Германию вывозили преимущественно молодежь.

Во время одного из воздушных налетов в Берлине погиб старший сын отца Адриана — Серафим. Вера, одна вера помогает пережить такое горе, и отец Адриан стоически перенес вместе с матушкой Евгенией Григорьевной свалившееся на них тяжкое горе, продолжал служить людям и Церкви.

В 1945 году отец Адриан вместе с семьей – матушкой и вторым сыном, Сергеем, со всей духовной семьей, окружавшей его, эвакуировался в Южную Германию, под Штуттгарт, служил Церкви, продолжал служить людям, над которыми висела теперь смертельная угроза насильственной репатриации.

Чудесное сопутствовало отцу Адриану всю жизнь. Вот что произошло, например, во время эвакуации из Берлина. В селении Вестерхайм, в Вюртемберге, где в гостинице остановился отец Адриан со своими спутниками, начался встречный танковый бой. Загорелась гостиница. Казалось, гибель неминуема. И вот отец Адриан в облачении, с высоко поднятой в руках иконой, вышел на улицу. Вслед за ним — его спутники. С одной стороны — немецкие танки, с другой — американские. Священник в облачении с иконой в руках, за ним — мужчины, женщины, дети... Сначала немецкие танкисты, потом и американские, пораженные невиданным зрелищем, прекратили огонь. Наступила тишина, и отец Адриан вывел всех своих из зоны огня.

В городке Вендлингене отец Адриан создал церковь, служил ежедневно. К нему потянулись те, кто скрывался от репатриации. Люди, доходившие до полного отчаяния, оказавшиеся на грани самоубийства, находили у отца Адриана утешение, уезжали, уходили просветленными и успокоенными.

В 1949 году со всей своей церковной общиной отец Адриан переселился в США.

На северо-восток от Нью-Йорка, на правом берегу Гудзона, есть тихий провинциальный город Спринг Валли, а рядом — Ново-Дивеевский монастырь, принадлежащий Русской Зарубежной Церкви.

Здесь храм, построенный в стиле древнерусских псковских храмов. Здесь монастырские службы.

Здесь и Русский Пантеон – наше православное кладбище.

На главной аллее — памятник руководителям и участникам Освободительного движения периода Второй мировой войны, погибшим в борьбе против коммунизма, за свободу России.

На главной аллее – часовня в память погибших чинов Русского корпуса, сражавшегося против коммунистов в Югославии.

Участок кладбища, где покоятся белые воины, солдаты и офицеры Добровольческой армии генерала Деникина и Русской армии генерала Врангеля.

Рядом – участок кладбища, где похоронены солдаты и офицеры POA.

Я не раз обходил кладбище, останавливался у памятников, на которых знакомые по печати, по истории эмиграции, по встречам и личной дружбе имена российских эмигрантов. Здесь и воздух наш, российский.

История Ново-Дивеевского монастыря неразрывно связана с именем архиепископа Андрея Роклендского. Роклендский – это по названию района, или графства, как здесь называется район, части штата Нью-Йорк.

Осенью 1949 года Синод Зарубежной Церкви поручил отцу Адриану основать в США русский женский монастырь, собрать из разных стран нашего рассеяния монахинь. Мужской монастырь был основан еще до войны – это Свято-Троицкий монастырь на севере штата Нью-Йорк, около городка Джорданвилль. Теперь основывался женский монастырь.

Отец Адриан, его многолетний друг и помощник князь Д. В. Мышецкий, вся община начинали буквально с ничего: не было ни цента денег, но были вера и желание создать монастырь. Для стороннего наблюдателя — случайно, а для верующего — вовсе не случайно, а по Промыслу Господню, был получен бесплатно пустующий особняк. Через полгода приобрели землю с большим домом и с другими постройками.

Здесь был католический монастырь. Католическим организациям вообще запрещено продавать недвижимое имущество и землю православным. Долго беседовавший с игуменьей монастыря, отец Адриан произвел на нее такое впечатление, что она лично поехала в Нью-Йорк к кардиналу Спельману и получила от него разрешение на продажу монастыря русским эмигрантам. Штатные власти не дают разрешений на устройство новых кладбищ. Отец Адриан добился разрешения, и кладбище при монастыре было основано.

Обратившись к эмиграции, тогда еще неустроенной, только начинавшей новую жизнь в незнакомой стране, отец Адриан собрал средства на постройку храма, – и храм стоит и радует глаз каждого, кто подъезжает к монастырю.

Еще одно испытание постигло отца Адриана: умерла матушка Евгения Григорьевна.

В феврале 1968 года отец Адриан принимает монашество. В том же году хиротонисан во епископы, становится викарным епископом Нью-Йоркской епархии – Андреем Роклендским. В 1973 году, в день его 80-летия, возводится в сан архиепископа. В этот день, как нежданный подарок, пришло письмо от Нельсона Рокфеллера, бывшего в то время губернатором штата Нью-Йорк. Рокфеллер поздрав-

лял Владыку с 80-летием, с архиепископством и сообщал, что монастырь, основанный Владыкой, ко дню его рождения объявлен правительством США Национальной святыней.

Таким образом, закончилась длительная тяжба монастыря со штатными властями, пытавшимися осуществить черное дело отчуждения монастырской земли под аэродром. По соседству с монастырем есть небольшой аэродром. Некоторые деловые круги решили этот аэродром расширить, построить крупный, готовились уже к захвату монастырской земли. Конечно, не даром, а за соответствующую плату — по штатным законам. Если бы эти круги дело выиграли, — и кладбище, и все монастырские постройки, и церковь, — все было бы сравнено с землей, и вместо умиротворяющего звона церковного колокола окрестные жители слушали бы вой реактивных самолетов.

Уже с надорванным нелегкой жизнью здоровьем, больной, Владыка Андрей, поддержанный Синодом, всей Церковью нашей, всей эмиграцией, отстоял и монастырь, и наш Пантеон. Для этого Владыке пришлось ехать в столицу штата Олбани, где он выступил на объединенном заседании Сената и Ассамблеи штата. Выступали и адвокаты монастыря, но выступление самого Владыки произвело на штатных законодателей такое впечатление, что было вынесено единогласное решение об отмене решения о расширении аэродрома, и таким образом монастырь остался невредимым.

Архиепископ Андрей скончался после продолжительной и тяжкой болезни 12 июля 1978 года, в день Святых Апостолов Петра и Павла.

Ровно в 11 часов вечера, через 15 минут после его кончины, раздался колокольный звон. Двенадцать ударов колокола известили насельников монастыря, что архиепископ Андрей, почитаемый и любимый всеми, кто жил в монастыре, всеми, кто знал его, отошел в вечность. Князь Д. В. Мышецкий вспоминает: «Звонила монахиня Елена, которая знала Владыку еще на родине. Весь наш домик осветился электричеством. Все живущие в монастыре, услышав звон, увидев свет, поняли: Владыки не стало. Со всех сторон потянулись они вереницами к домику, на первую панихиду».

В последний путь провожали архиепископа Андрея сотни людей, съехавшихся из разных штатов. Провожали российские эмигранты, чтившие его память.

Память о нем останется навсегда в душах тех, кто знал его, кто видел хоть раз в жизни. Пусть знают о Владыке Андрее и верующие в самой России. Церкви Православной служил он всю жизнь, до конца дней своих, а служа Церкви, служил и родине нашей, встающей из духовного пепла, вырывающейся из духовного плена.

# Татьяна Сперанская

## О РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ. О РУССКИХ КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Я родилась в Чехословакии, в семье белых эмигрантов. С детства меня водили, а потом я сама ходила, в церковь, и всё, везде было по-русски. Но так было не только у меня одной, и не только в моей семье, где нас, детей, так воспитывали.

Родители попали в Чехию через Галлиполи, Болгарию в начале 1920-х годов. После приезда русские сразу открывали храмы и объединялись. В Моравской-Тршебове (Могаvskej Trebove) открылась гимназия, для которой был предоставлен большой пустовавший комплекс бывшего лагеря для военнопленных периода Первой мировой войны. То город был в Судетской области, где подавляющее большинство составляли немцы, и переселение сюда русской гимназии помогло увеличить славянское население области, что служило поддержкой чешскому меньшинству. Здесь русские молодые люди, многие из которых прервали обучение из-за переворота 1917-го и Гражданской войны, смогли закончить образование. Было очень трудно, тяжелые барачные условия, маленькие стипендии, но почти все мы окончили университеты.

В Чехословакии среди русских эмигрантов были доктора, артисты, научные деятели... И у всех, несмотря на успехи, сохранялась надежда вернуться домой в Россию; все «сидели на чемоданах».

Во время Второй мировой войны, несмотря на то, что немцев не любили, всё же вспыхнула надежда на возвращение! «Вот, немцы уничтожат коммунизм, и мы поедем домой!» Увы... Всё оказалось иначе – там тоже был изверг, вроде Сталина!

После школы в Моравской-Тршебове открыли настоящую русскую гимназию, она просуществовала до 1940-х годов. Была масса кружков, объединений, русское отделение «Сокола», оркестр... Так жило и следующее поколение. Теперь многие уже «очехились», и, к большому сожалению, почти ничего не осталось — ни кружков, ни объединений, да и православная церковь на Ольшанском кладбище еле существует.

С 1939 года мы жили на Словакии, в Братиславе. Там тоже была церковь, где наш батюшка занимался с нами, детьми. В Ладомирово, при монастыре преподобного Иова Почаевского, откуда наш Владыка Митрополит Лавр, работал детский летний лагерь. Взрослые делали всё, чтобы сохранить православие, русскость, память о прошлом. И мы пытались им помочь в этом.

Приехав в Америку в январе 1950 года, я начала учиться, работала, посещала церковь, пела в хоре. Там познакомилась с Михаилом Михеевым. Он был деятельным скаутом и уже стал секретарем в Кадетском объединении. Сразу после того, как мы поженились, я начала помогать Мише. Кадеты отмечали два основных праздника в году, на Святых Константина и Елену и, в декабре, на Святого Александра: ежегодно устраивали большой благотворительный бал в Нью-Йорке, на который съезжались со всего Зарубежья. К балу готовились – вырезались «ушки» и наклеивались на погончики 34-х российских корпусов, существовавших до 1917 года. Эти погончики дама-помощница накалывала кадетам при входе в зал на обшлаг костюма – согласно его корпусу. Если гость был не из кадет, то ему давали самому выбрать погончик. Делались пожертвования, больше всего - на Суворовские корпуса. Пожертвования составляли большую часть доходов от благотворительного бала. Членские взносы тратились на помощь нуждающимся однокашникам, организации ОРЮР и другим нуждающимся, по усмотрению правления. Кадетские объединения были на западном и восточном побережье США, в Канаде, Венесуэле, Аргентине, Бразилии, Бельгии, Франции, Австралии.

Через какое-то время было решено устроить Всекадетский съезд. Первый съезд прошел в Лэйквуде, штат Нью-Джерси, - прошел скромно, но многолюдно. Там решались разные деловые вопросы, и в результате возродился журнал «Перекличка». Михаил Михеев пробыл секретарем более 20 лет; он скончался в 1976 году. Через несколько лет я вышла замуж за Глеба Н. Сперанского, председателя Объединения. При нем на съезды начали приезжать из России. Я была участником всех съездов, но в Россию не ездила. Сперанский скончался в 1995 году. При председателе Г. А. Денисенко кадеты решили устроить XXI, Заключительный съезд. Он прошел в Белой Церкви, в Сербии, в июне-июле 2010 года. Это был незабываемый съезд! Невозможно описать все переживания кадет – седых, с палочками, но в строю, как струна стоящих... Очень было печально видеть, что из старших зарубежных кадет осталась лишь горсточка. Мы посетили старое здание кадетского корпуса, провели парад, «Зарю с Церемонией» со знаменами и оркестром, с пением исторических гимнов Сербии и России «Боже правды» и «Боже, царя храни», кадетского гимна «Наш полк» и «Песни дворянского полка». Потом мы посетили кладбище с захоронениями кадет, где отслужили панихиду. Нас приятно удивило, насколько кладбище было убрано, это было сделано мальчиками-кадетами из России. В течение двухтрех лет их привозили в Сербию, и они там работали.

К моему счастью, позднее я все-таки слетала в Россию, побывала в трех российских корпусах. Наши зарубежники старались передать им свои традиции – но это трудно. В современной России живут своими законами, по-своему, – и это уже не то... Дай Бог, настанет день, когда в России любовь к Церкви и традициям возродится и там перестанут смешивать то, что не совместимо.

А мы в Зарубежье должны сохранять наше наследие и молить Бога, чтобы Россия – наш народ – наконец зажила нормальной жизнью!

# Виктория Курченко,

председатель Пушкинского общества Северной Америки

# ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. А. ЛОДЫЖЕНСКОЙ ОБ А. Ф. КЕРЕНСКОМ

Екатерина Ивановна Лодыженская – врач, общественный деятель, с 1995 по 2009 гг. – председатель Пушкинского общества Америки, меценат, член комиссии Литфонда «Нового русского слова», образованного в Нью-Йорке до Второй мировой войны. Е. И. Лодыженская родилась в Петрограде в 1916 году в дворянской семье социал-демократа Ивана Ивановича Лодыженского и его супруги, Марии Петровны Донской. Глава семьи имел экономическое образование, работал в банке и близко к сердцу принимал отчаянное положение народных масс. В 1923 году Лодыженские эмигрировали в Париж. В среде первой волны эмиграции сформировались культурные предпочтения их дочери. Она помнила встречи с Бальмонтом, Цветаевой, Буниным, Бенуа и многими другими известными представителями русской культуры.

В 1941 году, сразу после оккупации немцами Франции, семье Лодыженских удалось перебраться в США. Екатерина, владея в совершенстве французским, поступила в медицинский университет в Монреале, который и закончила по специальности «педиатрия». Свою первую работу она получила в госпитале на пограничном пункте Эйлис Айленд. Там часто была переводчиком и психологом, помогала людям переживать стресс всей сложной и унизительной процедуры таможенного досмотра и медицинской комиссии, поддерживала многих русскоязычных беженцев.

Затем Доктор Лодыженская – так ее называли до последних лет жизни – открыла свою практику: ее офис обслуживал пациентов на дому. Она лечила детей практически всего «русского Манхэттена».

Об этом, уже после ее смерти, вспоминали многие, давно седовласые мужи. Среди ее маленьких пациентов, к примеру, был сын известного американского художника русского происхождения С. Л. Голлербаха.

Затем Екатерина Ивановна преподавала педиатрические дисциплины в Колумбийском университете. В 91 год она и сама записалась туда на несколько спецкурсов: «Шекспироведение», «Мировая литература» и «История архитектуры». С ней в группе было несколько престарелых студентов. Посещение занятий доставляло им необыкновенное удовольствие, особенно возможность «сбегать» с лекций на кофе.

Е. Лодыженская не вышла замуж и прожила со своими родителями в одной квартире всю их жизнь, разделив с ними и общность культурных интересов. Они никогда не переезжали из Нью-Йорка, их жизнь слилась с историей города, как и с историей русской эмиграции.

Я познакомилась с Екатериной Ивановной в 2001 году. Долгими вечерами она надиктовывала мне свои воспоминания. Расшифровка «разговоров» всегда сопряжена с трудностями, прежде всего с временными, с проверкой фактов, соотнесением их с другими источниками. Первый из фрагментов посвящен пожалуй самому известному человеку из близкого окружения Екатерины Ивановны Лодыженской – А. Ф. Керенскому.

По свидетельству Екатерины Ивановны, Александр Федорович Керенский с женой Нелли (Лидия Эллен Триттон) прибыл в Нью-Йорк на огромном трансатлантическом морском лайнере 12 августа 1940 года. За год до этого в Америке состоялась их свадьба сразу после официального развода с первой женой Керенского — Ольгой Львовной, в девичестве Барановской. Процедуру расторжения семейных уз она затягивала намеренно — очевидно, до последнего надеясь на восстановление отношений. Их союз распался еще в 1917 году.

Молодожены выбрали для официального вступления в брак тихое место в городке Истон, штат Пенсильвания, дабы не привлекать внимания папарацци и не доставлять нежелательных эмоций членам прежней семьи. Затем они вернулись в Европу.

В 1940 году Нелли и Александр сняли небольшую квартиру на Парк Авеню и жили в ней до 1942 года. Потом у них появилась дача на границе штатов Нью-Йорк и Коннектикут; там в дубовом доме был воссоздан быт с самоваром и сладостями «а ля рюс», но с американскими спортивными играми, «рекордами» хорошей формы. Керенского везде приглашали выступать с лекциями, за которые он получал большие гонорары. Нелли – профессиональный журналист, в бытность их во Франции работавшая парижским корреспондентом ряда австралийских изданий, – была у А. Ф. Керенского секретарем,

водителем, переводила документы и материалы, помогала в издательской деятельности. В США она продолжала оставаться его первой помощницей. По признанию Александра Федоровича, это были его самые счастливые годы.

Совместная жизнь с Нелли была также наполнена встречами с бесконечными посетителями, политическими дискуссиями, без которых он не мог существовать. Круг знакомых был необычайно широк. Супруги сблизились с Хелен и Кеннетом Фаррендом Симпсонами (Helen and Kenneth Farrand Simpson), у которых останавливались в 1939 году. Их друзья были страшными ненавистниками коммунизма и сочли за честь предоставить чете Керенских апартаменты в своем просторном доме в эксклюзивное пользование.

Мистер Кеннет Симпсон был политиком, с 1935-го по 1940 год возглавлял комитет Республиканский партии в Нью-Йорке. В ноябре 1940 года он был избран в Конгресс по 17-му округу от штата Нью-Йорк и выступал против предоставления помощи Советскому Союзу в рамках будущей программы лендлиза. В январе 1941 года К. Ф. Симпсон умер от сердечного приступа, а закон о лендлизе был принят в полном объеме в марте того же года (Lend-Lease Act, 11 March 1941).

Керенские стали часто останавливаться на правах постояльцев в шикарном таунхаузе в доме по адресу 109 East 91 Street, New York, NY, но продолжали снимать собственную квартиру. Потом, уже будучи вдовцом, Керенский проживал у Симпсонов около двадцати лет, что засвидетельствовали многие. (В том же районе, ближе к Колумбийскому университету, была квартира Лодыженских на 113 улице).

Поскольку Александр Федорович был фигурой первой величины, он сразу стал привлекать к себе внимание всей русской колонии — как со стороны сторонников и сочувствующих, так и со стороны бывших политических противников — коммунистов и монархиствов. Где бы ни появлялся Керенский, он всегда собирал полные залы, проявлял свой ораторский талант, а в личных беседах слыл знатоком театра, искусства и литературы. Не все знают, к примеру, что он даже писал стихи, поднимая в них тему одиночества, смысла жизни, возмездия. Вирши последних лет написаны им по-английски. Именно этот факт побудил Екатерину Ивановну на склоне жизни также заняться поэтическими экспериментами. За год до смерти она в рифму сожалела о своем несостоявшемся счастье. Вот эти строки:

О любви писать мне поздно в девяносто лет, Ангел смерти рядом пляшет, манит в свой ковчег. Каждый день теперь – подарок, только сил уж нет, Чтобы зря пропущенное счастье возместить... «Александр Федорович мог быть настоящим поэтом, – говорила моя собеседница, – у него замечательные, пронзительные тексты, жаль, что я не могу сейчас найти ни одного его стихотворения...»

Как мы знаем, эмигранты с началом войны разделились на тех, кто поддерживал советскую власть в борьбе с фашизмом, и на тех, кто видел в войне конец большевизма. Керенский желал победы советскому народу, однако осуждал договор Молотова-Риббентропа 1939 года и трактовал его как доказательство одинаковой природы двух человеконенавистнических режимов.

В среде новых американцев не утихали политические споры. «Мы вели обычные русские разговоры», — говорила Е. И. Лодыженская. Обсуждение новостей из России было тем фоном, на котором формировались круги единомышленников, вызревала поддержка деятельности многочисленных организаций. К окончанию войны оживились настроения, связанные с осуждением СССР. Многие призывали к немедленной борьбе с бывшим союзником. Такой подход Керенский, по словам Лодыженской, считал ошибкой. Однако наблюдая за реальностью, он утверждал, что раскол по оси «капитализм — коммунизм» неизбежен, и мир ожидает борьба двух противоположных систем социального развития.

В середине сороковых годов счастливая идиллия семьи Керенских внезапно прервалась: тяжело заболела Нелли. Было принято решение отправиться к ее родителям в Австралию, в город Брисбен (Brisbane). Там на руках у любящего мужа она вскоре скончалась, а Александр Федорович впал в тяжелую депрессию. Надо сказать, что по завещанию своей жены, которая была дочерью владельца мебельной фабрики, Керенский получил какие-то деньги. Поэтому слухи о его нищенском существовании, мягко говоря, сильно преувеличены.

Лодыженские получали сведения о личной ситуации Керенского из Австралии через общих знакомых. А. Ф. сообщал о сложностях, связанных с обратным отъездом в США. Это была весна 1946 года, «достать билеты на транспорт» не представлялось возможным — морские суда были задействованы для передислокации войск, для отправки демобилизованных и пленных. Керенскому пришлось ждать полгода возможности приобрести билет в Америку.

13 марта 1949 года в Нью-Йорке на учредительном собрании была образована «Лига борьбы за народную свободу». Главным печатным органом Лиги стала «Грядущая Россия», а главным редактором выбрали А. Ф. Керенского. Отец Екатерины Ивановны был его помощником и секретарем. Он также часто бывал в особняке Симпсонов и печатал на пищущей машинке отдельные главы воспо-

минаний – как со слов Александра Федоровича, так и разбирая самостоятельно его черновики. Возвращаясь домой, Лодыженский признавался близким, что в кабинете Керенского было очень приятно работать.

Квартира Лодыженских в какой-то момент превратилась в редакцию журнала, куда приходили как знакомые, так и незнакомые люди. В Лиге состояли эсеры В. Зензинов, В. Чернов, меньшевики Р. Абрамович, Б. Николаевский, Д. Далин и другие.

Кроме этого, Иван Лодыженский принимал активное участие в издании «Социалистического вестника»<sup>2</sup>. По словам его дочери, он сам не являлся автором, но выполнял всю техническую работу: редактировал и «выстраивал» тексты, подбирал их, набирал, после чего материалы отправлялись в типографию. На страницах этого «листка» (по определению Лодыженской) часто выступал известный философ и историк Г. Федотов. С его дочерью Ниной Георгиевной Екатерина Ивановна вместе училась в Париже и дружбу с ней пронесла через всю жизнь. До своего «ухода в религию» Георгий Петрович Федотов был меньшевиком, как и отец известного американского историка М. И. Раева. Представители старшего поколения тесно общались, а их дети тоже сохраняли близость, принадлежность к касте «своих».

Как вспоминала Лодыженская, приверженность идеалам Февральской революции была тем связующим звеном, которое объединяло представителей политической эмиграции. Поначалу они совместно выступили с заявлением не сотрудничать с потенциальными реакционерами всех мастей, с фашистами и монархистами. Какое-то время сотрудничество «со скрипом» поддерживалось, пока совсем не прекратилось из-за разногласий. Керенский тяжело переживал невозможность договориться с былыми соратниками – казалось бы, близкими по взглядам участниками борьбы за некоммунистическое будущее России.

Здесь, в Нью-Йорке, бывшие участники революционных событий оказались словно «законсервированы» в своем времени, словно события тех лет для них не прошли, – да, возможно, так оно и было. Вот как Р. Б. Гуль описывал общение на заседаниях Лиги, в которой он тоже принимал участие: «Церетели резко отрицательно относился к Керенскому. А Б. И. Николаевский, с которым в Лиге у А. Ф. Керенского были плохие отношения, однажды на заседании бюро Лиги, когда Керенский по какому-то поводу что-то сказал о морали, вдруг резко пробормотал: 'После дела Корнилова у вас нет права говорить о морали'». (Р. Гуль, «Я унес Россию»)

Сам факт, что не он, Керенский, а Николаевский был избран

председателем Лиги, очевидно, угнетал знаменитого либерала, ибо именно его имя ассоциировалось во всем мире с Февралем; так он считал. Обида подтолкнула Керенского к активным действиям. В 1948 году он написал открытое письмо И. В. Сталину (от 23 октября) и в нем обвинил советское руководство в подмене социалистических идей, в диктатуре, обрушившейся на народы России и Восточной Европы. Этот шаг был воспринят его недоброжелателями как жест популизма.

К этому времени Керенский, по наблюдению Екатерины Ивановны, уже заметно изменился: смерть жены, ситуация внутри Лиги, проблемы со здоровьем — все это отражалось даже на его лице, оно приобрело темный цвет, свидетельствующий о явной почечной болезни. Но глаза продолжали гореть. Александр Федорович много и долго любил ходить пешком, всегда гулял без головного убора, попрежнему был ответственен и деятелен.

В 1949 году он отправился в Европу и посетил Париж и Лондон. На радиостанции Би-би-си он записал «Обращение к гражданам России» на русском языке, предупреждая о возможности новой ядерной войны: «Неужели среди партийцев, штатских и военных, находящихся на верхах власти, неужели среди них не найдется в канун возможной новой войны людей с человеческим сердцем, с чувством ответственности перед народом, с самоотверженной любовью к родине, — не найдется людей, которые подумали бы о том, как предотвратить новую катастрофу и освободить наш народ?» Затем этот текст был записан по-английски и был передан американским политикам.

В 1951 году Александр Федорович возглавил «Российское народное движение», которое образовалось в 1949 году в Париже. Статус руководителя международной организации открывал для Керенского новые возможности и связывал его с Американским Комитетом Освобождения России (American Committee for Liberation of Russia – сокращенно: Amcomlib). Комитет был создан в Нью-Йорке как частная корпорация в январе того же 1951 года с целью объединить все эмигрантские движения для создания единого антикоммунистического фронта. Участие в этом процессе А. Ф. Керенского, вновь как действующей масштабной фигуры, привлекло внимание всей западной общественности<sup>4</sup>. Екатерина Ивановна вспоминала: «Время было сложное, все со всеми ссорились, у нас отсутствовало тогда само понятие толерантности. Отец был целый день занят чтением газет, все обсуждали появление Американского Комитета Освобождения России, портреты Керенского мелькали повсюду, он вновь стал знаменит».

В человеческом же измерении его личной драмой оставался миф о бегстве из Зимнего дворца в женском платье. Он часто возвращался к этой теме и всякий раз напоминал своим слушателям, что эта фальшивка была специально сфабрикована его недругами, желающими уничтожить его, создав карикатурный образ. «Нам он казался заслуженно большим государственным человеком, который сохранил свое достоинство до глубокой старости.» Лодыженская привела один эпизод, который, по ее мнению, очень ярко характеризовал бывшего председателя российского правительства. Однажды, когда он был уже глубоким стариком, на Бродвее А. Ф. стал свидетелем того, как чернокожий парень пытался отнять сумочку у молодой женщины, не обращая внимания на его присутствие. Керенский не растерялся и замахнулся на хулигана своей тростью, яростно пригрозив ему, — тот опешил и убежал. Сумочка была спасена, а ее обладательница долго благодарила защитника, проводив его прямо до квартиры Лодыженских...

В 1955 году из Гуверовского института мира, революции и войны при Стэнфордском университете к Керенскому обратились с предложением проконсультировать их и помочь в подготовке издания документов, связанных с работой Временного правительства в 1917 году. И в 1961–1962 годах вышел в свет трехтомник «The Russian Provisional Government», над которым трудились работники архивной коллекции, а комментировали и редактировали сведения историк Р. Браудер и А. Ф. Керенский.

Войдя во вкус работы и значительно освежив и осмыслив произошедшее, Керенский сосредоточился на подготовке и издании своих мемуаров. Увесистый том был опубликован под названием «Russia and History Turning Point». На экземпляре книги, подаренной лично Екатерине Ивановне, была сделана надпись по-русски с употреблением одной латинской буквы: «На память об Иван Ивановиче Ек. W. Лодыженской. Александр Керенский. 21 марта 1966 года. Нью-Йорк». На русский язык мемуары перевели только в 1993 году – «Россия на историческом повороте».

Надо отметить, что многих впечатляло то, что работу над воспоминаниями Керенский совмещал с чтением лекций в Стэнфордском университете; он спокойно курсировал между Калифорнией и Нью-Йорком, а лектору к этому времени было уже за восемьдесят. «Было ощущение, что он вновь переживает период активной зрелости, — замечает Екатерина Ивановна, — вот что значит востребованность для выдающегося человека; от былой депрессии не осталось и следа.»

Последняя открытая лекция Александра Федоровича в качестве профессора прошла в колледже Каламазу (College in Kalamazoo), штат Мичиган, в 1967 году.

Добрые отношения с первой женой, Ольгой Львовной Барановской-Керенской, и с сыновьями дали возможность А. Ф. часто прилетать в Лондон, общаться с внуками. Как, скажем, в 1968 году в доме Мани Харари. Мани Харари, урожденная Бененсон, и две ее родные сестры — графиня Фира Ильинская и особенно Флора Соломон — были дружны с Керенским много лет. Дамы принадлежали к высоким финансовым кругам западного истеблишмента и часто устраивали для А. Ф. благотворительные встречи. Олег Александрович Керенский был знаменитым мостостроителем, инженером с международным именем, вполне состоятельным человеком. Поэтому очень странно и неправдоподобно выглядит рассказ советского журналиста Генриха Боровика об определении Керенского... в абортную клинику для бездомных, откуда его героически вывозит Елена Иванова.

Корреспондент Русской службы Би-би-си Леонид Владимиров смог побеседовать с легендарным правителем России 1917-го года: «Это был последний визит в Англию Керенского – профессора emeritus Стэнфордского университета в Калифорнии. Через два года, в 1970 году, он скончался... На момент моей встречи Александру Керенскому было 86 лет. Я бы сказал, что дряхлым он не был. Особенным – да».5

Со слов Лодыженской, в последние годы Керенский жил в районе Ист-Сайд, был в хорошей форме, пересекал в прогулках весь Центральный парк и самостоятельно доходил до Колумбийского университета, до последнего был совершенно здоров. Когда у него диагностировали рак кишечника, прилетел его сын Олег и положил его в госпиталь Святого Луки на Амстердам Авеню для срочной операции. У сына и отца были теплые, дружеские отношения. Екатерина Ивановна навестила Керенского за день до смерти, он узнал ее и даже вспомнил имя и отчество ее матери. В этом госпитале он умер 11 июня 1970 года. Новость напечатали почти все газеты мира.

Но поскольку интернет-пространства тогда не существовало, заметки о кончине «утонули» в библиотечных отделах и домашних собраниях, а шлейф слухов продолжал свое собственное существование. Была запущена в ход небылица, которая и сегодня гуляет в Сети, о том, что православные священники Нью-Йорка якобы отказались отпевать и хоронить Александра Федоровича на местном кладбище как «разрушителя монархии» и поэтому его похоронили в Лондоне, на кладбище для бедняков без определенной религии.

На самом деле все было иначе: в Нью-Йорке 14 июня 1970 года в 12 часов дня протоиерей Александр Киселев, который был более двадцати лет духовником покойного, в церкви святого Серафима Саровского совершил обряд отпевания в присутствии самых близких членов семьи. В тот же день в похоронном бюро «Кемпбелл», угол

Мэдисон Авеню и 81-й улицы, состоялось прощание и панихида. На ней присутствовало около 350 человек.

Екатерина Ивановна хранила газетные вырезки с подробностями и репортажем процесса прошания. Комментируя их. она вспоминала какие-то детали, которые помогли воссоздать всю торжественность траурной церемонии. Провожали А. Ф. Керенского в последний путь с образом святого благоверного князя Александра Невского. Рядом с гробом находились Олег Александрович Керенский, племянник П. В. Алферьев, миссис Хелен Симпсон, Елена Иванова – муза и секретарь последних лет, Леокадия Мациунас, Елена Извольская. Второй круг составляли: графиня Фира Ильинская, публицисты и американские писатели Юджин Лайонс, Исаак дон Левин, Ноэл Фэйрчайлд Буш, Сузан Лафолетти, Давид Шуб, А. А. Гольденвейзер, репортеры «Нью-Йорк Таймс», «Дейли Ньюс», радио «Свобода», редактор «Нового Журнала» Р. Б. Гуль с супругой, коллектив «Нового русского слова» – А. Седых, А. А. Поляков, Г. Раковский, П. П. Целуевский, В. К. Завалишин, представители академического мира, духовенство: протоиереи Александр Киселев и Кирилл Фотиев, настоятель сербской церкви Иванович и многие другие<sup>6</sup>.

Открыл панихиду отец Александр Киселев, который подчеркнул, как горячо любил Александр Федорович Россию. «Как верующий человек он сознавал и каялся в своих прегрешениях — вольных и невольных. Судить людей может только Господь. Смертным же нужно только молиться об упокоении Александра Федоровича, который был человеком благородной и чистой души.» Загробные речи сопровождались пением Митрополичьего хора Свято-Покровского собора под управлением Н. П. Афонского.

Затем выступил Исаак дон Левин. На следующий день газета «Новое русское слово» опубликовала полностью его речь под заголовком «Четыре главные заслуги А. Ф. Керенского». Привожу этот текст:

«Среди многих заслуг перед человечеством, которые не забудет история, у Александра Федоровича Керенского было четыре главных.

Первая из них – любовь к России. В кругу его близких все знали, как глубоко любил он свою родную землю, как гордился ее культурным наследием, как вдохновляла его история трагической борьбы России сквозь века – за свободу. Россия была для него священной.

Многие его друзья, бывшие министры – члены его кабинета при Временном правительстве, которое Керенский возглавлял, попав за границу, стали гражданами других государств. Но не Керенский.

Полвека он путешествовал по всему миру, несколько раз пересекал Атлантический океан со своим так называемым Нансеновским паспор-

том для бесподданных эмигрантов. Этот паспорт со множеством штемпелей когда-нибудь будет лежать под стеклом в русском музее.

Вторая заслуга Керенского перед всем миром — это короткая, но незабываемая во всем мире весна русского демократизма, когда Временное правительство Керенского пришло на смену вековому царизму и установило в стране впервые в ее истории демократический строй, невзирая на разрушительную деятельность группы заговорщиков-большевиков во главе с Лениным и Троцким.

Во время жесточайшей Первой мировой войны в первый – и, увы, последний пока что, раз в истории России осуществилась мечта многих поколений русских борцов за свободу – демократическое правительство.

Третья заслуга А. Ф. Керенского перед человечеством — это его неутомимая деятельность за рубежом, борьба против узурпаторовбольшевиков, установивших в России невиданный доселе диктаторский режим.

Уже в 1918 году Керенский появился на мирной конференции в Версале, чтобы объяснить ее участникам характер и смысл произошедшей в России катастрофы. Он верил, что свобода непобедима, но вместе с тем доказал, что если свобода отнята у людей в одном месте земного шара — она может быть отнята и в другом месте; что пример диктатуры заразителен и опасен для всего мира.

Керенский был первым из эмигрантов — строителем мостов между прогрессивной русской интеллигенцией и Западом.

В университетских кругах всего мира он объяснял феномен большевизма и предупреждал о его опасности.

За 52 года жизни за рубежом на его глазах возникали, один за другим, мировые кризисы. Создавались и исчезали новые правительства, сменялись поколения. А Керенский оставался Керенским, бывший министр правосудия судил события и правящих миром справедливо: 'Познавайте вашего врага — это сделает вас свободными'.

Четвертая заслуга Керенского перед Россией и миром — это за кратчайший срок блестящее разрешение им национального вопроса в такой огромной и пестрой по этническому составу стране, как Россия.

Теперь, если сравнивать Керенского с вождями нашего времени, то он среди них займет в истории одно из самых почетных мест.

За долгую жизнь Керенского – после падения российской империи – пала империя британская. Пала империя кайзеровская, а ее наследники – фашисты – привели страну к национальной катастрофе. Линия Мажино<sup>7</sup> не спасла Францию от разгрома. Американская дипломатия проиграла в Тегеране и в Ялте – она привела к тому, что до

сих пор, через 25 лет после окончания Второй мировой войны, приходится держать почти миллион американских солдат за рубежом.

Старый Керенский хотел людям всего мира добра. Любовь к людям, борьба за справедливость во всем мире — главные рычаги его деятельности. Но больше всего он любил свободу»<sup>8</sup>.

После ритуала прощания в США сыновья А. Ф. Керенскго переправили гроб с телом в Лондон. Вполне может быть, что на этом решении настаивала Ольга Львовна, их мать. Через пять лет она разделила вечность рядом с бывшим мужем, а спустя годы и прах их детей разместился там же. Воссоединение состоялось на ухоженном кладбище Putney Vale, где покоятся останки людей разных вероисповеданий и социальных слоев.

Нью-Йорк

<sup>1.</sup> Род Лодыженских, или Ладыженских, занесен в справочники дворянских фамилий. Своими корнями Екатерина Ивановна стала гордиться лишь под конец жизни, до этого она весьма презрительно отзывалась о дворянстве – как и положено дочери социал-демократа.

<sup>2. «</sup>Социалистический вестник» – журнал, издававшийся группой Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевики) в 1921–1965 годах. Издавался в Берлине, Париже и Нью-Йорке. Основан Ю. Мартовым и Ф. Даном. Последний главный редактор – Соломон Шварц.

<sup>3.</sup> URL: http://teatr.audio/kerenskii-a-f-obraschenie-po-radio-iz-londona

<sup>4.</sup> URL: Suddeutsche Zeitung, 1951; Frankfurter Frandschau, 1951; Alexandr Fedorovich Kerenski kam aus New York // Suddeutsche Zeitung. – № 230. 18 august 1951.; Kerenskij in Stuttgart // Frankfurter Frandschau. № 194. 22 august 1951.

<sup>5.</sup> URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid 6426000/6426025.stm

<sup>6.</sup> Цитаты и перечень присутствующих приводятся по фрагментам газет, переданных Е. И. Лодыженской, сохраняются в архиве LIAC, созданном в ее честь при Пушкинском обществе Америки.

<sup>7.</sup> Линия Мажино – система французских укреплений на границе с Германией. Названа по имени военного министра Андре Мажино.

<sup>8.</sup> Газета «Новое русское слово» от 15 июня 1970 года, Нью-Йорк.

# КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА

# Т. В. Гордиенко

# Педагогический опыт Л. Д. Ржевского

Леонид Денисович Ржевский (1903–1986, настоящее имя – Суражевский) — прозаик, литературовед, литературный критик, мемуарист второй (послевоенной) эмиграции, отдал преподаванию более 35 лет, совмещая с литературным творчеством свои академические занятия: в СССР — преподавателя русского языка и литературы, доцента, а за рубежом — профессора кафедры славистики в New York University. Однако эта сторона его деятельности до сих пор не привлекала внимание исследователей, в отличие от интереса к его личности как писателя и ученого-филолога.

В словари и справочники Л.Д. Суражевский вошел как Л. Д. Ржевский, ибо за границей он именно так подписывал все свои книги, статьи, письма, и со временем избранный псевдоним вытеснил настоящую фамилию 1. Происхождение псевдонима связано с малой родиной Суражевского. Он родился под Ржевом в семье гвардейского офицера Дениса Алексеевича Суражевского и Елизаветы Сергеевны де Роберти ла Церда; детей было двое – Леонид и Наташа (в будущем – преподаватель русского языка и литературы). Мать – учительница, отец – одаренный пианист и художник, с Гражданской войны «вернулся почти инвалидом», работал в просвещении и «по преимуществу дома, чертежником» (из автобиографии Ржевского).

С 1945 г. Суражевский жил на Западе. Валентина Синкевич в очерке, посвященном Ржевскому, говорит о четырех взаимоисключающих друг друга мирах Ржевского: «...старая Россия, в которой прошло его детство, Советский Союз (годы учебы и начало педагогической деятельности), военное время (для него это фронт, лагерь и больница) и, наконец, современный Запад (Европа и Америка), где впервые появилось в печати имя Л. Ржевского» (автор имеет в виду художественные произведения Ржевского. – T.  $\Gamma$ .)<sup>2</sup>. По намеченным Синкевич вехам и построена эта статья.

Старая Россия. Детство писателя прошло в Лацердовке, родовом имении деда по материнской линии. Сергей Валентинович де Роберти Лацерда (? — 1924) принадлежал к древнему аристократическому испано-французскому роду Роберти де ла Церда де Кастро де Кабреро фон дер Тан (предки обосновались в России в середине

XVIII века – одна ветвь из Франции, другая – из Испании). Сергей Валентинович восемь лет прожил в Европе, окончил Гейдельбергский университет, получил степень доктора математики, в Германии женился на баронессе де Лямке, в семье родилось 15 детей. В памятной книге Тверской губернии за 1915 г. он отмечен как тверской помещик. На визитке, «пародируя титулование самодержцев», неизменно обозначал себя так: «С.В. де Роберто-Лацедра. Доктор чистой математики Гейдельбергского университета, гласный тверской Думы, старший предводитель дворянства, почетный мировой судья и проч., и проч., и проч.». В автобиографических заметках внука также указано, что политические взгляды Сергея Валентиновича, его связь с «Землей и волей», знакомство с П. Л. Лавровым, А. И. Герценом, М. А. Бакуниным, последовательные выступления против самодержавия не мешали ему жить в имении как за каменной стеной, наслаждаясь свободой, природой, благополучием; легальные протестные формы общественной деятельности он использовал, но профессорская деятельность ему была запрещена<sup>3</sup>. Между тем его старший брат Евгений Валентинович де Роберти (1845–1915) - социолог, философ, публицист, общественный деятель - был профессором Петербургского университета и пользовался большим авторитетом.

После революции семью потеснили, однако в знак уважения к хозяину за его приверженность революционным идеям Советская власть оставила ему от всех угодий Лацердовки «пятачок обнесенной елями усадьбы да два-три лужка вокруг» (Л. Д. Ржевский). Когда он умер, власти города предлагали гражданские похороны, но родственники предпочли церковные. Похороны заняли почти целый день: окрестные крестьяне потребовали, чтобы процессия прошла через всю деревню и почти у каждого дома выносились скамейки и отслуживались панихиды»<sup>4</sup>.

Дед Ржевского по линии отца, Алексей Павлович Суражевский, был потомственным военным, воспитывался во 2-м Кадетском корпусе, в армии прослужил 60 лет и вышел в отставку в чине артиллерийского генерала. Проявлял интерес к литературе, написал воспоминания об украинском писателе Евгении Гребенке, который был учителем и преподавал ему в кадетском корпусе русский язык и литературу<sup>5</sup>. Бабушка, Любовь Филипповна, писала статьи и детские рассказы, была знакома с Ф. М. Достоевским; ее старшая сестра Лидия – известная писательница, печаталась под фамилией Нелидова, дружила со многими литераторами, переписывалась с И. С. Тургеневым. В своих воспоминаниях Ржевский написал, что именно она посоветовала ему начать литературную карьеру.

С 1916 г. Суражевские жили в Москве; семья сохраняла основ-

ные ценности, присущие их роду, – стремление к науке, образованию, культуре. Леонид учился в Третьей московской гимназии, увлекался музыкой, театром, сценой, посещал Государственный институт слова (ГИС). Он застал старую Россию, слушал лекции Ивана Ильина, Юлия Айхенвальда, Федора Степуна, которые еще не уехали из страны. Судя по имеющимся материалам (воспоминания Ржевского, публикации о нем профессора МПГУ А. А. Коновалова и др.), он был увлекающимся юношей, спешил познать все: занимался декламацией, художественным чтением, поступил в школу-студию Камерного театра и даже сыграл несколько ролей. Но его настоящим призванием, как показало время, была литература; в гимназии, готовясь к поступлению в университет, он участвовал в выпусках гимназического литературного журнала, писал стихи.

Советский Союз (годы учебы и начало педагогической деятельности). Процесс поступления Суражевского в университет сложился весьма драматично. Поступал он во 2-й МГУ (ныне МПГУ), в первый раз не был зачислен, так как на вступительных экзаменах получил неудовлетворительную оценку, а в кандидаты не взяли. Не исключено, что одним из препятствий явилось его социальное происхождение. Но абитуриент был настойчив и обратился с просьбой все-таки включить его в список кандидатов (зачисляли 50 человек). Аргументировал так: «Отказ зачислить меня не только в число студентов, но даже и в число кандидатов является для меня чрезвычайно тяжелым с точки зрения намеченного мною плана практической и теоретической моей работы в педагогической области (Выделено мной. - $T. \Gamma.$ )». Вначале получил отказ, но при перепроверке было установлено, что двойка по математике выставлена в результате технической ошибки. После перепроверки работы он был допущен в число кандидатов на зачисление и в сентябре 1925 года стал студентом первого курса литературно-лингвистического отделения педагогического факультета 2-го МГУ. История учебы Суражевского подробно изложена и подтверждена документами в статье исследователя его жизни и творчества профессора МПГУ А. А. Коновалова<sup>6</sup>. Там же приведено письмо от 11 декабря 1925 г. за подписью некоего Ивана Музыки, в котором сообщалось, что Суражевский еще тот «типчик», «сын помещика», поступил учиться, «благодаря его знакомству с профессурой» и по поддельным документам<sup>7</sup>.

Донос Ивана Музыки, наверное, не единственный случай, когда Суражевский сталкивался с несправедливым отношением к себе на родине. Тем не менее он получил хорошее образование и приобрел практический опыт преподавания. Он был трудолюбив, настойчив и, еще будучи студентом, вел занятия по русскому языку не только в

своем вузе, но и в учебных заведениях Орехово-Зуева и Тулы, читал лекции по линии Московского лекционного бюро. В автобиографическом очерке «Про себя самого» и в его беседах с В. А. Синкевич есть упоминание о том, что огромная лекционная работа в СССР (порой до двенадцати часов в день), была вызвана материальными проблемами и необходимостью заработка, но при этом Леонид Денисович отмечал, что «читать эти лекции было приятно, аудитория слушала превосходно». Кроме лекций, он вел практические занятия, разрабатывал задания по русскому языку, при этом продолжал заниматься исследованиями. В 1930 г. Суражевский поступил в аспирантуру при 2-м МГУ по кафедре русского языка. В аспирантские годы вместе с двумя соавторами участвовал в написании учебника по русскому языку. Ему принадлежит одна из глав учебника – «Орфография». Составленные им материалы по орфографии помещены в первой, второй, пятой, шестой и седьмой главах и дополняют разделы «Работа с книгой» и «Пунктуация», написанные его соавторами. К своей части учебника он написал предисловие, методические указания для студентов, план проработки заданий, которые составил по основным темам произношения и правописания, а также подготовил вопросы для самопроверки. Цель работы Суражевский определил как необходимость «помочь учащимся изучить правописание окончаний глаголов и имен существительных, прилагательных, чтобы в результате они могли безошибочно классифицировать окончания слов (личные, падежные, родовые) и уметь широко применять приемы постановки слов с ударными окончаниями»8.

Учеба в аспирантуре растянулась более чем на семь лет (он поступал на вечернее отделение, которое вскоре было закрыто, потом — служба в армии), поэтому закончил аспирантуру Леонид Денисович только в 1938 году. Он по-прежнему преподавал и, по его словам, «по ночам писал диссертацию о языке комедии 'Горе от ума'». Руководил работой академик В. В. Виноградов. Ржевский был благодарен ему и даже через много лет с горечью вспоминал «мрачные дни гонений» на его учителя со стороны научного сообщества.

28 июня 1941 года Суражевский представил к защите в качестве кандидатской диссертации оригинальный текст — двухтомный словарь языка комедии «Горе от ума», снабдив его подробными комментариями. Защита «с официальными оппонентами и большим стечением знакомых» прошла успешно, а через три дня Леонид в качестве лейтенанта запаса ушел на фронт. Спустя тридцать лет, в 1974 году, в СССР в ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), состоялась конференция, посвященная 150-летию создания «Горя от ума», по материалам которой был издан сборник. Статью «Реализм языка 'Горя от ума'»

редколлегия представила несколько загадочно: «Посвященная исследованию соотношения комедии 'Горе от ума' с московским просторечием начала XIX статья Л. Д. Суражевского представляет главу из его кандидатской диссертации 'Словарь "'Горя от ума'", защищенной в Московском педагогическом институте им. В. И. Ленина (экземпляр диссертации был подарен В. В. Виноградову и находится в составе его библиотеки в Пушкинском Доме)» 9. Не так просто в то время печатались в СССР эмигранты, но очевидно исследование, сделанное молодым специалистом еще в начале его пути в науку, было столь серьезным и глубоким, что с годами текст не утратил своей актуальности и был помещен в научном сборнике наряду с работами известных советских филологов. Это редкий случай, когда публиковали труд человека, живущего в эмиграции и принявшего гражданство другой страны.

В послереволюционной России. В Советском Союзе Суражевский жил по 1941 год. За это время он успел сделать многое: получил профессию, приобрел опыт научно-исследовательской и преподавательской работы, защитил кандидатскую диссертацию, стал соавтором учебника по русскому языку. Научная и практическая деятельность в Советском Союзе определила аспекты его будущей педагогической деятельности на Западе: теоретическую (исследовательские работы по русскому языку, русской и советской литературе) и практическую (лекции для студентов университетов), но при этом он совершенно не принял советский строй. «Будь проклято время, – говорил он устами своего героя из повести «Звездопад», - сделавшее ложь правом, а людей вольными или невольными участниками этой лжи, отступниками человеческой совести и пособниками нечеловеческих преступлений. Будь проклят тот, кто захотел бы дать этому времени отпущение грехов!» 10 При этом с присущей ему объективностью он тепло отзывался о людях: «Я много работал с советской молодежью. Да, в общеобразовательном ее багаже много прорех. Программы гуманитарных вузов в СССР, в силу партийного их опустошения, во многих разделах убоги, но партийная целенаправленность живого духа не убивает. Косность и догма преодолеваются живой любознательностью. Жажда знать, отсутствие какого бы то ни было формального отношения к знаниям – отличительная черта советского студента. Здесь, в Германии, в пределах тех наблюдений, которые я успел сделать, я такой жадности знать - причем бескорыстной, некоммерческой жадности - не встречал. – Степень культурности! Ее не измеришь лакмусовой бумажкой. Как содержание жира в молоке. Но если справедливо, что культурный потенциал человека вернее всего определяется его отношением к культурным ценностям, то я всегда вспоминаю такую картину. Громадный зал. Около тысячи студентов в течение трех часов слушают поэта, читающего стихи, и просят не делать перерыва. Или: еще бо́льшая аудитория по платным билетам слушает 'Повести Белкина' или отрывки из 'Войны и мира' в исполнении известного чтеца. Этой культуры чтения, кстати сказать, я тоже не встречал на Западе»<sup>11</sup>.

Военное время (фронт, лагерь, больница). Фронтовая жизнь развивалась стремительно: в июле он ушел на фронт. А в середине сентября, «выводя из окружения к переправе через Десну автоколонну дивизии, к которой потом примкнула и артиллерия, угодил под шальную мину и очнулся уже в немецком плену»<sup>12</sup>. Этот период жизни писателя почти не исследован, детали его освобождения установить не удалось. В 1943 г. он женился на Агнии Сергеевне Шишковой (1923–1998), это его второй брак, первый распался еще в России. Известно, что из-за последствий ранения и тяжелых заболеваний – туберкулез обоих легких, горловая чахотка и язва желудка – врачи почти не оставляли ему надежд на будущее. К счастью, Ржевский остался жив. «Чудом Ржевского нашла в одном из немецких госпиталей верная его спутница жизни. <...> Агния Сергеевна выходила мужа, буквально вырвав его из лап смерти. Ей мы обязаны тем, что за рубежом появился писатель Л. Ржевский, и ей мы должны быть благодарны за то, что он дожил до преклонного возраста, успев сделать так много для русской культуры. Ее образ в художественном преломлении не раз встречается в произведениях Ржевского (в романах «Между двух звезд», «...показавшему нам свет» и других)» $^{13}$ .

Современный Запад (Европа, Америка) С 1945 по 1953 гг. Ржевские жили в Германии, сначала во Франкфурте, затем в Мюнхене. В Германии Леонид Денисович работал в Институте по изучению истории культуры СССР. Высокий образовательный уровень, эрудиция, большой жизненный опыт позволяли ему реализовать себя в разных сферах. Он был сначала сотрудником, а потом редактором журнала «Грани» (1952–1955), в 1956 г. возглавлял редакцию русского отдела американской радиостанции «Освобождение» («Свобода»), входил в состав редколлегии «Нового Журнала» (1975–1976), являлся составителем нескольких альманахов и сборников, организатором различных литературных чтений, симпозиумов, конференций. Ржевский – один из основателей издательства «Товарищество зарубежных писателей» (1959–1970) при ЦОПЭ, член американского Пен-клуба.

В эмиграции он получил известность прежде всего как писатель; успех сопутствовал его первой повести «Девушка из бункера» (1950), в 1953 г. она была переработана и вышла под названием «Между двух звезд». Книга получила хорошие отзывы И. А. Бунина, Г. В. Адамовича, с тех пор не раз переиздавалась. Интерес вызывали и последующие романы: «...показавшему нам свет» (1960), «Две строчки

времени» (1976), «Дина» (1979), «Бунт подсолнечника» (1981), а также повести и рассказы. В России его художественное творчество стало известно только после 2000 года, когда в Москве вышла первая книга и появились исследования о художественном творчестве Ржевского 14. Его активная преподавательская деятельность на Западе началась почти сразу после того, как появились его первые книги: писатель и профессор работали параллельно. Он сам подчеркивал неразрывную связь этих двух занятий: «В марте 1953 года мне предложили лекторат в университете Лунда, и мы с женой поехали в Швецию. <...> Здесь в маленьком городке, совсем близко от моря, всего в двух часах корабельной езды от Копенгагена живу я уже девять лет. Я читаю студентам историю русского языка, историю русской литературы и пишу» 15. Одно из своих эссе об А. И. Солженицыне писатель-педагог, как бы приглашая своих студентов к сотрудничеству, начал так:

«Около лекционного зала подслушанный разговор:

- О чем бишь лекция?
- Творчество Солженицына.
- Неправильная тема!
- Почему неправильная?
- Надо бы: 'Подвиг Солженицына'.
- Вы так думаете?
- Все так думают! Кругом страх и низость, а он *один* на такое отважился. Провозгласить совесть, правду, непримиримость ко всякому людоедству разве ж не подвиг?!» $^{16}$

Приглашение Ржевского в университет Швеции было для него большой удачей, и это было лишь начало. В Лунде он до 1963 года читал студентам курс по истории русского языка и истории русской литературы. Эти дисциплины закрепились за ним и в Оклахомском университете, там он проработал один учебный год (1963–1964); учитывая его опыт и знания, ему почти сразу присвоили звание профессора. Затем Ржевские переехали в Нью-Йорк и с 1964 г. он работал в Нью-Йоркском университете до ухода на пенсию в 1975 г. в звании почетного профессора (Professor Emeritus). До последних дней жизни он не оставлял преподавание: регулярно читал курс русской литературы в Летней школе языков в Норвичском университете (Вермонт).

Приведем фрагменты писем Л. Д. Ржевского к В. А. Синкевич, где есть несколько упоминаний о его работе. К письму от 13 июня 1976 года по ее просьбе он приложил краткую справку: «О своей педагогической деятельности: работал в Оклахомском университете (1963–1964) и в Нью-Йоркском (1964–1974). Читал лекции в университетах Лунда, Стокгольма, Осло, Торонто, Оттавы, Колумбийском,

Йельском, Питтсбургском и др. Также в городах: Мюнхен, Париж, Зальцбург, Монреаль, Бад Эмс, Бад Висзее и проч.»<sup>17</sup>. Внушительный список свидетельствует о востребованности слависта в западных университетах. 28 мая 1974 г. как бы между делом Ржевский сообщает: «У меня карусель, конечно, теперь уже точно с университетом закончено, ликвидирую академические 'хвосты' (как говорят в Советах»). <...>вечер у меня занят: студенты устраивают прощальную вечеринку»<sup>18</sup>.

Он ушел на пенсию, но продолжал вести занятия в Русской школе Норвичского университета. Тематика его занятий была актуальной: «Русская литература XIX», «Русская поэзия и проза начала XX века», «Русская советская литература». На семинарах рассматривали творчество А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, изучали произведения Б. Л. Пастернака, А. И. Солженицына и других современных авторов. Летом Ржевский ежегодно устраивал симпозиумы по русской литературе, которые обычно заканчивались поэтическими чтениями с участием поэтов Ивана Елагина, Валентины Синкевич, Наума Коржавина, Льва Лосева и других. Он по-прежнему оставался в курсе всех университетских событий и студенческих затей. Вот один из отголосков этого: 4 августа 1980 г. краткое сообщение от руки отправлено Валентине Синкевич (напечатано на бланке университета с указанием фамилии и статуса – «Professor Emeritus»): «Дорогая Валентина Алексеевна! Сердечное спасибо за книги – так выручили! С сегодня - последняя неделя нашего педагогического «поДприща» (Так в оригинале, Ржевский любил поиграть словами. - $T. \Gamma.$ ) в Вермонте. Потом будем доживать лето у себя на даче. Жаль, что вам (Синкевич обычно приезжала с мужем. –  $T. \Gamma$ .) до нас далеко! Обнимаем, целуем! Ваш Леонид Ржевский» 19.

Из письма 19 июля 1982: «...Норвич катится к экзаменам; августовский отдых пронесется, верно, молнией, а там, гляди и встретимся». Далее, сообщая о намечающемся «симпозиуме о современной эмигрантской литературе: 7 поэтов – Вы, конечно, в числе их, – и 6 прозаиков», «от чертовой дюжины не знаю удастся ли избавиться. О каждом будут давать вступительное слово студенты-аспиранты (по-английски) – авось удастся протиснуть это в американскую печать. <...> злободневная жара <...> в Норвиче академическая успеваемость рискует сойти на нет — обалдевают и студенты, и профессора»<sup>20</sup>. Все сказанное выше свидетельствует об успешной многолетней работе профессора Л. Д. Ржевского, которая доставляла удовольствие ему самому и была полезна окружающим. Его академическая работа нашла отражение и в прозе Ржевского. Профессор-эмигрант, герой рассказа «Через пролив», не столь удачлив, его горькая участь — предмет размышлений писателя о нелегкой профессии университетского педагога<sup>21</sup>.

Интерес «к русскому языку как к предмету науки» возник у Леонида Денисовича еще в юности, потом он был подкреплен практикой: лекциями в Московском лекционно-экскурсионном бюро, занятиями с учителями по общей методике и методике русского языка, участием в написании учебника по русскому языку. О содержании его занятий можно судить по публикациям в периодических изданиях. Это статьи на актуальную тему о русском языке, в том числе и о языке советской эпохи: «Живое и мертвое слово» (1949), «Светофоры на путях советского языкознания» (1950), «Язык и тоталитаризм» (1951), «О культуре языка в СССР» (1951), «Запечатленный язык» (1950) и другие, которые по-прежнему актуальны и требуют дополнительного исследования..

Почти все самое ценное и интересное в русской литературе XIX и XX веков он включил в свои лекции, начиная с А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, и заканчивая его современниками-писателями нового времени – М. А. Булгаковым, Б. Л. Пастернаком, А. И. Солженицыным, Беллой Ахмадулиной, Иваном Елагиным, Владимиром Максимовым и другими. Его зарубежные студенты уже в те годы получали знания по истории русской литературы XX века без деления ее на эмигрантскую и советскую.

Не менее важно в профессии педагога его умение преподавать, методика, приемы общения с аудиторией. Сошлюсь на оценку Гайто Газданова, который, работая на радиостанции «Свобода», часто делал передачи с участием Ржевского: «Не могу забыть Вашего чтения в Мюнхене. Чувство зависти мне мало свойственно – а то бы я, наверное, несколько ночей не спал, – но на правильность своего суждения в данном случае я претендую и должен Вам сказать, что из всех писателей, чтение которых я слышал, только двое – Ремизов и Набоков – могли бы без особенного позора выступать после Вас»<sup>22</sup>.

Педагогика была его призванием. Ржевский любил молодежь и, выдвигая идею создания в Европе исследовательского центра, говорил о необходимости открытия при нем «университетского факультета для российской зарубежной молодежи, где она занималась бы изучением российской истории, российской культуры в ee npounnow, nacmosumem nacmosumem

Педагогическая деятельность профессора Ржевского, как и все его творчество, была миссией, направленной на сохранение «русской

культуры в эмиграции» во имя ее будущего»<sup>23</sup>. Его филологические изыскания и наблюдения, сделанные в исследованиях по русскому языку и в литературно-критических статьях, не утратили своей актуальности. Они по-прежнему важны для современных педагогов и студентов. Статьи «Зашифрованный термин. О существе социалистического реализма», «Язык романа 'Бесы' и образ автора», «Творческое слово у Солженицына» и многие другие следовало бы включать в учебные хрестоматии и пособия для самостоятельной работы студентов с последующим их обсуждением. В 1970 году в США вышел сборник статей Ржевского «Прочтенье творческого слова. Литературоведческие проблемы и анализы»; после его смерти друзья и соратники по Норвичу подготовили и издали еще один: «К вершинам творческого слова. Литературоведческие статьи и отклики»<sup>24</sup>.

Предваряя свои очерки и эссе по литературе, автор обращался «к читателю с большой буквы, внимательному и любящему выразительность творческой речи». На пятидесяти страницах он изложил свой подход к анализу художественных произведений, познакомил с принятой в литературоведении терминологией, в том числе объяснил и собственные принципы анализа художественных произведений. Главный вывод его состоял в том, что литературе нужны не только талантливые писатели и талантливые читатели, но и талантливые исследователи и педагоги.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. В большинстве словарей указан 1905 год рождения, 1903 год определил профессор А. А. Коновалов по документам из личного дела студента 2-ого МГУ Л. Суражевского. Архив МПГУ. Дело № 963.
- 2.  $\mathit{Синкевич}\ B.\ A.\ Леонид\ Ржевский писатель и человек / «…с благодарностию: были». М.: Советский спорт. 2002. С. 109.$
- 3. *Ржевский Л. Д.* Про себя самого // «Грани». Франкфурт / М., 1987, № 144.
- С. 202. Далее в ссылке указывается только автор и название.
- 4. Там же. С. 204. Лацердовка не сохранилась, на ее месте в 15-20 км от Ржева, в районе станции Есиповская, находится урочище Валентиновка.
- 5. *Суражевский А. П.* Воспоминания об Е. П. Гребенке // «Исторический вестник», СПб., 1899. № 77 (сентябрь). Сс. 815-831; *Суражевский А. П.* К воспоминаниям об Е. П. Гребенке // «Исторический вестник», СПб.,1900, № 82. Сс. 1011-1020.
- 6. *Коновалов А. А.* Л. Д. Ржевский и Московский педагогический государственный университет (по архивным материалам) // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения. М.: Советский спорт. 2002. Сс. 332-339.
- 7. Там же. Более подробно об этом периоде см. в диссертации профессора А. А. Коновалова «Творческий путь Л.Д. Ржевского» (М., 2000).

- 8. Курс русского языка (А. А. Новицкая, Л. Д. Суражевский, Н. Г. Турбин) Учебник для сельскохозяйственных техникумов. М., 1933. Сс. 35-42, 56-61, 62-75, 217-239.
- 9. *Суражевский Л. Д.* Реализм языка «Горя от ума» / А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. Сс. 85-98.
- 10. Ржевский Л. Д. «Звездопад»: Московские повести (землякам-москвичам моего и новых поколений). «Эрмитаж» Ann Arbor, MI, 1984. С. 21.
- 11. *Рэкевский Л. Д.* Национальная культура в эмиграции. 1952. Сс. 5-30. Далее в ссылках на это издание указываются только автор и название.
- 12. Ржевский Л. Д. Про себя самого. // «Грани», 1987, № 144. Сс. 200-233.
- 13. Синкевич В. А. «...с благодарностию: были». Указ. изд. С. 113.
- 14. Ржевский Л. Д. Между двух звезд / Предисл. В. Синкевич: Послеслов.:
- В. Агеносов. М.: Терра-спорт, 2000; Кандидатские диссертации: А. А. Коновалов. «Творческий путь Л. Д. Ржевского (Суражевского)» (Москва, 2000), Н. Ю. Букарева. «Проблематика и поэтика военной прозы Л. Д. Ржевского (Суражевского)» (Ярославль, 2004).
- 15. Ржевский Л. Д. Про себя самого. Указ. соч. С. 233.
- 16. *Ржевский Л. Д.* Творец и подвиг. Очерки по творчеству Александра Солженицына. Франкфурт-на-Майне. 1972. С. 5.
- 17. ОР ИМЛИ РАН. Ф 610. Оп. 2. Ед. хр. 2.2. Л.1. Оригиналы некоторых писем Л. Д. Ржевского к В. А. Синкевич, которые здесь цитируются, хранятся в Отделе рукописей Института мировой литературы Российской академии наук в Москве.
- 18. ОР ИМЛИ РАН. Ф. 610, Оп. 2, Ед. хр. 2.2.. Л. 5 (на бланке университета).
- 19. Там же. Л. 31. Письмо на бланке университета: Leonid Rzhevsky, Professor Emeritus of Slavic Literatures (New York University).
- 20. Там же. Л. 35.
- 21. *Ржевский Л. Д.* «Через пролив» // *Ржевский Л. Д.* За околицей. Рассказы разных лет. Нью-Йорк, 1987. Сс. 54-74.
- 22. Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур / Сб. науч. трудов. М., 2005. С. 263.
- 23. См. текст доклада «Национальная культура в эмиграции» (1959) на расширенном заседании редколлегии «Посева», опубликованный в 1952 году. 45 с. 24. *Ржевский Л. Д.* Прочтенье творческого слова. Литературоведческие проблемы и анализы. Нью-Йорк, 1970. 275 с.; К вершинам творческого слова.

Литературоведческие статьи и отклики. – Норвич, 1990. – 271 с.

# Валентина Синкевич

# Николай Моршен. 1917–2001

К столетию со дня рождения

Сто лет тому назад, в нашем бурном 17-м году, 8 ноября в Киеве родился Николай Марченко, будущий замечательный зарубежный поэт, писавший под псевдонимом Моршен. Источник этого псевдонима до сих пор точно не установлен. Может быть Марченко придумал его, потому что по нему трудно угадать национальность? Время было опасное: самый разгар насильственной репатриации.

Данных о жизни поэта довольно мало. А стихи его не были автобиографичны. В поэтической антологии «Содружество» (1966) поэт пишет: «Всё, что я хотел бы сказать читателям, я говорю в стихах. Остальное неважно». В той же антологии еще лаконичнее сказала Ирина Одоевцева, охотно и много писавшая о других, а о себе: «Ни библиографии, ни биографии – я, как правило, их избегаю». Некогда, собирая данные об авторах для антологии «Берега», я безуспешно пыталась убедить Моршена, что и «остальное» мне, читателю, очень важно, так как оно почти всегда связано с творчеством автора. Но вот вкратце то, что я знаю о жизни поэта Николая Моршена.

Он принадлежал ко второй волне русской эмиграции, иногда называемой «военной», так как «вторые» попадали за рубеж только во время Второй мировой войны. Его отец — Николай Владимирович Марченко — был участником Белого движения, а в советское время преподавал математику в разных городах Украины. В эмиграции он стал видным прозаиком Николаем Нароковым. (Из боязни насильственной репатриации многие литераторы второй эмиграции брали псевдонимы, которые нередко «перекочевывали» в паспорта их носителей и оставались в них навсегда.)

Раннее детство поэта прошло в Бирзуле, затем семья переехала в Одессу, где будущий поэт закончил десятилетку. Диплом физика он получил в Киевском государственном университете (физико-математический факультет). В 1943 году семья Марченко попала в Германию, жила в Кенигсберге и Берлине, а после войны — в Гамбурге, в лагере для «перемещенных лиц» (ди-пи) Цоо кампе («зоологический» лагерь). Может быть название лагерю дали немцы, недовольные исходом войны и послевоенным наплывом всяких «унтерменшей» в их

Германию, и без того вдребезги разбитую бомбежками и разодранную на четыре части. Наверное, утешались лишь тем, что зоолагерников кормили-поили не выдохшиеся они, а полная энергии и денег молодая ООН.

В Цоо кампе я случайно оказалась барачной соседкой довольно большой семьи Марченко: отец, мать, престарелая тетушка и Николай Николаевич с женой и ребенком. Он был тонким (в те годы нашим фигурам позавидовала бы любая кинозвезда), высоким юношей. Лицо было с легкой азиатчинкой: смугловатое, высокие скулы, косой разрез глаз, с лукавинкой глядевших на собеседника. Я знала, что поэт страдает от приступов астмы, так как на гулком лагерном дворе нередко слышала его натужный кашель с характерным астматическим присвистом.

А затем мы, «перемещенные», навсегда переместились из Европы, попадая кто куда. Многие счастливцы – в Северную Америку. Иван Елагин - мой сосед по «круизу» на транспортом суденышке «Генерал Балу» – причалил к нью-йоркской гавани и много лет прожил в Нью-Йорке. А мой барачный сосед Николай Моршен с семьей попал в Калифорнию. Сначала собирал на плантациях апельсины и лимоны (будущий поэт и литератор профессор Владимир Марков собирал их в Калифорнии тоже), а затем Моршен стал преподавать русский язык в Военной школе иностранных языков. Она находилась в Монтерее, сравнительно небольшом спокойном городе, расположенном на берегу Тихого океана. Там поэт проработал до выхода на пенсию в 1977 году. Затем он всецело занялся своим творчеством, а в свободное время - садом с экзотическими калифорнийскими буйными цветами, за которыми Николай Моршен любовно ухаживал. Стал он и страстным рыболовом. На многодневную рыбалку не поехал только в год своей смерти.

В 1973 году я прилетела в Монтерей специально для встречи с Николаем Николаевичем. Мы быстро подружились, даже выпили на брудершафт, и наши ничем не омраченные дружеские отношения остались такими же до самой смерти поэта. Помню, после Германии он мало изменился: оставался строен и моложав.

А на океанском воздухе прошла и его астма. Из-за расстояния наши личные встречи были редкими, но мы переписывались и обогащали телефонные компании длинными и частыми беседами. А у себя, в монтерейском доме, Николай Николаевич был радушным хозяином. Приезжего гостя он с женой Талочкой потчевал вкуснейшей, собственноручно пойманной рыбой своего же искусного приготовления — копченой, соленой, маринованной... Но спокойный быт и семейное благополучие не увели поэта от его призвания, от Поэзии.

Очень быстро он стал известным поэтом второй волны русской эмиграции.

Имя Моршена связано с его литературным «близнецом» Иваном Елагиным: Елагин и Моршен (в таком порядке). Легко заметить, что наша литература любит «близнецов». Вспомним: Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский, Ахматова и Цветаева, Есенин и Маяковский, Бродский и Евтушенко (да, и эти двое!)... Что у всех у них общего? Ничего. Но они интересны именно тем, что совершенно не похожи друг на друга. В творчестве они антиподы. Общее у них – только литературный вес, а иногда и слава, как у Бродского и Евтушенко. Она у них была неодинакова: у Бродского – элитарная, академическая, а у Евтушенко – стихийная, стадионная, если хотите.

И вот – Елагин и Моршен. Для читателей они оба стали известны со страниц «Нового Журнала», с которым была связана вся их творческая жизнь. Критикам и поэтам, близким к «парижской ноте», Елагин был чужд, они предпочитали Моршена. С удовольствием говорю, что пристрастные сравнения двух различных поэтов – Елагина и Моршена – не сделали их соперниками, они всю жизнь оставались хорошими друзьями и доброжелательными коллегами.

Вначале в их творчестве было нечто общее: гражданская лирика о наших трагических тридцатых годах и Вторая мировая война. У Елагина: «Ты, мое столетие» с «мученическим венцом проволоки колючей». У Моршена – «терновый венец или Каина знак»:

А вдали, где полгода (иль более) мрак, Где слова, как медведи, косматы: Воркута, Магадан, Колыма, Ухпечлаг... Как терновый венец или Каина знак – Круг полярный, последний, девятый.

Но даже в этом раннем стихотворении Моршена заметно его особое внимание к словам: он их не только слышит, но видит и осязает: слова у него «как медведи косматы». И еще Моршен:

Помнишь раньше грозы? Тютчев, Фет, Мокрый сад и лужи на дорожке. А теперь? И в восемьдесят лет Первое, что вспомнишь ты, поэт, Будут канонады и бомбежки.

Дальше два «близнеца» пошли каждый своей творческой дорогой.

В Америке у Моршена не возник, как у Елагина, «ужас перед машинной цивилизацией». Недавно дочь Елагина Лиля Матвеева напомнила мне замечательные отцовские строки на тему этой цивилизации, в которой сам человек к концу жизни становится похожим на машину:

Ни ангельских крыльев, ни эмпиреев, Ни райского сада, ни звездных люстр, А просто иссякнет заряд батареи И я, как машина, остановлюсь.

А Моршену величественная калифорнийская природа, о которой он не уставал писать, литературные друзья на близком и дальнем расстоянии помогли найти свое творческое Я. Особенно в сочинении сложных, технически виртуозных стихов. Нередко поэт развлекал собеседника вопросом — чьи строки он использовал в том или ином стихотворении с центонами (их любил и Георгий Иванов, но избегал такой концентрации). Вот две строфы стихотворения Моршена «О звездах» с обилием легко распознаваемых центонов:

Поэтов увлекали прорицанья Внезапной смерти, яростной притом, В полдневный жар долины в Дагестане Или в зеленый вечер под окном.

Тянуло их писать, как на дуэли Поэт на снег роняет пистолет, Предсказывать, как было и на деле, Умру не на постели – в дикой щели Твердить: – ...пора творцу вернуть билет...

А вот строки о поэзии с акростихом в начале стихотворения и мезостихом в середине:

Себя являя в поиСках — чего? Ловя преданья гоЛоса — какого? Она вливает в хаОс волшебство, Водой живой взвиВая вещество, Она и хаос претвОряет в СЛОВО.

В этой увлекательной творческой игре участвовал поэт Михаил Крепс, его друг и коллега по работе в Военной школе иностранных

языков. Крепс сочинял головоломные палиндромы, целые «абракадабристые» поэмы, в которых строчки одинаково читались слева направо и наоборот. Два поэта увлеченно играли словами, жонглировали ими, как искусные фокусники, радуясь своим словесным находкам.

Вторым близким другом Моршена в Калифорнии был известный историк литературы и поэт Владимир Марков. Все трое обладали редким чувством юмора, любили остроумную шутку и всевозможные каламбуры. В своих лингвистических играх поэты отдыхали от работы, от быта, да и от недавнего прошлого, которое было у каждого «свое», со своими большими и малыми проблемами.

Помню, Марков как-то сказал, что каждый настоящий поэт должен иметь свою Беатриче. У Моршена ее не было, не было и любовной лирики. О любви он написал кратко и трезво: «Любовь — семья». Была ли Поэзия его Беатриче? Сказать трудно. Часто его поэзия основывалась на единоборстве со Словом, на покорении его своей воле. Слово с заглавной буквы, но и слова с малой — и они вдохновляли этого поэта. Он —

Брал их штурмом, порывом, битвой, Словно передний край. Брал послушаньем, постом, молитвой, Словно дорогу в рай. Было и счастье — реже и проще: Россыпи золота осенью в роще — Думай, ходи, подбирай.

«Пуще неволи» назвал он одно из своих стихотворений о его влечении не к простому счастью – ходить осенью в роще и подбирать там золотые осенние листья, а «пуще неволи» назвал поэт свое влечение к достижению полной власти над словами, посредством стиха власти и над временем. Вот это стихотворение:

Белое облако, белое облако
Тая, крадется
От облика к облику,
От блика к блику,
От лика к лику:
Было облако яблоком,
Стало облако зябликом,
Бубликом, бабочкой,
Баобабом, белочкой,

Обелиском, отблеском, Столбиком, стебельком, Оболочкой и комком, Белобоким колобком.

Пока настигнешь эти облака, Они стократ успеют измениться, И вечно будет форма далека От той, что коченеет на странице. Откуда ж мне, к чему такая страсть — Уж не охотничья ль? — как выстрелом — оленя, Стихом заставить

на колени

пасть

Мгновенье?

В немецкой поэзии Гёте хотел остановить мгновенье, потому что оно прекрасно. Но время не дает свои мгновенья в распоряжение поэтов, даже гениальных.

А вот две строфы из стихотворения Моршена «Поэт» с эпиграфом: «В начале было Слово»:

До всех эонов, эр, эпох Весь мир был в Слове – тот и этот. И Слово означало – Бог: Начало, замысел и метод.

Но по законам естества Тяжелой плотью стало Слово, И ты явился в мир, чтоб снова Перековать его в слова...

Моршен умел перековывать свой мир, свою творческую жизнь в слова. В этом он видел свою миссию Поэта-творца, Поэта-труженика.

Однажды, еще довольно далеко до своей кончины, Николай Николаевич вдруг прислал мне серию стихотворений, озаглавленную «Умолкший жаворонок». Попросил опубликовать эти стихи в моих «Встречах», но после его смерти. Многие были еще не опубликованы и лежали мертвым грузом в ящике его письменного стола. Я запоем прочла эти стихи. В каждом из них пульсировала живая, острая, саркастическая речь Николая Моршена, жила его сильная, жизнеутверждающая Поэзия. Употребив весь свой запас красноречия, я угово-

рила поэта не ждать смерти (пусть она не торопится!), а печатать стихи сей же час. На все лады повторяла, что его читатели и почитатели, включая меня, хотят читать их на этом свете, а не на том. И вот «Умолкший жаворонок» запел на страницах «Встреч»:

...Так и все бы умолкали, Так умолкнуть бы и мне – На воздушной вертикали В достижимой вышине.

Не сползать с зенита что бы, А кончину встретить в лоб Песней самой высшей пробы, Самой чистой... Хорошо б!

Из той же серии в ироничном ключе – «Еретик»:

Будь моя хоть с гору вера, Сомневаюсь всё равно, Что подвину я, к примеру, Хоть горчичное зерно.

И сомнения и вера Мне даются для души, А для гор есть землемеры, Самосвалы и ковши.

Если в вере нет сомненья, То каюк еретику: Без сомненья на сожженье Я любого упеку.

Потому что, как ни скверно, Еретик и сам постиг: Кто сжигает – правоверный, Кто горит, тот еретик.

И в другом ключе – «Тугие паруса»:

Не спится, старость. Ночь, покой, уют. И всё не тяжелеют веки. Два голоса заснуть мне не дают, Твердят о Боге и о человеке. Хотя один известнее стократ, Другой ему комплиментарно равен:

- Я мыслю, посему я есмь (Декарт).
- Я есмь конечно есть и Ты (Державин).

К сожалению, творчество Николая Моршена в России неизвестно или почти неизвестно. Из поэтов второй эмиграции там хорошо знают только Ивана Елагина. Нужно сказать, что всегда больше всего интересовались творчеством первой волны эмиграции. Это справедливо: в ней славные имена. И их много. Сейчас третья творческая волна успешно хлопочет за себя и здесь, и в России. Это самый верный способ. К тому же настали другие времена, даже появилась возможность публиковаться и в метрополии. А особого интереса к творчеству «вторых» как не было, так и нет. Хотя недавно я прочла нечто новое. В книге бесед Якова Клоца с нью-йоркскими поэтами («Поэты в Нью-Йорке». М., 2016) он задает вопрос Алексею Цветкову: «Кто из поэтов первой волны вам наиболее близок?» Тот отвечает, что близких поэтов из первой эмиграции у него вообще нет. «Мне ближе, скажем Елагин, хотя он из второй эмиграции. Он мне понятнее, и у него эти мотивы – противопоставление здесь и там, воспоминания и так далее – очень ярки. Первая эмиграция как бы дописывала то, что в ней уже было заложено. А вторая волна – Елагин, Моршен (Снова вместе. -B. C.) сложились как поэты уже здесь, в эмиграции. Вот если кто был по-настоящему 'эмигрантским поэтом', то это они.»

Николай Моршен избегал меланхоличного настроения, оно не было ему свойственно. Есть у него оптимистическое стихотворение, в котором выражена надежда на продолжение жизни после смерти, которую он сравнивает с двоеточием, за которым следует – что? – нам этого знать не дано.

Я не желаю в одиночку Ни днем, ни ночью! Я смерть трактую не как точку – Как двоеточье:

В 2000 году в Москве (за год до смерти поэта) вышел сборник его стихов «Пуще неволи» (по сей день — единственная книга Моршена, опубликованная в России.) Он был бесконечно благодарен профессору Владимиру Агеносову, первопроходцу в области литературы второй эмиграции. Агеносов способствовал московскому изданию «Пуще неволи».

Николай Николаевич был счастлив, получив первый экземпляр

книги. «Валя, подумай, я дожил до издания моей книги в России!», — почти кричал он в телефонную трубку. Мне вспомнились также его слова о названии сборника стихов Валерия Перелешина «Три родины» (1987). «Трех родин не бывает, — уверенно сказал Моршен, — родина бывает только одна.» Тогда я поняла, что и этот ироничный поэт, любящий каламбуры и шутки, тоже знал щемящую тоску, о которой написал Иван Елагин в одном из самых ностальгических стихотворений в русской поэзии. Оно начинается со строчки: «Мне не знакома горечь ностальгии...» Знакома, еще как знакома, — и Николаю Моршену, и Ивану Елагину, и сотням других людей, безвозвратно потерявших родину — где-то во время войны.

Ноябрь 2017, Филадельфия

## Ольга Матич

# Необарочная «Палисандрия» Саши Соколова: время, альтернативная история, память\*

Последний роман Саши Соколова «Палисандрия» (1985) — это пародийные воспоминания и пародийная одиссея вымышленного кремлевского сироты и свидетеля Палисандра Дальберга; он — эротоман, но непростой: геронтофил и к тому же, как выясняется, — гермафродит. Его фантастическая генеалогия включает Распутина и Берию; Сталин (дядя Иосиф) — один из его многочисленных кремлевских опекунов, и так далее.

Я дружу с Сашей Соколовым с конца 1970-х годов, впервые прочла «Палисандрию» в рукописи и написала об этом романе вскоре после того, как он был опубликован. В статье речь шла о том, как в нем демифологизируется пересмотр современными русскими писателями и исследователями официальной советской истории с целью сказать историческую «правду» В этом докладе я сосредоточусь на авторефлексивной репрезентации времени в «Палисандрии» и необарочной составляющей романа.

Пролог романа начинается с того, как дядя Палисандра, Берия, председатель Совета Опекунов, надзирающего за Россией, вешается на кремлевских часах ровно без шестнадцати девять, тем самым их останавливая. Его самоубийство, состоявшееся вскоре после случайной смерти Сталина от розыгрыша кремлевских детей, знаменует начало романного безвременья, что по-старинному значит застой, а вообще – отсутствие времени. Тут это слово также означает окончание времени. Триумфальное возвращение героя главой России в конце романа знаменует конец безвременья: «Безвременье кончилось... Наступила пора свершений и подвигов». Взаимоотношения времени и безвременья, как и взаимоотношения прошлого, настоящего и будущего, – лейтмотивы романа – называются по-разному: безвременье,

<sup>\*</sup> Доклад был прочитан на международной конференции славистов ASEEES в Чикаго в ноябре 2017 года на секции, посвященной творчеству Саши Соколова.

вечное сейчас, мимолетье (уходящее временя), déjà vu, — и неологизмом ужебыло, звучащим как анахронизм. Время с его затейливыми повторениями разнообразно тематизируется в романе. Пародийные воспоминания, написанные Палисандром, датированы 2044 годом. Его биограф пишет семьсот лет спустя — в 2757 году<sup>2</sup>.

Ужебыло, задуманное как эквивалент déjà vu, этимологически отсылает к времени, тогда как французское словосочетание, означающее «уже виденное», отсылает к зрению. Обе коннотации «вписаны» во фразу: «И однажды наступит час, когда все многократно воспроизведенные дежавю со всеми их вариациями сольются за глубиной перспективы в единое ужебыло»<sup>3</sup>. Время переводится в пространство глубиной перспективы, «запускающей» визуальность. Подытоживающее утверждение Палисандра подчеркивает повторение его опытов déjà vu, расположенных, так сказать, в пространстве: слова «за глубиной перспективы» предполагают панорамную оптику, способствующую переведению времени в пространство, как в необарочном «Петербурге» Андрея Белого, который повлиял на Соколова и в романе которого время часто переводится в пространство для передачи визуальных образов. Во время одного из приступов «ужебыло» Палисандр сообщает нам, что «писатель использует здесь прием аппликации. Он берет картину моего моментального озарения и накладывает ее на перспективу пространств и времен»<sup>4</sup>, чтобы восстановить память своего героя, – тогда Палисандр сможет узнать себя в прошлом и соединить его с настоящим. Палисандр живет во всех временах, например, является конем – любовником Екатерины Второй, а в другой своей инкарнации – палисандровым деревом.

Время и пространство в «Палисандрии» характеризуются промежуточностью - между прошлым и настоящим, старостью и юностью, между перспективами, Россией и Европой (в первую очередь между Кремлем и шато де Сен Лу, домом престарелых для знатных эмигрантов первой волны во Франции, куда Палисандра ссылают после его неудачного покушения на Брежнева). Американский исследователь Марк Липовецкий пишет, что «время как история в последнем романе Соколова изображается как изгнание из Советского Союза, как его идиллический симулякр»<sup>5</sup>. Я бы добавила, что Палисандр выпадает из советской истории, изображавшейся современниками Соколова, «инакомыслящими» Солженицына, которые переписывали официальную советскую историю с целью сказать историческую правду. Промежуточное местонахождение Палисандра - между фантазией и реальностью, мифом и историей, мужским и женским - обосновывает троп безвременья, а также пародийную темпоральность романа, пародийную прежде

всего по отношению к переписанному писателями и исследователями-эмигрантами советскому прошлому. Один из исследователей, пародируемых Соколовым, — эмигрант второй волны Абдурахман Авторханов<sup>6</sup>, автор «Загадки смерти Сталина» (1976), книги, в которой смерть Сталина относится на счет Берии. В «Палисандрии» не переосмысливается советская история, а раскрываются вымышленные секреты кремлевских правителей, представляющие собою множество вымышленных же вариантов прошлого, отношений между историей и художественным вымыслом.

Исторический период, который охватывает роман, называется «переходное время»: пороговый промежуток между смертями Сталина и Берии и триумфальным возвращением Палисандра. Период этот характеризуется его переменчивостью, в том числе гендерной, которая пародийно ремифологизирует советскую историю.

Промежуточность – типичная черта *fin de siècle*, в особенности – определенного через отношение к концу XIX века. «Палисандрия» (1985) вписывается в модель *fin de siècle* XX века, знаменуя собою возникновение постсоветской литературы и культуры. Как утверждает Палисандр, «история есть процесс непрестанной, хоть плавной, ломки» 7. Явный исторический разрыв советского *fin de siècle* случился в 1991 году.

Самый яркий «случай» промежуточности в романе – это присущий его герою гермафродитизм, древний символ полноты, - замкнутости в себе или, в представлении Палисандра, самодостаточности. Узнаем мы о гермафродитизм героя лишь в конце романа, ибо это государственная тайна, преждевременное раскрытие которой стало бы политическим преступлением. С повествовательной же точки зрения такое преждевременное раскрытие «тайны» лишило бы роман его финального аккорда - объяснения многомерной идентичности Палисандра. Логично, что обнаруживает эту многомерность Карл Юнг, считавший архетип гермафродита «символом творческого союза противоположностей, который, несмотря на свое уродство», означает преодоление конфликта и излечение8. «Отныне пусть ведают все: я – Палисандро, оригинальное и прелестное дитя человеческое, homo sapiens промежуточного звена, и я горжусь сим высоким званием»<sup>9</sup>. С этого момента герой говорит о себе в среднем роде – еще один лингвистический поворот в этом стилистически изобильном романе.

Гермафродит – это исходный, замкнутый в себе пол, два в одном, из которого возникли мужской и женский, как говорит в «Пире» Платона Аристофан, восхваляя Эрос. Заменим гермафродита андрогином: «Предполагается, что андрогин, – пишет Кари Вейль, – не ограничивается теми понятиями (или предшествует тем понятиями),

которые определяют и составляют его суть, а именно понятиями мужского и женского» 10. В «Почерке декаданса» Юдженио Донато пишет, что «конец времен – это отмена различительных черт»<sup>11</sup>. Палисандр обладает бессмертным гермафродитическим телом: он вечен – иногда очень молод, иногда – очень стар. Он ведь существует в пространстве по ту сторону истории; его возвращение в Россию знаменует собою новое начало (безвременье кончилось), которое приведет к новым достижениям. Палисандр возвращается с собранными им останками выдающихся и не слишком выдающихся старых эмигрантов, которые он привозит на поезде, например, Николая Бердяева, Льва Шестова, Петра Струве и Ивана Бунина. Смерть в романе таится повсюду, в том числе в кратком Эпилоге, из которого мы узнаем, что герой, подобно своему дяде Берии, подумывает покончить с собою - но не повесившись, а бросившись в пролет лестницы «имени Достоевского», а là Всеволод Гаршин<sup>12</sup>. Отметим, что и родители Палисандра покончили с собою вскоре после его рождения.

Если Палисандровы некрофилия, многочисленные интимные отношения со старшими и очень старыми женщинами, иной раз на кладбище, если точнее – на Новодевичьем кладбище, отражают своеобразную избыточность романа (избыточность – характерная черта необарокко), то его гермафродитизм – высшее проявление этой избыточности.

Другая черта романа – избыток внутрисемейных связей, образующих еще одну ступень промежуточности. Палисандр родствен большинству его главных героев, а также многим историческим личностям; он также состоит в эдипических отношениях с некоторыми старшими мужчинами (в первую очередь с Брежневым); с женщинами – чем старше, тем лучше, – он вступает в инцестуальные связи, выявляющие его закрытый, клаустрофобический мир и соединяющие время с пространством. Как пишет «искусный словесный ткач» Палисандр: «...если у Джойса в 'Улиссе' все действие укладывается в двадцать четыре часа, то в нашем случае речь идет о минутах, в течение коих длится инцестуальный коитус. Им книга начинается, вместе с ним и заканчивается. Совершая его, автор успевает не только утешить соблазнившую его престарелую родственницу, но и проанализировать причинно-следственную цепочку приведших к нему событий историко-политического и бытового характера. По сути, этот ярчайший во всей словесности – шире – во всей мировой культуре акт человеческой близости представляет собою... холстину для изображенья на ней многокрасочной панорамы той грандиозной эпохи... эпохи сплошных страстей и коллизий. Террор и войны»<sup>13</sup>.

Один из томов его воспоминаний закономерно называется

«Инцест кремлевского графомана»<sup>14</sup>. Белл Соллоу (Сол Беллоу) пишет предисловие к исповедальным воспоминаниям Палисандра в «Колл-Бое» («Плейбое») под названием «Обстоятельства внучатого племянника», отсылающим к его отношениям с Берией<sup>15</sup>. Сестра его матери («дама из Амстердама») соблазнила героя, когда он был ребенком, отсюда и его влечение к старым женщинам.

Слава, в том числе скандальная, — одна из тем «Палисандрии». Я с самого начала была убеждена, что в развитии темы секса этот роман и пародирует, и пытается превзойти роман Эдуарда Лимонова «Это я — Эдичка» (1979), получивший скандальную славу в эмигрантской среде 1980-х годов. Прямое указание на эту связь с Лимоновым — тот факт, что в Париже Палисандр живет на улице Лимонова (Rue des Archives).

Перейдем к барокко. Роман выделяется необарочной *словесной избыточностью* – в частности, когда речь идет о понятии жанра. Палисандрово «многотомье 'Воспоминаний' – не столько роман, сколько целый не то чтобы цикл, а каскад романов, плавно переходящих друг в друга естественными уступами: не успевает один закончиться, а следующий уж начался. Произведение выстроено по принципу пресловутой матрешки: роман в романе, роман в романе, and so on»<sup>16</sup>. Если с точки зрения содержания «Палисандрия» знаменует собою конец истории, то в отношении жанра она задумана как конец романа. Образ каскада может также отсылать к каскаду воспоминаний о сталинской эпохе, появившихся до и после 1991 года.

Первым определение «барочный» дал «Палисандрии» Дональд Джонсон вскоре после публикации романа. Определение «необарочный» дал «Палисандрии» Марк Липовецкий вслед за Омаром Калабрезе, который обозначил таким образом постмодернистскую литературу<sup>17</sup>. Грег Лэмберт пишет, что «возвращение барокко» в постмодернистской литературе означает темпоральную множественность и исчезновение исторического времени как прошлого, настоящего и будущего<sup>18</sup>. Я бы добавила – перенесение времени в пространство, уже характеризовавшее литературу и визуальные искусства модернизма и авангарда начала XX века, например, «Петербург» Андрея Белого, который я назвала необарочным<sup>19</sup>.

Характерное для исходного барокко, «опространствование» времени нарушает линейную последовательность. В своей последней книге, необарочном «Триптихе» (2011), промежуточной между поэзией и прозой («проэзия») и состоящей из ряда фрагментов, Соколов говорит: «пространство... медитировало в стиле барокко» («Гази-бо»)<sup>20</sup>. О промежуточности же поэзии и прозы некогда сказал Валерий Брюсов: «не помню, кто сравнил 'стихотворение в прозе' с гермафродитом»; промежуточный жанр был для него одной из

«несноснейших форм литературы»<sup>21</sup>. В «Машинах зашумевшего времени» (2015) Илья Кукулин пишет, что «Триптих» – это возвращение к роману, опубликованному двадцатью шестью годами ранее, «словно бы роман [ретроспективно] переводит 'Палисандрию' в статус иронического высказывания <...> как если бы, выпустив 'Палисандрию', автор вдруг бы добавил: – А если говорить серьезно, то дело выглядит так...»<sup>22</sup> Я бы еще сказала, что «Триптих», в отличие от последнего романа Соколова, посвящен процессу воспоминания – памяти, в конечном счете, недоступной.

К барочным тропам «Палисандрии» относятся лабиринт и, главным образом, зеркало, наделенное силой отражать и раскрывать. В «Складке», книге о барокко, Жиль Делёз пишет, что барочный лабиринт, состоящий из бесчисленных складок и сгибов, и сходится, и расходится во времени и пространстве. Наслоение «лабиринтного» времени в «лабиринтном» пространстве помещает Палисандра в мифологическое пространство по ту сторону истории, где он медитирует, зачастую иронически, о времени.

В романе много зеркал – и мира, расположенного за ними, который называется «зазеркальем». Палисандр говорит об обратной перспективе, обычной для барочных изображений, намереваясь помочь своему будущему биографу-мифотворцу увидеть себя как миф: «в силу обратности исторической перспективы». Примечательно, что нотариус спрашивает Палисандра: «...елакрез в еинежарто еонневтсбос ан еинаминв илащарбо ен адгокин ыв?<sup>23</sup>» — палиндром: «Вы никогда не обращали внимание на собственное отражение в зеркале?» Как мы знаем, палиндромы характерны для барокко. Этот пассаж раскрывает способность зеркала «переворачивать» образы, и здесь это достигается средствами языка.

Палисандр также говорит биографу, что тот должен видеть своего будущего героя «мрамореющим» в анаморфическом зеркале. Застывающие в скульптурных формах образы были широко распространены в историческом барокко. Хосе Антонио Мараваль, ведущий специалист по барокко, пишет, что «анаморфоз<sup>24</sup> требует вмешательства зрителя для воссоздания образа»<sup>25</sup>. В эстетике барокко зеркало должно было отражать устройство мира: сферическое или выпуклое зеркало часто является пространством метаморфозы — которых в романе Соколова множество. В этом смысле «Палисандрия» — роман отражений, в том числе отражений образов в образах<sup>26</sup>.

Другой связанный с зеркалом образ — это Беззеркалье, период Палисандрова детства, когда все зеркала в Кремле были скрыты. Когда эта эпоха заканчивается, ему приходится видеть в зеркале свое (гермафродитическое) «уродство». Однажды он называет себя «пре-

старелым выкидышем». «[М]ои отражения больше не узнавали меня, а я не узнавал в них себя», — говорит он Модерати во французском шато<sup>27</sup>. Сосланный туда, он оказывается среди множества зеркал, многие — в изысканной барочной оправе, которых он всячески избегает. Зеркала, в том числе ручные, в барочном натюрморте представляют собою троп под названием *vanitas*, означающий бренность жизни и близость смерти. Зеркальные отражения также создают иллюзию присутствия и скоротечности.

Барокко изображает ложность зеркальных отражений, искаженных проекций, смещающихся, подвижных образов. Выступая посредником между «я» и его отражением, зеркальная самоидентификация, согласно Жаку Лакану, определяет «стадию зеркала» в раннем детстве. Этой функции зеркала и боится Палисандр; кремлевское Беззеркалье его детства становится временем, когда запрет на зеркала снимается, вследствие чего он закрывает все зеркала, которые его окружают. Тем не менее отражения подсматривают за ним, подкарауливают его в самых «внезапных» местах. Он избегает своего отражения в воде походной ванны, наполняя ее грязью; подобно эмбриону в амниотической жидкости, он проводит в ней большую часть своей жизни. Причину Палисандрова страха перед любым отражением своего тела мы узнаем лишь в конце романа. Рассуждая в психологических терминах, можно заключить, что боязнь зеркал способствует его «промежуточности» - между детством и старостью. Иногда он оказывается глубоким стариком, что можно отнести на счет Зазеркалья и его попыток вернуть Беззеркалье своего детства. Игра Соколова с зеркалами также способствует безвременью, характеризующему период между самоубийством Берии и возвращением Палисандра в Россию в качестве законного правителя.

Напоследок — несколько слов о наследии «Палисандрии» <sup>28</sup>. «Остров Крым» Василия Аксенова (законченный в 1979 году и изданный «Ардисом» в 1981-м) был первым литературным текстом постсталинской эпохи, касавшимся альтернативной истории и альтернативной географии. Согласно которой Крым — это остров, населенный эмигрантами, ушедшими с Белой армией генерала Врангеля. Там процветают экономика и культура западного образца. Будучи своего рода альтернативой «Острову Крыму», роман Соколова представляет новый пародийный жанр. Роман начинается с того, как Берия вешается на кремлевских часах, останавливая время, — в конце «Острова Крым» часы полковника КГБ (то есть время) сходят с ума<sup>29</sup>.

Самый известный современный писатель, сочиняющий альтернативную историю – это, конечно, Владимир Сорокин (в первую очередь «День опричника» и «Сахарный Кремль», но и более раннее

«Голубое сало»). Недавно Сорокин признался мне, что «Палисандрия» – наименее значимый роман Саши Соколова, а вот «Между собакой и волком» – вероятно, лучший русский роман второй половины XX века. Возможно, причина такого отношения заключается в том, что Сорокин старается нивелировать влияние «Палисандрии» на свое творчество. (Недавно я высказала эту свою мысль Сергею Гандлевскому, тот согласился, хотя сначала был удивлен.)

Так, действие «Дня опричника» и «Сахарного Кремля» происходит и в прошлом, и в будущем (действие «Сахарного Кремля происходит в 2028 году) — это будущее походит на времена Ивана Грозного. Если роман Соколова был задуман как идиллически-пародийный симулякр советской истории, то роман Сорокина — это критика путинской России. Существенно, что сорокинский Иван фигурирует, как кремлевский предтеча Палисандра; упоминается и вымышленное пророчество Нострадамуса Ивану Грозному: если последний из Дальбергов (то есть Палисандр) будет казнен, то Кремль как архитектурная и властная структура перестанет существовать. Сорокинский Андропов относится к этому пророчеству весьма серьезно. Я бы назвала и «День опричника», и «Сахарный Кремль» вещами необарочными — вопреки утверждению Марка Липовецкого, который относит тексты Сорокина исключительно к концептуализму.

И «Палисандрию», и романы Сорокина также можно определить и как постмодернистскую декадентскую пародию... на порнографию – с тем различием, что в «Палисандрии» отсутствует ненормативная лексика.

Еще несколько примеров обращением современных российских писателей в девяностые годы к теме «альтернативной истории» — «До и во время» (1993) Владимира Шарова и «Чапаев и пустота» (1996) Виктора Пелевина. Розалинд Марш замечает, что одной из причин этого бума может быть то, что «русские переживали постоянное переписывание своей истории» 31. Я же добавлю сюда и феномен fin de siècle XX века, захвативший и век нынешний. И замечу, что из пародийных ремифологизаций русской истории в современной литературе России во время такого fin de siècle «Палисандрия» была первой.

Посмотреть и послушать часовой разговор о «Палисандрии» с Сашей Соколовым можно на сайте *Russian Writers at Berkeley*. (http://russianwriters.berkeley.edu/sasha-sokolov)

### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья под названием «Палисандрия: Диссидентский миф и его развенчание» появилась в «Синтаксисе» (1985, № 15).

- 2. Кроме Палисандра и Биографа, в романе есть еще и фигура автора.
- 3. *Соколов С.* Палисандрия. Ann Arbor: Ardis, 1985. Сс. 263-264. Вот что он пишет в своем последнем тексте «Триптихе» (2009): «...но постепенно и вместе с тем чуть ли не вдруг / выясняется, что на свете все уже было, бывало...» / *Соколов С.* Триптих. М.: ОГИ, 2011. С. 33.
- 4. Там же. С. 261.
- 5. *Mark Lipovetsky*. Russian Postmodernist Fiction: Dialogue with Chaos. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1999. P. 175.
- 6. Абдурахман Авторханов был одним из создателей Радио «Свобода».
- 7. «Палисандрия». Указ. издание. С. 20.
- 8. Carl Jung. The Archetypes of the Collective Unconscious. Princeton: Princeton University Press, 1969. P. 174.
- 9. «Палисандрия». Указ. изд. С. 269. Среди его наград (включая Нобелевскую премию по литературе) есть и награда за борьбу за права гермафродитов.
- 10. *Kari Weil*. Androgyny and the Denial of Difference. Charlottesville: University Press of Virginia, 1992. P. 33.
- 11. Eugenio Donato. The Script of Decadence. 1993. P 43.
- 12. В. М. Гаршин совершил самоубийство, бросившись в лестничный пролет.
- 13. «Палисандрия». Указ. изд. Сс. 234-235.
- 14. Он называет себя графоманом, потому что это точное определение, но и потому, что это приносит ему финансовый успех.
- 15. Палисандр называется то его племянником, то внучатым племянником.
- 16. «Палисандрия». Указ. изд. С. 235.
- 17. *Omar Calabrese*. Neo-Baroque: A Sign of the Times. Princeton. Princeton University Press. 1992.
- 18. *Gregg Lambert.* The Return of the Baroque in Modern Culture. London: A & C Black. 2004. P. 53.
- 19. Olga Matich. To Eat and Die in Andrei Belyi's Petersburg. Slavic Review, 2009. Vol. 68, issue 2.
- 20. Саша Соколов. Триптих. С. 108. Барокко рифмуется с «сирокко» «все делается размытым, смутным / и будто необязательным», так как «времена изменились».
- 21. *В. Я. Брюсов*. Собр. соч. В 7 тт. Т. 6. Статьи и рецензии. Далекие и близкие. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 368.
- 22. Кукулин И. Машины зашумевшего времени. М.: НЛО. 2015. С. 460.
- 23. «Палисандрия». Указ. изд. С. 227.
- 24. Анаморфоз искаженная проекция образа в сферическом зеркале.
- 25. José Antonio Maravall. Culture of the Baroque: Analysis of a Historical Structure.
- Tr. Terry Cochran. Manchester: Manchester University Press, 1986. P. 218. Анаморфический череп, символ смертности, на картине Гольбейна Младшего «Послы» (1533), протобарочное *memento mori*.
- 26. Эротическая память тоже изображается в обратной перспективе.

- 27. «Палисандрия». Указ. изд. С. 229.
- 28. Интересно будет вспомнить пьесу Виктора Коркии «Черный человек, или Я, бедный Сосо Джугашвили», премьеру которой я видела в 1988 году в Москве. В ней высмеиваются мифологизированные официальные образы Сталина и Берии, а не написанное о сталинской эпохе инакомыслящими.
- 29. В «Палисандрии» Саша Соколов также отдает дань Синявскому а именно, статье Абрама Терца «Что такое социалистический реализм», которая заканчивается знаменитыми словами: «Утрачивая веру, мы не утеряли восторга перед происходящими на наших глазах метаморфозами Бога, перед чудовищной перистальтикой его кишок мозговых извилин» (Синявский А. / Терц А. Литературный процесс в России. М.: РГГУ, 2003. С. 175). Андропов говорит Палисандру: «Диалектика, Палисандр, какая-то эклектическая, всепожирающая перистальтика духа!» (Сс. 58-59).
- 30. Историк и археолог Иван Забелин упоминает сахарный Кремль в «Домашнем быте русских царей в XVI и XVII столетиях» (1862).
- 31. *Rosalind Marsh.* Literature, History and Identity in Post-Soviet Russia, 1991–2006. Bern: Peter Lang. 2007. P. 273.

Перевод с английского – Д. Харитонов

# Адриан Ваннер

# Поэзия перемещения

Авторский перевод русско-американских поэтов

Явление литературного авторского перевода лишь недавно сделалось центром серьезного научного изучения. Одна из проблем изучения этого феномена заключается в том, что он не укладывается в традиционные рамки теории перевода, как и авторского права. Ян Хокенсон (Jan Hokenson) и Марселла Мансон (Marcella Munson) отмечают в своей монографии «Двуязычный текст» (St. Jerome Publishing, 2007), авторский перевод «не соответствует обоим категориям теории текста и радикально пресекает литературные нормы: здесь переводчик является также и автором, перевод — это также и оригинал, иностранный язык — он же и родной, и наоборот». Считается, что автор-переводчик находится в более выгодном положении с точки зрения передачи смысла оригинала, чем «посторонний» переводчик, но признается — несколько парадоксально, — что, являясь «владельцем» текста, он может позволить себе и дерзкие отступления от оригинала.

Два наиболее известных русско-английских автора-переводчика ХХ столетия – Владимир Набоков и Иосиф Бродский. Разумеется, они не были единственными и в то время. Но в последние десятилетия произошел существенный приток в США новых русскоязычных эмигрантов, многие из которых стали успешными англоязычными прозаиками и поэтами. Далеко не все они занимаются авторским переводом в принятом смысле этого слова. Конечно, многие из них переводили свои произведения с родного языка на приобретенный, но в отличие от Набокова и Бродского, ставших известными русскоязычными писателями до переселения в Америку, большинство из них начинали свою литературную деятельность по-английски. Если воспользоваться терминологией, предложенной Стивеном Келлманом (Steven Kellman) в его книге «Межязыковое воображение» («The Translingual Imagination»), большинство из них относятся к категории «monolingual translinguals», а не «ambilinguals». Если они и обращаются к переводу, то только по необходимости, что показывает интересный случай франко-русского романиста Андрея Макина, вынужденного создавать «первоначальный» русскоязычный вариант написанного по-французски романа, который был представлен им как перевод с русского.

Для того чтобы возникла потребность заняться авторским переводом, освоение чужого языка и культуры является условием необходимым, но недостаточным. На самом деле очень немногие из англоговорящих русских иммигрантов занимаются авторским переводом. Единственным заметным исключением стал Михаил Идов, переведший свой роман *Ground Up* (совместно с женой) и опубликовавший его в России под названием «Кофемолка». Идов, родившийся в Риге в 1976 году и иммигрировавший в Америку в 1992-м, – двуязычен, он в совершенстве владеет и русским, и английским, пишет романы и журналистику на обоих языках и живет то в Америке, то в России (в настоящее время он проживает в Москве).

В то время как авторский перевод – редкое явление среди русскоамериканских новелистов, оно часто встречается среди поэтов. Это. возможно, покажется неожиданным, учитывая, что перевод - как и авторский перевод – представляется особо опасным занятием для такого глубоко личного жанра, как поэзия. Среди последней волны русскоязычных поэтов-иммигрантов некоторые продолжают писать исключительно на своем родном русском языке, даже хорошо владея английским (например, Филип Николаев), другие пишут только на английском, подчеркивая свое русское происхождение (как Илья Каминский, автор высоко оцененного сборника Dancing in Odessa). Некоторые пишут стихи и на русском, и на английском (как, например, Ирина Машинская, Катя Капович, Алексей Цветков, Александр Стесин или Андрей Грицман). Некоторые двуязычные поэты (ambilingual в нашем случае), пишущие как на русском, так и на английском и сами переводят свои стихи. Один из таких авторовпереводчиков – нью-йоркский поэт Андрей Грицман.

## ПОЭТ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Грицман – врач по профессии. Он родился в 1947 году в Москве и проживает в Америке с 1981 года. В 1998 году получил степень магистра (MFA in creative writing) в Vermont College of Norwich University. Работая врачом, он также ведет серии поэтических русско-американских чтений в Нью-Йорке и является основателем и главным редактором журнала «Интерпоэзия». С 1995 года он опубликовал девять сборников поэзии (пять из них – по-русски, четыре – по-английски). Даже названия этих книг отражают его «межкультурное» самосознание: «Ничейная земля. Стихи» (1995), «Вид с моста / View from a Bridge» (1998), «Двойник. Стихи» (2002), «Пересадка. Стихи» (2003), «Іп Transit» (2004), «Long Fall» (2004), «Остров в лесах.

Стихи» (2004), «Pisces» (2008), «Live Landscape» (2010). Грицман также является редактором интересной антологии американской поэзии «с акцентом»: Stranger at Home: American Poetry with an Accent (2008).

Книга «Вид с моста» представляет особый интерес в обсуждении данной темы. Это единственный двуязычный сборник с русским и английским вариантом каждого стихотворения, помещенными на соседних страницах. Большинство переводов сделаны самим автором, и лишь несколько стихов переведены другими (Алексом Сигалом, также русским иммигрантом, и Джимом Кейтсом). Сборник содержит также обширное вступление, в котором Грицман обсуждает свой статус поэта «между культурами» и свой метод перевода. Интересно, что и вступление дано на двух языках, причем тексты не идентичны. Целые предложения и абзацы в англоязычном варианте опущены. Да и сам английский текст написан, так сказать, «с акцентом» - пропущенные артикли и некоторые другие особенности свидетельствуют о том, что родной язык автора – русский. Не совсем ясно, сделано ли это сознательно, чтобы придать тексту «иностранное» звучание. Например, Грицман переводит название поэмы Пушкина «Медный всадник» буквально («Copper Horseman»), а не так, как принято («Bronze Horseman»). Или – известный (может быть, печально известный) постулат Роберта Фроста о том, что поэзия – это то, что теряется в переводе, в англоязычном тексте Грицмана после обратного перевода с русского превращается в утверждение, что «Роберт Фрост определял поэзию как нечто, что остается после того, как перевод завершен». Означает ли это попытку исправления, перефразировки известного, или это просто ответ на вопрос, поставленный Матвеем Янкелевичем в его эссе о русско-американской поэзии: «Для нас, русских, ниже нашего достоинства – работать с редакторами.»?

Как бы там ни было, вступление, написанное Грицманом, само по себе становится иллюстрацией скорее различия, чем идентичности в процессе перевода. Как он отмечает, русско- и англоязычные варианты его стихов следует рассматривать не как «прямой перевод», а как «параллельные» стихотворения, написанные на двух языках на одну и ту же тему и на одной «эмоциональной волне». Автором часто упоминаются Бродский и Набоков. Как и Бродский, Грицман считает передачу звучания и ритма стиха основными критериями перевода и критикует то, что он называет «американской переводческой индустрией», сохраняющей лишь смысл и слова оригинала, а не звучание и эмоциональный заряд. Он защищает, однако, строго дословный и нерифмованный перевод Набоковым «Евгения Онегина» на том основании, что ямбические строки Набокова «сшиты вкрапленными

рифмами» (с. 8). Другими словами, согласно Грицману, в общем и целом перевод Набокова можно считать «русским» (любопытно, что это наблюдение появляется только в русскоязычном тексте вступления – в переводе на английский оно отсутствует). А вот Бродский, по мнению Грицмана, «был очень крупным и оригинальным англоязычным поэтом, но отнюдь не американским... местный американский пейзаж его, в общем-то, не интересовал. Сфера его интересов – совсем в другой области». (с. 9)

Так поэтом какой культуры считает себя Грицман? В отличие от «неамериканского» Бродского, он утверждает, что настроился на «силовое поле нового языка» и английский язык становится его вторым «я» (alter ego), поразительно отличающимся от его русского, первого «я», которое также продолжает существовать (с. 25). Он пишет: «...с раннего детства я слышу мощный отдаленный прибой русской поэзии», но «мои стихи на английском берут свое начало в ландшафте Америки: продавцы хот-догов, офисы, бары, хайвеи, улицы Нью-Йорка, старый саксофонист на углу Лексингтон авеню, нефтяные вышки Хьюстона...» Если у Грицмана действительно два разных «я», связанных с русским и английским языком и соответствующей культурой, его авторский перевод заслуживает особого внимания потому, что именно там два «я» встречаются и входят в прямой контакт.

Являются ли различия русского и английского варианта одного и того же стихотворения показателем «раздвоенной» личности? Переносит ли автор, так сказать, свое русское «я» в американское «я»? Я предлагаю рассмотреть этот вопрос на конкретном примере — на анализе стихотворения «Шереметьево» / «Moscow International Airport» из сборника «Вид с моста». Стихотворение как раз и связано с такими темами, как путешествие, пересечение границ и отстранение от родной страны.

## ШЕРЕМЕТЬЕВО

Так широка страна моя родная, что залегла тревога в сердце мглистом, транзитна, многолика и легка. Тверская вспыхивает и погасает, такая разная: военная, морская, — и истекает в мерзлые поля. Там, где скелет немецкого мотоциклиста лежит, как экспонат ВДНХ.

За ним молчит ничейная земля, В аэродромной гари светят бары,

Печальных сел огни, Камазов фары, Плывущие по грани февраля, Туда, где нас уж нет. И слава Богу. Пройдя рентген, Я выпью на дорогу С британским бизнесменом молодым. В последний раз взгляну на вечный дым Нагого пограничного пейзажа, Где к черно-белой утренней гуаши Рассвет уже подмешивает синь.

А вот авторский перевод-интерпретация этого стихотворения:

MOSCOW. INTERNATIONAL AIRPORT This country of mine is beautiful indeed. So be it, my heart is untroubled. My sadness is so light so transient, fluid.

And as we drive along, Tverskaya street is flickering with lights, all changing, variable, flowing, streaming as if a military parade was winding down to the frozen fields on the outskirts of Moscow.

There lies the carcass of the Nazi motorcycle ranger like an exhibit from the All-Union Fair of the Socialist Labor.

And further is a no-man's-land where the lights of the airport bars float over the airfield's trembling haze.

The lights of the sad villages and the headlights of heavy trucks flow along February's frozen border

to the life that goes on without us. Well, then, thank God! I pass the X-ray control and have a drink for the road At the Irish Bar With an Englishman from Kent – O, such a Russian custom!

For the last time
I look at the eternal bitter smoke
over the bare landscape
of the invisible state border zone,
gently drawn in a black-and-white gouache
as the late dawn
adds some light,
a touch of wind
and a tint of blue.

Можно сразу отметить некоторое различие формата в русском и английском варианте стихотворения. Русский текст состоит из двадцати ямбических, в основном рифмованных строк различной длины, которые разделены на две части. Авторский перевод на английский значительно длиннее. Он содержит тридцать пять строк, поделенных на пять частей, написанных нерифмованным свободным стихом, хотя некоторые строчки звучат, как ямб. Немедленно становится ясно, что Грицман, в отличие от Бродского, жертвует рифмой и размером в пользу свободного стиха. Это — общепринятый среди американских переводчиков русской поэзии метод, который Бродский жестко критиковал, не принимая подобного перевода своих стихов. Вместо того чтобы искать полного сходства оригинала и перевода, Грицман не только переходит на английский, но и спокойно меняет строгий формат рифмы и ритма, который все еще превалирует даже в современной русской поэзии, на более свободную, более «американскую» форму.

Помимо рифмы и размера, еще одна особенность русскоязычного стихотворения является сложной для переводчика на английский: обилие внутренних цитат в стихе. Русский текст предсталяет собой переплетение цитат и аллюзий. Первая строка стихотворения – перефразировка знаменитой советской патриотической песни на музыку Исаака Дунаевского и слова Василия Лебедева-Кумача «Широка страна моя родная», или «Песня о Родине», впервые прозвучавшая в классическом советском кинофильме «Цирк» (1936). В тексте имеется множество ссылок на классическую русскую поэзию. Вторая строка «Залегла тревога в сердце мглистом» - почти дословная цитата из стихотворения Сергея Есенина (1922) «Я обманывать себя не стану...» Фраза «Печальных сел огни» (11-я строка) – перефразировка строки из стихотворения Михаила Лермонтова «Родина», где мы находим «огни печальных деревень». 13-я строка («где нас уж нет») перекликается с известной строкой из пьесы Александра Грибоедова «Горе от ума» («Где ж лучше? Где нас нет»), равно как и с не менее известной строкой из «Евгения Онегина» Александра Пушкина («Иных уж нет,

а те далече»). Далее, «дым» в 17-й строке снова напоминает «Горе от ума» («И дым отечества нам сладок и приятен»). Как будто поэт, покидая родную страну, бросает последний взгляд не только на русский пейзаж за окнами аэропорта, но и на общий ландшафт русской поэзии.

Эту «интертекстуальную» особенность русского стихотворения. конечно, невозможно сохранить в переводе на английский. Может быть, решить эту проблему можно было бы, использовав ссылки на американскую поэзию и патриотические песни. Однако это не то, что делает Грицман. Первая строка «This country of mine is beautiful indeed» звучит как комментарий американского «я» автора на текст русской песни, процитированной в русском оригинале стихотворения. Печальное настроение строки из Есенина превращается в свою противоположность в англоязычном варианте: сердце теперь «untroubled». Означает ли это, что американский оптимизм приходит на смену русской безысходности? Интересно, что следующая строка, – «my sadness is so light» - цитата из классического образца русской поэзии, стихотворения Пушкина «На холмах Грузии» («печаль моя светла» – «my sadness is light»). Данная аллюзия, однако, отсутствует в русскоязычном варианте, и мы находим ее только в переводе. Почему она появляется на английском языке, но не на русском? Была ли пушкинская строка, с ее любопытным сочетанием меланхолии и эмоционального подъема, тайным источником вдохновения автора при создании оригинального стихотворения, которое теперь воспринимается в контексте его американского «я»? Конечно, цитата из Пушкина надежно спрятана в англоязычном тексте, и только двуязычный читатель, хорошо знакомый с русской поэзией (такой, как сам Грицман), сможет уловить эту аллюзию.

Возникает вопрос: к кому обращено англоязычное стихотворение? Некоторые особенности такого стиха наводят на мысль, что это — читатель, не знакомый с русской жизнью, который нуждается в пояснениях, из тех, кого принято считать типичным читателем переводов. Название «Шереметьево», ничего не говорящее тем, кто никогда не бывал в Москве, заменяется в переводе общим «Moscow International Airport». Сокращение «ВДНХ» поясняется (не вполне, кстати, точно) как «All-Union Fair of the Socialist Labor» (на самом деле это сокращание означает «Exhibit of the Achievements of the People's Economy»). Ненужный артикль перед «Socialist Labor» придает англоязычному тексту своеобразный «русский акцент». Но что более важно, само выражение «Socialist Labor», которое отсутствует в русском оригинале, рассчитанно на ассоциации американского читателя со стереотипной риторикой эпохи Советского Союза. Словом, именно так видит Россию американец, а не русский.

Некоторые различия русского и английского текста, на первый взгляд, кажутся случайными. Например, «young British businessman» из русского текста стихотворения превращается в «Englishman from Kent» – человека неопределенной профессии, встреченного в какомто «Irish bar». Можно предположить, что на «русского» Грицмана большее впечатление произвела именно область деятельности британца, тогда как автора-«американца» интересуют отличия «географии» Англии и «специализация» питейного заведения.

Особого комментария заслуживает строка «О, such a Russian custom!» Причина того, что она присутствет в английском переводе и отсутствует в русском варианте, очевидна: она отражает мысль автора, которая могла возникнуть только при переложении русского текста на английский, когда он смотрит на Россию глазами своего американского «я». Таким образом, «Моscow International Airport» представляет собой не прямой перевод, а переработку текста, отражающую личные ощущения автора. Если бы этот перевод был сделан «посторонним» переводчиком, можно было бы назвать его неверным, неудачным. Однако, будучи «владельцем» текста, Грицман как «автор-переводчик» широко пользуется своим правом вносить любые изменения в стихотворение.

При обсуждении феномена авторского перевода возникают и еще вопросы: не только «как?», но и «зачем?» Для чего нужно пересоздавать свое произведение на другом языке (процесс, который многие авторы-переводчики находят весьма сложным и трудоемким)? Набоков в письме Зинаиде Шаховской жаловался, что переводить свои произведения - это все равно как «сортировать собственные внутренности, подбирая их затем по размеру, как перчатки» (Шаховская, 1991, 22). В случае Грицмана, мне кажется, вряд ли причиной является желание донести свои стихи до американских читателей, не владеющих русским. Скорее это способ познания своего собственного «гибридного» русско-американского самоощущения. Публикация русского и английского вариантов одного стихотворения становится наглядной демонстрацией двойственной идентичности поэта, разделенной конфликтующими лингвистическими и культурными традициями. Идеальный читатель подобной книги очевидно двуязычен, и вместо того, чтобы целиком полагаться на точный перевод, он обращается к текстам на обоих языках, открывая для себя и их сходства, и различия. В этом смысле авторский перевод сравним с постмодернистским подходом, допускающим отклонения от первоначального текста, а значит, и от священных принципов «верности» и «эквивалентности» оригиналу. В то же время для автора создание такого двуязычного патерна параллельных текстов является, возможно, способом слияния

его раздвоенного «межкультурного» самосознания и образование пространства, в котором две половинки авторского «я» могут сосуществовать и вступать в диалог. Традиционное соотношение «оригинала» и «перевода» приводит к образованию «созвездия», в котором оба текста сосуществуют и обогащают друг друга.

# КАТЯ КАПОВИЧ. СКРЫТЫЕ АВТОРСКИЕ ПЕРЕВОДЫ В «GOGOL IN ROME»

Мы постараемся сравнить методы авторского перевода Андрея Грицмана и Кати Капович – еще одного билингвального поэта, пишущего на русском и английском языках. Катя Капович родилась в 1960-м году в Кишиневе, столице Молдавии; в 1990-м уехала из Советского Союза в Израиль, затем, в 1992-м, иммигрировала в Соединенные Штаты. Она живет в Кембридже (Массачусетс), где вместе с мужем Филиппом Николаевым работает редактором литературного журнала Fulcrum. В то время как в произведениях Андрея Грицмана русский и английский присутствуют в более или менее равной степени, в поэзии Кати Капович превалирует ее родной язык. Из десяти сборников стихов, опубликованных к настоящему времени, лишь два – на английском. Ее русскоязычные книги стихов появлялись в Израиле, США и России. Ее стихи на английском напечатаны в таких журналах, как The London Review of Books, The New Republic, The Independent, Harvard Review и Ploughshares. Два ее англоязычных сборника – Gogol in Rome и Cossacks and Bandits – были опубликованы издательством Salt Publishing в Англии и получили высокую оценку известных поэтов и критиков. Отзыв английского поэта Билли Коллинз гласит: «Это один из самых свежих, захватывающих поэтических голосов за долгое время».

В отличие от Грицмана, Капович не акцентирует внимание читателя на своих переводах. Лишь несколько ее англоязычных стихов представляют собой авторский перевод русских оригиналов. В своем интервью 2010 года Капович вполне четко заявила: «Меня мало интересует перевод. Великая поэзия непереводима» (Vincenz, 2010). Учитывая это, кажется странным, что Капович вообще занимается авторским переводом. Тем не менее четыре стихотворения из сборника Gogol in Rome являются именно англоязычным вариантом русскоязычных стихов, опубликованных двумя годами ранее в сборнике «Перекур», изданном в Санкт-Петербурге.

Что подвигло Капович вернуться именно к этим четырем текстам и перевести их на английский? Как и многие другие ее стихи, они посвящены неким событиям ее жизни – или из советского прошлого, или из американского настоящего. Ни в одном из них прямо не упо-

минаются темы эмиграции, двуязычия или межкультурной идентификации, но можно утверждать, что в глубине все эти ноты присутствуют. В одном стихотворении описан ее опыт преподавания в школе для глухонемых («At the Kishinev School for Deaf and Mute Children»; 2004, р. 14). Звуки, издаваемые учениками, напоминают неизвестный учителю «иностранный язык». Это стихотворение посвящено поиску способа преодоления лингвистического барьера. Контакт с учениками достигается, когда учитель начинает писать буквы алфафита на школьной доске. Другое стихотворение, «Арагtment 75» (в русском варианте «Квартира номер 7-А»), описывает ситуацию противоположную – потерю контакта (р. 27). Лирический герой оказывается в квартире соседки, совершившей самоубийство. Желание понять по мертвому лицу, что за человек была эта женщина, сменяется разочарованием.

Два других стихотворения, переведенных Капович на английский, поднимают тему изгнания, перемещения – и меняющейся индивидуальности. Стихотворние «Prague» (в русском варианте – «Замок»), посвящено Алексею Цветкову, билингвальному русско-американскому поэту, долгое время жившему в чешской столице (2004, 15). В этом стихотворении Капович представляет себя живущей в Праге, – городе, который благодаря его славянским корням более понятен русской эмигрантке, чем Америка.

#### ЗАМОК

А. Цветкову

Начинается день: от восточной стены отделяется тень старика. Я приду в этот город с другой стороны, чем однажды пришел в него К.

Ветер рвет разноцветный туман на куски, отпираются двери кафе, и бросают на лавочки зеленщики огурцы в огородной ботве.

Здесь бы жить, на простом языке говоря «добри дэн» и «декуи» – и ключ отмыкал бы певучий замок на дверях, когда солнце выходит из туч,

когда свет шелушится меж грабель дождя и, ногой оттолкнувшись от плит, над рекой, над каштановой пеною дня прямо к Пражскому замку летит.

А вот дословный перевод:

#### LOCK / CASTLE

For A. Tsvetkov

The day begins: from the eastern wall escapes the shadow of an old man. I will enter this city from the opposite side than it was once entered by K.

The wind shreds the colored fog to pieces, the doors of the cafés open, and the greengrocers throw on the counters cucumbers with leafy tops from the garden plot.

To live here, to say in an easy language «dobrý den» and «děkuji» – and the key would open the melodious lock on the doors, when the sun comes out of the clouds,

when the light peels from the rake of the rain and, pushing off with the foot from the flagstone, over the river, over the chestnut foam of the day flies directly to the Prague Castle.

И – в авторском переводе Кати Капович:

#### **PRAGUE**

For Alexei Tsvetkov

The day starts as an old man's shadow splits away from the eastern wall. I have entered the city on the opposite side from Kafka's K.

Locks gnash their teeth behind my back, low-lintel doors of cafés spring open, street vendors lay out the first radishes and scallions on newspapers by their feet. I can see myself being from around here, speaking their easy language, eyeing the the same chestnut trees in the humpbacked lane as I leave my house in the morning, shutting a low-lintel door and bearing uphill toward the dark castle all the way at the top.

Как таковое, название русского оригинала стихотворения «Замок» представляет неразрешимую загадку для английского переводчика, поскольку значение этого слова может быть разным в зависимости от ударения: замок – «castle», а замок – «lock». Только по контексту, а в данном случае - по поэтическому размеру (анапест), можно определить, какое значение имелось в виду. И оказывается, в этом стихотворении используются оба значения: в третьем четверостишии речь идет о ключе, отпирающем «a melodious lock», а последнее четверостишие, заканчивается упоминанием Пражского собора. Таким образом, название стихотворения двояко: «Lock» и «Castle». В английском языке передать эту игру слов невозможно, но это удается в чешском («Zámek») или в немецком («Das Schloss»). Не случайно «Das Schloss» – это также название романа Франца Кафки, который фигурирует в стихотворении Капович как ее alter ego. Буква «К» (рифмующаяся со словом «старика») – ссылка на Joseph K. (вымышленного героя романа Кафки) и в то же время напоминает инициалы имени поэта: Катя Капович.

Капович делает весьма свободный перевод своего стихотворения. 16 строк оригинала, поделенных на четыре четверостишья, превращаются в 12-строчный сплошной текст. Хотя он и написан свободным стихом, в английском варианте сохранена одна основная рифма: «аway» в первой строке рифмуется с «Kafka's K» в третьей строке, таким образом четко называя пражского писателя, чье имя не упоминается в русском оригинале. Сочетание рифмованных и нерифмованных строк является общей чертой англоязычной поэзии Капович (в отличие от ее русскоязычных стихов, которые строго рифмованы).

Введение антропоморфических метафор придает английскому тексту более тревожный и зловещий тон: строка «и ключ отмыкал бы певучий замок на дверях» (and the key would open the melodious lock on the doors) становится «Locks gnash their teeth behind my back» (буквально: «замки скрежещут своими зумами за моей спиной»). Кроме того, «a hump-backed lane» (букв.: «бугристая дорога») появляется только в английском переводе. Авторский перевод содержит также и другие детали, отсутствующие в русском оригинале, - например, «low-lintel doors» (букв.: «двери с низкими перемычками»), упоминающиеся дважды. Овощная лавка, в которой продаются огурцы (в русском варианте), в английском переводе становится уличным торговцем, зазывающим купить редис и зеленый лук. То, что огурцы не упоминаются, возможно, не случайно: было бы практически невозможно сохранить в английском звуковой ряд «огурцы в огородной ботве», да и эквивалент слова «ботва», предлагающего идею наисвежайших, «с грядки», овощей, в английском отсутствует. «Редис и

зеленый лук» дают поэту возможность создать в стихотворении картину свежих весенних овощей, а также добавить к нему красок. Стоит упомянуть, что любой другой переводчик, а не автор, возможно, не осмелился бы внести подобные изменения.

Чешский язык также по-разному представлен в русском и английском вариантах. То, что в русском оригинале звучит «Здесь бы жить, на простом языке говоря /«добри дэн» и «декуи», в переводе заменяется более коротким «I can see myself / being from around here. speaking their easy language». Русский текст демонстрирует «простоту» чешского языка путем написания приветствия «dobry den» кириллицей («добри ден»), что напоминает укороченный и немного забавный вариант русского «добрый день», произнесенного с иностранным акцентом. В то же время в англоязычном варианте присутствие лирического героя ощущается более явно, чем в русскоязычном, безликом, построенном на герундии и сослагательном наклонении. Более важная роль повествователя в англоязычном переводе становится особенно заметной в конце стихотворения. В русском варианте солнечный свет пробивает облака и летит к Пражскому Собору. В переводе любые упоминания погоды (ветер, туман, солнце, облака, дождь) отсутствуют. Не солнечные лучи, а сам автор оставляет свой дом, чтобы подняться к собору.

Таким образом, стоит отметить, что лирический герой играет более активную роль в авторском переводе на английский. Возможность жизни в Праге представляется вполне реальной – в отличие от русского оригинала, где это скорее мечта, что и выражается сослагательным наклонением («бы»). Имеется также изменение времени: если в первой строке русского варианта говорится «я приду в этот город», то в английском – «I have entered the city» («я пришла в город»). То, что в оригинале – намерение, возможность, в переводе – уже совершенное действие. Будто Капович, повествователь в англоязычном варианте своего раннего стихотворения, в процессе перевода снова возвращается к тексту и месту, где она уже побывала.

В общем и целом по-английски стихотворение звучит более приглушенно. Особенно интересно, что опущено последнее четверостишье с его волнующим, удивительным описанием пражского ландшафта. Как будто мощная эмоциональность русского текста уступает место более спокойному, контролируемому настроению с несколько зловещими нотами (интересно, что собор в конце стихотворения становится «мрачным»).

Подобное настроение в сочетании с более ярким самоощущением можно наблюдать также в авторском переводе Капович ее стихотворения «Автонатюрморт в пижаме».

#### АВТОНАТЮРМОРТ В ПИЖАМЕ

Кто это, заспанный, хмурый, лохматый, утром на кухне сидит без еды, и на обоях в листве виноградной — тень от воды...
Это я с вечера кран не закрыла, льется вода в оцинкованный таз.
Соевое растворяется мыло, нить виноградная разорвалась.

## В буквальном переводе:

#### SELF-STILL LIFE IN PAJAMAS

Who is this, sleepy, gloomy, disheveled, sitting in the morning in the kitchen without food, and on the wallpaper in the foliage of grapes the shadow of water ...

It is I who have not shut the faucet off since last night, the water pours into the zinc-coated basin.

The soy-soap is dissolving, the thread of grapes is torn apart.

#### В авторском переводе Капович:

#### SELF-STILL LIFE IN PAJAMAS

Who is this sleepy, gloomy scarecrow in morning knots of her own red hair, who sits at the kitchen table without breakfast?
Water shadows dance on the wall among grape leaves.
Is she the same me that forgot to shut the faucet off before going to bed last night?
Water drips into the kitchen sink, a vine breaks in the wallpaper vineyard, soy soap melts on zinc.

И снова строгая форма оригинала (четкие дактиллические четверостишья с прерывистой строкой, усиленной многоточием) в английском варианте заменяется свободным стихом с единственной рифмой («sink» – «zinc»). Изменение порядка строк во второй части

свидетельствует о том, что эта рифма была важна для автора. Английский вариант, который несколько длиннее оригинала, содержит некую информацию, отсутствующую в русском оригинале, например, упоминание спутанных рыжих волос (поскольку это авторский перевод, допустимо внести в текст новые детали).

Английское название «Self-Portrait in Pajamas» несколько ослабляет эффект русского неологизма «Автонатюрморт», придающего лирическому герою замороженную неподвижность натюрморта. Еще один оттенок, потерянный в переводе: в русском тексте использованы прилагательные мужского рода, тогда как конец стихотворения (5-я строка) написан явно от имени женщины. Таким образом, загадочный герой, о котором идет речь в первом четверостишии (судя по грамматическим окончаниям – мужчина), в конце стихотворения оказывается человеком другого пола. Имеется и еще одно важное различие английского перевода и русского оригинала. Русское стихотворение начинается как загадка, разгадка которой дана во втором четверостишье; в английском переводе и разгадка представляется вопросом («Is she the same me?..») Это изменение еще более затрудняет понимание, о ком идет речь. Тот же вопрос можно задать и по поводу авторского перевода Капович ее более раннего стихотворения. Является ли герой английского текста действительно «the same me» – тем же, что и в русском оригинале? Представляется, что эти картины разобщенности, разрыва, подрывают идею неизменности и сохранности лирического героя в процессе перемещения во времени и преодоления языкового барьера. Уже русский текст отличается непостоянством грамматического рода, в английском же переводе наблюдается еще большее смешение – повествование идет от 1-го и 3-го лица.

«Is she the same me?..» — напоминающее известное изречение Артура Рембо: «je est un autre» — иллюстрирует, как в результате авторского перевода поэт странным образом становится одновременно и героем произведения, и перемещенным объектом. Как показывает стихотворение Капович, в результате происходит отчуждение, которое может привести к мистической встрече с прежним самим собой в виде «мрачного пугала».

#### ДВА ПОДХОДА К АВТОРСКОМУ ПЕРЕВОДУ

И для Андрея Грицмана, и для Кати Капович авторский перевод становится способом самопознания. Учитывая автобиографическую, исповедальную природу поэтического творчества Капович, ее возвращение к первоначальным текстам своих стихов и их перевод на английский язык позволяет поэту вновь оценить эпизоды успешного и не очень успешного общения, отчуждения в изгнании, как и явле-

ние межъязыковой персонификации, тогда как «параллельные стихи» Грицмана – это встреча и диалог его «бывшего» (русского) и «настоящего» (американского). В то же время между текстами Грицмана и Капович имеются и более важные различия. Как мы знаем, в своем предисловии к View from the Bridge Грицман утверждает, что в его англоязычной поэзии английский язык выступает родным. Капович ничего подобного не заявляет. Отсутствие двух разных «я» в русском и английском делает ненужным постоянный диалог между ними посредством авторского перевода. Лирический герой Капович – дерзкий человек «со стороны», подобно диссиденту в СССР или русскому иммигранту в США. Ее последнее стихотворение в сборнике Gogol in Rome – «Generation K» – выражает ее позицию «stranger at home» («чужой дома») следующими строками: «We mumble in English with a heavy accent, / dropping the articles like cigarette ashes» («Мы бормочем по-английски с сильным акцентом, стряхивая артикли как сигаретный пепел») (2004, 96). Интересно, что, несмотря на некоторые не идиоматические и даже грамматически неверные выражения, в английском языке у Капович все же меньше чувствутся русский акцент, чем у Грицмана. Именно он, а не Капович, иногда опускает или неправильно размещает артикли в своих англоязычных текстах.

Для Капович создание стихов на английском, как и авторский перевод, похоже, не требуют переключения личности, в отличие от ее поэзии на родном языке. Если и существует для Капович различие двух «я», так это связано с временным слоем и, соответственно, степенью зрелости автора. Как она сама сказала в интервью в 2010-м году, «все представляется более спокойным, когда я пишу по-английски. Мне кажется, это естественно, потому что английский — язык возраста моей зрелости. Это только русский стих пробивает все слои моего «я» и показывает, какой я замечательный комок грязи. Я надеюсь продолжать свое дело до конца, но, если я перестану писать по-русски, я вообще перестану писать стихи». (Vincenz, 2010)

Два варианта пражского стихотворения Капович наглядно иллюстрируют различный эмоциональный накал, связанный с русским или английским языком. В то же время Капович отмечает, что творчество на английском языке открыло новые возможности поэтического самовыражения. В том же интервью она призналась: «Существуют вещи, которые я не способна писать по-русски. Например, я не могу писать свободным стихом – почему-то это получается неверно». Хотя отход от формального построения стихотворения в процессе включения в новый язык может дать Капович ощущение свободы, она принимает свободный стих более осторожно, чем Грицман. Многие из ее английских стихов хотя бы частично рифмованы или связаны разме-

ром, и, как мы видели, рифма иногда появляется в ее авторских переводах.

Существенное различие между Капович и Грицманом состоит и в том, как они представляют свои стихи. Переводы Капович «замаскированы» под англоязычные оригиналы. В сборнике Gogol in Rome нигде не указано, что эти стихи являются переводами ее русских текстов. Даже на странице, где перечисляются ранние публикации вошедших в сборник стихов, нет упоминания о том, что четыре из них первоначально публиковались в России. Как свидетельствует Ева Гентес (Eva Gentes, 2013, 267) выдавать авторские переводы за оригинальные тексты – общепринятая практика большинства издательств, которые предпочитают, чтобы читатель воспринимал текст как оригинальный. Привлечение внимания в процессу перевода путем размещения текстов на двух языках, «бок о бок», заставляющее читателя сравнивать и оценивать различия между ними, - скорее исключение, нежели правило. В то время как Грицман не скрывает и даже с увлечением обсуждает практику поэтического авторского перевода в своей книге View from the Bridge, Капович в Gogol in Rome делает прямо противоположное, как будто стесняясь своих переводов и пытаясь скрыть их от читателя. То, что в книге Грицмана громогласно заявлено, у Капович – некое скрытое закулисное действо.

Невзирая на эти различия, авторский перевод для обоих поэтов становится способом исследования изменения перемещенной личности во времени, в процессе миграции и адаптации в новой культурной и языковой среде. Хотя, как считает Павленко, поэтическое творчество на неродном языке может ограничить возможности эмоционального самовыражения, процесс авторского перевода включает самопознание через «лингвистическое отчуждение», которое он сравнивает с созданием прозы на чужом языке. В конце концов, не так уж странно, что поэты чаще обращаются к авторскому переводу, чем прозаики. Более того, идея Павленко об эмоциональной привязанности к «материнскому языку» (L1 в лингвистике) может быть шире истолкована как приверженность к русской поэтической традиции. Как мы видим, русские поэты имеют разные представления о том, как передавать в переводе форму, содержание и поэтическое звучание оригинального текста.

Процесс авторского перевода, к которому Капович и Грицман подходят столь различно, демонстрирует, таким образом, не только разные способы самопознания и творчества в билингвальном межкультурном контексте, но и неоднозначные интерпретации поэтических произведений. Представляется, что Капович в своих англоязычных стихах неохотно расстается с рифмованной, метрической формой. У Грицмана это совсем по-другому: даже в своих русскоязычных стихах

он использует более свободную форму, чем Капович, а его англоязычные тексты отражают то, что в своем предисловии к *View from the Bridge* он называет американским «рывком к свободе» (1998, 21). Для Капович, которая сохраняет более тесную связь с родным языком, авторский перевод является не столько легким и освобождающим занятием, сколько делом, чреватым осложнениями, – попыткой передать на новом языке как можно точнее поэтическое звучание русского оригинала.

Как для Капович, так и для Грицмана изменение личности, стимулированное процессом авторского перевода, превращается в поэзию перемещения, превращая версию стихотворения на другом языке в метакомментарий к своему тексту – да и жизни. Разумеется, перевод поэтического текста всегда отличается от оригинала. Но, вопреки ожиданию сближения стихотворных вариантов в случае, когда автор и переводчик – одно и то же лицо, в авторских переводах Кати Капович и Андрея Грицмана различия лишь усиливаются.

Перевод с английского Елены Ариан

# КНИГА И СУДЬБА

#### Елизавета П. Глинка

# Doctor-liza.livejournal.com

Елизавета Глинка, «доктор Лиза» (1962–2016), родилась в Москве в семье военного и врача. По специальности она была детским реаниматологом. В 1986 году она уехала в США к мужу Глебу Глинке, американскому адвокату, потомку русских эмигрантов послевоенной волны. В 1991 году, в Америке, Е. Глинка получила второе медицинское образование по специальности «паллиативная медицина». Гражданка США, Елизавета Петровна участвовала в организации первого хосписа при онкологической больнице в Киеве в 1999 году; затем она основала первый хоспис в России. Переселившись в Москву с мужем, она занималась общественной работой: помогала бездомным, обреченным, жертвам военных конфликтов, занималась защитой гражданских прав в РФ. Она была членом правления Фонда помощи хосписам «Вера», исполнительным директором фонда «Справедливая помощь», учредителем и президентом американского фонда VALE Hospice International, Inc. В январе 2012 года стала одним из учредителей Лиги избирателей, осуществляющей контроль за соблюдением избирательных прав граждан. В ноябре того же года была включена в состав Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Она была первой, кто сумел убедить все правительства – Украины, РФ, Донецка и Луганска – в необходимости оказывать гуманитарную помощь детям в зоне боевых действий (см. интервью с Е. Глинкой – НЖ, № 276, 2014). 25 декабря 2016 года Е. П. Глинка трагически погибла в авиакатастрофе.

В этом номере мы предлагаем отрывки из готовой к печати книги «Доктор Лиза: Я всегда на стороне слабого»\* – московские записи «доктора Лизы» в Живом Журнале, которые она вела на протяжении многих лет. Записи нам любезно предоставил Глеб Глебович Глинка.

27 июня, 2007, 10:06 вечера

«Елизавета Петровна, SOS!» – так начиналось письмо.

«Это не мой больной. Это не мое дело. Я устала», – все это я проговаривала себе, когда прочла письмо от человека, который не мог пройти мимо. Зовут девушку Анна. Я не знаю ее ника в ЖЖ.

Она нашла бездомного у метро «Кузьминки». Виктор

<sup>\* «</sup>Доктор Лиза Глинка. Я всегда на стороне слабого. Дневники, беседы». – М.: АСТ / Редакция Елены Шубиной. – 2017. – 320 с.

Алексеевич Козлов. Художник. Бывший. Бывший, потому что его подожгли этой зимой. Подожгли спящего. Беспомощного человека, который реставрировал храмы. Которого выгнал на улицу сын, продавший квартиру. У которого нет документов, а продукты отнимают или другие бомжи или азербайджанцы.

У него обгорело лицо и руки. Он больше не будет реставрировать храмы. На руках — гноящиеся рубцы и нет нескольких фаланг. Лицо. С таким лицом его больше не пускают в метро. И не сажают в машины. Милостью Божьей таксист согласился довезти его до больницы. Такая история.

Это первая запись Дневника в России. До этого Е. П. Глинка, с 2005 года, работала в организованном ею хосписе в Украине. В 2007 году, приехав в Россию в связи с тяжелой болезнью матери, Елизавета Глинка создала международную общественную организацию «Справедливая помощь». Ее сотрудники и добровольцы продолжают ухаживать за умирающими и тяжелобольными пациентами; обеспечивают лекарствами и медикаментами, едой и доврачебной медицинской помощью бездомных на московских вокзалах («Вокзал по средам»).

12 августа, 2007, 9:54 утра

Она говорила прерывающимся голосом.

– Елизавета Петровна, это Галя.

На сегодня звонок любой Гали у меня ассоциируется с медицинской сестрой, которая сейчас работает с моей мамой.

Я выдохнула из себя только:

-470?

Она снова заплакала. Мне показалось, что я перестала дышать.

- Говори, не выдержала я.
- Это Галя, снова слезы. Вот вы встречаете разных людей, вы не могли бы им передать...
  - Какая Галя?
  - Ваша. Из Саратова. Больная.

Господи, у меня нет сил больше.

- Я передам. Скажи что. И как ты себя чувствуешь?
- Ничего. Вот скажите мне. Я усыновила ребенка. В Саратове пособие для одиноких усыновителей двести рублей. А он кушать хочет и растет. И главное, она говорила быстро, потому что дорого звонить, главное, что я такая не одна. Нас много, понимаете? Я только хочу, чтобы вы ИМ передали, что на эти деньги жить нельзя. Мы усыновили детей в начале 90-х, чтобы дать им новую жизнь. Передайте ИМ.

ИМ я не передам. Потому что они, видимо, не слышат совсем. Я передам вам.

Мне непонятно, за что наказывают людей. Мне непонятно, чем руководствовался чиновник, назначая такое пособие для одиноких усыновителей в Саратове. Мне много чего стало непонятно за этот почти год в Москве.

Галя не виновата, что заболела раком. Мальчик не виноват в том, что его бросила биологическая мать.

Никто ни в чем не виноват.

Галина Швец, сама выросшая в приюте, усыновила маленького брошенного Илью в 1994 году. В 2008 году Галина умерла от рака, а Илья Швец был усыновлен второй раз. Его приемной матерью стала Елизавета Глинка.

17 сентября, 2007, 8:45 вечере. Гусь-Хрустальный

350 км от Москвы. Другая жизнь.

Девочка Оля, к которой нас вызвали, ждала нас трое суток, не потому что мы такие хорошие, а потому что за девятнадцать лет ее жизни к ней никто не приезжал. Никто.

Она лежит поперек дивана в холодной комнате. Отопления нет. Рано, видимо, включать. Администрации виднее всегда, что, кому и когда надо.

У девочки метр роста, двадцать пять килограммов веса и единственная, левая рука, ладошкой, которой она поздоровалась с нами.

Она знает наши имена. Мама ей сказала, что мы приедем. Она спросила, кто это будет, и выучила имена, чтобы поздороваться.

У нее карие глаза, которыми она внимательно следит за всеми. Оля говорит и понимает, как девятнадцатилетняя нормальная девушка. Она понимает, что другая. Не больная, больной она себя не считает. Она – другая.

Не нужная никому, кроме матери.

Вот вам холодные факты. Стиральной машины нет. У нее три пары колготок.

Пенсия – три тысячи рублей. Она хочет фотоаппарат. Снимать комнату, кроме которой у нее ничего нет. Маму. Попугая на подоконнике. Маленький телевизор. Окно с жизнью за ним.

Она улыбается. Как малыш. Тянет свою крохотную ладошку. Смеется, когда я ей рассказываю, что мы ехали к ней со скоростью за сто километров в час.

Что у них? Долги, окно, в котором дыры. И любовь. Иначе бы они не выжили.

Ссуда, взятая в банке, чтобы не умереть с голода.

На вопрос: «Оленька, а что ты любишь?» – она отвечает просто: «Кушать». Не шоколад, не фрукты, а просто еду.

Больше я ничего писать не буду. Потому что я не могу. Правда, не могу.

23 сентября, 2007, 4:59 вечера

Иногда в семьях с больными я вижу столько любви, что понятие о ее бесконечности становится реально ощутимым.

Это не поправленная подушка или повернутый вовремя на бок больной, не миска бульона, не икра и не цветы. Не чистое белье, не вымытые руки. Не модные лекарства и доктора и сиделки.

Это преданность, прощение, терпение и привязанность. Единое целое, которое невозможно разлучить. Невозможность разлюбить ни при каких обстоятельствах. Там не бывает обид и недомолвок, нет вздохов и жалоб тоже нет.

Есть ланность. Любовь.

8 октября, 2007, 6:49 вечера. Петрово-Дальнее

Дорога к нему идет по Рублевскому шоссе. Мы смотрели на коттеджи, дорогие рестораны и магазины. Иномарки, должна заметить, уступали нам дорогу. Иногда.

А потом коммуникатор, который показывал дорогу, привез нас в тупик. Видимо, когда-то там действительно была дорога, но теперь путь перекрыт загадочной красной стрелкой и новым домом. Развернулись. Дорога резко поменялась. Глина, песок, ухабы.

И вот — Петрово-Дальнее. Дом в поселке. Полуподвальное помещение с открытыми окнами. Соседи встречают словами: «Наконец-то! Вы бы в пятницу приехали, а то к вашему приезду убрались».

Темная комната с запахом гниющего мяса. На кровати – человек. Красивый. Шестьдесят лет. Рядом с ним – сестра-инвалид.

– Это я вас вызвала. К нам никто не ехал.

Вышел и, не попрощавшись с нами, исчез единственный сын больного.

- Андрей, что с вами случилось?

На шее – хорошо сформированное отверстие от трахеостомы. Трубки в горле нет. Она лежит на подобии стола. Дышит тяжело. На пальцах показал, что перенес восемь операций.

– Напишите.

«Трубка выпала, сам поставить назад не смог».

Плачет.

- Дышать трудно?

Кивает.

- Страшно?

Снова кивок.

– Я не сделаю вам больно.

Фонариком светил наш хирург Ваня Аминазин, водитель Паша стоял на подхвате с салфетками. Увидела то, что перекрывало отверстие. Как-то подхватила зажимом. Вытащила.

Скорее подходит слово «выгребла», простите за подробности.

- А сейчас вы будете кашлять.

Садимся вместе. Мы кашляли долго. И откашляли тоже много.

Иван мыл трахеостомическую трубку, тоже забитую неизвестно чем. К слову, у больного выключена вода. Так что сливали на трубку из бутылки. Потом обработали тем, что с собой было.

Еще раз спасибо тому неизвестному, кто подарил мне чемодан с инструментами.

Больной боялся, поэтому крепко держался за мою левую руку, оставив для манипуляций мало места.

Потом – смена докторов. Андрей держался теперь уже за обе руки. А Иван ввел трубочку. Ленточку вокруг шеи завязали. Задышал ровно, порозовел. Спасибо сказал. Все хорошо.

Кроме одного – воды в этой квартире так и нет.

А скоро не будет и света. За неуплату. Мы постараемся отплатить его долг.

Вот только кто-нибудь может мне объяснить одну вещь: можно ли ОТКЛЮЧАТЬ воду инвалидам? Инвалиду, который НЕ МОЖЕТ говорить. И звонить не может. И попросить ему некого. И никак не попросить, так как НЕ ГОВОРИТ он.

Ведь Петрово-Дальнее – не Москва, там все друг друга знают.

Что происходит с нами?

Обратно мы ехали по тому же ровному Рублевскому шоссе. Там другая жизнь. Другая.

Павел Сафронов – первый водитель «скорой помощи» при «Справедливой помощи». Иван Кашников – первый врач «скорой помощи», работал до 31.12.2007 года.

Этому разговору больше двадцати лет.

Сегодня вечером я снова смотрела «Чайку».

<sup>27</sup> октября, 2007, 12:16 ночи

<sup>–</sup> Лизавета, это дядя Саша. В театр пойдем в субботу? Ставят «Чайку».

<sup>-</sup> Конечно, пойдем.

Наверное, никого из своих родственников я не любила так, как его. Мой дядя Саша. Он был младше моей мамы.

Педиатр – это под его влиянием я стала врачом.

Мы жили не так далеко друг от друга, и каждое воскресенье я проводила с его семьёй. Помню, как он играл с нами. Помню, как меня, маленькую, он водил куда-то на День медика. Помню, как дарил мне подарки на дни рождения и ни разу не забыл поздравить меня.

Это ему я доверяла свои первые секреты и свою самую первую любовь, с ним обсуждала, уже поступив в институт, как можно прогуливать лекции и при этом не заваливать сессии. С ним слушала летом на старой даче радиостанцию «Свобода» и говорила с ним до утра. Он носил чеховскую бородку и смотрел на меня добрыми карими глазами.

По его учебникам я учила пропедевтику детских болезней. От него мне достались «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого, которые я храню до сих пор.

Он приучил меня пить крепкий чай. Научил говорить с родителями больных детей. У меня масса привычек, которые я получила от него

Перед тем, как стало окончательно понятно, что я уеду из России, я долго не могла сказать ему об этом. Потому что боялась.

 Ну что, не могла в Москве замуж выйти? – он вздохнул и надолго замолчал.

Саша (я всегда его звала так) стал слепнуть года за три до моего отъезда. Глаукома не позволяла ему работать. Инвалидность. Выпивка. Одна за другой. Вытаскивала из запоев, из мест, в которые он попадал. На какое-то время он становился таким, каким был до болезни. Потом всё повторялось.

После отъезда из России – звонки. Читать мои письма он не мог – не видел. Последний звонок был недели за две до конца.

– Лизуля, приезжай, родная! Поговорим. Я тоскую.

Письмо от мамы было коротким. «Лизочка, мне больно сообщить тебе, что дядя Саша погиб. Он был очень хорошим, но очень больным человеком.»

Его, слепого почти, сбила машина на переходе около метро «Войковская». Машину не нашли. Характер повреждений определили на вскрытии.

Он долго лежал на улице в сугробе – подобрали его дворовые мальчишки. Потом тело неделю пробыло в судебном морге, как неопознанное. Пока не стали искать его дети.

Тогда я не приехала. Сыну было пять месяцев, и я кормила грудью.

Меня убедили, что я просто не успею, и пропадет молоко. Я плакала и кормила, практически не выходя из дома в Вермонте неделю. Просто лежала, подсунув грудь малышу. Он ел, я плакала и говорила с ним. Нет, не с малышом.

«Ну прости меня, ну прости, ну прости меня.» И молилась, как могла

Я не должна была уезжать или должна была забрать его с собой.

Я до сих пор ненавижу себя за это.

И до сих пор люблю его, как живого.

Ему было пятьдесят лет.

Александр Иванович Колесниченко (1937–1991) – дядя со стороны матери. Талантливый врач-педиатр. Оказал огромное влияние на Елизавету Петровну, в том числе и как глубоко верующий человек, старообрядец. Елизавету крестили в Москве в старообрядческом храме.

30 октября, 2007, 10:22 вечера

Я пишу о том, что вижу. Меня часто обвиняют в том, что я предвзята в отношении врачей, родственников и чиновников.

Моя правда — на стороне больного. Прав он или не очень. Нравится это кому-то или раздражает. Я не могу по-другому. Когда смогу — надо будет уходить в идеальные жены. И когда-нибудь я сделаю это.

15 ноября, 2007, 10:00 утра

Отработали на Павелецком.

Бездомные перебрались в здание вокзала, тихо сидят там около входа в метро. Узнали нас, доложили последние события их нехитрой жизни за прошедшую неделю.

В Таню кто-то в шутку выстрелил петардой. Попал по касательной в шею. Лицо в гари. На шее – ожог.

Мужчину, чьего имени не знаю, милиционер ударил дубинкой по ноге. Спящего. Перелома нет, но отек и гематома обширные.

Сашка – негласная староста вокзала, поведала о том, что перед Днем милиции стражи порядка озверели совсем и били всех, кто спал. Колоритно объяснила, что она думает по этому поводу.

В основном – травмы и трофические язвы. Всех перевязали. Раздали одежду, которую вы передали.

Совершенно нет носков. И ботинок большого размера.

Сашка абсолютно серьезно спросила меня вчера две вещи, на которые я затрудняюсь ответить:

– Ты чё, в натуре не можешь отличить честного бомжа от е....го наркомана? А опера от мента?

Получив отрицательный ответ, она гордо заключила:

– Ты в людях не разбираешься. Пора учиться.

Действительно, пора.

## 25 ноября, 2007, 3:18 вечера

Танюшка, проживающая на вокзале около трех лет, решила броситься под машину.

- Дави, дави, кричала она иномарке, имевшей неосторожность заехать на территорию «Вторсырья» (это ужасно, но это так я именно там их перевязываю).
  - Дави-и-и-и! 3...ла жизнь такая!

Руфина и Марина, со стажем бродяжничества побольше, подошли к ней и стали не оттаскивать, а объяснять.

- Таня, да что ты, Таня, это же грех. Отойди! Вот если ты замерзнешь или тебя замочат на вокзале, то тогда умереть не грех.
  - Не грех, взволнованно повторила Марина и перекрестилась.
     Танюшка, махнув рукой, отошла от бампера.

## 11 декабря, 2007, 1:30 вечера

По просьбе «френдов»:

- 1. ТРИ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ МНЕ НЕПОНЯТНЫ:
- отчего происходит жестокость?
- зачем люди лгут?
- мир
- 2. ТРИ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ МЕНЯ ПУГАЮТ:
- ездить на машине по мосту
- любой обман
- смерть
- 3. ТРИ ВЕЩИ, КОТОРЫМ БЫ Я ХОТЕЛ НАУЧИТЬСЯ:
- не реагировать на плохие запахи
- отключать телефон
- научится говорить «нет»
- 4. ТРИ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС НА МНЕ НАДЕТЫ:

Не поверите – ночная рубашка

- 5. ТРИ ВЕЩИ, ЛЕЖАЩИЕ НА МОЕМ СТОЛЕ:
- фонендоскоп
- ноутбук
- много бумаг
- 6. ТРИ ПЛЮСА МОЕГО ХАРАКТЕРА:
- жалость
- терпение
- упрямство

#### 7. ТРИ МИНУСА МОЕГО ХАРАКТЕРА:

- жалость
- терпение
- упрямство
- 8. ТРИ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ Я ДЕЛАЮ ЧАЩЕ ВСЕГО:
- работаю
- люблю
- люблю
- 9. ТРИ МЕСТА, КУДА Я ХОЧУ ПОПАСТЬ:
- Соловецкий монастырь
- к любимому
- в театр
- 10. ТРИ МОИХ ФРЕНДА, КОТОРЫЕ ПРОДОЛЖИЛИ БЫ ФЛЕШМОБ, КАК Я ХОТЕЛА:

Я обычно не предлагаю флешмобов.

## 19 декабря, 2007, 11:21 вечера

Сегодня не стреляли. Всё прошло спокойно. Страшно видеть, как те, с кем виделись совсем еще недавно, не переживут зиму.

Бездомные сегодня возбужденно рассказывали, как был обстрелян автобус. Удивительно, что это их так потрясло. Убить их могут каждый день, без обстрела, без описаний в газетах.

И как говорит бездомная Руфина: «Снимут нас на фотоаппарат менты. Мертвыми». Спокойно так сообщает, как об обыденном факте.

Всем, кто помог им – спасибо.

Накануне автобус православной службы «Милосердие» – первый в Москве передвижной пункт помощи бездомным – был обстрелян неизвестными из пневматического оружия.

# 13 февраля, 2008, 9:27 вечера

Сегодня – много больных и голодных бездомных собралось уже к пяти.

Василию сломали руку дубинкой. Милиционеры. Ждал сутки нашего приезда – боялся и плакал. Отправлен по «скорой помощи» в больницу.

После 18.30 я ушла в другое место (намеренно не говорю, куда) – перевязать больных в тепле.

В это же время к нашей машине подошли два милиционера и спросили оставшегося бездомного, кто он и откуда. К счастью, у него на руках был билет для отъезда домой. Его не тронули.

«Опоздали» – разочарованно произнес один другому.

Да, опоздали. Сегодня нашим больным крупно повезло. Их не били дубинками и не свалили в клетку отделения милиции. Я не знаю, что будет завтра. И послезавтра тоже.

Зачистка Москвы перед выборами президента, чтобы лучше голосовалось, наверное. Правильному электорату. А у меня – неправильный. Не зарегистрированный – и далее продолжать можно бесконечно.

Знаете, даже в войну бомбить госпитали и больных считается не по правилам. А сейчас мирное время.

Среди моих бездомных 95% — граждане России. Да, они не так успешны в жизни, как мы с вами. У них нет семей, нет квартир и много чего нет. Но они — люди. В большинстве своем — люди больные.

#### 1 марта, 2008, 10:44 вечера

Больной О. живет с соседями. Они обижают его. Обзывают, ругают за мусор, оставленный на общей кухне.

- Ли-и-и-и-из! А меня Николай опять обозвал и турнул из кухни.
- Хочешь, я к нему в комнату пойду и тоже его турну? Хочешь?
- Нет.
- Ну, ты ведь обижаешься на его семью?
- Да.
- Тогда пойду.
- Нет.
- А как мне помочь тебе?
- О. думает некоторое время. У него совершенно прозрачные глаза и добрая беззубая улыбка. Почти как у младенца.
  - Ли-и-и-из! Скажи, что он гад.
  - -Emy?
  - Нет. Просто мне скажи.
  - Гад он, последний.
  - Спасибо большое.

# 2 апреля, 2008, 8:37 утра

Вчера утром не стало моей мамы.

Полтора года. Полтора года для счастья нам с ней нужно было так мало — еще один день жизни.

Она не любила зимы и ушла в апрельское утро. Туда, где нет боли и страданий.

Я осталась здесь, где из боли и страданий других людей складывается моя жизнь.

Мама любила меня так, как любить могут только мамы. Только

у нее я согревалась, доверяя ей все самое сокровенное, что происходило у меня.

Она плакала тогда, когда я плакать не могла. Она понимала то, что я понять не могла. Она утешала тогда, когда, казалось, утешить не может никто.

Она научила меня любить всегда. До и после. Прощать, чтобы ни произошло. Никогда не опускать рук. Быть сильной, — а это, Господи, как это трудно.

Полтора года мы провели вдвоем. Я бы отдала всё, что могу, за еще несколько дней, понимая наивность своих просьб и молитв о ней O нас

Вчера я стала взрослой.

Спасибо всем, кто помнил о ней – в молитвах, делах, письмах и звонках.

Спасибо вам всем.

И прости меня, мама...

10 мая, 2008, 11:32 вечера

Не плачь. Потому что ничего не кончается. И даже когда нет рядом рук, поднимающих тебя, упавшего, не плачь. Не будет рук – будет веточка, за которую можно удержаться.

Встань и иди дальше. Ты сможешь. И не думай о завтра. Завтра и так будет, думаем мы о нем или нет.

Не кори, не ищи виновных, в конце концов, во всем виноваты мы сами – так или иначе. Я не верю в то, что всё – к лучшему. Достаточно просто верить. Что так надо. А к чему – может, и поймем когданибудь.

Да. Не повторится многое. Но оно было. И оно – наше. И нашим останется. Слезами ли, счастьем, болью, с которой жить. Но – нашим.

Жалей. Не о прошлом, не о несбывшемся, – жалей тех, кому, видит Бог, много хуже, чем тебе.

И прости. Всех тех, кто обидел, предал, оскорбил – так много чего можно написать, кто кому сделал плохого. Это вечная борьба добра и зла. И кто делал то или другое – по сути не разобрать. У каждого своя правда.

Только не плачь. И ничего не бойся. Иди и делай. И всё – получится.

17 июня, 2008, 11:46 утра

Отвечаю на часто повторяющиеся вопросы.

1. Почему вы переехали в подвал?

Помещение на Варварке дорого и неудобно для нас.

2. Вы счастливы?

Абсолютно.

3. Какого цвета у вас глаза или линзы?

Зеленого. Этот вопрос задают по несколько раз. Ни линз, ни очков я пока не ношу.

4. Ваш муж читает ваш ЖЖ?

Нет

5. Вы любите сейчас?

Да.

6. Вы можете полюбить человека вновь?

У меня никогда не получалось разлюбить.

7. Что вы не любите и с чем никогда не смиритесь?

Ложь. С ложью. К сожалению, в этом вопросе я бескомпромиссна.

8. Как, на ваш взгляд, нужно относиться к мужчинам?

Уважать, доверять, баловать и любить.

9. Вы способны разорвать отношения?

Я не способна их даже выяснять. Если не складывается — то исчезаю из чьей-то жизни тихо и навсегда.

10. Чего вам не хватает?

Времени и терпения.

11. Ваше любимое время суток.

Раннее утро.

12. Вас обещали носить на руках?

Нет, но иногда носят. Редко.

13. Вы хотите еще иметь детей?

Да.

14. Сколько денег ежемесячно тратится на больных?

Около десяти тысяч долларов. Нескольким больным мы помогаем долго, посылая деньги в самые бедные семьи.

15. Сколько олигархов вы знаете? Они помогают?

Троих. Нет, не всегда.

16. Что самое главное в жизни?

Любовь

Первоначально офис «Справедливой помощи» находился на улице Варварка, а затем был перенесен в подвальное помещение дома N 17 на Пятницкой.

15 августа, 2008, 11:54 вечера

Сегодня я провела день в поликлинике для бездомных.

Больных было немного, треть из них знакома нам по Павелецкому, остальные были доставлены службой «Милосердие» или пришли сами.

Психически больная женщина, приведенная добровольцем, доверительно сообщила нам, что она из Бермудского треугольника, по принадлежности причислена к инкам, и шепотом добавила, что «их там много».

Потерявший квартиру в Новосибирске инженер пятидесяти лет, работающий живой рекламой, просил устроить его на другую работу. Любую с проживанием. У него высшее образование. Диплом он носит с собой. Потертый, выданный в 1970 году Строительным институтом.

Некий Александр Владимирович с ампутированными стопами, ищущий справедливости. Он выложил справки о своем пенсионном доходе, который составляет около трех тысяч в месяц. Его трудовой стаж утерян в Казахстане после развала Союза. Семьи нет, родных не признает. Требовал правды.

- Какой?
- Вы согласны с тем, что к инвалидам отношение, как к скотам?
- Согласны.
- Но вы такие же, как они! Вы с ними! В одном городе и стране.

Он громко кричал, метался в крохотном кабинете от стены к стене, в полупустых кроссовках, перевязанных шнурком по месту ампутации стоп.

– Я требую справедливости!

Получив бумаги с адресами Красного Креста, министерства здравоохранения, департамента здравоохранения Москвы, он не успокоился.

- Справедливость где?

Ее не было. Ее, как мне кажется, вообще не существует.

– Всего вам доброго, – попрощались мы с ним.

Он промолчал, собрал бумаги и вышел прочь.

Через минуту вернулся и холодным голосом сказал:

– А я не желаю вам добра. Никому из вас не желаю.

Он сказал правду. Неприятную для тех, кто ее слышал, но – правду о своем отношении к нам. Благополучным.

Мы же, благополучные более или менее, относительно здоровые, иногда выражаем свое отношение к друзьям, собеседникам, сослуживцам, коллегам, в том же смысле — я не желаю вам добра, — вуалируя суть под другими словами. «Не надо со мной ссорится». «Я надеюсь, что ты понял (поняла), что я сказал (сказала)». «Надо делать так, иначе будет не так» и прочее, суть которого — «не желаю вам добра». В своей жизни я сталкивалась с этим очень редко. Три или четыре раза.

У меня много терпения. Генетически – от моей мамы.

И своя позиция в одном. Я не выношу вербально выраженную ненависть. Пусть и другими словами фразами. Все равно они мне

отвратительны. Отвратительны по сути, потому что словами можно сеять вражду и зло вокруг. И за всю свою жизнь я не разубедилась в этом.

Это не относится к больным, которые доведены до отчаяния. Это абсолютно другая категория, которую нужно бесконечно жалеть и смирять себя, своё отношение к их словам.

Я о здоровых. Может быть, усталых, раздраженных, измученных проблемами – но все-таки живых и устроенных в этой жизни.

Что я делаю, когда такое случается со мной? Ухожу тихо и навсегда. И никогда не обижаюсь. Никогда.

7 октября, 2008, 9:24 вечера

Вчера наш подвал ограбили. Выбито окно, все разбросано, сейф выворочен, из него забрали все деньги. Вынесли *всю* оргтехнику – принтер, телефоны, компьютер, в котором была база данных на больных, телевизор. Расписки больных, однако, оставили.

Сегодня с утра Петрович отмывал всё. Стены, шкафы, полы, потолок, двери, остатки окон и вообще всё, что моется.

В фонде снова чисто. Пахнет свежезаваренным чаем и яблочным пирогом, который принесла днем девушка, узнавшая о том, что с нами случилось.

Кто-то сделал переводы на счет фонда.

Приходили люди — знакомые и незнакомые, не назвавшие свои имена, но приносившие теплые вещи, лекарства и деньги. В такой дождь. В такую погоду, не пожалев времени и своих средств. Многие плакали. Но все наладится.

Огромное, от всех нас – и от наших больных – спасибо всем вам, кто откликнулся. Всем, кто подумал о нас вчера. Я не подберу слов, чтобы передать, как мы ощутили вашу поддержку. И как нам важно было ощутить, что мы не одни.

Технику мы восстановим. Не сразу, но восстановим. Окно вставим. Решетку припаяем.

Устали за эти сутки безумно. Ночь мы не спали – не удалось. А ночь до этого – погибала больная, и мы не спали тоже.

Завтра нам работать на вокзале, и я валюсь в кровать. Кажется, что так мы не уставали никогда.

Да и вообще, об аде, пережитом вчера, напоминает только окно, наспех заклеенное картоном и фанеркой. И дверь. С вырванным замком.

Вам же всем – наша благодарность.

До завтра. И еще раз – спасибо. За то, что вы есть. И за то, что вы такие.

И последнее. Тем, кто нам сделал это, – не будем желать зла. Пусть у них все будет тоже хорошо.

Вчера я ругалась и злилась. Мне было очень обидно за больных. Ведь это ограбили их, не меня, не Петровича, не Егора. Сейчас мне уже всё равно, кто и зачем сделал это. Бог судья. И им, и нам.

Сергей Петрович Курков, Егор Шацкий.

29 октября, 2008, 12:03 ночи

Сегодня была у матери погибшей больной. В Химках в Пенсионном фонде на похороны дочери выделили одну тысячу рублей. В обмен на кучу справок и документов.

Матери – восемьдесят лет. Еле ходит из-за больных ног. Посетив все учреждения, она добралась до места, где эту тысячу ей должны были выдать.

Дверь открыл охранник. Спросил, чего надо. Она объяснила. Охранник закрыл дверь и удалился на некоторое время. Вернувшись, сообщил, что денег нет.

- Почему нет?
- А кончились. Раньше надо было приходить.

24 ноября, 2008, 4:18 дня

Не надо говорить мне «спасибо». Я и те, с кем я работаю, сами выбрали этот путь. И другой работы у нас нет. Принцип нашей помощи один – бескорыстие.

Спасибо нужно говорить тем, кто помогает мне на вокзале. Тем, кто помогает нашим больным добровольно, зачастую не называя своих имен, приезжая после работы в холодный подвал, привозя и делая то, без чего нам невозможно работать. Они – и только они – заслуживают тех слов, которых я не нахожу никогда. Тем, кто снял два фильма о нас и несколько сюжетов, а это безумно тяжелый труд. Когда люди, не имеющие представления о том, что увидят, готовы провести часы, снимая сюжеты. Я знаю, каких сил стоило сделать многие кадры. Или писать статьи, не беря интервью по телефону, а приходя с нами туда, куда мало кто пойдет. Им – спасибо. ВСЕМ.

Мне на днях чиновник один сказал, подписав какой-то документ:

- Ты ДОЛЖНА быть благодарна мне.
- Как?
- Морально.

Это за его работу. Работу, понимаете? Общество дошло до того, что за работу – нормальную работу – требуют благодарности.

Так вот, отвечу здесь. Чиновник. Орденов не раздаю. За этим – в

правительство. Вы сделали то, что обязаны сделать. Нравится или нет – но обязаны. Потому что от таких, как вы, зависят судьбы больных.

Раздавите меня – придут другие, сильнее и моложе. Но – придут.

3 декабря, 2008, 10:32 вечера

Рояль занимает бо́льшую часть комнаты. Сначала на нем лежали ноты, позже поверх них появилась икона. Потом ещё одна. Потом ещё. Иконы видно с кровати, на которой лежит наша больная.

Когда еще только входишь в квартиру, понимаешь, что для живущих здесь дочь — центр их домашнего мира.

«Леночка любит...» — далее мать перечисляла то, что любит Леночка. Как росла и как училась, как стала пианисткой.

«На этом рояле она занимается с восьми лет», – говорила мать, держа дочь за руку. Или за колено, худобу которого скрывала пижама, или за стопу, на которую был натянут носочек, тоже болтавшийся на ней, и мать его поправляла. Чтобы не было холодно. И чтобы не отпускать.

«Папа готовит мне еду, а мама все время со мной», – Лена и ее мама улыбались и рассказывали нам о том, что было съедено за время, прошедшее с нашего последнего визита.

«Сергей тоже готовит», — это о муже Лены. Он ходил за бесконечными рецептами и, понимая всё, сумел до самого конца продержаться — любя, борясь не только за день, а за каждый прожитый ею час. Их час вместе.

Тетрадка, где маминым почерком перечислено выпитое и съеденное. «Половинка мандарина». «Сок». «Вода». Температура по часам. Пульс и давление.

«Я их так люблю. Всю мою семью. Маму, папу, Сережу».

Находясь около больного, я стараюсь никогда не задаваться вопросом: «За что?»

Случилось – значит случилось, и нужно помочь, пока можно помочь. Иначе невозможно.

В этом доме, пропитанном любовью этот вопрос всё-таки вырос откуда-то, напрочь выбив наработанную привычку не думать о причинах.

Лена была похожа на олененка – точеная фигура, тонкие руки и огромные карие глаза. Хрупким были и ее взгляд, и голос, но мир, который она создала вокруг себя, был четким, устоявшимся, и имя тому миру – любовь. Я не могла представить, что будет с ними, тремя людьми, когда она уйдет. Она, как будто чувствуя это, переживала один день за другим. Вопреки логике и прогнозам.

В предпоследний вызов Петрович отзвонил и сказал мне: «Приезжай. Это конец». И ошибся.

Не представляю, какими силами, но она пережила ту ночь. И еще пять длинных ночей, пока не перестала дышать совсем.

Я не знаю, что сейчас на ее рояле. Сергей вчера приезжал в наш подвал.

Он сделал большую фотографию, с которой смотрит она – их Лена. Со слов Сергея, все как-то держатся. Втроем.

Ее силой и той любовью, которую она им оставила вместо себя. «Лиза, я их так люблю. Маму, папу и Сережу».

## 4 января, 2009, 3:24 дня

Их голоса одинаковы. С дрожащими нотами, усталые, бесконечно извиняющиеся.

- Боли у мамы...
- Муж задыхается...
- Она кричит два дня...
- Мы не спим третьи сутки...
- Что нам делать?..
- Сделайте что-нибудь...

Их звонки одновременны. По праздникам. Новогодние каникулы – ад для тех, кто не успел получить обезболивающие препараты.

За прошедшие сутки нам позвонили пять человек. Разные районы, возраст и пол. Диагноз один. Рак. Болевой синдром. Который появился 1-2 января. Вот бывает такое.

Гуляют все поликлиники. Получить понадобившийся наркотический препарат, как покорить Эверест. Не каждому дано. Не каждый осилит пробить эти бесконечные препоны в виде регистраторов и дежурных на «неотложках» в поликлиниках. Не каждый доживет до 11 января, чтобы получить то, без чего боль не уходит.

Мы с Петровичем объясняем, что можно купить без выписки рецепта, в какой дозировке, с чем комбинировать, чем докалывать, чем снимать на пике боли

За каждым звонком – трагедия. Трагедия вдвойне – оттого, что человек погибает и оттого, что помочь ему в выходные *до 11 января* практически невозможно.

У некоторых есть связи и, что важно, есть силы бороться за то, чтобы больной не кричал от боли. Но и этого недостаточно.

У некоторых этих сил уже нет. Равно как и связей. Таких – большинство. И они воют, обняв своих матерей, мужей и жен, обняв их и раскачиваясь от безысходности, убаюкивая наших несчастных, как маленьких.

То, что происходит в праздники – легализованная пытка больных. Молчать об этом нельзя. Говорить об этом не дают. Все приказы у нас идеально сформулированы в теории.

Право умереть без боли. Нет у нас такого права. Есть вымотанные врачи «скорой», которые рады помочь, да нечем. Есть живые страдающие люди. И отдыхающие чиновники.

Которые, однако, внимательно смотрят телевизор. И которым не нравится то, что там иногда показывают.

20 января, 2009, 7:10 вечера

Меня назвали Елизаветой в честь папиной матери. Она умерла совсем молодой во время войны, оставив после себя пятерых сыновей. Младшему, моему отцу, было пять лет. Старшему – пятнадцать.

Внешне я похожа на маму и переняла от отца только цвет глаз и некоторые черты его характера.

Я была его единственной дочерью, и баловал он меня в детстве сильно. У него сохранились все мои детские рисунки, все открытки, которые я ему дарила на праздники. Помню, что почти всегда носил меня на руках, если мы шли в гору, или когда я капризничала.

К моим братьям он был более строг, но любил их не меньше.

У меня остались до сих пор воспоминания об огромной немецкой кукле Насте, подаренной на шестой день рождения, и кукольном домике с деревянной мебелью, который в то время, я даже не знаю, где родители нашли. О журнале, который можно было выписать в то время из ГДР – Bummi. Он хорошо знал немецкий язык и учил меня читать по этому журналу с желтым медвежонком на обложке.

Но самый прекрасный подарок он сделал мне сам — моя первая «врачебная» печать. Он сделал ее из сырой картошки, вырезав ножиком «Доктор Лиза». И я ставила штампы на кукольные рецепты фиолетовыми чернилами. В тот день мама была на дежурстве, а я лечила своих кукол. Мне было пять лет.

Многое вспоминается из детства — мои банты, которые он не умел завязывать, то, как он был недоволен, когда я, уже не нуждаясь в бантиках, остригла косы, а ему казалось, что я все еще маленькая. Я и была для него маленькой и слабой всю жизнь. Он не очень любил моих молодых людей, и мое замужеств тоже воспринимал сначала с большим страхом.

Отводя глаза (он был предельно деликатен), отец быстро говорил: «Ты детей рожай. Оставляй, если... ну, ты понимаешь...»

Благодаря ему и маме я долго оставалась маленькой девочкой, будучи уже взрослой.

Половина этой девочки пропала в апреле с уходом мамы. Половина – вчера ночью, вместе с ним. Я не плакала, найдя его вчера холодным. Я была удивлена. Отчего-то мне казалось, что он будет жить всегда. Я же его маленькая девочка. Он не может оставить меня.

Папа закончил Киевское высшее ракетно-зенитное училище, затем МВТУ им. Баумана. Защитил диссертацию. Во время перестройки организацию, в которой он работал, закрыли за ненадобностью. Перебрался на дачу, где выстроил небольшой дом. Вскоре я родила своего первого сына, и отец стал счастливым дедушкой, отпраздновав последний день апреля покупкой в Доме игрушек всех существующих погремушек, дудочек и барабана. Потом я родила второго. Папа долго жил со мной в Вермонте и говорил о том, что русский офицер в Штатах — нелепость всей его жизни. Но внуки не отпускали. Благодаря ему мои дети говорят на русском языке.

Назвать наши отношения простыми было бы неправильным, особенно после смерти мамы. Но мы очень любили друг друга, предпочитая не обговаривать те темы и ситуации, которые, к сожалению, были иногда невыносимо трудными.

Отец бережно хранил свою военную форму, в которую послезавтра его оденут в последний раз. И положат под яблоней возле мамы. Теперь они вместе уже навсегда.

Он пережил ее на девять месяцев и девятнадцать дней...

До свидания, папа. И прости меня.

Отец Елизаветы Глинки – Петр Константинович Поскребышев (1932–2009), военный инженер, подполковник, занимался разработками радиолокационного оборудования.

# 26 февраля, 2009, 9:51 вечера

Квартира в дальнем районе Москвы. На окнах – решетки. На столе остывает какой-то напиток с трубочкой. Миска с печеньем. Пепельница. Телефонная трубка.

Наш больной – в инвалидной коляске – вплотную придвинут к столу.

«Посмотрите на фотографии. Он объездил всю Европу. До болезни», – это говорит мать. На стене – фотографии из той жизни, где были жена и ребенок, было здоровье. И деньги. Я не смотрю. Смотрят Егор и Саша Мельников.

Перед нами мужчина в черном спортивном костюме. Сильные руки, которыми он крутит колеса инвалидного кресла, дрожат.

Показывает, как он самостоятельно ложится. Сползая с кресла, бросает руки на низкую кровать и падает на пол.

«Не мешайте. Я сам». Мать подталкивает его вперед привычным движением. Три минуты. Я смотрела на часы. Три минуты от стола до кровати.

Руки, ноги, лоб – в синяках и ссадинах.

«Я палаю всегла.»

От помощи отказывается.

Дает осмотреть себя. Улыбается. Он много улыбается.

«Я почти не вижу, но вы мне нравитесь.»

Пять минут обратно – до стола.

«Я не инвалид. Инвалиды — это когда голова и душа не работают. У меня всё в порядке.»

Трудный, изматывающий разговор о том, как было, о том, как сейчас, и о том, что будет.

«Я не боюсь смерти.»

Говорит о друзьях, о прошлом, на двух языках объясняет, кем и когда он работал до болезни.

- Тебя раздражает всё?
- Многое.
- В больницу?
- Нет. Может, я доживу до того, когда разработают лекарства от моего заболевания. Только тогла.
  - Боли есть?
  - Нет
  - Чем тебе помочь?

**–** ..

Перед нашим уходом он сказал:

 Лиза, я от страха верю в Бога. Не потому что очень верю. А потому что боюсь, что там – ничего не будет.

Потом посмотрел на нас всех и спросил:

- Вы понимаете меня?

2 апреля, 2009, 6:10 вечера

Весна. На вокзале это означает две вещи – большее количество приезжих и бездомных, избитых милицией. Их травму не спутаешь ни с чем. Это удар наотмашь по правой стороне лица дубинкой. Второе – почти удваивается количество суррогата, продаваемого под видом вина или водки. Со всеми вытекающими последствиями.

Толпа. Толпа голодных и больных, выписанных из больниц в никуда, выпихнутых из милиции и тюрем тоже в никуда.

Мало приютов, мало мест, где отсидевшие могут хоть как-то адаптироваться к жизни вне тюрьмы.

- Переночевать где?

Негде. Нет мест, мало мест и так далее. Разве что на помойке Павелецкого, где мы работаем. Там светло и относительно безопасно.

Иногда кажется, что мы не только работаем на помойке. Мы и живем на ней. Мы все.

## 4 апреля, 2009, 6:15 вечера

А знаете, кризис или то, что там происходит в загадочной для меня экономике, стал отражаться на работе фонда. Больше больных. Больше людей просят о помощи. Мы стали выбирать среди тех, кто беден и нуждается. Из самых бедных выбираем тех, кто нуждается больше всего. А это трудный выбор.

Две семьи. Двое больных. И мой выбор. Кому помочь. Кому отказать. Не дай Бог никому такого.

## 7 января, 2010, 2:56 веера. Ночь перед Рождеством

Без пробок на набережной мы добрались до нашей помойки за пятнадцать минут.

Сначала показалось, что бездомных немного. Через некоторое время они стали прибывать и выстраиваться в очередь за едой. Надежда закончить раньше растаяла, в отличие от наших с Петровичем перчаток, обледеневших в «скорой».

– Если мне не достанется...

Голос бездомного терялся среди бесконечных «дайте супа, хлеба, добавки, будут ли теплые вещи, не трогайте руками доктора, кто не ел, проходите справа, пропустите – он без рук» и так далее.

– Если мне не достанется какао...

Очередь двигалась быстро. Получив еду – кто молча, кто с поздравлениями, кто со слезами – разбредались среди мусорных баков, обмениваясь вокзальными новостями. Такой вот социальный клуб бездомных.

- Юрист будет?
- Лекарства дадут?
- Если мне не достанется какао....

Серега не выдержал и, повернувшись к бродяге, спросил: «Ну что будет, если тебе не достанется этот стакан какао?»

Бродяга перестал бубнить свое «если» и решительным голосом изрек:

Так вот. Если мне не достанется какао, я разрушу Госдуму.
 Сеголня. Ты понял?

Мы все поняли. Возникло замешательство — давать или не давать. Тем временем потенциальный разрушитель Госдумы встал в очередь и... да, он получил свой стакан. Затем второй. Мы обеспо-

коенно спросили о судьбе слуг народа. Отхлебнув глоток, бродяга шмыгнул носом и подобревшим голосом ответил:

- Куда они денутся... Живите спокойно.

Сергей Волков, начальник службы безопасности фонда, доброволец.

11 февраля, 2010, 6:54 вечера

Он пришел в фонд утром. Трезвый. Бледный. Испуганный.

Его не били. Не «ставили на нож». Не поили паленой водкой.

Забирали в милицию, отпускали.

Какие-то люди с вокзала, отслеживающие неудачливых вахтовиков (это он так себя называет), отбирали то немногое, что удавалось заработать на билет домой.

На его глазах позавчера умер пожилой мужчина. Бездомный, который то ли пытался добраться домой, то ли найти работу.

«Нас пустили в зал ожидания, и он упал. Изо рта пошла пена. Наверное, он умер быстро. Мы звонили в 'скорую', но не успели. Милиция была где-то рядом. А люди шли мимо. Шли мимо, как будто ничего не произошло. Один солидный дядька оттолкнул ногой его голову. Он лежал на проходе. Но ему не было больно, потому что он мертвый был. Я напишу заявление, помогите мне уехать. И никогда в Москву больше возвращаться я не буду.»

# 13 июня, 2010, 5:50 вечера

Почти каждый день в подвал приходят люди, ищущие помощи. Среди наших подопечных подавляющее большинство — малообеспеченные и нищие люди. С психическими отклонениями и совершенно адекватные, добрые и не очень, бездомные и имеющие квартиры. Пенсионеры до прошлого года — за исключением больных из регионов России — к нам практически не обращались.

С прошлого года их стало много на вокзале. Берут еду, хлеб, складывая аккуратно в свои тележки и сумки. Благодарят и уходят.

Я никогда не спрашиваю, что привело их к нам.

В пятницу вечером к нам зашел старик. В чистой, но совсем ветхой рубашке, выношенных, но глаженых брюках. С палочкой в руке.

Сказал, что прислали из церкви – из района Химок. Очень смущаясь, попросил помощи в приобретении лекарств. Я спросила, какие препараты ему надо купить. Он перечислил БАДы. Шесть наименований. Сказал, что на их покупку он тратит 1640 рублей в неделю, я подчеркиваю – в неделю. А на оставшиеся деньги платит за квартиру. На еду не хватает.

- Кто вам назначил эти препараты?

- Очень хороший врач. Он звонит по телефону, и я ему доверяю.
   Мы долго разговариваем. В поликлинике таких нет.
  - Как давно вам назначили эти препараты?
  - После инсульта. Пью полгода.
  - Помогает?
- Нужно долго пить, но я знаю, что поможет. Купите мне, пожалуйста.
  - А чем вам можно помочь еще?
  - Дайте мне какой-нибудь еды. Домой. Пожалуйста.

## 23 июня, 2010, 10:36 вечера

Новые листки с вызовами я просматриваю каждый день.

Диагноз, стадия, полученное лечение, проблемы – обычная рутина.

На этом листке я увидела имена. Не диагноз.

Два брата, которых зовут так же, как моих детей. Старшего – Костя, младшего – Алёша.

Мне было страшно даже входить в их квартиру.

Они похожи. Тридцатилетний Костя — сильный, загорелый, немногословный. Алёше двадцать шесть, высокий, худой, с такими же волосами, как у брата. Младший сидел на кухне и рассказывал, как заболел. Как работал до болезни, играл в хоккей. Как приехал из Ульяновской области и как много успел добиться. И о том, что болезнь его не сломила. И о том, что не сломит и дальше.

- Костян, скажи ты...

Костян говорил не так, как младший. Кратко. Глядя на брата. Кормя его. Давая таблетки. Готовя еду. Отжимая соки. Водя в туалет. Делая то, что под силу не каждой сиделке. Оберегал приехавшую мать, которой они, оба, решили не говорить о том, что Алексей обречен. Жалея ее и оттягивая до последнего дня правду.

От любого хосписа они отказались. Не потому, что не брали. А потому, что они хотели быть рядом. В своей, заработанной ими в Москве квартире.

– А где Костян? – Алеша повторял это уже в полубреду до сегодняшнего дня.

Костян сглатывал слезы и поправлял подушки. Снова поил, поднимал, переворачивал, уговаривал, открывал и закрывал окна, приносил и готовил.

- Костян, ты где?
- Доктор Лиза, Костян знает, он ответит, как я спал сегодня.
- Мама, где Костя?

Утром стало понятно, что всё совсем плохо. Мать привела свя-

щенника. Причастили. Крестик после причастия он держал в ладони, не расставаясь с ним и не отдавая даже Косте.

От них я должна была ехать на вокзал, попрощалась. Алексей вернул меня и спросил, когда я вернусь. В 10-11 вечера, пообещала я.

- Ты только дождись меня, Алеша.
- Обязательно.
- МЫ дождемся, сказал Костя.

Через полчаса я вернулась к ним. Звонок брата, сказавшего, что Лёха не говорит, а просто дышит.

Мы мчались, как на гонках, и успели. Он действительно дождался.

– Он дождался, как и обещал, видите?

Алексей умер на наших руках сегодня в 15.50

Костя обнял его и спросил:

Лёха, тебе не больно? Тебе не больно, Лёха?

И, уткнувшись в подушку, заплакал, как ребенок.

2 июля, 2010, 9:36 утра

Убитая кем-то бездомная.

Родственник бывшего больного, ушедший из жизни. Внезапно, страшно и бессмысленно.

Бесконечный ремонт в нашем подвале, от которого вреда пока больше, чем пользы.

Планируемая помощь больным беженцам в Киргизии.

Жара на вокзальной помойке, от которой плавятся перчатки на руках.

Сломанный кондиционер в машине.

Пенсионеры, робко стоящие у двери и просящие нехитрый набор продуктов уже не на вокзале, а в подвале.

Вопрос, в тысячный раз задаваемый журналистами: «Зачем вам это надо?» Ответ, который или принимается с последующим ёрничаньем «Она их *любит*» или определяющей меня, как пришельца.

И вчерашний вызов. Молодая женщина, которой подключили концентратор кислорода. Через двадцать минут она улыбнулась и сказала: «Я ДЫШУ!»

И ради этой улыбки стоит работать. К чему вопросы?

5 августа, 2010, 11:19 вечера

Вся ВАША помощь доставлена в город Белоомут, в общежитии которого расположили погорельцев. Завтра мы едем туда рано утром, для того чтобы довезти необходимое и привезти лекарства в сельскую больницу.

Погорельцев сто шестьдесят человек. Много пожилых. Детей – пятеро.

Есть семьи, которые потеряли абсолютно всё. Лес горит до сих пор.

Жарко. Погорельцы просят не только за себя, но и за соседей – одиноких стариков или малоимущих с маленькими детьми.

Село Моховое жило натуральным хозяйством. Со слов администрации — началось строительство домов для них, однако в Белоомуте говорят, что всех переселят после сентября в пустующие казармы военных частей.

Рустам – наш водитель – застал очаровательную сцену. Одновременно с нами подъехала машина с надписью «Единая Россия». Они тоже привезли помощь, видимо, от партии. Какую – не знаю.

Добровольные пожарники из местных жителей подошли к ним и спросили, можно ли получить помощь в виде одежды.

- Мы в лес идем, там гарь, нам бы переодеться.
- Можно, ответила девушка. У нас есть кепки и повязки на руку.
   С надписью, как вы понимаете, «Единая Россия». Добровольцы

махнули рукой и ушли в лес тушить пожар.

Всем вам - спасибо.

Во Владимирской области сгорело много домов — эту новость нам сообщили уже в Белоомуте. Так что сбор помощи в подвале продолжается.

# 22 октября, 2010, 10:31 утра

На перевязку в среду в нашу «скорую» пришел бездомный, которого подожгли подростки. Облили чем-то ноги и подожгли. Спящего. Слава Богу, люди добрые вызвали «неотложку». Два месяца он пролежал в больнице.

Жестокость, с которой сталкиваются наши больные, – беспредельна. И не только бездомные.

Это не первый и не последний случай поджогов живых людей, их избиений, пинков, толчков и прочего унижения и вреда, который люди наносят другим людям. Мне пора бы и привыкнуть. Но. И меня и вышедшего из отпуска Петровича потряс не факт поджога, а то, как об этом сказал сам несчастный.

Спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся.

- Что с вами случилось?
- Меня подожгли. Облили и подожгли, пока я спал.

<sup>2</sup> августа 2010 фонд «Справедливая помощь» открыл оперативный штаб помощи пострадавшим от лесных пожаров (из годового отчета 31/12).

7 декабря, 2010, 11:31 вечера

Только что вернулась с концерта. На нем выступали артисты вместе с детьми-инвалидами по слуху и с другими людьми, имеющими те или иные отличия от нас, здоровых.

Танцевали люди, сидящие в инвалидных колясках, и выглядело это изящно и легко.

Пела слепая девочка — вместе с известной певицей.

Жестовые танцы и песни исполняли слабослышащие и глухие дети.

Смотреть и слышать было непросто. Помимо того, что я плакала — а не плакать было невозможно, настолько трогательным были выступления детей, — я наконец-то поняла, что значит давно интересовавший меня термин. Синестезия. Иное восприятие. Говоря просто, звук — слышим, цвет — видим, вкусы и запахи — осязаем. А сегодня я слышала цвета и видела звуки, ставшие жестами. Наверное, так же, как эти дети, а может, иначе, мы ведь никогда не узнаем, как именно они чувствуют по-своему.

И как стираются границы между восприятиями – они и стерлись, когда и инвалиды, и не инвалиды вместе сделали праздник.

Спасибо всем, кто помог в проведении этого фестиваля.

7 декабря 2010 года в Московском международном Доме музыки состоялся II Благотворительный фестиваль творчества детей и молодежи с ограниченными физическими возможностями «Свет надежды», посвященный международному Дню инвалидов. Фестиваль проводился при поддержке Совета Федерации и Правительства Москвы. Инициатором фестиваля выступил творческий коллектив «Ангелы надежды», объединяющий талантливых детей и молодежь с нарушением слуха.

9 июня, 2011, 10:42 вечера

Зимой бездомных жгли. Летом – режут.

Бабушка Мирончик. Семьдесят шесть лет. Жертва банды «тех, кто украл ее пенсию». С «теми» она и борется по-своему. А со вторника она – жертва каких-то неизвестных, один из которых полоснул ее бритвой под подбородком.

Слава Богу, к залитой кровью женщине другие неизвестные – не жестокие – вызвали врача. Зашили. Заживет, надеюсь.

Мы говорим о политике, о проблемах в той или иной области, забывая о главном. О терпении. Которого в избытке у наших мало-имущих и бедных. И которого так мало у тех, у кого есть всё или почти всё, что нужно для жизни.

Порезали просто так. Спящую в переходе. Она не ругалась, не про-

клинала своих обидчиков. Только спросила: «Доча, как они не боятся?»

Взяла бинтик, валидол и ушла, таща за собой тележку с вещами и газетами.

## 29 июня, 2011, 11:22 вечера

Бездомный Володька. Его можно встретить на Чистых прудах, в переулках Арбата и на Павелецком. Всегда в пиджаке и с пластиковой синей сумкой, в которой лежат старый хлеб, российский флаг и выдранные из газет статьи о мировом финансовом кризисе.

Он спасает мир, знает имя настоящего президента Америки и ругает власть. Этим он живет.

Сегодня он подошел к нашей машине, коротко доложил о курсах мировых валют, сообщил о фальсификациях на грядущих выборах и предложил на мне жениться.

Поблагодарила его и попросила время подумать.

- Правильно, сказал он и отошел в сторону. Затем вернулся и передал завернутый в газету пустой флакон из-под духов и ободранную книгу рецептов итальянской кухни, которая была влажной. Наверное оттого, что найдена была в луже или на помойке.
- Лизонька, кстати, если у тебя были дети от предыдущих ошибок молодости, я всех их усыновляю. Не переживай.

Он счастлив. И решил поделить свое счастье со мной.

## 13 июля, 2011, 8:36 вечера. Среда. Вокзал

- Ты кто?
- Сережа Дмитриев.
- Сколько тебе лет?
- Шесть.
- Мама где?
- Нету мамы.
- А папа?
- Папа есть. Не знаю, где живет.
- А ты гле живешь?
- Я гражданин России.

# 28 октября, 2011, 5:04 вечера

Шамиль, пять лет.

- Ты гле ночевал?
- В подъезде.
- На полу спал?
- Нет, на вещах.

- Что ты хочешь?
- Жить у тебя.

Зинаида Николаевна, семьдесят лет.

- Ой, мечта есть у меня.
- Какая?
- В Кремлевский дворец попасть. На концерт Резника. Поплачу там. Но не попаду, конечно. Да и одета плохо я.

Сурен, пятьдесят восемь лет.

- Мечтаю, чтобы сын снова начал ходить.

Мои мечты и желания на фоне их проблем — ничто. Но поделиться, кроме вас, мне не с кем.

Я очень хочу, чтобы мечты тех, о ком я пишу, сбылись.

Мечтаю о трех реанимационных чемоданах, чтобы послать их в три горных села Армении.

О здании, в котором я могу кормить больных, чтобы не мешать никому из окружающих, потому что у меня не хватает ни сил, ни места для всех, кто приходит.

О том, чтобы меня не жалели, не хвалили и не проклинали, потому что мне это мешает.

И о том, чтобы все друг друга любили. Не буду объяснять почему.

11 декабря, 2011, 1:05 дня

«Видимо, мы просто не смогли донести до них, что мы тоже недовольны этим и стремимся побороть.» Это сказал Исаев из ЕР.

Вы не сумели не только донести. Вы достали. Всех, кто устал от взяток, от беспредела полиции, от вбросов голосов. Вы достали своими угрозами и агрессией, розовыми талонами и отсутствующими квотами на лечение, чудовищным ростом бюрократии. Стукачами и «нашистами», которые кидаются на всех, кто не с вами. Беспределом в судах, нищетой в регионах, волокитой с любым письмом, обращенным в госслужбу, где вас почти сто процентов.

Возможно, кто-то из вас умеет вести переговоры, но никто из вас этого не хочет. Это вы, а не кто-нибудь еще заставил людей выйти на площади. Это ваши члены партии пишут о том, что раздавать воду задержанным – это за гранью зла.

Это после вашей победы в полицейских камерах сидели и сидят инженеры, режиссеры, музыканты, юристы и журналисты.

Вы умудрились достать аполитичных, нигде и никогда не голосующих людей.

Вы устраняете неугодных, сваливая вину на них же самих.

На днях меня пригласили на эфир с депутатом. Я спросила: «Из какой он партии?» Мне ответили: «Это не имеет значения». И все присутствующие засмеялись. Догадайтесь почему.

Вы стали смешить людей.

И это единственное, чего вы добились.

Из интервью, которое первый замсекретаря президиума Генсовета «Единой России» Андрей Исаев дал ИТАР-ТАСС после акции протеста на Болотной площади 10 декабря 2011 года.

«Розовый талон» – направление на бесплатное лечение в столичной больнице, необходимое для всех иногородних пациентов.

### 21 декабря, 2011, 12:23 утра

Первый канал позвал меня на передачу. В записи, как вы правильно понимаете.

Никогда не выступаю в ток-шоу. А эта передача обещала помочь больным. Согласилась. В результате получила одну новую больную, которую обокрали мошенники.

Александр Музыкантский, женщина, не известная мне, и я – были на стороне бездомных. На стороне граждан России – бывших военных, врачей, офицеров, строителей, швей, инженеров, актеров, уборщиц и всех тех, кто не вписался в систему, включая малоимущих, о которых предпочли не говорить наши собеседники.

На стороне города — чиновник из департамента соцразвития, участники Селигера, общественный совет молодежи ЦАО, какой-то молодой человек, спросивший меня отчего я «не лечу на Марс». Члены одной партии. Той самой.

- Зачем кормить голодных?
- Нечерноземье ждет всех бродяг.
- Зачем вам это надо? С какой целью?
- Вы мать Терезу знаете? Она в ток-шоу не была и здания не просила.
  - Пиаритесь на горе других.
  - Не берете помещения.
  - Все это частные случаи. Надо глобально решать проблемы.
  - А я помогаю детским домам.
  - Плодите паразитов.
  - Ожоговые отделения переполнены бомжами.

Все это я слышала и слушаю ежедневно. От близких и далеких мне людей. Но не в одном зале и не одновременно. Наверное, так в аду пытают.

Нигде в мире не решена проблема бездомных и малоимущих. Нигле.

Только у нас этого не понимают. Любой фонд видят как противопоставление государству, напрочь забывая о том, что мы все – государство, а не только чиновники.

Сегодня я узнала много неожиданного. Как они нас не любят. Не только бездомных и малоимущих и умирающих.

Они не любят и нас. Тех, кто не с ними.

Однако, справедливости ради, должна передать вам обещание ведущего этой передачи о том, что если городские чиновники отыграются на мне, а что более важно, на моих бездомных, то он посвятит свою следующую передачу их произволу. Не верю.

Прощаюсь, на всякий случай. Я не член партии, не состою в общественных советах и не работаю на гранты.

Всем, кто помогает и помогал, – спасибо.

Речь идет о ток-шоу Андрея Макарова «Свобода и справедливость», в котором принимали участие уполномоченный по правам человека в городе Москве Александр Музыкантский, член Общественной палаты РФ Александра Очарова, психолог Наталья Толстая, начальник Отдела социальной помощи бездомным гражданам Департамента соцзащиты населения Москвы Андрей Пентюхов, член Молодежного общественного совета при префектуре ЦАО Галина Ратникова, журналист Вадим Муравьев, депутат Государственной думы Ольга Баталина. Программа вышла в эфир 29 декабря 2011 года.

28 марта, 2012, 9:11 вечера

У меня самые лучшие читатели во всем русскоязычном сегменте ЖЖ.

Только благодаря вам, нам удалось всю зиму ежедневно кормить наших подопечных – как бездомных, так и малоимущих.

А на днях я получила удивительно письмо. Онкологический больной, сам перенесший операцию, оплатит лечение малоимущему ребенку, чья семья сделать этого не может.

Не перестаю удивляться в этой жизни. Когда хочется сложить руки и спрятаться где-нибудь, вы находите те слова и ту поддержку, которая так необходима моим неизлечимо больным и отчаявшимся.

Я пюблю вас

1 мая, 2012, 8:47 утра. Астрахань День пятый.

Рано утром позвонил Женя Ройзман.

- Лиза, там всё пресерьезно. Позвони Олегу, поддержи, как можень.
  - Я его видела раз в жизни. И совсем не знаю, кто это.
- Он из всех самый порядочный. И упертый. Надо что-то делать. Вот его телефон.

Позвонила Шеину. Узнала, что голодают двадцать два человека. Среди голодающих — пожилые и больные люди. Пьют только воду. Предложила обменять себя и Ройзмана на них, пока добиваются справедливости. Шеин поблагодарил, отказался и пообещал, что тех, кто ослаб, будут выводить и заменять новыми.

Снова звонок от Ройзмана

- Они на нас поменяются?
- Нет
- Плохо. Давай дальше пробовать. Он не умрет?
- Не знаю.

Из разговоров и прессы поняла, что люди пошли на этот шаг от полного отчаяния. Против беспредела. Не только на выборах. В городе — разруха. Закрыты молочные кухни. Дороги разбиты в прах. Список можно продолжать бесконечно.

Группа чиновников не реагировала ни на одно заявление, жалобы и обращения возвращались к тем, кто их посылал. Другого способа быть услышанными не нашли.

Десятый день.

- Олег, скажи, какая цель голодовки?
- Правовая оценка выборов.
- Что можно сделать для вас?
- Спасибо, если можете, донесите ситуацию до Москвы. Мы держимся.
  - 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 дней.

За это время в Астрахань прилетал Ройзман. Потом Сергей Миронов. Никаких изменений, кроме того, что в московских изданиях появилась колонка «Голодовка в Астрахани».

Девятнадцатый день.

Смс от коллеги: «Шеин голодает зря».

Спросила у Лиги избирателей, кто хочет полететь со мной, чтобы помочь вывести людей. Откликнулось трое из шестнадцати. Таня Лазарева, Леонид Парфенов и Петя Шкуматов.

Двадцатый день.

Вместе с Парфеновым лечу в Астрахань. Летим одним днем. Результатом стал выход пяти человек. Удалось это благодаря Парфенову. Он удивительный человек. Редкой доброты и терпения. Его приезд определил очень многое.

Двадцать третий день.

С Алексеем Навальным лечу в Астрахань.

Он позвонил и спросил одно: «Что можно сделать, чтобы они перестали голодать?»

О том, что было там – уже писали все. Митинги, ОМОН, полиция и так далее.

Никто не написал о том, как Алексей спасал этих людей, поставивших себя на край жизни от безысходности. О том, как он не реагировал ни на одну провокацию движения «Наши», которое преследовало на каждом шагу – с утра до ночи.

Тридцать шестой день.

Лечу в Астрахань. Голодает около пятнадцать человек. С первого дня – трое. В городе – люди из Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Уфы и других городов. На улице за штабом Шеина встречаю Сергея Миронова. Снова говорим с Олегом.

Улетаю, получив обещание выйти из голодовки, так как благодаря Миронову получены видеоматериалы и будет дана их оценка Чуровым.

Тридцать седьмой день.

Шеин продолжил голодовку. Более того, к ней присоединилось еще тридцать человек. Это ответ на аресты поддерживающих Шеина.

В Астрахани остается Миронов, чтобы урегулировать ситуацию с ними.

Сороковой день.

С Олей Романовой у меня в подвале. Ольга плачет вместе со мной. Звоним Шеину.

«Материалы – в суде. Как только сегодня освободят последнего задержанного – я прекращаю голодовку. Спасибо вам всем.»

P.S. Это были самые тяжелые переговоры в моей жизни. Очень хочу сказать, что считаю голодовку неприемлемой формой протеста. Ничто не стоит человеческой жизни. Нет идеи, ради которой добровольно можно подрывать свое здоровье. Я убеждена в этом.

Безгранично благодарна Евгению Ройзману, Леониду Парфенову, Алексею Навальному, Сергею Миронову, Максиму Витторгану, Андрею Мальгину, Татьяне Лазаревой.

Спасибо всем, кто поддерживал Олега. И всем, кто спас его.

<sup>16</sup> марта 2012 года депутат Астраханской областной думы Олег Шеин после поражения на выборах мэра города объявил голодовку в знак протеста против грубых нарушений при подсчете голосов, имевших место, по его словам, на многих избирательных участках. Голодовка, к которой присоединились сторонники Шеина длилась сорок дней вплоть до момента, когда ЦИК и суд

начали разбираться в нарушениях. В итоге суд отказал в удовлетворении иска Шеина, хотя Центризбирком признал нарушения на ста тридцати восьми избирательных участках из двухсот двух.

12 мая, 2012, 2:03 дня

- Откуда вы пришли?
- Из ЛДПР прислали. Сказали, что отправите домой.

Из Барнаула. Денег нет, документы утеряны. Вспомнил телефон матери. По разговору поняла, что мать удивлена его звонком.

– В Москве я, в Москве. На попутках доехал. Завтра обратно. Выборы провел, можно возвращаться.

Спрашиваю о том, здоров ли он и не стоит ли на учете в диспансерах. Ответил, что здоров и не состоит. Вот только партийные дела беспокоят.

Домой я отправляю только больных и раненых. И вышеназванный товарищ отправился на вокзал.

Через десять минут звонит милиционер из Барнаула и сообщает, что товарищ числился пропавшим без вести с августа прошлого года. Состоит на учете в психдиспансере. До пропажи отличался высокой политической активностью в родном городе.

Надеюсь, что доедет. И хорошо бы иметь базу данных на пропавших без вести. Они действительно нахолятся.

## 18 декабря, 2012, 9:15 вечера

«Легче всего обидеть слабого.» Так говорил мне один священник. Пнуть собаку или человека, оскорбить того, кто не может ответить, осудить, проклясть, пожелать зла и обвинить в смертных грехах. Это происходит на каждом шагу, стало обыденностью, с которой смирились многие. Иногда те, кого пинают, могут ответить. Иногда такими же действиями, а иногда прощением.

Завтра Госдума будет рассматривать поправку, запрещающую американским семьям усыновлять русских детей-сирот.

Уже много написано о том, что в США большинство усыновленных — дети-инвалиды, удел которых в России пока — дом инвалидов, если доживут до него, не погибнув в детских домах и домах ребенка. Я не знаю людей, которые внесли это предложение. Но я знаю детей, которые могли бы выжить, будучи усыновленными иностранцами.

И ведь не американских сенаторов, принявших закон Магнитского, наказали, не взрослых людей, а русских сирот. Которые ответить не смогут, да и вряд ли узнают о том, что кто-то 19 декабря – по злой иронии в день святого Николая Чудотворца – лишил их шанса обрести полноценную семью.

Мне во многом чужда американская политика. Но отношение к инвалидам там – не такое, как в России.

Завтра снова обидят сразу тысячу слабых. Потому что это сделать легче всего.

13 января, 2013, 9:06 вечера. Старый Новый год

Чудесный праздник. Тихий, исполняющий желания, полный чудес и ожиданий. В суете празднования Нового этого не замечается.

Я люблю этот день с детства, и всегда мне он казался самым загадочным и наполненным покоем и радостью.

Горит огнями елка, на столе сладости и чай, под подушками дети и взрослые прячут свои заветные желания. Всегда хочется верить в чудо. Наверное, от этой веры чудеса и бывают. Кому-то этот день принес любимого человека, кому-то – покой, и всем – надежду.

В мединституте мы собирались компанией дома у одного будущего доктора и ждали боя курантов по радио на его крохотной кухне. Потом орали «ура!» под гимн СССР, потом болтали, а потом бежали пулей к 34-му троллейбусу, чтобы успеть на последний или предпоследний. – и домой.

Нынешний – тихий, с теми, кого люблю. И не надо больше спешить на троллейбус или автобус. И «ура» орать не буду. Не с кем. Все выросли и стали взрослыми и серьезными.

Всем вам – счастья!

4 марта, 2013, 9:31 утра

Алла Викторовна раскладывает на столе конфеты.

— Нет, не говорите мне, что юриста нет. Скажите, что он скоро придет. Иначе я собираюсь уйти. Из жизни. Я устала бороться.

Девочки в фонде дружно начинают уговаривать ее остаться. Подумав, Алла Викторовна соглашается.

— Ненадолго! Ненадолго останусь! Отовсюду выгнали, считают меня сумасшедшей, живу в подвале, квартиру отняли, меня защищает Трепашкин – хотите дам телефон, созвонитесь с ним, мое спасение в театре, только в нем, я хожу два раза в неделю, хотите со мной?

Тамара, терпеливо ожидающая своей очереди, просит:

- Давайте уедем в Бугульму.
- Почему туда?
- Там нет геноцида.
- А здесь есть?
- Конечно.

Старик раскладывает свои документы. Среди них — два свидетельства о смерти.

- Похоронил жену и сына в прошлом году.

Плачет, вытирает ладонью глаза.

- Второй сын болен, инвалид. Пенсии не хватает на еду, стыдно просить, но я решился.
  - Деньги?
- Нет, не возьму. Еды и ботинки дайте, если возможно. Мне и сыну. 42 размер.

Неизвестная мне женщина лет семидесяти с папкой бумаг.

Мне к комиссару по правам людей. Прослушивают мысли. Я написала письмо, обязательно передайте.

Долго строчит на маленьких листочках, вкладывает в конверт и надписывает – «Опасно для жизни».

- Почему опасно?
- Так быстрее ответят.

Наталья Сергеевна, шестьдесят пять лет, бывший инженер.

 Мои работы по выращиванию картофеля в особых условиях уникальны. Подробности – только специалисту. А пока, если можно, дайте с собой еды.

Ярко накрашенная, в синем пальто и красной шляпе женщина. Она приходит второй год. Не только за едой.

- Я - актриса. Мне важно выглядеть заметно, у вас нет красивой олежды?

Она долго примеривает юбки и сарафаны, улыбается и уходит до следующей недели.

Новенькая, зовут Мариной Александровной, больше семидесяти лет, долго спрашивает меня, кто сейчас в стране президент. Отвечаю.

- Да вы просто не в курсе, Елизавета, вас дезинформировали. Не он, не он.

В это время Алла Викторовна спорит с Петровичем.

Вы даете таблетки от головы, а у меня живот болит. Ничего брать не буду.

Тамара снова просит уехать в Бугульму.

Старик уходит, чтобы успеть на электричку.

Алла Викторовна ровно в 18 часов поедет стоять около театра.

Все расходятся, оставив у нас копии своих жалоб и обращений во все мыслимые инстанции Москвы. Они надеются, что их услышат.

### 22 апреля 2013. 12:31 дня

Когда три дня назад я выходила из СИЗО, начальник спросил, буду ли я писать об этом. Сказала, что буду. Спросил где. Ответила где.

Владимир Акименков, который сидит с июня прошлого года – слабовидящий с детства. Не жалуется. Показаний не дает.

Передает благодарность всем, кто его поддерживает и просьбу поддержать других сидящих по болотному делу. У него впечатление, что помогают только ему, а ему, с его слов, кроме газет ничего и не надо. Он читает на верхней шконке, сильно приближая газету к лицу. Обещал носить очки, когда их передадут ему.

Сидит с предпринимателями. В камере круглосуточное видеонаблюдение. Охранник сказал, что на записи видел, как он читал в неурочное время. После отбоя.

Владимир выглядит усталым, несколько апатичным. Сильно отличается от трех других, сидящих в той же камере. Наверное тем, что у них на лицах есть какая-то надежда.

В СИЗО-5 чисто. За длинными коридорами – камеры и снова камеры. На четыре человека, на десять.

Охрана вежливая, внимательная к посетителям. Начальник охотно разговаривает, улыбается. Пригласил посетить их еще.

На красных воротах СИЗО надпись – «Данный объект оборудован противотаранным устройством».

Владимир Акименков 1987 года рождения, активист «Левого фронта», задержан 10 июня 2012 года по подозрению в причастности к массовым беспорядкам на Болотной площади (якобы метнул древко флага в полицейского). В сентябре 2012 года более трех с половиной тысяч человек подписали петицию с просьбой госпитализировать Акименкова, страдающего заболеванием глаз. Он был переведен в больницу СИЗО «Матросская тишина», где его состояние оценили как удовлетворительное. Сам же Владимир утверждал, что его зрение продолжает ухудшаться. Акименков был освобожден по амнистии 19 декабря 2013 г. Виновным себя не признал.

11 июля. 2013. 5:43 дня

«Доктор Лиза, не помогай бездомным, помогай старикам.» Иногда в резкой форме. От цитирования воздержусь.

Так вот. Что просят наши пенсионеры и инвалиды? – Те, у которых нет детей или дети не помогают.

Мясные продукты. Поскольку по цене они им недоступны, как, впрочем, и всё остальное, что я перечислю ниже.

Чай и кофе.

Бытовую технику, новую или подержанную. Если для большинства из нас сломанный холодильник или светильник – не конец света, то для них это так и есть.

Они стесняются говорить об этом, но – нижнее и постельное белье.

Прокладки женские. Опять спрашивают часто – зачем им про-

кладки? Отвечаю – писаются. И мужчины и женщины. Женщины чаше.

Оплату счетов за квартиры. Они откладывают со своей пенсии, очень стараются, но есть те, у кого долги превышают пятьдесят тысяч и более. Почему? Тратят на дорогостоящие лекарства, которые не входят в бесплатный перечень, но выписываются докторами. В половине случаев они действительно показаны, в половине — БАДы. Лекарства по рецепту мы стараемся купить всегда. БАД — отказываю.

Сладости. Конфеты, печенье, «такие, как в молодости».

Посуду, лампочки, стационарные телефоны, ночные рубашки.

Кажется, это всё, о чем они просят особенно часто.

И последнее – сколько их у меня? Сто семьдесят четыре человека.

28 апреля, 2014, 4:09 дня

Вчера была в специализированной психиатрической больнице для осужденных, в народе известной больше как «Сычёвка».

Видела много больных. С первого взгляда совсем нормальных мужчин, которые совершили тяжкие преступления, часто – не один раз.

Деревня Сычёвка расположена далеко от Москвы и от Смоленска – ближе всего она к Вязьме. Больных же привозят со всей России.

Свидания там разрешены каждый день и проходят под надзором трех человек.

Не ко всем приходят – из Красноярска не просто доехать к родственнику. Или из Благовещенска. Или из Владивостока.

Мне рассказали о нескольких матерях — их немало, — которые оставили свой дом и сняли комнаты в Сычёвке. И идут к своим детям два раза в день. Утром и после обеда. Они живут там до тех пор, пока их сыновей не переведут на лечение по месту жительства. Иногда по несколько лет.

June 10th, 2014 at 1:43 PM

Дорогие друзья, сотрудники, добровольцы и журналисты!

Я благодарна вам всем, кто волновался за меня вчера. Благодарна всем, кто помогал и помогает.

Любому человеку должно быть понятно, что в ситуации войны (а сейчас на юго-востоке Украины идет война) у меня мало возможностей связываться со всеми, кроме близких мне людей и своих сотрудников, которые на время моих поездок получают инструкции – что делать, в какое время звонить, когда и к кому обращаться в случае ЧС.

Я – не журналист. Для меня самое главное – оказание квалифи-

цированной помощи всем, кто в ней нуждается. Это не так просто, как кажется, по многим причинам. Из-за отсутствия четко отработанной системы получения информации о том, что нужно именно сейчас. Из-за страха людей в зоне боевых действий, которые иногда не вполне понимают, что делать и куда бежать. Из-за нехватки необходимых препаратов в одном месте и их переизбытка в другом. И еще – потому что война. В которой я ничего не понимаю, но соблюдаю нейтралитет ради больных и раненых людей.

У меня нет стремления к пиару ценой жизни тех, кто находится в опасности.

Любое слово, любое действие может быть воспринято двояко, потому что и информационная война идет тоже.

Я не бросаю помощь, я буду помогать точно так же, как раньше, но до момента пока не наступит мир, я не буду давать интервью ни одному изданию.

Краткие комментарии – возможно. Просьбы о необходимом – без проблем. Но никаких интервью. Никаких объяснений, как попасть в больницы журналистам. Прошу понять меня правильно.

Накануне Елизавета Глинка перестала выходить на связь из Донецка, куда приехала в начале июня как член временной рабочей группы по мониторингу соблюдения прав человека на территории Украины.

17 июня. 2014. 3:41 дня

Мое личное мнение мало что может изменить в этом мире.

И тем не менее, я попробую призвать все стороны к прекращению огня.

Пожалуйста, остановите военные действия. Лучше насовсем, но если это невозможно, то на неделю – десять дней, – хотя бы для того, чтобы оказать квалифицированную медицинскую помощь всем раненым, доставить их в профильные больницы, чтобы эвакуировать гражданских лиц, которые стали заложниками непрекращающихся боев. Для организации нормальных гуманитарных коридоров и доставки медикаментов, детского питания. Для того, чтобы похоронить погибших.

И для того, чтобы сохранить всем тем, кто сейчас на юго-востоке, право на жизнь.

От имени всех матерей, пишущих и молящих о помощи, от имени всех раненых, которые нуждаются в помощи, от имени больных, у которых нет лекарств, от имени врачей, у которых нет сил, от имени всех, кто понимает, что дороже жизни нет ничего на свете.

Прислушайтесь. Помогите. Остановите войну.

### Геннадий Кацов

## «Но двух песчинок не хватало»

И лучом не мнимо и не мимо: прямо из – озонных дыр бул щыл – убещуром в глаз разит Эль Ниньо, движитель тайновраждебных сил.

Д. Бобышев. «Эль Ниньо»

Давай-ка разыграем осень...
Это ж вовсе недолго будет в желтых листьях длиться, и в красных ягодах, и в белых ягодицах, и фиолетовых носах.
Я их комедию пупырчато писах.

Д. Бобышев. «Тыквенная комедия»

В издательстве «Литературный европеец» (Германия, 2017) вышла поэтическая книга Дмитрия Бобышева «Чувство огромности», что сразу привлекло внимание, поскольку хронологически последней в его библиографии была проза «Человекотекст, книга вторая» 2008 года, а поэтический сборник «Ода воздухоплаванию. Стихи последних лет» — издание 2007-го, то есть десятилетней давности. Иными словами, Дмитрий Бобышев своих читателей книгами не балует и каждая, что называется, на вес золота.

«Чувство огромности» – сборник, в котором опубликованы стихотворения разных лет. Но это чувство Огромности – определяющее в каждой поэме, стихотворении, строфе. В конечном итоге, Огромность – смыслообразующая доминанта всей творческой биографии Бобышева, начавшейся в середине1950-х. Виктор Кривулин в эссе, посвященном 60-летию Бобышева, писал: «...1966 год в Ленинграде прошел для меня и для поэтов моего поколения под знаком первой официальной публикации стихов Бобышева. В альманахе 'Молодой Ленинград' было впервые за полвека напечатано понастоящему петербургское стихотворение – 'Львиный мост' («Крылатый лев сидит с крылатым львом...»). Его появление означа-

ло для нас надежду на конец позорного ленинградского периода литературы. Начиналась новая эпоха — эпоха уже не советской, а новой русской поэзии, это стало очевидным именно благодаря стихам Бобышева»<sup>1</sup>.

Более 50 лет назад казалось, что одической музе Бобышева, его необарочной поэтике в окружении барочной лепнины ленинградских дворцов и мостов все подвластно, и мировая слава даже несколько заждалась в ожидании его выхода на авансцену. Он органично вошел в ленинградскую «вторую культуру» 1960-х, о чем и пишет Кривулин. Его стихи расходились в машинописи, их переписывали вручную, наряду с текстами Бродского; Анна Ахматова посвятила Бобышеву едва ли не лучшее из поздних своих стихотворений и както заметила, отвечая Бродскому, который утверждал, что в его стихах главное — метафизика, а в стихах Бобышева — совесть: «В стихах Дмитрия Васильевича есть нечто большее: это — поэзия»<sup>2</sup>. Даже в печально известном фельетоне «Окололитературный трутень», опубликованном в ленинградской «вечерке», приведенные в качестве примеров стихи Бродского оказались стихотворениями Бобышева.

Все словно благоволило Дмитрию Васильевичу, но ряд внешних обстоятельств в немалой степени привел к тому, что Бобышев сегодня — один из самых недооцененных значительных поэтов своего поколения. В том же квартете «ахматовских сирот» (ныне устоявшаяся крылема вышла из стихотворения Бобышева «Все четверо» 1971 года: «...заходят Ося, Толя, Женя, Дима / ахматовскими сиротами в ряд»), Ося стал Нобелевским лауреатом, Женя — лауреатом репутационной российской премии «Поэт» со значком почета «Учитель Бродского», который сам же Бродский и нацепил; а уязвленный и обойденный поэтическим триумфом Толя, побывав литературным секретарем Ахматовой, издал уйму замечательных поэтических и прозаических книг, включая единственную в своем роде «Роман с 'Самоваром'» — о легендарном манхэттенском ресторане «Самовар», совладельцами которого, вместе с искусствоведом и переводчиком Романом Капланом, были Иосиф Бродский и Михаил Барышников.

С другой стороны, от Ахматовой досталось Бобышеву, Бродскому и Найману по «Розе» – «Пятой», «Последней» и «Запретной», а для Рейна даже рододендрона не нашлось. Да, Найман еще произнес: «Я никогда не жил в Петербурге – я жил только в Ленинграде»<sup>3</sup>,— тем самым сразу и со скоростью света удалившись от Димы, который себя называет «петербургский стихотворец, живущий в Америке»<sup>4</sup>.

В книге Соломона Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским», Бродский проводит параллель между их четверкой и четверкой Золотого века: «Каждый из нас повторял какую-то роль. Рейн был

Пушкиным. Дельвигом, я думаю, скорее всего был Бобышев. Найман, с его едким остроумием, был Вяземским. Я, со своей меланхолией, видимо играл роль Баратынского». По сути, без малого полтора века спустя, «Баратынский» подмял под себя коллег-поэтов, равно как Пушкин в исторической ретроспективе — своих лицейских друзей плюс Вяземского. Понадобилось немногим больше ста лет после смерти князя, чтобы, перечтя его и заслонившись прошедшими эпохами от «солнца русской поэзии», увидеть Вяземского как одного из самых значимых поэтов XIX столетия — благодаря, к примеру, эпохальному исследованию Владимира Перельмутера «Звезда разрозненной плеяды!..»

Последнему из нас, увидевшему осень, достанется совсем не Бог весть что, а вовсе лишь листья палые на подступе зимы. Они и суть по сути дела мы.

Д. Бобышев. «Последнему»

Сколько эпох понадобится, чтобы Рейна, Наймана и Бобышева перестали рассматривать в связке с Бродским, по отношению к Бродскому, в зависимости от Бродского? Причем самым уязвимым в этом списке оказался Бобышев: после известных событий внутри любовного треугольника (вот уж, поистине, «три Б» русской литературы: Бродский-Басманова-Бобышев), он был предан анафеме армией поклонников Нобелевского лауреата, а в иммигрантской творческой среде не замечать Бобышева или выступать против него стало выгодно, поскольку таким образом подчеркивалась лояльность и преданность всесильному в литературе и влиятельному Иосифу Александровичу. Многочисленные, разумно артикулированные разъяснения по этому поводу самого Бобышева воспринимались, в основном, как извинительные оправдания, и не в состоянии были исправить бестактнообличительного по отношению к нему дискурса.

В цитируемом сравнении из книги С. Волкова нельзя не отметить ход Бродского, лежащий на поверхности. Ведь известны слова Пушкина в письме Плетневу: «...никто на свете не был мне ближе Дельвига». Как бы ни мил был Баратынский, понятно, что среди ленинградских друзей-поэтов, тем более разоткровенничавшись в 1980-х перед Волковым, Бродский себя ощущал par excellence гораздо выше по сложившемуся масскультовому рангу, то есть Пушкиным. И если постороннему взгляду сравнение Бобышева с Дельвигом в этом контексте могло показаться едва ли не признанием в любви, то любой инсайдер, знакомый с реальным положение вещей, не мог не

увидеть в проведенной параллели продуманного коварства, рассчитанного на понимающего читателя. «В багрец и золото одетая Лиса,» – не без причины, видимо, называл Бродского соперник-визави его юности.

Бродский не мог простить ни измены, как он считал, Марины Басмановой, ни предательства, как он это видел, своего другадельвига-противника. Поэтому, очевидно, во время единственного телефонного разговора в годы проживания их обоих в Америке, на вопрос Бродского, может ли он Бобышеву помочь, последний благоразумно от помощи отказался – при таком помощнике никакой враг не нужен. (Примеры Василия Аксенова и Саши Соколова были достаточно красноречивы и показательны.)

...Вот и гляди в оба глаза на мокрые волглые глади: чахлые сосны, коряга застряла как хряк, да лесопилка сырая вся чиркает сзади; в кучу слежались опилки, и будка на складе в серых подтеках глядит — отвернись от меня, Бога ради! Это ведь родина. Что же ты плачешь, дурак!

Д. Бобышев, «Любой предлог» («Венера в луже»)

В 1979 году Дмитрий Бобышев женится на американской гражданке русского происхождения. Первые годы иммиграции он, закончивший Ленинградский технологический институт и трудившийся советским инженером по химическому оборудованию, работает чертежником, а затем инженером в электронной фирме. После чего начинает преподавательскую деятельность в Висконсинском университете (1982), а в 1985-м переезжает в город Урбана-Шампейн (штат Иллинойс), где читает лекции по русской литературе и русскому языку. С 1994 года Бобышев — профессор Иллинойского университета.

Если посчитать, то первые сорок три года своей жизни он провел в СССР, а в 2019 году исполнится ровно сорок лет, дай Бог здоровья, пребывания Бобышева в США. Не Джеймс Джойс, который вне родного ирландского отечества провел почти всю жизнь — скорее Марина Цветаева, что вполне достаточно для развития темы «поэт в изгнании». И эту тему гораздо интересней разрабатывать, поскольку она уже связана с очевидной дихотомией «ахматовских сирот», а не с их хрестоматийной общностью; и до нее не дотягивается карающая рука «бродсковедения», поскольку годами оно пережевывало банальный сюжет измены-адюльтера, Бобышевым категорически отрицаемый, и никакой свежей подпитки не получало.

Именно в США Бобышев занял в русской поэзии то уникальное

место, к которому еще будут прицениваться — от «оценка» — литературоведы десятилетиями. Такое впечатление, что Бобышева, словно для передачи эстафеты, ждали в США ведущие поэты иммиграции — Игорь Чиннов, которого Г. Адамович считал первым поэтом после смерти Георгия Иванова, Юрий Иваск и Иван Елагин. Ведь то, что литературовед и критик Марк Слоним написал об одном из них: «Сила Чиннова в сочетании лирики и гротеска, в замысловатых языковых находках, в звучной меткости аллитераций, ассонансов и полных рифм, в неожиданности сравнений, в избыточности языка и метафор, и в остроумии пародий,» 5 — оказалось естественно приложимо не только к Иваску и Елагину, но и к Бобышеву.

Как хорошо, что люди мы, а не Бактерии в кишечнике шакала, Не паразиты в пищеводе крысы – И видим звезды крупные в окне, Тосканский городок, огни вокзала И темные ночные кипарисы.

И Чиннов

Все еще трудно представить, что история современной русской словесности практически обошла вниманием этих поэтов: выходца из «Парижской ноты» (а, «Парижская нота», помним-помним! оживится среднестатистический читатель) и полностью изменившего в США свой стиль Чиннова; интонационно близкого изначально к той же «ноте» друга Чиннова, одного из первых цветаеведов Юрия Иваска, обозначившего в Америке свою творческую манеру как «необарокко» — эту традицию, собственно, и продолжает Дмитрий Бобышев, ставший инициатором нескольких посмертных публикаций Иваска, похороненного в Амхерсте, на родине Эмили Дикинсон; и Елагина, с ключевыми для его поэтики словами «во времени, а не в пространстве» (стихотворение «Наплыв»), с «гамбургским счетом» по отношению к своей эпохе.

Елагин с убийственной невозмутимостью дал ей характеристику, равной которой не сразу найти в русской поэтике:

Еще жив человек, Расстрелявший отца моего Летом в Киеве, в тридцать восьмом. Вероятно, на пенсию вышел. Живет на покое И дело привычное бросил. Ну, а если он умер — Наверное, жив человек, Что пред самым расстрелом Толстой Проволокою Закручивал Руки Отцу моему За спиной. Верно, тоже на пенсию вышел.

А если он умер, То, наверное, жив человек, Что пытал на допросах отца. Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел.

Может быть, конвоир еще жив, Что отца выводил на расстрел.

Если б я захотел, Я на родину мог бы вернуться. Я слышал, Что все эти люди Простили меня.

И. Елагин. «Амнистия»

И рядом, у того же Елагина — «Ваш дом — он весь в зеленых пасмах, / С лесной чащобою в родстве, / И подымает солнце на смех / Прореху каждую в листве», «Я блаженствую, я разомлел. / Моя очередь жить на земле», «Завязка баллады моей коротка: / В лифте злодей удушил старика» (по ОБЭРИУтски летально и четко), «Брошу в церковь динамит, / Стану сразу знаменит!» (актуально, современно звучит и в наши дни), «Сурово и важно / Ветки скрипят на весу. / Как деревьям не страшно / Ночью одним в лесу?»...

Юрий Иваск видел себя продолжателем традиции Державина, что не только одическая пышность и риторический пафос. В этой же традиции — известная рефлексия по древнескандинаскому стиху, характерной особенностью которого является специфическая аллитерация, то есть подбор слов, начинающихся с одинаково звучащих согласных или гласных; это еще и поэтические маркетри в виде церковнославянской и народной речи, где поэт достигает удивительной пластики и легкости в одних стихотворениях, а в других становится

неузнаваемым по своей тяжести. И, конечно, анакреонтическое, витальное начало с эротическим драйвом — что в случае Державина особо проявилось в его творческом периоде времен царствования Павла I.

Все перечисленные выше характеристики применимы и к поэтике Дмитрия Бобышева.

Пока молчат разрытые глубины, я дам слова, а ты, что прореку, все повтори за мной: «Ты мой любимый. Я – кровь твоя. Сквозь сердце я теку.

Я омываю дни твои и мысли. И там, где недра дыбятся, как высь, где в ядрах мрака ярый свет явился, там жизни наши до смерти срослись».

Д. Бобышев. «Держись меня»

По приезде в Нью-Йорк в 1989 году в русском отделе Публичной библиотеки на манхэттенской 53-й улице я в первый свой поход выбрал среди прочих книг «Звери св. Антония» с шемякинскими суккубами и инкубами на блекло-синей глянцевой обложке. Это было первое мое знакомство с текстами Бобышева, которого до этого не читал. «Библиотеческое» — воспользуюсь его определением.

Уже много лет спустя я наткнулся на воспоминания Бобышева о том, как зарождалась эта книга: «...первое слово нашлось – искушение. Искушение – кого? – святого Антония, конечно, – и, конечно же, босховского, в первую очередь... Искушение – чем? – не эротическими же соблазнами (хотя ими тоже), но страхом, жаром массивной плоти и, наоборот, ее исчезающей иллюзорностью, безумием абсурда и – равным образом – логического умствования, сюром, ужасом от черного колодца в самом себе, – то есть всем, что отвлекает святого от его молитвенного подвига. – Явилось и второе слово – бестиарий, галерея фантастических зверей, полумифических чудовищ, которые овладевали мозгом не только нильского аскета, но и умами его современников. А что, если соединить обе средневековые легенды в одно? Это и будет тот текст, от которого Шемякину не отвернуться, который и будет он сам!»<sup>6</sup>.

В вечер первого моего прочтения «Искушения» мне явились существа из тех, которые, видимо, и беседовали с людьми две тысячи лет назад во дворце китайского императора Линг Ти династии Хан – похожие не на монстров из средневековых бестиариев, а скорее на

невиданных зверей, чьи следы казались готической клинописью в тезаурусе, рулонно раскатывающимся неземным пейзажем. Как в «Пантере»: «Какая чуткость, мощь! / Курчав лобок, — / особенно когда он первым потом пышет... / Особенно когда не первая любовь, / но: опыт у любви любовей бывших...»

В «Змее»: «Не видящие неба, / невидимо / шуршащие в траве, / шипящие щавелево из ямы, / как их ни бей по плоской голове. / Мы все их жертвы: авели, адамы...»

В «Пожирании Мамонта»: «Смерть, конечно, строитель. / Но: / худо ли, бедно ли, — можно так жить.../ Юшку сбраживать, пить, / в ритмы бабахать, / в — тазы, / в — челюстя, / в — черепахи, / в свои же, / свои черепа, / напролом, / наконец.»

В «Грифонах и гибридах»: «В уме такое копошится (как бы робко), / во чреве черепа прозрачное растет / настойчиво настолько, / что кость, картонная коробка, / хотела б вытряхнуть из-подо лба / живой и жирный 'торт'».

Любопытно, что «череп» – характерный мем, из высокочастотных в стихосложении Бобышева. Если «Звери св. Антония» – это книга 1989 года, то в раскрытом передо мной последнем бобышевском сборнике «Чувство огромности» явление «черепа» предсказуемо, как в обращении Гамлета к Горацио. Как и в случае с Йориком, череп в стихотворениях Бобышева – символ смерти, осознание скоротечности человеческой жизни. Это символ горькой правды о времени, которое разрушает и умервщляет всё: «и мыслящие черепа размалывает на погибель» («Зияния»), «Не вечер: череп дня...» («Ночь Иллинойская»), «...а череп выпит, пуст...» («Затмение»), «превращается с другими / головами в череп общий» («Небесные врата»), «беспомощно забился в череп разум» («Обнаженная»), «живые черепа и котелки для пищи» («Города»)...

И все же, если рассматривать лексему черепа в общем контексте поэзии Бобышева-эстета, нельзя не вспомнить выдающуюся композицию «In Voluptas Mors», изваянную в 1951 году Сальвадором Дали совместно с Филиппом Хальсманом. Она оставлена вечности в виде фотографии: семь обнаженных гибких женских тел сплетены так, что пространства между ними образуют зияния черепа, а общий контур — сам артефакт черепа и есть. Здесь, кроме внятной эротической составляющей, прослеживается идея нескольких буддийских сект, которые используют человеческие черепа как амулет, постоянно напоминающий им о том, что жизнь священна; да и древних кельтов — те считали, что череп хранит в себе бессмертную душу человека.

Череп, как хранилище бессмертия, хотя пугающая его пустота свидетельствует, якобы, о противоположном – оставленном, не-

сущем. Читая тексты Бобышева, создается впечатление, что образ полого черепа необходим автору еще и для баланса по отношению к его насыщенным барочным строкам, нередко избыточным своей витальностью, энергетической живописностью поэтического кода, жизненностью, истекающей любовным соком. Словно на одной чаше весов, как и положено, торжествующий Танатос, а на другой – кипящий страстями, возбужденный Эрос:

И в тот, ех machina, момент выходит Вождь (умри, заткнись, аплодисмент, даешь лишь тишь, да бухи бубна, да барабана дробь, нет – дрожь)

Не дух, не человек – Иппайнавек

Д. Бобышев. «Тень Иллайновека»

Антоним («Антоний»?) к бытию и существованию – череп. При том, что старший кузен его – ноль: «А дальше – ты (как сами вы же и решили) / развоплотишься в ноль» («Небесные врата»); «Много наших уже полегло там, / на подходах к Нулю.» («Подметное письмо»). Однако и ноль у Бобышева – не точка заморозки жизни, а предвестие ряда нулей, тяга единственного числа к множеству и бесконечности (включая и «дурную бесконечность» Гегеля). Здесь нетрудно уловить известную традицию: «Светлой болью и молью нулей» - об эфире «десятичноозначенном» в «Стихах о неизвестном солдате» Мандельштама, где под многими нулями подразумевается 300 000 км/с, скорость света; или «О безглазый, очкастый / Лакированный нуль!» у Цветаевой в «Оде пешего хода», когда нули, что понятно, - это и пустые глазницы черепа, который пепельницей приспособился к жизни, либо лакированной вещицей на рабочем столе, комоде, а то и в виде скульптур керамиста Александра Нея, чьи орнаменты на камне и кости выглядят знаками инопланетной письменности. Кстати, есть ведь черепа и хрустальные, которые достались, по легенде, человечеству от инопланетян.

И туго целясь — за срединным лугом — в дичь дисциплин, карьер, литератур, герла чумная — бестетивным луком пускает стрел отсутствие: ату!

Д. Бобышев. «Университетская богиня»

Футуристический жест сознательной бессмыслицы у реально инопланетной «герлы чумной» превращается — чем не убещур, оживший столетие спустя, — еще и в отсутствие физических перемещений, в ноль-движение или в движение при таких высоких скоростях с массой нулей, когда глаз отметить его уже не в состоянии. Культуролог Михаил Эпштейн в рассуждениях по поводу хрестоматийной строки «Дыр бул щыл убещур» Алексея Крученых сообщает: «Слово «убещур» включает в себя две полуморфемы: убе(ждать) и (пра)щур. В этом втором слоге звучат также «ящер» и «ящур» — нечто древнее, звериное, ископаемое. Убещур — это хищное мыслечудовище, рыщущее среди нас, охотник за нашими головами. Убеждает, «убещает», увещевает. Возвращается в свою берлогу с добычей многих голов и вылизывает их мозг»?

Вылизывает, языком лакируя поверхности черепа. Со всеми соответствующими библейскими коннотациями. И если необарокко – это палимпсест, где под футуристической заумью скрывается «чудище обло» из «Телемахиды» Тредиаковского, а под ним – колоколами звучит «глагол времен и звон металла», чей «страшный глас» смущал Державина, то надо отметить, что с поэтической интонацией такого свойства нечасто встречаешься. Мало того, мы попадаем в мир таких звуков, масштабов и количеств, что не всякий прищур-ящер-ящур способен его охватить, освоить, пережить.

Как в альпинистской связке, цепочка «Державин-Иваск-Бобышев» была бы неполной, не упомяни мы Алексея Парщикова. Кстати, Бобышев с Парщиковым сочетаются даже в названиях написанных ими этапных произведений – у метареалиста Парщикова это поэма «Дирижабли»:

где галереи тихих дирижаблей, еще не сшитых по краям, и ткани колышутся на поводу дыхания, они нас выронили на траву. И планерная нега проницает виски, ландшафт на клеточной мембране, где в башне с отключенным телефоном я слушаю сквозь плющ пустынную сову,

У Бобышева – сборник «Ода воздухоплаванию»:

То – над листвой орехов и платанов, поверх читален, спален-дормитор, и яр, и сюр, голубизну глотая, плывет – на четверть неба помидор.

С куста ль сорвался, вдув охапкой воздух, пузатый – так, что даже слышен хруст,

и хвост зеленый не забыв по сходстве с пунцовым овощем? Каков же куст?

Неожиданна для меня эта перекличка поэтов разных поколений (Парщиков почти на двадцать лет Бобышева моложе), ровно как и пересечение московско-питерских эстетик, обычно сопротивляющихся состыковке. Я никогла не слышал упоминания имени Бобышева в наших разговорах с Парщиковым, да и Бродского он определял как обычного «европейского гения», не особо о нем распространяясь. У Бобышева же в стихах можно найти только упоминание о Нине Искренко – «И словно строка из Искренко, / грозит разорваться» (Шахидка), так что, похоже, с московскими поэтами конца 1970-1980-х больше ничего у «петербургского стихотворца» не связано (можно в копилку добавить: приведенное выше «Вот и гляди в оба глаза...» просодически вполне соотносимо с ранним Сергеем Гандлевским). Но Парщиков, проводивший свою родословную от Антиоха Кантемира и Григория Сковороды, од Симеона Полоцкого и силлабических виршей Феофана Прокоповича, фотограф-Парщиков с его оптикой в виде широкофокусного объектива и выставленной экспозицией, рассчитанной на световые годы, с четырехмерными городами-мегаполисами и мирами, которые он конструировал, соревнуясь с Творцом:

В доме снеди росли, и готовился пир, так распорядился Мазепа, третий день во дворце блюда стояли, и уже менялся их запах, мычали коты от обжорства и неподвижно пересекали залы; дичая, псы задыхались от пищи, под лавками каменели, треща хрящами, рыбы лежали – пока их усыпляли, они подметали хвостами двор, зеркала намокали в пару говяжьих развалов, остывал узвар, тысячи щековин солёных, мочёные губы, галушки из рыбных филе, луфари и умбрины в грибной икре черствели в дворцовой мгле;

А. Парщиков. «Я жил на поле Полтавской битвы»

— этот раблезианско-заболоцко-метаметафорический Парщиков удивительно совпадает с Дмитрием Бобышевым, чья поэтика — «причудливая», «странная», «склонная к излишествам» — без, казалось бы, особых усилий преодолевает дистанцию между доломоносовской силлабикой, державинским классицизмом (с продолжающимся и по сей день спором между «арзамасовцами» и «беседовцами»), век спустя — «Серапионовыми братьями» и тем же Николаем Заболоцким:

Обрызган пырсью льда, курчавится латук; пучками рдятся бело-пыпочки редиски;

темнозелено-жгуч, и злющ, и связан: лук... Не оду – ты, а сам: родился...

Не вини-козыри, но кстати о вине... Всё серебро в Шабли, а золотишко – в Рейне: калифорнийская лоза, она вполне... Сама ползет в стихотворенье.

Как с нею хороши: креветок нежный хрящ и жирных устриц слизь, что спрыснута лимоном; с кедровым ядрышком форель: пожар хрустящ, а мякоть – с розовым изломом.

Там пальмовы сердца секутся на куски: где спаржи пук – Шекспир, а Пруст – ростки фасоли; и Джойсом артишок: то иглит лепестки, то с маринадом расфасован.

Вот лазает в воде чудовищный омар, а скинут с кипятка, зане прекрасен витязь, что – красен, и в броне. Крушите, стар и мал, с топленым маслом насладитесь!...

Д. Бобышев. «Жизнь Урбанская»

Это цитата из «Чувства огромности». Но есть в нем еще один вектор, немаловажный, видимо, для автора-составителя. «Чувство огромности» — «американский сборник», поскольку основной корпус стихов — об Америке, о ее глубинке, но не фермерско-фростовской, конечно, а профессорско-университетской; и о главном мегаполисе страны — Нью-Йорке. Здесь Бобышев явно вступает в полемику, что иногда в его поэзии случается, с Бродским, который считал, что писать о Нью-Йорке по силам разве что Супермену, если бы тот сочинял стихи.

Бобышев предлагает читателю диалог Города с поэтом – и это однозначно вписывается по эпическому размаху и лирическому переживанию в канонический список The City, начиная от «Crossing the Brooklyn Ferry» Уитмена, «Моста» Крейна, «Поэта в Нью-Йорке» Лорки, городских стихов мастеров нью-йоркской школы, от Фрэнка О'Хары до Джона Эшбери, и до знакомого русскоязычному читателю «Бруклинского моста» Маяковского.

Рабство отхаркав, ору:

— Здравствуй, Манхаттн!

Дрын копченый, внушительный батька — Мохнатый, принимай ко двору. (Реет с нахрапом яркий матрас на юру: ночью — звезд, и румяных полос ввечеру он от пуза нахапал.)

Крепкий подножный утес выпер наружу. Нерушимую стать мускулисто напружив, будь на месте, как врос, каменный друже. Твой чернореберный торс встал на мусоре Мира в нешуточный рост. То-то вымахал люже...

Д. Бобышев. «Звезды и полосы»

В 1930 году основатель «Парижской ноты», поэт-акмеист, литературный критик и переводчик Георгий Адамович дал такое определение «истинной поэзии»: «Какие должны быть стихи? Чтобы, как аэроплан, тянулись, тянулись по земле и вдруг взлетали... если и не высоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы всё было понятно, и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а всё вместе слегка двоилось. Чтобы входило, как игла, и не видно было раны. Чтобы нечего было добавить, некуда было уйти...» Темперамент в стилистике Маяковского, оправданный по отношению к Манхэттену, словно сам диктует горожанину Бобышеву строки:

Будь новоселом и зарифмуй с парой джинс: — Жри-ка яблоко по черенок, это — жизнь, червячок ты веселый!

Д. Бобышев. «Звезды и полосы»

Город Большого Яблока, бесспорно, по силам русскому поэту описать – как в равной степени можно не только в нем счастливо жить, но и получать от него удовольствия, бесконечно впечатляться и раздражаться им. В пандан предлагается и тема пищи, даже обжорства, ведь Нью-Йорк – показательный пример общества потребления: «А ядущий да будет ядом до отвала!» Здесь «с топленым маслом насладитесь!» – от хот-дога и уличных «претселс» до шедевров кулинарии в лучших,

мирового класса, ресторанах. Город потребляет, переваривает, выделяет пищу, деньги, людей, их мечты, и, вполне вероятно, самое ему место среди «Зверей св. Антония» — литературных фантазмах Бобышева, его метафорах и призраках, получивших телесность просто по факту своего рождения в необарочной, из плоти и крови, строке.

Бобышев, собственно, и сам — плоть от барочной плоти, от города Нью-Йорка и страны, которую он метит своими текстами, как зверь — свою территорию. В «Жизни Урбанской», что есть понятный оммаж к «Жизни Званской» Державина, Бобышев без колебаний признается, чем эта американская территория для него стала:

Хорошо: колесить, куда хочется, словно геммы, глядеть города (кроме бывшего хмурого Отчества)... Погулял, и — до дому. Сюда.

Судьба «поэта в изгнании» сложилась удачно, вплоть до того, что изгнания-то поэт, фактически, не замечает. Другое дело, почему так, не по поэтическим заслугам, мало замечают в нынешнем литературном процессе самого поэта? Внешние обстоятельства, повторюсь. Нельзя сказать, чтобы совсем уже Бобышева забыли и пропустили, но есть ощущение, что, как и в печальном стихотворении Чиннова, его не хватает. А если одного или двух поэтов такого уровня литература не «сосчитает», то без них картина актуальной современной поэзии XX–XXI веков останется недописанной.

Хотя не критики и литературоведы, к счастью, определяют имена, которые в истории литературы останутся, — это выбор, как известно, пытливых потомков. А в их поэтическое чувство вкуса верится всегда.

Кто может сосчитать морской песок? Весной Я шел по берегу, устало: Я точно сосчитал песчинки – до одной. Но двух песчинок не хватало.

И. Чиннов. «Загадки бытия»

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Виктор Кривулин*. Словесность родина и ваша, и моя. Газета «Цирк Олимп», 1996, № 11. URL: https://dbobyshev.files.wordpress.com/2016/07/krivulin 2 11 96.pdf
- 2. Дм. Бобышев. Я здесь. «Октябрь», 2002, № 11. URL: http://magazines.ru/october/2002/11/bob.html

- 3. *Анатолий Найман*. Жизнь без рецепта. Портал Colta. 2014, 8 июля. URL: http://www.colta.ru/articles/specials/3817
- 4. *Александр Анечкин*. «Славой надо делиться». Интервью с Дм. Бобышевым. Коммерсант.ru. 18 апреля 2016 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2961315
- 5. *М. Слоним*. Поэзия Игоря Чиннова. «Новое русское слово», 1973, 6 мая.
- 6. Дм. Бобышев. Человекотекст. Книга 3. «Семь искусств». 2014, октябрь № 10 (56). URL: http://7iskusstv.com/2014/Nomer10/Bobyshev1.php
- 7. *М. Эпштейн.* Убещур. Об одной телемаске. «Сноб». URL: https://snob.ru/profile/27356/blog/108531?v=1464944405
- 8. *Г. Адамович*. Комментарии. 1967 год. URL: https://7lafa.com/book.php?id=73332&page=1

Нью-Йорк, 2017

# СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

### Майя Сёмина

# Неизвестный портрет Марии Цетлин

В музее русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных (Рамат-Ган, Израиль) хранится графический портрет светской дамы, едва расцвеченный пастелью<sup>1</sup>. Эмоциональная гамма рисунка монохромна. Имманентность состояния, в котором пребывает героиня, подчеркивает отстраненный, но не утративший пронзительной остроты взгляд. Левой рукой она элегантно облокотилась на спинку стула, на котором сидит, и, скрестив ноги, слегка касается ими мягкого подножного пуфика. Наряд дамы — легкое цветное шелковое платье без рукавов — украшает двойная нить жемчуга, тонкий браслет и перстень.

Автор портрета – Филипп Андреевич Малявин (1869–1940), художник-эмигрант, сын государственного крестьянина; портретируемая – Мария Самойловна Цетлин (1882–1976), урожденная Тумаркина, жена поэта, критика и издателя Михаила Осиповича Цетлина, хозяйка парижского литературно-художественного салона, ставшего неотъемлемой частью культурной жизни русской эмиграции межвоенного периода.

Супруги Цетлины, меценаты и собиратели, происходили из состоятельных московских семей: отец Марии Самойловны занимался ювелирным делом, отец Михаила Осиповича был пайщиком в известной чайной компании Высоцких. С династией чаеторговцев Высоцких Михаила Цетлина связывали родственные отношения – по линии матери он доводился племянником купцу I гильдии Давиду Высоцкому. Помимо владения процветающим чайным бизнесом, унаследованным от отца, Д. Высоцкий прославился как крупный коллекционер и филантроп. Главу семейного предприятия и его дочерей Ф. Малявин портретировал в 1910-е годы<sup>2</sup>. Живописный портрет Высоцкого, по всей вероятности, завершен не был, но, судя по задумке, частично реализованной в эскизах, мог бы получиться один из лучших и эффектных парадных портретов, по психологической выразительности не уступающих пастернаковскому изображению Давида Высоцкого «За чашкой кофе» в компании совладельца Осипа Цетлина (1913, Курская государственная картинная галерея имени А. А. Дейнеки). На графическом листе из фондов Государственной

Третьяковской галереи Филипп Малявин запечатлел импозантного Давида Высоцкого в рост в интерьере гостиной. Второй эскиз, менее проработанный, совсем недавно стал достоянием российского артрынка, появившись на одном из столичных аукционов.

Спрос на произведения Ф. Малявина у видных московских коллекционеров<sup>3</sup>, начиная с П. Третьякова и М. Рябушинского и заканчивая В. В. фон Мекком, В. Гиршманом и Д. Высоцким, был огромный. В собрании последнего, среди прочих работ, хранился живописный эскиз хрестоматийной для русского искусства картины «Вихрь» (1906, ГТГ). К 1925 году, времени получения заказа на написание большого портрета Марии Самойловны Цетлин, художник был знаком с некоторыми членами семьи Высоцких-Цетлиных, эмигрировавшими во Францию после 1917 года.

В октябре 1922-го Филипп Андреевич Малявин с семьей (женой Наталией Карловной и дочерью Зоей) покинул Советскую Россию, заручившись поддержкой Наркома просвещения Луначарского и добившись у Председателя Совнаркома РСФСР Ленина разрешения на выезд с целью организации собственных персональных выставок в крупнейших городах Европы и Америки. Финансовое обеспечение поездки осуществлялось из резервного фонда РСФСР. Сначала Малявины прибыли в Берлин, откуда, транзитом через Италию, перебрались во Францию. В этой стране художник прожил восемнадцать лет и был вхож в литературный мир русской эмиграции, зачастую предпочитая общению с коллегами по цеху сообщество писателей и общественных деятелей, установив тесную связь с бунинско-купринским окружением. «Вчера были у Малявина. Масса народу, но ни одного художника», — вспоминала Вера Николаевна Бунина о своем первом посещении Малявиных осенью 1924-го<sup>4</sup>.

В роскошной парижской мастерской художника в 16-м округе на rue des Vignes, 73, побывал «весь Париж», а «крюшон в огромном серебряном жбане приготовлялся на глазах изумленных иностранцев из лучших марок шампанских вин и свежих ананасов» 5. Здесь Малявин отмечал юбилеи, проводил выставки, принимал гостей, устраивал приемы. В один из декабрьских вечеров 1924 года просторная малявинская студия трансформировалась в литературный салон, став площадкой для первого в Париже публичного выступления Саши Черного, дебютировавшего чтением «Из дневника поэта» 6. А вот обращение Марины Цветаевой в конце 1925-го с аналогичной просьбой предоставить ателье для проведения поэтического вечера не нашло понимания со стороны художника. Цветаева обращалась к Цетлиным, чей литературный салон посещала еще в Москве, к Юсуповым и Малявину, однако из всех рассматриваемых вариантов

малявинская мастерская, в которой хранились многочисленные большеформатные холсты, менее всего подходила под мероприятия подобного толка. Не исключено, что сказался отрицательный опыт с творческим вечером Саши Черного. Взявший на себя роль посредника, князь Дмитрий Шаховской (в будущем — архиепископ Иоанн) из Брюсселя написал Малявину письмо, которое Цветаева передала художнику в Париже. Ходатайство Шаховского положения не спасло, однако, несмотря на отказ, поэтический вечер состоялся в феврале следующего года в помещении парижского Союза молодых поэтов и писателей, получив широкий резонанс в прессе, и, что любопытно, на нем присутствовали отказавшие в предоставлении зала Цетлины<sup>7</sup>.

Активная вовлеченность в культурные и социальные проекты, инициируемые представителями русскоязычной диаспоры, привела Ф. Малявина (наряду с М. Алдановым, И. Буниным, Б. Зайцевым, А. Куприным, Б. Нольде, М. Осоргиным, Н. Тэффи, С. Черным, В. Шухаевым и другими) в ряды учредителей «Русского клуба», зарегистрированного в мае 1926 года8. Врожденный крестьянский прагматизм вкупе с цепким умом помогли Малявину трезво оценить свои профессиональные возможности в конкурентной среде французской столицы. Наверное поэтому художник-апатрид смог найти и занять в ней свою нишу. «Парижский радиус необъятно большой... В нем уживаются все течения и все возрасты искусства, но, не скрою, город жестокий, имен чужих не заметит, но должное художнику отдаст»<sup>9</sup>, – так, в целом оптимистично, размышлял Малявин, за плечами которого оставался опыт пребывания во Франции во время творческих поездок в 1900-е годы. Пассеистические настроения, наложившие отпечаток на характер его творчества в эмиграции (речь прежде всего идет об изменении живописного языка в пределах крестьянской тематики), не помешали выстроить успешную и стабильную карьеру салонного портретиста, обеспечившую материальный достаток. Начиная со второй половины 1920-х Ф. Малявин часто экспонируется в Бельгии, Великобритании, Италии, Франции, Чехословакии, Югославии; под эгидой Института Карнеги участвует в групповых показах в США, но особенно насыщенная выставочная деятельность, принесшая признание и упрочившая репутацию востребованного портретиста, приходится на страны Скандинавии.

После Октябрьской революции Ф. Малявин сотрудничал с новой властью по линии Наркомпроса. Непревзойденный мастер крестьянских типажей, он, вместе с тем, создал уникальную иконографию представителей советской политической элиты, став автором художественной Ленинианы (писал с натуры В. Ленина, А. Луначарского, Л. Троцкого). В эмиграции начал планомерно культивировать иное

направление своего творчества, уйдя в ремесло салонного портретиста. Благодаря высоким покровителям художник приобрел богатую клиентуру. На разных этапах профессиональной деятельности он портретировал российских и европейских магнатов, творческую интеллигенцию, политических и общественных деятелей, членов правящих Монархических домов Европы, русскую знать. Круг заказчиков Малявина был обширен: баронесса фон Вольф, князь Платон Оболенский, государственный деятель Сергей Витте, Павел Харитоненко, один из крупнейших в Российской империи промышленниковсахарозаводчиков, княгиня Волконская, Александра Балашова, в бытность прима-балерина Большого театра, легендарная певица Надежда Плевицкая, первый премьер-министр независимой Чехословакии Карел Крамарж, кузен Николая II Великий князь Дмитрий Павлович, король Швеции Густав V и его брат принц Евгений, видный шведский пейзажист, а также внучка шведского монарха, принцесса Ингрид (впоследствии ставшая королевой-консорт Дании). принцесса Маргрет Датская, король Югославии Александр I Карагеоргиевич и королева-консорт Мария. В этом далеко не полном перечне фигурирует имя Марии Цетлин.

Важным событием в художественной карьере Ф. Малявина периода эмиграции стало открытие первой персональной выставки в июне 1924 года. В трех выпусках парижской «Русской газеты» появился биографический очерк, подготовленный А. Куприным к 55-летию со дня рождения мастера, а также по случаю празднования 25 лет с памятной даты – присуждение звания художника<sup>10</sup>. В залах галереи Jean Charpentier Малявин впервые показал ряд новых светских портретов - мадемуазель и мадам Мыслик, мадам Ясленко, мадам Пельтцер<sup>11</sup>, о художественных достоинствах которых мы не имеем возможности составить представление из-за отсутствия сопутствующих иллюстраций в каталоге, но склонны довериться описанию, оставленному одним из рецензентов выставки. Портреты «людей света», вошедшие в парижскую экспозицию, удостоились высокой оценки: «Они безупречны по работе, блестящи по компоновке...»<sup>12</sup> Современники нередко проводили параллели между художественными поисками Малявина в жанре салонного портрета и достижениями в области салонного искусства Бенара, Больдини, Сарджента, видели отдаленное сходство с Серовым.

Большинству женских салонных портретов Малявина начального периода эмиграции присущи такие стилистические характеристики, как нарочито бледная карнация, контрастирующая с россыпью красочных пятен на поверхности фона, создающих иллюзию головокружительного калейдоскопа. Великолепным образцом нового письма, про-

должающего празднично-декоративную линию, найденную мастером двумя годами ранее, является живописный портрет Марии Цетлин. Выполненный по заказу в 1925 году в Париже, он по неизвестной причине оставался в собственности художника и был представлен в рамках нескольких ключевых персональных выставок Ф. Малявина. Первой из них, по всей вероятности, стала экспозиция 1933 года в Праге, где картина экспонировалась как «Портрет дамы»<sup>13</sup>. Но почему художник, лично знавший заказчицу, снял ее фамилию с экспозиционной этикетки? Полагаем, что, в отличие от сделанного в утонченной манере графического эскиза, ставшего частью цетлинской коллекции, живописный портрет не понравился Марии Цетлин (в 1959 году семейное собрание живописи и графики было подарено муниципалитету города Рамат-Ган). Субъективность восприятия красоты заставляет нас вынести за скобки обсуждение мотивов принятого заказчицей решения, а также ее пристрастий и вкусов, сосредоточившись на фактической стороне вопроса. Очевидно, имела место коллизия интересов между художником и моделью из-за отказа принять портрет, что косвенно подтверждает факт его нахождения в собственности художника и дальнейшая выставочная история, реконструируемая по тем доступным источникам, которые удалось выявить.

В специализированном чешском сборнике по искусству художественный критик Франтишек Таборский снабдил обзорную статью о пражской выставке Филиппа Малявина черно-белой репродукцией портрета под вывеской, аналогичной каталожному описанию<sup>14</sup>. Очередное упоминание о картине, за которую художник назначил 12 тысяч норвежских крон, встречаем в прайс-листе каталога сольной экспозиции в Осло 1934 года<sup>15</sup>. В каталоге персональной выставки, которая проходила в Копенгагене в сентябре того же года, скомплектованной практически одинаковым составом с норвежской, данных о портрете уже не содержится<sup>16</sup>. Был еще промежуточный показ – в стенах Художественного музея Гётеборга в феврале 1934-го, однако каталога к нему не издавалось. Следы портрета теряются на этом отрезке.

В 1997 году произведение появилось на русских торгах Sotheby's в Лондоне и проходило по аукционному каталогу как «Портрет дамы». Поскольку имя собственника не разглашалось, прерванная хронологическая цепочка затруднила полное раскрытие истории бытования памятника. Нынешний владелец портрета — петербургский коллекционер Евгений Малов — приобрел его в 2012 году, но даже не предполагал, какая художественная реликвия оказалась в его руках. В альманахе Государственного Русского музея, подготовленном к ретроспективной выставке Ф. Малявина, картина была опуб-

ликована под малоговорящим названием «Женский портрет», причем с некорректной датировкой — начало 1930-х<sup>17</sup>. В новой монографии о художнике воспроизведение портрета сопровождалось подписью «Светская дама»<sup>18</sup>. По этой репродукции личность дамы идентифицировала куратор музея Рамат-Гана Леся Войскун.

По просьбе израильского искусствоведа мною был предоставлен комплект материалов, на основании которых удалось провести сравнительный анализ музейного эскиза, репродукций живописного портрета М. Цетлин в прижизненных изданиях 1930-х годов и в современном аукционном каталоге. Были выявлены следующие разночтения: браслет, обрамляющий левую кисть руки Цетлин на графическом портрете, отсутствует в композиции живописного полотна, в чем можно удостовериться, взглянув на обе пражские иллюстрации, но присутствует на аукционной репродукции.

Сопоставив еще раз все материалы, я обнаружила, что на эскизе не были прописаны серьги, которые появляются в окончательном варианте портрета. Очевидно, на завершающих сеансах Мария Самойловна решает позировать в изысканных длинных серьгах из сапфира либо синего топаза (фактуру камня сложно определить по изображению, что порождает варианты толкований). Для дочери ювелира, знающей цену роскоши, драгоценные украшения являлись не только важным элементом женского туалета, но и атрибутом ее статуса светской персоны. Портрет писался с натуры, по заказу, что в некотором роде ограничивало свободу авторской трактовки. Не преувеличивая значения фамильных украшений при формировании визуального образа Цетлин, мы вместе с тем полагаем, что отсутствующие серьги на эскизе, появляющиеся затем на большом портрете, отчасти проясняют вопрос с исчезновением-появлением браслета. Вероятно, одна деталь украшения была замещена другой, а именно, на этапе разработки эскиза Цетлин надевала комплект из бус и цепочки, но не носила серьги, тогда как на завершающие сеансы приходила в серьгах, без цепочки, отсюда и отсутствие последней на живописном портрете. Однако чем объяснить наличие браслета на холсте, выставленном на торги? Провенанс картины мог бы разрешить дилемму, но аукционные каталоги, как отмечалось ранее, сведений о прежнем владельце не содержат. На наш взгляд, Малявин вернулся к первоначальному замыслу, отраженному в эскизе, и перед продажей портрета в 1930-е годы дописал браслет, поскольку в его распоряжении оставались черновые наброски. Так или иначе, но за неимением вспомогательных документальных свидетельств, которые прояснили бы сопутствующие столь необычному событию обстоятельства, данная версия объясняет метаморфозы с браслетом.



Филипп Малявин. Мария Цетлин. 1925. Х.м. 113,5х144,7. Частное собрание Е. Малова. Санкт-Петербург

Разгадка ребуса кроется в определении аутентичности портрета, принадлежащего петербургскому коллекционеру, тому образцу, который был показан на прижизненных выставках Ф. Малявина. Возможно, речь идет об авторском повторении. Подделка маловероятна, поскольку главный аргумент в пользу подлинника, наряду с стилистическими признаками, не противоречащими индивидуальной манере художника, — отсутствие у потенциального копииста подготовительных эскизов, на которых был зафиксирован браслет. Отметим также, что имеющиеся расхождения в параметрах холста (сличались пражский и аукционный образцы) настолько несущественны (не более полутора сантиметров), что их можно отнести к погрешностям при обмере.

Пребывавший многие десятилетия в забвении, живописный портрет Марии Самойловны Цетлин обрел наконец свое лицо, чтобы занять почетное место в портретном наследии блистательного, но до сих пор недооцененного мастера.

### ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Музей русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных. Каталог выставки. Рамат-Ган. Израиль, 2003. С. 29.
- 2. См., например: Каталог IX выставки картин Союза русских художников. -

- СПб., 1912. С. 16; Левинсон А. «Союз русских художников» и передвижники // За семь дней. 1912. № 11(53). С. 278.
- 3. Бродский И. И. Мой творческий путь. Л., 1965. Сс. 90, 92.
- 4. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. В 2 тт. Т. 2 / Под ред. М. Грин. [Мюнхен], 2005. С. 108.
- Ратона 3. Памяти ушедших. Зоя Филипповна Малявина // «Русская мысль» (Париж). 14 июля 1954. № 675.
- 6. *Черный, Саша.* Собрание сочинений. В 5 тт. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932 / Сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М., 1996. С. 472.
- 7. Цветаева Марина Ивановна. Письма 1924—1927 / Сост., подгот. текста Л. А. Мнухина. М., 2013. Сс. 270-271, 273-276, 296-297.
- 8. РГАЛИ. Ф. 1496 (Н. Бердяев). Оп. 1. Д. 883. Л. 2.
- 9. Из письма Ф. А. Малявина своему наставнику по Академии художеств
- И. Е. Репину (1925). Цит. по: *Живова О. А.* Филипп Андреевич Малявин. 1869–1940. Жизнь и творчество. М., 1967. С. 195.
- 10. *Али-Хан* [Куприн А. И.]. Ф. А. Малявин // «Русская газета» (Париж). 1924. № 176-178. Звание художника было присуждено Малявину по окончании Академии в 1899 году.
- 11. Exposition Philippe Maliavine. Paris, 1924. P. 13.
- 12. *Рулис Л*. Выставка Ф. А. Малявина // Последние новости. (Париж). 8 июня 1924. № 1265.
- 13. Seznam děl souborné výstavy Filipa Maljavina v Praze, na Příkopě. Praha, 1933. S. 28. № 25.
- 14. T[áborský F.] Maljavinova výstava v Praze // Umění. Praha, 1934. VII. S. 121.
- 15. Exposition des tableaux et dessins de Philippe Maliavine. [Oslo]. 1934. Prisliste. № 15.
- 16. Exposition des tableaux et dessins de Philippe Maliavine. København. 1934.
- 17. Филипп Малявин. 1869–1940. Альманах. Вып. 385. СПб., 2013. С. 90.  $\mathbb{N}$  85.
- 18. Сёмина М. Филипп Малявин. М., 2014. С. 144.

## БИБЛИОГРАФИЯ

Ираида Легкая. Невидимые нити. – Москва: Посев, 2016.

Пытаюсь разгадать название книги стихов Ираиды Легкой «Невидимые нити». Возможно, поэт пытается найти концы тех нитей, которыми можно было бы связать опыт жизни, начавшейся, как она говорит, почти в раю, и изгнания из этого рая в мир, где началась Вторая мировая война. Семья Ираиды (ее отец — о. Иоанн Легкий, настоятель женского монастыря в Риге) проживала в свободной Латвии, в стране, которая обрела независимость и сохраняла в себе остатки старой России, в том числе разнообразие поэтической речи. В сороковом году пришла Советская армия и с ней ужасы репрессий. Потом пришла немецкая армия, не пощадившая местного населения, евреев особенно, но сохранившая Церковь. Затем последовал недобровольный отъезд семьи, скитания беженцев, лагеря перемещенных лиц — со всеми их лишениями, гимназия в Шлейсгейме под Мюнхеном и отъезд в США в 1949 году.

На корабле Ираиде Легкой исполнилось семнадцать лет. Собирая свою книгу на даче в Адирондаках, она показала мне потемневшую тетрадку со стихами, написанными на корабле, плывшем в Нью-Йорк:

Серые серые волны
Сердце тоской наполнено
Вечер
Моря бездонная пропасть
Мне помянуть Европу
Нечем
Налеты прошли мимо
Того что страстно любимо
Нет
У стенок нашей кабины
Светлый совсем лебединый
Цвет

Все удивительно в этом стихотворении, его рифмы и ассонансы, свобода формы и, главное, полная эмоциональная адекватность происходящему у этого юного существа, ребенка войны. Вот отрывок из той же тетрадки: стихотворение «Сказка», в котором подросток, переживший войну, не желает огорчать родителей своими чувствами, своим внутренним миром, сложным и конфликтным:

...Может принц уехал и не вернется обратно А вдруг разбомбили и его и замок... Девочка думала что трудно жить И хотелось уйти и заплакать Но сидели и смотрели мама с папой Ждали что она засмеется...

«Невидимые нити» с прошлым отсылают к «невидимым поэтам», обнаруженным недавно в корпусе отечественной поэзии. Это как будто о них строчки Ираиды Легкой: «Подземная река / детского языка...»

С детства Ираида знает много стихов наизусть, читает в четыре года, первый любимый поэт — Лермонтов, потом Гумилев. Свящ. Иоанн Легкий, страстный библиофил, начинает собирать библиотеку для своей дочери в детстве, у нее появляется собственный ех libris. Дочь священника, она с детства слышит язык литургии, церковно-славянский. После смерти отца Ираида попросила меня составить библиографию его библиотеки для передачи ее в церковь в Гдове, где он служил во время войны. В его библиотеке, кроме книг сугубо церковных, оказались прижизненные сборники поэтов парижской ноты. Примерно тогда Ираида отдала мне томики «Малой библиотеки поэта»: Аполлон Григорьев, Плещеев, Языков, Мей, Фет, Майков, Клюев, Блок, Брюсов, Городецкий и др. Удивительно, как сохранялись язык и культура в ее доме, и еще более удивительно то, что, пропитавшись этим языковым богатством, Ираида Легкая оказалась поэтом, одновременно связанным с традицией и независимым от нее по звуку, форме и содержанию.

Традиция русской поэзии подтверждается в книге списком поэтов, из которых Ираида Легкая берет эпиграфы. Блок, Мандельштам, Ходасевич, Заболоцкий, Георгий Иванов, Набоков, Поплавский, Чиннов, Елагин, с которым Ираида дружила с юности, как и со многими поэтами второй волны. При этом она отличается от них. Ей повезло с местом рождения в той Латвии, которая не соприкоснулась с соцреализмом. (Это еще более ощущается в латышской поэзии сейчас, четверть века после отложения, когда читаешь эту, по определению Кафки, «маленькую» литературу). Чтобы закончить с мандельштамовской «упоминательной клавиатурой», неожиданно было встретить среди эпиграфов этой книги строчку Псоя Короленко «С Богом не чувствуешь зла».

В ранних стихах Ираиды Легкой я слышу присутствие Ахматовой, многие стихи которой она знает наизусть. Это присутствие не определишь интертекстуальным способом, оно скорее эмоциональное, исходящее из жизненной позиции и гендерной специфики. Она говорит о себе: «Я – потомок амазонок». Ахматова начинала с безрифменных стихов, но потом, возможно бессознательно (полусознательно?), подчинилась влиянию главенствующего мужского круга поэтов-символистов и, как она писала: читая Анненского, «поняла, как это надо делать».

В поэзии Ираиды Легкой много природы, погоды, воздуха, деревьев, дождей, туманов, туч, времен года. И в то же время это поэзия урбанисти-

ческая, человека демократической толпы, жительницы города, с его автобусами, автомобилями, мостами, крышами, окнами, стенами домов, толпой, которой этой природы не хватает:

#### ПОЕЗДКА В МАНХЭТТЕН

Знаю

Знаю наизусть
Эту грязь и эту грусть
Вез автобус страшный груз
Человеческих зрачков
Сумок платьев башмаков
Перевернуты вверх дном
Перечеркнуты пером
Белый дом и красный дом
И береза за углом
Дальше — больше
Ввез он нас
В чащу рук и в море глаз
Бросил в полымя огня
В гущу камня в сон стекла

В стихах Ираиды Легкой нет вымысла, ее поэзия экзистенциальна и автобиографична — лирика то есть. В книге аутентично зарегистрирован процесс переселения в незнакомую страну, вживания в другую культуру, превращение из беженца в иммигранта. Это еще одна «невидимая нить». Поэт становится одним из тех многих, кто открыл для себя Америку и создал ее этно-эпос. Стихи написаны на русском языке, но они ферментировались разнообразием местной англо-американской среды, поэзией Запада, мотивами индейцев. Это стихи поэта, воспитанного модернизмом, с его разом-кнутой формой и сплавлением «высокого и низкого». Одиннадцать хронологически тематических частей книги Ираиды Легкой связаны внутренней логикой, это фрагменты, из которых создается личностный нарратив. По мере ее взросления стихи теряют метафоричность романтизма и превращаются в прямую речь, обращенную к конкретным адресатам ее жизни. Читая ее стихи, вы узнаете человека.

Это город фонтанов И веселой воды Завтра встану рано Поднимусь как дым Протянусь над парком

Покачаюсь на ветках Завтра будет жарко Уже не весна лето Уже не весна а все же Ловлю глазами и кожей Всех на тебя похожих И нет на тебя похожих

Ираида Легкая, в первом браке Ванделлос, стала в 1963 году радиожурналистом «Голоса Америки»; она знакомила слушателей с культурными событиями и новыми книгами, брала интервью с русскими и американскими писателями и поэтами, переводила стихи. В книге есть раздел переводов, среди которых стихи Эллиота, Фроста и др. Вот ее слова, звучавшие в том период: «...народу вырезали не стыд, а чувство истории...»

В «Голосе» мы и познакомились. Ираида говорит, что Иосиф Бродский посоветовал ей: «Обратите внимание на Марину Тёмкину». В начале 80-х происходили суды над писателями, публиковавшимися в полуофициальном журнале «Метрополь». Вскоре после этого судили Константина Азадовского, Ирину Ратушинскую и Михаила Мейлаха. Я оказалась свежим человеком «оттуда» и начала писать для «Голоса». В то время я была очень неуверена в себе и отчаянно волновалась, у меня не было положительного опыта отношений с социальной средой (только с личными друзьями). В тоталитарном социуме было ощущение, что везде висел «кирпич», знак запрета, из-за чего я, собственно, и уехала. Ираида приняла меня с первой встречи, мне не пришлось убеждать ее или «доказывать» ей себя, и я навсегда благодарна за это.

Не помню случая, чтобы ей не понравился мой текст или чтобы она поправила меня, хотя я думаю, что я писала не совсем принятым образом. Она понимала и принимала индивидуальный способ выражения. (Для контраста: когда я стала работать на «Свободе», меня редактировали сурово, практически меняя каждое слово без всякой надобности, но то было советское поведение, обычное неуважение к другому. И гендерная ситуация играла в этом свою роль, разрешая коллегам поупражняться в силе. Исключением был Сережа Довлатов.) Это о человеческом, о том, как Ираида Легкая стала частью моей жизни в Америке.

В кабинете Ираиды на «Голосе» мне нравилось все: фотография, где она держит на коленях новорожденного внука, телефонные звонки мужу, Борису Сергеевичу Пушкареву: «Боренька, котлетки в холодильнике». Личное и публичное не разделялось в этой комнате, и каждодневное не становилось обыденным. У меня, недавно приехавшей из реальности тотального разделения индивидуального и социального (попросту говоря, раздвоения личности), это вызывало восхищение и глубочайшую приязнь. Нас сблизи-

ли и походы в греческий ресторанчик, и разговоры за вином «Рецина» до выхода в эфир, после которого у меня заплетался язык, и в Вашингтоне решили, что у меня «ленинградский акцент». Греческий ресторанчик нашел место в ее стихах (с. 42).

Пожалуй, Ираида Легкая-Ванделлос была тем человеком, вторым после Бродского, благодаря которому я начала жить в Нью-Йорке психологически комфортно. Но Иосиф Бродский, понятно, был «свой», почти двоюродный, мальчик из коммуналки, говоривший тогда исключительно на фене. Ираида же была дочерью священника из старой России, такие люди мне еще не встречались. Мой эмигрантский багаж состоял из семейных и коллективных травм и, как раньше говорили, культурно-исторических комплексов, начиная с еврейского. Разница поколений и жизненного опыта не помешала нашим с Ираидой близким отношениям, как она говорит, «на другом уровне», описание чего требует жанра мемуарного, не рецензии на книгу ее стихов.

Я прочитала ее стихи тогда же, когда стала фрилансером в «Голосе». «Стихи ее очень своеобразны...», писал Юрий Терапиано; ему вторил Семен Карлинский, славист, специалист по Цветаевой, с которым Ираида переписывалась. В ее стихах не слышно пресса иерархии «великих» или необходимости оппозиции идеологии режима и официального языка. Для нее стихосложение — это нормальная человеческая деятельность, занятие, которым занимаются многие люди. Здесь уместна мысль Романа Тименчика о Наталье Горбаневской: «Эти стихи... читателю себя не навязывают».

Стихи Ираиды Легкой поражают точностью ощущения, раскованной поэтической материей, свободой голоса, не запеленутого в рифму и не зажатого пунктуацией. Поэт как будто импровизирует, пишет сразу начисто. Для меня, скептически относящейся к «работе над словом», к «мастерству» и, особенно, к писанию между строк, к самоцензуре, читать такие стихи было целебно и вдохновительно.

Стихи Ираиды Легкой близки речи, часто они состоят как будто из фраз, брошенных на ходу, мимолетных высказываний, дневниковых записей, спонтанных «почеркушек». При этом им свойственна почти журналистская точность времени и места, географии и топографии – улицы, дома, температура воздуха и интимность человеческой жизни. Эти стихи написаны поэтом, равновеликим своей жизни, знающим о своей преходящести перед лицом Всевышнего и потомков.

В книге «Невидимые нити» есть автогеография — Нью-Йорк, Патерсон, Нью-Джерси, Вашингтон, Калифорния, Адирондаки, Россия. В стихотворении о первой поездке в Москву летом 1969 года в качестве корреспондента «Голоса Америка» Ираида Легкая, для которой чувство родины — это островок прежней России, говорит о сложности взаимоотношений эмигранта с памятью:

...И только в заброшенном монастырском саду Вдруг останавливаюсь что-то на миг узнавая И почему-то кирпичный обломок краду...

Ираида начала ездить в Россию регулярно, когда ее муж Борис Сергеевич Пушкарев, политический деятель, историк и публицист, переехал туда в начале 90-х, чтобы заниматься просветительской и издательской деятельностью. Тогда Ираида стала писать стихи о страшной истории России и Церкви, о Власове, о систематическом уничтожении людей. Ее тропы полны истории: «русские военнопленные», «погибшие», «замученные», «раненные», «растрелянные», «камни и кости», «голодные солдаты», «век пепла век крови». Это ее боль, что страна предстает как «грубая и грустная / когда-то русская...»

Последний раздел книги «Между звездами и зверями» написан на даче на севере штата Нью-Йорк. Там другой мир, там сад и цветы, лес и грибы, звери и птицы, озера и вязание (разматывание клубков ниток — нити!) пребывают в зеленом блаженстве. Там присутствуют «...и близкие которых больше нет...» У многих читателей возникнет чувство близости с автором при прочтении стихотворения-воспоминания о потерянном рае довоенного детства, посвященного сестре Ираиды Легкой, Галине:

Я родилась в стране Которой давно нет...

Марина Тёмкина

100 лет русской зарубежной поэзии. Антология в 4-х тт. / Владимир Батшев — сост., ред., вступит. статья. Гершом Киприсчи — общее ред., идея. Т. 2: «Вторая волна эмиграции». — Франкфурт-на Майне: «Литературный европеец», — 2017. — 511 с.

В 17-м году XXI века в нашей литературной жизни произошло большое событие: впервые в Русском Зарубежье вышла антология, представляющая поэтов всех четырех волн эмиграции: один том на каждую волну. Издана антология за рубежом, в Германии. Работу над этим изданием можно назвать подвигом. Нашлись двое смелых людей: Владимир Батшев и Гершом Киприсчи. Они оба задумали, начали и закончили этот поистине труднейший проект. Я посчитала своим долгом написать рецензию на второй том, посвященный поэтам второй волны, так как уже десятилетия нахожусь в их рядах. И со многими была в коллегиально-дружеских отношениях.

Передо мной книга в твердой обложке – роскошь для эмигрантского издания. На обложке красивые литеры названия и замечательная графика Игоря Шесткова. Стихи предваряет большое предисловие Владимира

Батшева. Он пишет не только о стихах, а высказывает также свое мнение о «второй волне вообще». (В этом случае «волна» - слово удачнее, чем «эмиграция», оно более подходит к людям, волей или неволей попавшим за рубеж во время Второй мировой войны. Разве военнопленные - эмигранты? А «остовцы»?) Но вот слова Владимира Батшева об этих людях: «Советская власть страшила этих людей и сама страшилась их. Все прелести режима прошлись по ним - притеснение по происхождению, высылки, доносительство на всех уровнях, тотальная слежка, аресты, коллективизация, бесконечные волны террора, военные конфликты, постоянное 'затягивание поясов', подозрительность, шпиономания, и, наконец, - война с 'заклятым другом'!» И еще: «Они принесли свой опыт, свой ужас, свою ненависть, они пронесли за рубеж свое, советское пережитое, тяжким опытом приобретенное знание быта, бед и надежд оставшихся там близких под прессом партийной диктатуры, в обстановке беспримерной в истории духовной реакции и мракобесия. Обо всем этом, обретя на Западе слово, они пишут». Это правдивые слова, к которым ничего не нужно добавлять.

Есть у редакторов и составителей антологий один самый уязвимый пункт, который любят критиковать читатели. Они задают вопрос: «Почему напечатан такой-то графоман, а такой-то замечательный поэт пропущен?» Обычно на этот вопрос редакторы отвечают – каждый по-своему. Будущим своим критикам Владимир Батшев говорит так: «Читателей и критиков, которые будут кривиться при чтении отдельных произведений, отсылаю по адресу редакторов тех журналов и книг, где стихи опубликованы». И добавляет: «Не забывайте, что составление любых сборников или антологий – ремесло сугубо субъективное».

Можно легко заметить, что при отборе подборок для этой «Антологии» составитель Батшев не стремился дать самые популярные стихи того или иного поэта, в основном, он ориентировался на свой индивидуальный вкус.

Под многими стихами даны названия изданий, из которых брались эти стихи. А в конце «Антологии» даны сведения об авторах, даты и место рождения/смерти поэта и перечислены его поэтические книги: название, год и место издания. После предисловия в алфавитном порядке следуют 58 поэтов.

Одним из лучших поэтов второй волны Батшев считает петербуржца Димитрия Кленовского, сына известного художника-пейзажиста Иосифа Крачковского. Это был поэт-мистик, веровавший в перевоплощение души и ее жизни после смерти. Он долгие годы дружил с поэтом «Странником», архиепископом Иоанном Сан-Францисским. С юности у Кленовского было стремление ко всему доброму, в разных его проявлениях. А доброе начало он видел и в эстетике, которую нужно защитить от уничтожения. Набоков, например, не понял бы таких строк Кленовского:

То, чем сердце было пьяно, Что томило нашу плоть – Мертвой бабочкой нельзя нам На булавку наколоть. И не плача, не жалея, Словно было да прошло, На досуге молча ею Любоваться сквозь стекло...

Димитрий Кленовский был любимцем первой эмиграции, единственным поэтом из «вторых», которого парижские мэтры считали «своим». Его подборка в «Антологии» не случайно начинается циклом стихов «Раз в году» — о самоубийце, по православному обычаю похороненному «за погостом». За него можно молиться только «раз в году». Во время насильственной репатриации поэт очень боялся захвата Германии советскими войсками и в этом случае, как и многие другие, думал даже о самоубийстве.

В «Антологии» представлен полностью весь зарубежный поэтический клан семьи Матвеевых: глава – Иван Матвеев (псевд. Елагин), Ольга Анстей (урожд. Штейнберг), их дочь – Елена (Лиля) Матвеева. (В России жила двоюродная сестра Елагина – Новелла Матвеева.)

Составитель справедливо отдает в «Антологии» много места Ивану Елагину, большому поэту второй волны. В предисловии Батшев говорит, что Елагин – плоть от плоти своего времени, «он приветствует его, проклинает и любит его, не хочет другого...» Как верно! Елагин писал своему другу-художнику Владимиру Шаталову: «Время – кровь искусства». Ему досталось кровавое «мое столетие», которое, всё же, было его временем, которое он ненавидел, но по-своему и любил. Оно – его время, его столетие – вдохновляло всё творчество этого поэта, даже за рубежом.

Елагинские страницы в «Антологии» начинаются со стихотворения, к которому необходимо пояснение. Елагин написал его после войны в дипийских лагерях, в самый разгар насильственной репатриации, когда американцы выдавали на сталинскую расправу всех без разбора — волей или неволей попавших за рубеж во время Второй мировой войны. Вот первая строфа этого стихотворения — в оригинале многострофного и под названием «Статуя свободы»:

Чекистский затвор звякал — Расстреливали по задворкам. А ты подымала факел Над миром и над Нью-Йорком...

Это единственное у Елагина антиамериканское стихотворение не было «знаменитым». Не печаталось оно в антологиях, потому что не предназначалось для печати: поэт читал его только близким друзьям. Впервые

оно появилось в «Новом русском слове» после смерти Елагина, в некрологе о нем Романа Днепрова. После этого стихотворение, со многими разночтениями, пошло по рукам. Полный и правильный его текст есть у дочери Елагина — Елены Матвеевой.

Цикл «Фён» из второй книги стихов Ольги Анстей «На юру» был едва ли не самым популярным у многочисленных ее читателей. Эти великолепные стихи из жанра любовной лирики были вдохновлены несчастливой любовью Ольги Анстей к поэту-белогвардейцу князю Николаю Кудашеву. Оба были несвободны. Она страдала от чувства, которое нужно было скрывать, от того, что трудно было даже «...Узнать, как спишь, чем дышишь, / Что думаешь, что куришь, /. Какую строчку пишешь, / Кого в уста целуешь...» Наконец Анстей порвала эту мучительную связь, стоившую ей развода с Иваном Елагиным, но и давшее русской поэзии много замечательных стихов. Ведь они могли никогда не родиться, не будь у автора этого сильного чувства. В «Антологии» напечатано одноименное со сборником Анстей стихотворение «На юру», о том, как нелегок был для нее этот неизбежный разрыв.

На-полночь окна мои на высоком юру. На-полночь где-то твой дом... Где-то светит оконушко. Вот на Николыцину разве – подам за тебя просфору: Только и нити связующей! Только и звёнышка.

Вылеплен, выплакан прочный покой. Будней бесслезных и прочных плетется улиточка. Крепко держусь за просфорку озябшей рукой – Это с тобою нас вяжет последняя ниточка.

Большая подборка в «Антологии» стихов Елены Матвеевой-дочери свидетельствует о том, как иногда яблочко может далеко падать от яблоньки. Ей удалось родиться не в начале войны, а в самом ее конце, в Германии, во время бомбежки. В ее стихах не слышится ни одной ноты родительских голосов. Нет трагедийного пафоса гражданской лирики отца и горьких строк матери о любви, которой не суждено было стать счастливой. У нее свое время, свой взгляд на жизнь, который светел и жизнерадостен. Любовь и природа до сих пор вдохновляют Елену Матвееву.

Вот один из ее стихов с омонимическими рифмами:

Рыжий сеттер вдоль по осени идет, Рыжий сеттер очень осени идет. Не бывало еще осени такой — Весел ветер, светел ветер над рекой! А реки похожей тоже нет — Тепло-синий у нее, туманный цвет. Рядом вытянулся берег, а на нем — Парк осенним весь охваченный огнем.

И дорога, по которой я бреду, — Вся сухая, полыхает как в бреду, И уводит от натопленных квартир В необъятный, разноцветный, бурный мир.

Во втором томе четырехтомника есть и стихи, будто бы написанные незабываемыми поэтами-фронтовиками, авторами «Темной ночи» или «В лесу прифронтовом». Но это зарубежный Евтихий Коваленко:

Обо всём расскажу по порядку На солдатском простом языке, Помнишь, как мы в походной палатке Побратались на Волге-реке? Мы прошли Сталинградское пламя, И от Волги до края земли Полковое гвардейское знамя Мы в далекий Берлин принесли...

А потом этих, принесших свое полковое знамя в Берлин, сажали в лагеря. За что? Находили, за что!

Много есть и гневных стихов о насильственной репатриации. Вот Валентина Краснова (не родственница ли генерала Петра Краснова?) пишет, как выдали на сталинскую расправу казаков с семьями:

...Разве можно забыть? Разве можно простить Это мертвое детское тело? Эти слезы и страх, Эти трупы в горах, Это страшное, гнусное дело? Никогла! Никогла!...

Эти стихи часто выговаривались неумело, «непрофессионально» и охотно критиковались или замалчивались критиками, не понимавшими, что эти стихи — не только поэзия, они еще и свидетельство очевидцев, рассказывающих о своем, нечеловеческом веке.

«Вторые» любили и умели описывать города своих новых стран.

Например, прозаик Анатолий Дар (Даров), писавший хорошие стихи, живший в Германии, Франции и Америке, дал панораму Нью-Йорка, в который он сумел влюбиться и даже почти принять его «рай реклам / Или рекламы ада». Вот его Нью-Йорк:

Я в Нью-Йорк влюблен, Особенно – в летнем уборе: Куда ни пойдешь – Гудзон. Куда ни пойдешь – море, Куда ни глянешь – вода, Куда не кинешь – камень. И целые города С припаянными мостами! Шагают куда-то вдаль В море и прямо в небо, Где алюминий и сталь Стали насущнее хлеба. А вечером – здесь и там, Гле надо и гле не надо -Что это – рай реклам, Или рекламы ада?

Во второй волне было трое талантливых художников, писавших и публиковавших стихи: Владимир Шаталов, Сергей Бонгард и Сергей Голлербах. В «Антологии» нашлось достойное место для каждого из них.

К сожалению, в рецензии нельзя цитировать всех поэтов, заслуживающих внимание читателя. В заключение можно только поблагодарить редакторов за огромный труд и пожалеть, что многие из их авторов уже в мире ином. Но нужно и порадоваться тому, что эту монументальную книгу всё-таки еще сможет прочесть кое-кто из «ныне здравствующих» представителей второй волны.

Валентина Синкевич

Татьяна Вольтская. В легком огне. – Litres, 2017.

Бабочка, влетевшая в эту книгу на первой странице (всё, что осталось от небесного конферансье), моментально объявляет о том, что перед нами выступит автор, преданный традиции. «О, жизнь, о, бабочка, влетевшая в окно...» Бабочка – неизменная и желанная гостья поэзии всех времен, здесь же прежде всего вспоминается: «О бабочка, о мусульманка...»

И далее – подтверждение: да, да, вы не ошиблись – «Стихи растут не из крапивы...», и поэт посвящает нас в тайны ремесла. Конечно, они – сестры ахматовским: «...подслушать у музыки что-то / и выдать шутя за свое»

(Анна Ахматова) и «И ветку / в окне, войну, и гул комет / услышит не свидетель века — свидетель музыки, поэт» (Татьяна Вольтская). Они — сестры, эти тайны, «та-та, та-та-та, та-та» (Владимир Набоков), но — со своими неповторимыми чертами.

С третьего стихотворения мы выходим – вплываем – в пространство Ленинграда-Петербурга. Нева, Петропавловка, Новодевичье кладбище. Любимый человек, который умирает.

Ничего странного нет в том, что книга начинается прощанием: «Умираешь, значит?..», ведь за смертью следует воскрешение, то есть особенно интенсивное воссоздание всего, что не нуждалось в воссоздании, потому что длилось (если мгновение живой жизни способно длиться). Смерть, обрывая время того, кто умер, преображает земное время любящего, остающегося здесь, наделяя его удвоенным... чем? Зрением? Как если бы зеркало, отныне не затуманенное дыханием ушедшего, способно было с большей силой и ясностью его вернуть. Как если бы всё предстало в обратной перспективе: чем дальше от тебя, смотрящего, тем крупнее.

Подожди, подожди, подожди, пожалуйста, – видишь, там, на мосту, За тобой, спотыкаясь и падая, плача, бежит душа.

И еше:

Август – небо воскресенья: Высота и синева...

По счастливому случаю «синева» содержит в себе «Неву». И наоборот: в неводе Невы – неба синева.

Книга Татьяны Вольтской пронизана светом Петербурга, в ней есть необычайное соответствие городу, который так точно определил когда-то Константин Батюшков: «Какое единство, как все части отвечают целому, какая красота зданий, какой вкус и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения воды со зданиями!»

Эти стихи сделаны по образу и подобию города и его имени, стоящему на гранитном фундаменте двух «р».

Человек, который дышит рядом, Дан тебе до утренней поры: Он растает в воздухе, разъятом На пролеты лестницы, дворы,

Мокрый снег над вывеской погасшей, Он исчезнет в шорохе шагов У метро, во тьме, в перловой каше Сонных лиц, беретов и платков,

Растворится, потеряв приметы, Сохраняя в ледяной крупе, Как в окошке, слабый сгусток света, Видный только Богу и тебе.

Прекрасная архитектура: каждую строку держит тот же гранит «р», двойной в первой строфе, убывающий во второй, а в двух последних строках – исчезающий, потому что и безымянный герой стихотворения – человек – исчезает, растворяется. Смысл и звук слились воедино, и это лучшее, что может произойти в поэзии.

Петербург – город зимний, а уж потом остальной. Возможно потому, что стихи любят снег и лучше сохраняются в холоде. «Люблю зимы твоей жестокой / Недвижный воздух и мороз», «Ежедневно газетная проза / Обличает проделки мороза», «Петербургские сумерки снежные», «Узнавай же скорее декабрьский денек, / Где к зловещему дегтю подмешан желток», «Помню, была зима. Я катался на санках, меня продуло», «Как долго ветер дул, так длинно снег лежит».

Татьяна Вольтская: «...Кожа моя Петроградская, / Сторона невозможная, снежная». Если вы родом из тех же мест, вы непременно вздрогнете на этих строках. И поблагодарите автора, как и предписано в его стихах: «...так жаждет сад / Причастья снега, как будто смерть / Сделала шаг назад, / В лишенную очертаний тьму / (Мы знаем, мы были внутри). / Зима. Не спрашивай, почему. / Просто благодари». Тому, кто хочет стать поэтом, надлежит родиться в Петербурге — больше шансов, что предприятие удастся. Речь, конечно, о втором рождении, не биологическом.

«Город» – одно из самых частых слов в книге. Глаз так причитывается к нему, что оно видится даже в «Богородице». И не зря видится, потому что есть не только город, но и Град Небесный, и не случайно он возникнет в последнем стихотворении книги.

Слева направо – «город», а справа налево – «дорог», и это тоже не случайно. И обратная перспектива, упомянутая ранее, вот она: «Град с обратной перспективой / За стеною водяной. / То-то люди в Петербурге / Ходят задом наперед, / То-то сбоку ветер юркий / Черным хвостиком метет. / То Столярный, то Фонарный, / То Кирпичный, то Свечной, / То Дегтярный, то кошмарный...» Взгляните, «как все части отвечают целому» в стихотворении «Метель на Университетской...»:

...Намокшим мелом Дворец прочерчен. Ты со мной? Ты здесь? Безжизненное тело Реки накрыто простыней.

В глазах у города мерцанье, Ладонь, прижатая ко лбу, — Как будто санки с мертвецами Проскальзывают сквозь толпу,

Как будто произносишь: «Город» – И тень ложится под стеной, А эхо отвечает: «Голод», И снова тихо. Ты со мной?

И город, и его страшная блокадная судьба, и продолжение диалога с любимым человеком, которого нет и о котором сказано, речено – рекой: «Ты здесь? Безжизненное тело / реки накрыто простыней».

Нева, с которой началось течение этой книги, впадает не только в Финский залив. Она впадает в культуру и историю разных времён. Тут, в этом Бытии (цикл «Бытие»), мелькают и античные битвы при Саламине и Фарсале, и Бородино, и Аушвиц, и Косово поле, и Гефсиманский сад, и как мастерски и ёмко создается стихотворная ткань, как удачно цепляется слово за слово, с какой умной изобретательностью!

Спит Гефсиманский сад в косточках от маслин, А в лепестках цветов – крепдешин, муслин, В полутемном клубе вьющийся под вальсок – От барака, теплушки, окопа на волосок.

Стихи Татьяны Вольтской обладают ясной силой, у них открытое лицо, прямой и чистый взгляд, они заряжены чувственной энергией с первой строки — песенной ли («Двор-колодец, дай глоточек, неба капельку плесни...»), живописно-портретной («Я вымыла окна — и город на шаг отступил...» или «Запах дегтярного мыла от чистых волос...»), гражданской... С первой строки читатель словно бы знает, что удача неминуема, потому что в ней проглядывает целиком стихотворение. А с последней строки начинается обратная перспектива, и стихотворение, окончательно проявленное и сбывшееся, видится чётче чёткого. Всё в фокусе.

В легком огне Твоем крепче меня держи, В легком огне твоем, Господи, не отпускай. Пробегает озноб летучий по спелой ржи, В стылой воде, как монетка, блестит пескарь.

Лес Твой померк под вечер, с гнилого пня Свесился мох тяжелою бахромой. С красной строки заката пиши меня, Господи, посылай меня, как письмо,

Строчкой реки, бегущей из-под моста, За поля, за небрежно скомканные кусты – С вестью о том, что любая земля свята, От Иерусалима до Воркуты.

Николай Анциферов в книге «Душа Петербурга» писал, что Петрополь не раз превращался в некрополь, но всякий раз возрождался. Петербург переживет и сегодняшний день, не лучший в его истории. Потому что душа Петербурга – в стихах, в частности, в замечательных стихах Татьяны Вольтской, а это неуничтожимо.

Владимир Гандельсман

Шмелев А. В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, — 2017. — 266 с., илл. (Эпоха войн и революций; вып. 9.)

Эпиграфом для новой книги известного историка А. В. Шмелева о внешней политике адмирала А. В. Колчака может послужить цитата из «Окаянных дней» И. А. Бунина: «4 июня. Колчак признан Антантой Верховным правителем России. В 'Известиях' похабная статья: 'Ты скажи нам, гадина, сколько тебе дадено?' Черт с ними. Перекрестился с радостными слезами» 1. Но в том-то и дело, что правителем А. В. Колчак так и не был признан, а шел обмен нотами, который-таки не вылился в признание, а почему — читатель узнает из книги А. В. Шмелева.

Автор рецензируемой книги кандидат исторических наук Анатолий Всеволодович Шмелев — известный ученый, историк и архивист. Он — научный сотрудник Гуверовского института войны, мира и революции Стенфордского университета, куратор коллекции России и Евразии им. Роберта Конквеста. А. В. Шмелев — автор-составитель второго издания переработанного и существенно дополненного указателя А. А. Геринга «Мате-риалы для библиографии русской военной печати за рубежом» (N.Y.: Ross Publ., 2007. — 212 с.)

В отличие от многих современных работ, монография А. В. Шмелева – подлинно научный труд, стремящийся к объективности. Беда всех наших современников, что для нас Гражданская война 1917–1922 гг. так и не кончилась и многие авторы «бросаются в бой при Фарсале на стороне Цезаря или Помпея». Порой достаточно прочитать две-три страницы – и понимаешь: исследователь на стороне красных или белых, или сторонник т. н. третьей

силы. Научного объективизма и отстраненности – вот чего не хватает многим авторам и рецензентам. Героизация той или иной стороны в Гражданской войне хороша для поэзии, прозы и публицистики, но не для научного труда.

Всех этих недостатков, как и политической предвзятости, удалось избежать А. В. Шмелеву. В его новой книге научно исследуются все вопросы политики правительства А. В. Колчака. Монография разделена на три главы: «Вопрос о признании правительства адмирала Колчака»; «Правительство адмирала Колчака и государства-лимитрофы»; «Правительство Колчака и военная помощь иностранных государств», что нужно признать логичным.

Риторический вопрос всей эмигрантской мысли: как белые проиграли Гражданскую войну — имеет множество ответов. Один из них — малая и несвоевременная помощь союзников по Антанте. Дипломатические отношения в XX в. Российской империи и СССР — тема, хорошо изученная в отечественной и зарубежной историографии, в то время как внешняя политика белых правительств до сих пор terra incognita.

А. В. Шмелев взял для изучения самое большое и наиболее успешное из государственных образований широкого антибольшевистского фронта – правительство адмирала А. В. Колчака. Александр Васильевич принял титул Верховного правителя России, а его резиденция, город Омск, стала временной столицей, столь же законной, как и большевистская Москва в 1918–1919 гг.

Монография А. В. Шмелева написана на основе многих фондов и коллекций архива Гуверовского института (ГАРФ) и архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и множества редких опубликованных источников. На основании огромного количества выявленных фактов автор книги делает научно-объективные выводы. Члены правительства А. В. Колчака, прежде всего сам адмирал и министр иностранных дел С. Д. Сазонов, были людьми, воспитанными в великой Российской империи. Как искренние патриоты, они психологически не могли пойти ни на какие принципиальные или унизительные уступки, поступиться даже «пядью русской земли». Не взяв Петроград и Москву, руководство белых выступало против независимости национальных территорий, требовало по договорам положенных Константинополя с проливами и Прикарпатской Руси. Забывая при этом, что далеко не всем элитам Запада «Великая, Единая и Неделимая Россия» была нужна. Сам А. В. Шмелев, со ссылкой на источники, указывает, что премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж боялся восстановления императорской России «больше, чем большевиков» (с. 65).

Еще белые искренне не понимали, как бывшие союзники подозревают их в «германофильстве». Не надо забывать, что и сами белые не имели единого мнения о внешней политике. Вся эта неразбериха, характерная для любой гражданской войны, сыграла самую отрицательную роль.

В рецензируемой монографии практически нет недостатков, хотя

именно высокий научный уровень порой требует пояснения некоторых фактов перед не узкими специалистами в Белом движении. Так, Шмелев пишет о «ляпсусе Ллойд Джорджа с его выдуманным 'генералом Харьковым', упомянутым в речи перед парламентом 16 апреля 1919 г.» (с. 65). Прекрасный пример «знания» западными элитами России. Но А. В. Шмелев не поясняет, что это был за исторический анекдот. Действительно, призывая к помощи белым, Ллойд Джордж неоднократно, наряду с А. В. Колчаком и А. И. Деникиным, называл генерала Харькова (явно перепутал с городом). Вскоре «генерал Харьков» зажил, как и подпоручик Киже Юрия Тынянова, своей жизнью. Якобы даже летом 1919 года английский король Георг V наградил «лидера» белых почетным членом ордена Михаила и Георгия «за заслуги в борьбе с большевизмом как мировым злом».

Классик русской и американской литературы В. В. Набоков даже стихи по этому поводу написал. В «Университетской поэме» есть строки:

Виолета жила у тетки. Дама эта, одна из тех ученых дур, какими Англия богата, была в отличие от брата высокомерна и худа, ходила с тросточкой всегда, читала лекции рабочим, культуры чтила идеал и полагала, между прочим, что Харьков – русский генерал<sup>2</sup>.

Поразительно незнание западными элитами реалий России. Эмигрант с 1920 г., дальний родственник А. С. Грибоедова, Н. В. Волков-Муромцев всю жизнь доказывал англичанам, что крепостное право отменили еще в 1861 г., а не с приходом к власти большевиков, и что до 1917 г. у русских крестьян была своя земля в собственности<sup>3</sup>. Не лучше представления и у французов. Обычно указывают, что в самый период русско-французского союза, на пике интереса к России, в Париже вышел новый вариант энциклопедического словаря «Малый Лярус». В нем была статья с текстом: «Иван IV Грозный (1530–1584), великий князь (1533), русский царь (1547), прозванный за свою жестокость Васильевичем». Вместе с генералом Харьковым, оба исторических анекдота стали любимыми шутками славистов и историков.

К сожалению, в книге мало исследованы противоречия во внешней политике правительства А. В. Колчака и внешней политике других белых правительств – А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и Е. К. Миллера.

А. В. Шмелев, наверное, - последний представитель русской эмиг-

рантской исторической школы, поэтому его научная точка зрения так важна для современного российского читателя.

П Н Базанов

H.~M.~Бубнов.~Сквозь~череду~потерь.~Воспоминания. – <math>M.:~Русский~путь,~2017. – 504~с.

Герберт Орильякский, более известный по старинным источникам и сказаниям как монах Герберт, вне сомнений, одна из самых загадочных фигур в мировой культуре. Монах, ставший в X веке Римским папой Сильвестром II, чернокнижник, герой многочисленных легенд о его связях чуть ли не с самим дьяволом, прообраз Доктора Фауста, изобретатель астролябии и абака — старинного инструмента для счета, предшествовавшего арабским цифрам... Перечислять можно долго. Ясно лишь, что он был одним из наиболее образованных людей своего времени.

Интересно, что о нем упоминал и М. Булгаков. Помните сверкающие строки знакомства Воланда с Иваном Бездомным и Берлиозом на Патриарших: «А у вас какая специальность? — осведомился Берлиоз. 'Я — специалист по черной магии... Тут в Государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского десятого века. Так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист.'». Фантастическая эрудиция Михаила Афанасьевича никогда не подводила.

От Герберта остались рукописи, полные вычислений и рисунков, понять в которых что-то было почти невозможно. Однако нашелся русский историк, который привел все это в порядок, выпустив капитальный труд «Математические сочинения Герберта, впоследствии папы Сильвестра II». Работа эта имела столь громкий резонанс, что в 1900 г. уже другой Папа – Лев XII — прислал нашему ученому медаль и свое апостольское благословение. Труд этот до сих пор имеет огромное значение и считается одним из классических в мировой медиевистике.

Ученого звали Николай Михайлович Бубнов (1895–1943). Один из самых блистательных исследователей средневековых источников, многолетний декан историко-филологического факультета Киевского университета. После эмиграции в ноябре 1919 — почетный профессор в македонском городе Скопье, затем в университете Любляны, городе, где Бубнов и окончил свои дни в самый разгар второго мирового побоища. Николай Михайлович был известен историкам литературы еще и по другой причине: его отчимом был великий мастер русского сказа Николай Семенович Лесков.

<sup>1.</sup> http://rulibrary.ru/bunin/okayannye\_dni/50

<sup>2.</sup> http://lib.ru/NABOKOW/univer.txt.

<sup>3.</sup> Волков-Муромцев Н. В. Юность от Вязьмы до Феодосии. – Paris: YMCA-Press, 1983. С. 422.

Частично воспоминания Николая Бубнова о Лескове были опубликованы в 1991 г. в 101 томе «Литературного наследства». Там же указывалось и место хранения всего корпуса мемуаров — Люблянская библиотека Словенской Академии наук и искусств. Историк математики Олег Смирнов, занимаясь исследованием становления системы вычислений, не мог пройти мимо наследия Бубнова и обратился в эту библиотеку, причем, как он сам писал впоследствии, «...без особой надежды на успех». Однако чудеса случаются, и для него была оцифрована большая рукопись воспоминаний, недавно увидевшая свет в московском издательстве «Русский путь».

При всем завале мемуарной литературы сегодня — это событие. Николай Михайлович ясным, прозрачным языком разворачивает огромное полотно своей жизни. Здесь и Санкт-Петербург, где он учился в немецкой школе Святой Анны, и, конечно, образ Лескова и его умение выхватывать из гущи народной жизни смачные слова и обороты. Тут и путешествие по Европе, когда Бубнов в поисках материалов для диссертации работал и в Национальной библиотеке Парижа, в Кембридже и в Оксфорде. Его наблюдения над жизнью европейских городов и, особенно, взгляды на западное образование и сегодня читаются с огромным интересом.

И все же самая мощная часть воспоминаний — это Киев под большевиками. Опять вспоминается Булгаков — «Белая гвардия», «Бег» и, особенно, «Собачье сердце». Абсурды и кровожадность новой власти выписаны с удивительной силой и достоверностью. «Для ареста не требовалось ничего, кроме сомнения в благонадежности, а для расстрела не требовалось иногда того, чтобы было доказано, что арестованный совершил какой-то контрреволюционный проступок. Уже само положение человека, его образованность или экономическая обеспеченность рассматривались достаточными доказательствами того, что арестованный не коммунист, а заядлый 'буржуй'.» Он пишет об уплотнениях, грабежах, арестах, расстрелах. Никакие фантасмагорические видения монаха Герберта не сравнятся с этим ужасом.

Наверное, интерес вызовет в воспоминаниях Бубнова и оценка взаимоотношений России и Украины. Сегодня, когда вопросы истории российско-украинского прошлого потонули во множествах жертв отнюдь не былых лет, его наблюдения отдаются настоящей болью: «При республике Керенского стал проводиться в жизнь адский австро-германский план, состоящий в разделении России на два государства: великорусское и украинское. <...> Ответом со стороны интеллигентских украинских кружков, подталкиваемых из Галиции и действовавших в согласии с австрийским науськиванием, была страшная ненависть ко всему великорусскому: и языку, и народу. <...> Для меня русский народ политически и культурно един, но в трех лицах, что касается диалектов, а именно: великорусского, малорусского и белорусского».

# ОБ АВТОРАХ

АМУРСКИЙ Виталий (1944, Москва). Поэт, эссеист, журналист. Окончил филологический ф-т МОПИ, позднее – Сорбонну. Публиковался в журналах «Континент», «Вестник РХД», «Футурум АРТ», «Мосты» и др. Более двадцати лет работал в русской редакции Международного французского радио. Автор книг «Памяти Тишинки», «Запечатленные голоса», «Тень маятника и другие тени», поэтических сборников: «СловЛарь», «Трамвай 'А'», «Тетрога mea», «Серебро ночи», «Земными путями» и др. С 1973 г. живет во Франции.

БАЗАНОВ Петр Николаевич (1969) – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры. Историк, специалист по истории русской зарубежной печати, истории второй русской эмиграции, деятельности русских политических организаций в Зарубежье. Автор более 200 научных работ о русской эмиграции.

БОБЫШЕВ Дмитрий Васильевич (1936, Мариуполь). Поэт. Окончил Ленинградский технологический институт (1959). В 1960 г. встретился с Анной Ахматовой и вошел в ближайший круг ее молодых друзей. В США с 1979 г., профессор Славянского отделения Иллинойского университета. Автор поэтических сборников: «Зияния» (1979), «Звери святого Антония. Бестиарий» (1989, совм. с М.Шемякиным), «Полнота всего» (1992), «Ангелы и Силы» (1997) и др. Стихи и статьи печатались в «РМ», «Гранях», «Вестнике РХД», «Континенте», «Синтаксисе», «Знамени» и др.

БОЖИДАРОВА Нина (София). Прозаик. Окончила Московский Литературный институт; докторская диссертация по современной русской литературе. Автор ряда статей о постперестроечной прозе, а также книг прозы «Воспоминания тоталитарного ребенка» (1996) и «Там, где нас любят» (2010), пьесы «Клозет, или уважаемый господин президент». Прозаические произведения печатались в болгарских, русских и французских изданиях. Лауреат конкурса сатирической прозы Министерства культуры Люксембурга.

ВАННЕР Адриан. Переводчик русской поэзии, филолог. Профессор славистики и компаративистики Университета Пенсильвании. Переводил на немецкий язык стихотворения А. Блока, И. Анненского, Б. Пастернака и др. Автор монографий о Ходасевиче, Блоке, Тургеневе; книг: Baudelaire in Russia; Out of Russia: Fictions of a New Translingual Diaspora; Russian Minimalism: From the Prose Poem to the Anti-Story (Studies in Russian Literature and Theory) и др.

ГАНДЕЛЬСМАН Владимир Аркадьевич (1948, Ленинград). Поэт, эссеист, переводчик. С 1990 г. живет в США. Книги стихов: «Шум Земли», «Вечерней почтой», «Долгота дня», «Чередования», «Тихое пальто», «Обратная лодка», роман в стихах «Там на Неве дом», «Каменный остров», «Ода одуванчику»,

«Ладейный эндшпиль», «Читающий расписание», «Разум слов», «В чуть видимом прочесть» и др.

ГАРБЕР Марина. Поэт, эссеист. Родилась в Киеве. В США с 1989 года. Магистр искусств, преподаватель английского, итальянского и русского языков. Автор четырех книг стихотворений, последняя — «Каждый в своем раю» (2015). Публиковалась в ж. «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Лиtегтатура», «Нева», «Новый Журнал», «Эмигрантская лира», «Шо» и др.

ГОРДИЕНКО Тамара (1939, Украина). Окончила фак-т журналистики МГУ, кандидат филологических наук. Публикуется в российских и зарубежных изданиях. Автор более двухсот работ по истории литературы XX века (творчество писателей и поэтов русской эмиграции), по журналистике, методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Член СЖ Москвы. Член ассоциации «Бунинское наследие». Живет в Москве.

ЗАХАРОВ Сергей Валерьевич, (1976, Беларусь). Прозаик. Окончил Гомельский университет по специальности «английский язык». Работал преподавателем английского языка, переводчиком, служил в пограничных войсках Республики Беларусь, был фермером, торговцем, грузчиком, радиотелеграфистом. Живет в Каталонии (Испания), занимается экскурсоводческой деятельностью. Лауреат премии им. Марка Алданова.

КАПОВИЧ Катя — Поэт, переводчик. Автор девяти поэтических сборников на русском языке и двух на английском языке. Публиковалась в ж. «Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Новый Журнал», «Нева», «Время и мы», и др. Стихи выходили в литературной периодике, включая London Review of Books, The New Republic, Harvard Review, The American Scholar; в антологиях Poetry-180 и Best American Poetry. Лауреат Национальной премии Библиотеки Конгресса США за книгу Gogol in Rome, лауреат «Русской премии». Живет в США.

КАЦОВ Геннадий (1956, Евпатория). Поэт, журналист. Окончил Николаевский кораблестроительный институт. С 1989 года живет в США. В 1989-91 гг. вел передачи по культуре в программе «Поверх барьеров» на радио «Свобода». С 2010 г. – владелец и гл. редактор портала RUNYweb.com; также работает на телевидении RTN/WMNB. Автор книг «Игры мимики и жеста», «Притяжение Дзэн», «Словосфера», «Меж потолком и полом», «25 лет с правом переписки», «Три 'Ц' и Верлибрарий» и др.

КЕНЖЕЕВ Бахыт (1950, Чикмент). Поэт. Окончил химический факультет МГУ. Эмигрировал в 1982 году. Автор книг стихов «Избранная лирика. 1970–1981», «Осень в Америке», «Снящаяся утром», «Из семи книг», «Сочи-

нитель звезд», «Названия нет» и др.; книги прозы «Золото гоблинов». Печатается в ж. «Знамя», «Октябрь», «Новый мир» и др. Стихи переводились на англ., нем., фр. языки. Член Русского Пен-центра. Живет в Нью-Йорке.

КУРЧЕНКО Виктория. Историк, кандидат исторических наук. В 1989 г. окончила Харьковский ГУ. В 1997 году защитила диссертацию по истории Земства. С 2000 года работает в США. Руководила архивом и библиотекой Украинского института Америки, в наст. время — председатель Пушкинского общества Северной Америки. Автор научных статей по истории эмиграции.

ЛЕГКАЯ Ираида (Пушкарева Ираида Иоанновна. — Тартак, Латвия). Поэт. В 1944 г. с семьей вывезена немцами в Германию. В 1949 г. эмигрировала в США. В 1963—1987 гг. работала радиожурналистом на радио «Голос Америки». Автор поэтических сборников «Попутный ветер», «Подземная река».

ЛЕОНИДОВ Виктор Владимирович (1959, Москва). Критик, исследователь истории Русского Зарубежья. Окончил Историко-архивный институт, кандидат исторических наук. Автор-составитель нескольких книг поэтов Русского Зарубежья и многочисленных статей по проблемам наследия русской эмиграции. Один из организаторов Архива-библиотеки Российского ФК.

МАТИЧ Ольга (1940, Любляна). Литературовед, культуролог. Специалист по русской литературе, профессор Калифорнийского университета в Беркли. Автор книг *Petersburg/Petersburg: Novel and City, 1900–1921*, «Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и fin de siecle в России» (дополненный перевод: *Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle*), «Записки русской американки» (2016) и др.; сайта «Марріпд Petersburg», многочисленных публикаций в американских и российских журналах.

НИКОЛИН Анатолий Игнатьевич (1946, Екатеринбург) Прозаик, поэт. Окончил факультет русской филологии Донецкого университета. Автор восьми книг стихов и прозы. Член Союза русских, украинских и белорусских писателей Республики Крым. Живет в Мариуполе, Украина. Лауреат премии им. Марка Алданова.

ОЛЬШВАНГ Хельга (Москва). Окончила сценарный факультет и аспирантуру ВГИКа. Сценарист, режиссер, переводчик, автор нескольких фильмов и четырех поэтических сборников. Автор поэтических сборников «Тростник», «Версии настоящего», «Трое» и др. Публиковалась в периодических изданиях и антологиях России и США. С 1996 года живет в Нью- Йорке.

РАБИНОВИЦ Стэнли. Филолог, переводчик, профессор Amherst College, директор Amherst Center for Russian Culture. Редактор и переводчик сборни-

ка работ искусствоведа, балетоведа Акима Волынского Ballet's Magic Kingdom: Selected Writings on Dance in Russia, 1911-1925.

РАДАШКЕВИЧ Александр (1950 г. Оренбург). Поэт, эссеист, переводчик. Эмигрировал в 1978 г. в США, работал в библиотеке Йельского университета. С 1984 г. живет в Париже, работал редактором в «Русской мысли». В 1991–97 гг. был личным секретарем Великого князя Владимира Кирилловича Романова. Автор десяти книг поэзии, прозы и переводов. Член СРП и СП XXI века, представитель Международной Федерации русскоязычных писателей во Франции. Стихи переведены на англ., фр., серб., болг. и араб. языки.

САМАРЦЕВ Александр (1947, Москва). Поэт. Окончил Куйбышевский авиаинститут, учился в Щукинском училище (режиссерское отделение). Публикуется в «Новом мире». Автор пяти книг стихов. С 2014 г. живет в Киеве.

СЁМИНА Майя (1977, Ленинград). Окончила аспирантуру Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва), канд. искусствоведения, член SHERA (США) и Ассоциации искусствоведов (Россия). Имеет ряд публикаций по вопросам медиевистики, исследователь художественной культуры Серебряного века, автор монографии о Филиппе Малявине. Биограф американской журналистки, поэта и переводчика Мэри Рид.

СИНКЕВИЧ Валентина Алексевна (Киев). Поэт, литературный критик, эссеист. На Западе с 1942 г. Сб. стихов: «Огни», «Наступление дня», «Цветенье трав», «Здесь я живу», «Избранное», «Триада» (И. Михалевич-Каплан, В. Синкевич, Н. Файнберг), «При свете лампы», «Поэтессы Русского Зарубежья» (О. Анстей, Л. Алексева, В. Синкевич), «На этой красивой и страшной земле», сборник эссеистики «...с благодарностию: были», «Мои встречи: русская литература Америки».

СТАРИКОВСКИЙ Григорий Геннадиевич (1971, Москва). Поэт, переводчик, специальность — классическая филология. Автор поэтических сборников «Элеутерия», «На углу», «Левиты и певцы». Живет в Нью-Йорке.

ТЁМКИНА Марина (род. 1948, Ленинград). Поэт. Окончила исторический факультет Ленинградского университета. С 1978 в США. Работала как психолог и культуролог в проектах, связанных с изучением личностных особенностей выживших жертв Холокоста. Автор четырех книг стихов; публиковалась в журналах «Континент», «22», «Время и мы», «Новом Журнале» и др., антологиях «У Голубой Лагуны», «Строфы века», «Освобожденный Улисс». Лауреат американской премии «National Endowment for the Arts».

ТЕРНОВСКИЙ Евгений (1941, Москва). Русско-французский прозаик, поэт,

переводчик. Учился в Московском ин-те иностранных языков, исключен по политическим мотивам. Работал грузчиком, санитаром. Эмигрировал в 1974 году. Окончил Кёльский университет. Преподавал с Лилльском ун-те, Франция. Доктор философии. Публиковался в ж. «Континент», «Грани». Автор повестей и романов на русском и французском языках, в том числе «Trompe-l'oeuvre» (2001), «Noces en noir» (2005), «Le Mascaron» (2007) и монографии «Pouchkine et la tribu Gontcharoff». Живет в Париже.

УРАЛЬСКИЙ Марк (1948, Новокузнецк). Окончил МИТХТ. Автор книг о литературно-художественном андеграунде «Камни из глубины вод», «Немухинские монологи: портрет художника в интерьере андеграунда», «Избранные, но незванные: Историография независимого художественного движения», «Небесный залог». Под псевдонимом «Николай Марин» выпустил сборники стихотворений «Янус», «Антология русского верлибра». С 1992 г. живет в Германии. Автор статей по истории Русского Зарубежья, книги «Неизвестный Троцкий. Илья Троцкий, Иван Бунин и эмиграция первой волны» (2017). Публикуется в «NOVUM-Verlag» (Австрия), «Крещатик» (Германия) и др.

ЦВЕТКОВ Алексей (1947, Ивано-Франковск). Поэт, прозаик, эссеист, критик и переводчик. Учился на химическом факультете Одесского университета, на факультете журналистики и историческом факультете МГУ. Был участником поэтической группы «Московское время». Автор двух десятков книг. С 1975 года – в США. Лауреат премии Андрея Белого (2007) и Русской премии (2011).

ШЕРОН Жорж (1952, Лос-Анджелес). Доктор филологических наук. Печатался в журналах «Новое литературное обозрение», «Звезда», альманахах «Минувшее», «Диаспора». Автор более сотни публикаций. Первая публикация в «Новом Журнале» появилась в 1988 году.

ЭПШТЕЙН Леопольд (1949, Винница). По образованию – математик (МГУ, 1971). Работал программистом, старшим научным сотрудником, рабочим сцены, кочегаром, каменотесом, дворником. С 1987 года в США. Автор пяти сборников: «Грунт», «Фрагмент» (США), «Спираль» (Украина), «Промежуточный финиш» (Россия), «Сопротивляться и не бунтовать» (Россия).

ЯРМОЛИНЕЦ Вадим (1958, Одесса). Писатель, журналист. Окончил Одесский университет. Работал в газете «Новое русское слово». В настоящее время работает на русскоязычном радио. Публикации в ж. «Волга», «Октябрь», «Новый Журнал», «Новая юность» и др. В 2009 году его роман «Свинцовый дирижабль. 'Иерихон 86-89'» стал финалистом «Большой книги». Основатель и спонсор литературной премии «О.Генри» (современный рассказ на русском языке). С 1990 года живет в Нью-Йорке.

# **The New Review / Novyi Zhurnal** is the oldest continuously published Russian-language literary quarterly *General Sponsor* of The New Review, Inc.: Zimin Foundation

The New Review Inc. gratefully acknowledges the support of our loyal friends: *Benefactors:* The Tcherepnin Society, Mr. P. Tcherepnine;

Sponsors: Russian Nobility Association in America; Capital Builders Group, Mr. & Mrs. G. Lukin; Dr. Cyril Geacintov; Russian Cultural Center of New York; Mr. S. Hollerbach;

Fellows: The Orthodox Hospitaller Knights, Countess Tatiana Bobrinskoy; Mr. G. Glinka; Mr. & Mrs. B. Pushkarev; Mr. & Mrs. A. Rojek; Mr. & Mrs. V. Galitzine;

Friends: Mr. & Mrs. R. Colacicchi; Ms. Molchadskaya; Mr. A. Moussaian; Ms. C. Raeff.

## It requires the support of loyal friends for year 2018:

Patron – \$ 5,000 and up Benefactor – \$ 2,000 and up Sponsor – \$ 1,000 and up Fellow – \$ 500 and up Friend – \$ 100 and up

The Internal Revenue Service has determined that The NEW REVIEW, Inc. is a tax-exempt organization and a «public charity» pursuant to the provisions of the Internal Revenue code 501 (c) (3). Contributions to The NEW REVIEW, Inc. are tax-deductible under the provisions of section 170 of the code.

Checks must be made payable to

THE NEW REVIEW 611 Broadway, Room 902 New York, NY 10012

### НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Москва, Россия: Николай Сарафанников – тел.: 7-495-304-4879 Санкт-Петербург, Россия: Евгений Голлербах – тел.: 7-812-579-7581 Париж, Франция: Виталий Амурский – e-mail:vitaly.amoursky@ gmal.com

# «НОВЫЙ ЖУРНАЛ» МОЖНО КУПИТЬ В МАГАЗИНАХ:

Дом Русского Зарубежья: 109004 Москва, Нижняя Радищевская, д. 2 Магазин «Фаланстер»: Москва, Малый Гнездниковский пер., д.12/27, Librairie du Globe: 67, Bd. Beaumarchais 75003 Paris, France на сайте журнала: www.newreviewinc.com (кнопка: Подписка), через PayPal Вы можете оформить электронную подписку на журнал. Подробности на сайте: www.newreviewinc.com (кнопка: Подписка)

#### STATEMENT OF OWNERSHIP, MANAGEMENT AND CIRCULATION 2017

- 1.Publication title The New Review
- 2.Publication No. 596680
- 3. Filing date [as published]
- 4.Issue frequency Quarterly
- 5. Number of issues published annually 4
- 6.Annual subscription price \$ 76.00
- 7.Complete mailing address of known office of publication -611 Broadway # 902, New York, NY 10012
- 8.Complete mailing address of headquarters or general business office of the publishers 611 Broadway #902, New York, NY 10012
- 9. Names and complete address of publisher, editor, managing editor:

Publisher – The New Review Inc., 611 Broadway # 902, New York, NY 10012

Managing Editor - Marina Adamovitch, 611 Broadway # 902, New York, NY 10012

- 10. Owner The New Review Inc., 611 Broadway # 902, New York, NY 10012
- 11. Known bondholders, mortgagees, and other security holders owning or holding 1% or more of total amount of bonds, mortgages, or other securities None
- 12. Tax status (For completion by nonprofit organization authorized to mail at nonprofit rates) The purpose, function, nonprofit status of this organization and the exempt status for federal income tax purposes: Has not changed during preceding 12 months
- 13-14. Issue date for circulation data September 2017
- 15. Extent and nature of circulation

Average number of	Copies of Single issue
copies each issue	published nearest to
during preceding	filing date

12 months

<ul><li>a) Total number of copies</li><li>b) Paid circulation (by mail and outside)</li><li>(b1) Mailed outside-county paid</li></ul>	500	500
subscriptions stated on Form 3541	128	115
(b2) mail in-county	19	15
subscriptions stated on Form 3541 (b3) sales through dealers and carriers,	19	13
other non-USPSpaid distribution	182	183
(b4/ other classes mailed		
through the USPS	110	112
c/ Total paid and/orrequested circulation	439	425
d/ Free distribution by mail		
(d1) outside county (Form 3541)	0	0
(d2) in-county (Form 3541)	0	0
(d3) other classes mailed		
through the USPS	50	61
e/ Free distributionoutside the mail	0	0
f/ Total free distribution	50	61
g/ Total distribution	489	486
h/ Copies not distributed	11	5
i/ Total	500	500
j/ Percent paid and/or	97.8	97.2

I certify that the statements made by me above are correct and complete – (Signature of editor, publisher, business manager or owner) – Marina Adamovitch, Business Manager